АКП № 1

Индекс	ИВ6		Шифр хранения
Авторский знак	З-Г,18-3-2		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

Прос... ...-85

Lanthamilton

Mine
Jr 20

ПРОВЕРЕНА 1952

Складъ „ОФИЦЕРЪ-ВОСПИТАТЕЛЬ“ принимаетъ на льготныхъ условіяхъ изданіе трудовъ по военной литературѣ

С.-Петербургъ, Невскій 153.

Проверена-56 г.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ

СОВРЕМЕННОЙ АРМІИ

ПРОВЕРЕНА-58

Капитана ДЮРЬИ.

Переводъ съ французскаго Евреинова и Никольскаго.

Цѣна **50** коп. (безъ пересылки).

Настоящая книга является развитіемъ идей Дюрьи о современной соціальной роли **офицера**. Минувшая война съ Японіей показала, насколько каждый участникъ боя, до рядового включительно, долженъ обладать самостоятельностью и полнымъ пониманіемъ всей обстановки. Послѣднее въ связи съ громадной убылью офицеровъ, настойчиво требуетъ, чтобы **унтеръ-офицеръ** былъ всегда готовъ замѣнить офицера.

Къ этому надо подготовлять унтеръ-офицера еще въ мирное время.

Набѣгъ коннаго отряда г.-ад. Мищенко на Инкоу.

Организація и производство набѣга.

Капитана *Михаила Свѣчина.*

Цѣна **60** коп.

Участникъ набѣга, авторъ, спокойно и безпристрастно излагаетъ подробности знаменитаго рейда. Будучи безусловно достовѣрнымъ до мельчайшихъ подробностей, это описаніе является не только полезнымъ, но просто необходимымъ для каждаго кавалериста, служа яркимъ примѣромъ современной стратегической роли кавалеріи на театрѣ войны.

Подъ редакціей А. А. Коринфскаго.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧ. И ЛИТ. ГАЗЕТА.

Голосъ Правды.

Ред. и Конт. С-Петербургъ, Невскій, 112.

Цѣна:

Иног. Гор. Иног. Гор.	На 1 г.	11 мѣс.	10 мѣс.	9 м. 8 мѣс.
	4 р.	3 р. 70 к.	3 р. 25 к.	3 р. 2 р. 70 к.
	5 р.	4 р. 75 к.	4 р. 25 к.	3 р. 75 к. 3 р. 40 к.
	7 мѣс.	6 м.	5 мѣс.	4 мѣс. 3 мѣс.
	2 р. 35 к.	2 р.	1 р. 50 к.	1 р. 35 к. 1 р.
	2 р. 95 к.	2 р. 50 к.	2 р.	1 р. 85 к. 1 р. 40 к.
	Гор. 2 м. 75 к. 1 м. 50 к.			
	Иног. 2 мѣс. 1 р. 10 к. 1 мѣс. 70 к.			

Направленіе газеты національно-либеральное. Твердо вѣря въ значеніе и силу принципа націонализма, видя въ немъ залогъ мощи Россіи и ея дальнѣйшаго нормальнаго развитія, „Голосъ Правды“ является въ то же время органомъ, отзывчивымъ на всѣ ясныя и обоснованныя либеральныя идеи и борющимся противъ теченія крайнихъ лѣвыхъ и правыхъ партій, одинаково вредныхъ для естественнаго проведенія въ жизнь свободъ и началъ, возвѣщенныхъ Манифестомъ 17-го октября. Интересамъ трудящихся классовъ, а въ особенности насущнымъ нуждамъ крестьянскаго населенія, на страницахъ „Голоса Правды“ отводится самое широкое мѣсто.

Инвентарь
19 24/IX 08
№449.

Записная книжка штабного офицера во время Русско-Японской войны

Генералъ-Лейтенанта ГАМИЛЬТОНА.

Съ иллюстраціями, перспективными чертежами и картами.

Томъ II.

36181

Переводъ съ англійскаго

При участіи и подъ редакціей подполковника Генеральнаго Штаба **Евреинова** и капитана **Никольскаго.**

ИЗДАНІЕ СКЛАДА
„ОФИЦЕРЪ-ПИСАТЕЛЬ“
С.-Петербургъ, Невскій 153.

1907.

Типо-Литографія С.-Петербургской тюрьмы, Арсенальная наб. № 5.

Письмо генералъ-лейтенанта сэра Айена Гамильтона, Командира Южнаго англійскаго корпуса, полученное подполковникомъ Евреиновымъ и капитаномъ Никольскимъ.

Head Quarters, Southern Command,
Tidworth House, Andover
18 April, 1907.

Милостивый Государь
г. Полковникъ Евреиновъ,

По возвращеніи моемъ изъ Германіи, гдѣ въ теченіе прошлаго мѣсяца изучалъ нѣмецкій языкъ, я имѣлъ честь получить Ваше любезное письмо 2-го Апрѣля и первый выпускъ русскаго перевода моего 2-го тома о войнѣ въ Манчжуріи. Настоящимъ письмомъ я спѣшу сообщить Вамъ, какъ я огорченъ тѣмъ, что не могъ тогда же получить Вашего письма, и сердечно поблагодарить Васъ за дружественный тонъ, въ которомъ оно было написано. Я крайне польщенъ тѣмъ, что офицеры русскаго генеральнаго штаба признали достойнымъ перевести мой трудъ, и желалъ бы высказать лишь искреннюю надежду, что мои сужденія и моя критика не будутъ сочтены слишкомъ надменными или рѣзкими. Нѣтъ ничего легче, какъ расположившись съ удобствомъ на вершинѣ горы, критиковать чужія войска, но, съ другой стороны, нѣтъ ничего и труднѣе, какъ останавливаться на важныхъ рѣшеніяхъ, отъ которыхъ могутъ зависѣть исходы сраженій и судьбы имперій. Я всегда глубоко сознавалъ это, но одновременно же я чувствовалъ, что британская публика ждетъ отъ

меня выраженія моихъ мнѣній, и поэтому время отъ времени я находилъ себя вынужденнымъ выступать въ отвѣтственной роли критика, хотя въ душѣ и былъ убѣжденъ, что самъ, вѣроятно, могъ бы надѣлать еще худшихъ ошибокъ чѣмъ тѣ, которыя подверглись моему осужденію.

*Позволяю себѣ высказать надежду, что Вы найдете возможнымъ помѣстить карты и чертежи полностью, такъ какъ иначе трудъ мой утратилъ бы значительную долю своей цѣнности *). Я буду весьма благодаренъ Вамъ, если время отъ времени Вы согласитесь сообщать мнѣ какъ подвигается Ваша работа, и удалось-ли моему труду заинтересовать русскую публику.*

Примите искреннее увѣреніе въ преданности

Айенъ Гамильтонъ.

---

*) Карты и чертежи помѣщены въ настоящемъ изданіи полностью и даже приложена общая схема Южной Манчжуріи, которой нѣтъ въ подлинникѣ.

Прим. изд.

Генералъ баронъ **Куроки.**
Командующій I арміей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Для удобства нашихъ читателей, большинство которыхъ привыкло къ русскимъ картамъ, въ настоящемъ изданіи всѣ географическія названія напечатаны въ русской транскрипціи. Въ виду извѣстнаго интереса и важности японскихъ названій (напримѣръ для лицъ, которымъ пришлось-бы путешествовать въ мѣстности, занятой нынѣ японцами, или изучающихъ войну по иностраннымъ источникамъ), послѣ каждаго русскаго названія приведено въ скобкахъ и японское, по большей части совершенно другого произношенія. Тѣ же пункты, которыхъ вовсе нѣтъ на русскихъ картахъ (напримѣръ Кинкахоши), оставлены съ японскими названіями.

Во всѣхъ приложенныхъ картахъ и перспективныхъ чертежахъ японскія названія (въ англійской транскрипціи) тоже замѣнены русскими.

Всѣ мѣры, приводимыя по большей части въ круглыхъ числахъ, оставлены англійскія, почему напоминаемъ читателю, что:

1 англ. миля = 1 верстѣ 254.3 сажени.
1 ярдъ = 3 футамъ = 1,29 аршина.
1 фунтъ стерлинговъ = 20 шилингамъ = 9 руб. 50 коп.
1 шилингъ = 12 пенсамъ.
1 японская іена = 97 коп.

Сэръ Айенъ **Гамильтонъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зритель, расталкивающій себѣ локтями дорогу въ переполненномъ на первомъ представленіи театрѣ, занятъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы добраться до своего мѣста, заботится о впечатлѣніи, производимомъ своимъ бѣлымъ жилетомъ, старается пріобрѣсти программу и пристроить свою шляпу. Занавѣсъ подымается; актеры исполняютъ свои роли, сцены мѣняются, завязка становится интереснѣе. Теперь зритель сидитъ въ тѣни, пассивный и всѣми забытый, слѣдя со всепоглощающимъ вниманіемъ за развитіемъ драмы.

Такъ же это было и со мною. Въ началѣ мелочи казались мнѣ важными. Впослѣдствіе же, когда впечатлѣнія отъ битвы съ ужасающимъ грохотомъ и шумомъ стали прорываться черезъ дымныя облака шрапнелей; когда армія бросалась на армію и, столкнувшись, усѣивали всю окрестность своими трупами,—тогда мнѣ казалось одно мгновеніе,что я ясно видѣлъ воинственный духъ Японіи, какъ бы съ тріумфомъ возстающій изъ кроваваго хаоса.

Я говорю о томъ, что я видѣлъ и слышалъ, а остальное предоставляю читателю. Чѣмъ глубже окажется его взглядъ на вещи, тѣмъ ближе его сердцу будетъ чувство симпатіи къ великодушному патріотизму, которымъ были одушевлены всѣ ряды арміи Куроки. Взаимное пониманіе можетъ служить единственной проч-

ной основой для всякаго рода союзовъ, дипломатическихъ или матримоніальныхъ. Лесть, заискиваніе, преувеличенія, неискренность суть только прелюдіи къ разочарованію, если не къ разводу.

Айенъ Гамильтонъ.

Тидворсъ
февраля 21, 1906 г.

Глава XIX.

Попутныя размышленія.

Ліеншанхуанъ, августа 3-го (н. с.), 1904. — Задача Первой арміи, какъ самостоятельной единицы, теперь окончилась. Всѣ заботы Генеральнаго Штаба, лишенія и выносливость офицеровъ и солдатъ отошли, скорѣе, въ область исторіи. Въ будущемъ намъ придется сражаться плечомъ къ плечу съ нашими друзьями Второй и Четвертой армій—теперь же наши палатки раскинуты у воды тамъ, гдѣ огромная тѣнь отъ достигающаго неба перевала придаетъ воздуху благодатную прохладу. Никакой солдатъ не могъ бы, навѣрное, желать лучшаго, но все таки „послѣ жизни, проведенной въ обученіи при помощи наблюденій", я чувствую, что невѣдомая слава завтрашняго дня не могла бы вознаградить меня за то чувство тоски по родинѣ, которую я испытываю сегодня. Дурныхъ мальчиковъ исправляютъ, ставя ихъ въ уголъ, но возможно ли допустить, чтобы одно одиночество само по себѣ могло бы заглушить такое божественное чувство, какъ склонность къ приключеніямъ? Можетъ быть это и такъ.

Во всякомъ случаѣ моихъ хозяевъ никакъ нельзя обвинить за овладѣвшее мною чувство подавленности, такъ какъ они не упускали случая оказывать мнѣ свою любезность, а, со времени Фынхуанчэна, предоставили мнѣ полную свободу ходить, куда я пожелаю, и видѣть все, что мнѣ не вздумается. Однако меня всегда обязанъ

сопровождать офицеръ, или унтеръ-офицеръ и куда бы я ни направился и что бы я ни дѣлалъ, мнѣ постоянно приходится служить предметомъ вниманія для любопытныхъ глазъ. Я знаю, что этому помочь ничѣмъ нельзя, но сознаніе, что за мной постоянно наблюдаютъ, разстраиваетъ мнѣ нервы и я страстно мечтаю объ одномъ изъ двухъ самыхъ уединенныхъ въ мірѣ мѣстъ — о пустынѣ Сахарѣ или о лондонскомъ кэбѣ.

Сегодня послѣ обѣда я вышелъ на прогулку съ фельдфебелемъ Сумино. Я узналъ отъ него, что люди горятъ желаніемъ наступать и, что среди нихъ распространилась поговорка, что обратная дорога въ Японію проходитъ черезъ Ляоянъ. Онъ сообщилъ мнѣ также, что два дня тому назадъ подстрѣлили лошадь русскаго офицера, во вьюкѣ которой были найдены револьверныя пули съ высверленными концами, или такъ называемыя думъ-думъ. Сумино намекнулъ, что если-бы этотъ офицеръ попался въ плѣнъ, то съ нимъ быстро бы прикончили. Едва Сумино кончилъ свой разговоръ, а я надѣялся, что мнѣ удастся заставить его продолжать, какъ наша прогулка была прервана.

Дорога, по которой мы шли, пересѣкала около 6 верстъ отъ Ліеншанхуана (карта XXIII) небольшую сѣдловину. Только что мы достигли ея высшей точки, какъ мое сердце замерло при видѣ колонны русскихъ, подымавшихся вверхъ съ другой стороны. Достаточно было по меньшей мѣрѣ двухъ секундъ, чтобы понять, что я встрѣтился не съ грозными завоевателями Гималаевъ, какъ ихъ по временамъ рисуетъ себѣ воображеніе нашихъ пограничныхъ офицеровъ, а съ несчастной толпой плѣнныхъ, шедшихъ съ поля сраженія подъ Юшулиномъ. Ихъ было всего шестьдесятъ человѣкъ при небольшомъ конвоѣ. Всѣ они имѣли на погонахъ цифры 34 или 35.

Большая часть этихъ плѣнныхъ выглядѣли молодцами, которые могли бы пополнить ряды нашей гвардіи и только четыре, или самое большее пять человѣкъ изъ нихъ выдѣлялись тѣми неподвижными, тупыми и неосмысленными чертами лица и выраженіемъ, которое я замѣтилъ у плѣнныхъ, взятыхъ подъ Модулиномъ. Нѣкоторые изъ нихъ были старые—около сорока лѣтъ, нѣкоторые казались больными; всѣ, видимо, были изнурены, со впавшими щеками и усталыми глазами. Дѣйствительно, грустно было видѣть храбрыхъ солдатъ, доведенныхъ до такой крайности.

Въ числѣ плѣнныхъ были два подполковника, одинъ капитанъ и докторъ. Докторъ furchtbar schlecht говорилъ по нѣмецки и спросилъ меня, не журналистъ-ли я. Когда я сказалъ, что я британскій офицеръ, то онъ и другіе офицеры очень любезно обмѣнялись со мной поклонами. Старшій изъ подполковниковъ попросилъ доктора узнать у меня, не могу ли я заставить капрала разрѣшить имъ сѣсть и отдохнуть на десять минутъ, такъ какъ они смертельно устали, пройдя въ этотъ день всю дорогу отъ Тхауана. Мнѣ легко удалось уговорить Сумино исполнить эту просьбу. Докторъ сообщилъ мнѣ, что сраженіе было кровопролитное и потери страшно велики. Я увѣренъ, что мнѣ удалось бы получить отъ него много интересныхъ свѣдѣній; но съ одной стороны Сумино чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ, присутствуя при этой не разрѣшенной свыше бесѣдѣ и при томъ условіи, что я находился на его попеченіи, съ другой же стороны мнѣ было до того жаль несчастныхъ людей, что я не хотѣлъ надоѣдать имъ съ вопросами. Поэтому я всталъ и покинулъ эту небольшую группу истомленныхъ людей, отдыхающихъ на вершинѣ сѣдловины.

Какъ только мы остались вдвоемъ, Сумино выразилъ мнѣ свое удивленіе, что взятые въ плѣнъ офицеры могли такъ легко примириться со своей участью. Я сказалъ: „Какъ можете вы утверждать, что имъ это безразлично; они мнѣ показались очень печальными“. „А“ возразилъ онъ, „но имъ бы слѣдовало быть въ совершенномъ отчаяніи!“

Ліеншанхуанъ, августа 4-го (н. с.), 1904.—Одинъ изъ штабныхъ офицеровъ заглянулъ ко мнѣ вскорѣ послѣ шести часовъ утра и засталъ меня раздѣтымъ. Онъ пришелъ сообщить, что Вторая армія вступила въ Хайченъ прошлой ночью. Четвертая армія была готова къ содѣйствію, но, такъ какъ русскіе не оказали сопротивленія, то она осталась около д. Синлинчэнъ, то-же Симучэнъ (Такубокучжо), окрестности которой теперь русскіе очистили. Я выразилъ нѣкоторое удивленіе, почему Нодзу съ Четвертой арміей не тѣснитъ противника, чтобы связаться съ Куроки и заполнить опасный промежутокъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Мой пріятель на это возразилъ:

„Это движеніе не такъ легко исполнимо въ Манчжуріи, какъ въ военной академіи. Благодаря усиліямъ отдѣла военныхъ сообщеній нашего штаба, мы имѣемъ достаточно огнестрѣльныхъ припасовъ и продовольствія для выполненія завтра нашего наступленія, *но*, полагаете ли вы, что за Второй и Четвертой арміями собрано достаточно запасовъ, чтобы дать имъ возможность энергично наступать? Я хочу сказать, наступать со всей быстротой, на которую способны японскія ноги? Мы должны предоставить совершеніе молніеносныхъ движеній рѣшающимъ тактическія задачи, а пока мы не знаемъ, какъ смотрѣть на безпрепятственное занятіе Оку Хайчена. Можетъ быть его гарнизонъ былъ от-

тянутъ къ Юшулину (карта XXIII) съ цѣлью атаки превосходными силами нашей двѣнадцатой дивизіи, или, быть можетъ, Куропаткинъ начинаетъ сосредоточиваться. Если это такъ, то насъ главнымъ образомъ интересуетъ вопросъ остановится ли онъ у Айтанчшена (Аншантіена), Ляояна или въ какомъ нибудь пунктѣ еще далѣе на сѣверъ. По моему мнѣнію, нужно ограничиться этими тремя случаями, но есть офицеры—и я не увѣренъ, что маршалъ Куроки не раздѣляетъ ихъ мнѣнія,—которые думаютъ, что все таки есть вѣроятность, что противникъ можетъ сосредоточиться въ значительныхъ силахъ противъ нашего фронта и атаковать насъ въ настоящемъ положеніи. Я желалъ бы вѣрить въ возможность осуществленія этого плана, потому что намъ не пришлось бы еще далѣе двигаться ощупью въ этихъ ужасныхъ горахъ. Но, увы, я боюсь, что русскіе не согласятся на этотъ рискъ. Куропаткину потребуется нѣкоторое время, чтобы собрать достаточныя силы съ цѣлью атаковать насъ здѣсь, а Оку и Нодзу не такіе люди, чтобы оставаться въ бездѣйствіи въ то время, когда съ ихъ фронта противникъ будетъ убирать войска съ такой цѣлью. Съ передовыхъ постовъ бригады Сасаки можно ясно различить командующія Ляояномъ высоты и Первая, Четвертая и Вторая Манчжурскія арміи теперь настолько близки другъ къ другу, что могутъ дѣйствовать совмѣстно и по меньшей мѣрѣ не дать противнику разбить себя по частямъ".

На это я возразилъ: „Я допускаю, что горы противъ нашего фронта представляютъ препятствіе, но съ вашей стороны неблагодарно называть ихъ ужасными, или говорить о блужданіи въ нихъ ощупью, по той причинѣ, что онѣ соотвѣтствуютъ тактикѣ, вооруженію и личному составу японцевъ гораздо больше, чѣмъ рус-

скихъ; кромѣ того, какими бы грозными препятствіями и не казались горы, ихъ обыкновенно можно преодолѣть".

Мой гость съ этимъ согласился и прибавилъ, что атака 31-го іюля (н. ст.) могла бы не удасться, если бы горы не послужили бы завѣсой, подъ прикрытіемъ которой можно было совершить обходное движеніе.

Я спросилъ его, не пала ли духомъ гвардія отъ неудачи въ этомъ дѣлѣ выйдти на правый флангъ противника. Онъ отвѣтилъ: „наоборотъ, Начальникъ штаба гвардейской дивизіи, донося о потеряхъ, присовокупилъ, что противникъ по счастью защищался съ энергіей, что позволило начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Хасегава испытать качества своихъ войскъ".

Кинкахоши *), августа 8-го (н. с.) 1904.—Вмѣстѣ съ Куроки перешелъ на новыя квартиры на западной сторонѣ Модулина. У насъ недурной, маленькій домикъ, и всѣ мы заняты устройствомъ сада и пересаживаніемъ въ него полевыхъ цвѣтовъ. Послѣ полудня адъютантъ Императорской гвардіи сообщилъ мнѣ, что Ноги „почти что овладѣлъ" двумя холмами на крайнемъ русскомъ флангѣ у Портъ-Артура въ разстояніи 5000 ярдовъ (4½ вер.) отъ гавани. Теперь осталась еще только одна оборонительная линія между городомъ Портъ-Артуромъ и японцами. Жестокое сраженіе происходило всю ночь 7-го числа вплоть до слѣдующаго полудня, когда было отправлено донесеніе. Въ моей комнатѣ имѣется коробка нѣмецкаго печенія (запакованная для китайскаго потребленія такимъ образомъ, чтобы насколько возможно больше походить на всѣмъ извѣстные ящики такого же печенія одной англійской фирмы) и двѣ бутылки шам-

*) По китайски Чинчіапутсу, двѣ мили къ югу отъ Теньшуйчжаня. См. карту XXII и XXIII.

панскаго. Я далъ себѣ слово не трогать ихъ до паденія Портъ-Артура. И такъ, я посматриваю на нихъ, какъ оборванный мальчишка, который стоитъ, съ приплюснутымъ къ стеклу носомъ, у лавки пирожника.

Теперь я начинаю надѣяться и даже спросилъ моего пріятеля, скоро ли наступитъ то время, когда я буду въ состояніи устранить эти предметы, служащіе для меня ежечаснымъ искушеніемъ. Это случится, по его мнѣнію, около 12-го числа наст. мѣсяца, что будетъ для меня очень удобно.

Кинкахоши, августа 9-го (н. с.), 1904.—Отправился пѣшкомъ въ сопровожденіи ординарца навѣстить Винцента и иностранныхъ офицеровъ, состоящихъ при штабѣ второй дивизіи въ д. Тейньшуйчжань. Нашелъ рѣку разлившейся и совершенно непроходимой въ бродъ пѣшкомъ. На другомъ ея берегу видѣнъ былъ кули военнаго обоза, занятый стиркой рубашки. Замѣтивъ мое затрудненіе, онъ отправился въ сосѣднюю деревню, привелъ оттуда пони, переправился верхомъ на немъ черезъ рѣку и предоставилъ его въ мое распоряженіе. Я влѣзъ на этого пони, и кули повелъ его въ поводу съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ стремительное теченіе доходило ему до пояса. Назадъ я возвратился съ помощью этого же самого любезнаго человѣка и, добравшись до своего берега, предложилъ ему около пяти шиллинговъ (2 р. 50 к. на наши деньги.) Какъ только онъ понялъ, что я хотѣлъ дать ему на чай, какъ прямо разразился хохотомъ и наотрѣзъ отказался имѣть какое нибудь дѣло съ презрѣннымъ металломъ, который, по сравненію съ его поденной платой въ $1^1/_2$ пенса (6 коп.), представлялъ значительное состояніе. Напрасно ординарецъ, котораго я взялъ съ собой, старался втолковать ему, что я иностранецъ, ничего не понимающій въ

этихъ дѣлахъ, что у меня много лишнихъ денегъ и, что онъ долженъ принять ихъ, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Онъ отвѣтилъ, что хотя онъ и кули, но носитъ военный мундиръ и что сердце его такъ же чисто, какъ у солдата; такимъ образомъ мнѣ пришлось отпустить его на другой берегъ рѣки безъ вознагражденія, не считая моей искренней благодарности. Вернувшись обратно въ Кинкахоши, я узналъ, что ко мнѣ въ гости пріѣхалъ верхомъ одинъ гвардейскій офицеръ, съ которымъ я познакомился въ Фынхуанчэнѣ. Во время разговора онъ разсказалъ мнѣ, что въ числѣ массы корреспонденціи, захваченной 31-го іюля двѣнадцатой дивизіей подъ Ютулиномъ, была найдена таблица, помѣченная: *Харбинъ*, 3-го іюля, въ которой заключалась сводка свѣдѣній о численности и составѣ японскихъ войскъ. Хагино перевелъ ее на Японскій языкъ, что дало возможность уяснить себѣ многое, что оставалось непонятнымъ. Согласно этой таблицѣ, армія Куроки считалась въ два раза сильнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Полагалось, что она состоитъ изъ шести дивизій, сила которыхъ, имена главныхъ начальниковъ и всѣхъ полковъ указывались въ подробностяхъ. Куроки также снабдили независимой кавалерійской бригадой, которая, къ указанному въ таблицѣ числу, предполагалась расположенной у Саймацзы. Одна изъ воображаемыхъ дивизій расположена у Хаматона на р. Ялу. Независимая кавалерійская бригада—это блистательная дань русскихъ тому впечатлѣнію, которое произвелъ единственный эскадронъ двѣнадцатой дивизіи! Изъ внушительнаго итога въ шесть дивизій, три были показаны въ Фынхуанчэнѣ, одна у Аньдунсяня, одна у Куаньдяньсяня и одна, какъ уже говорилось, у Хаматона. Вторая армія съ ея четырьмя дивизіями была показана прямо къ югу отъ Наншана и у Дальняго, а Четвертая

Изданіе складъ „Офицеръ-Воспитатель"

Картограф. зав. Д.Руднева Нов. пер. д.5

армія, состоящая изъ трехъ дивизій—у Дагушаня и Сюяньчжоу.

Воображеніе—цѣнное качество въ офицерѣ, занимающемся развѣдкой, при одномъ условіи, что оно совершенно не касается статистики. Но разъ только фантазіи позволяютъ играть съ цифрами, то могутъ послѣдовать гибельные результаты. Теперь становится легко понять причины отступленія 17-го іюля (н. с.) и, если Ренненкампфъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что въ Саймацзы была кавалерійская бригада и дивизія у Хаматона, то его вполнѣ можно извинить за то, что онъ не сдѣлалъ болѣе энергичныхъ попытокъ нанести ударъ на наши сообщенія.

Во время разговора о послѣднемъ сраженіи я передалъ моему пріятелю замѣчаніе, слышанное мною отъ молодого доктора въ Сокако, что чрезвычайная храбрость, одушевляющая всѣ ряды японскихъ армій, до нѣкоторой степени можетъ быть объяснена сильнымъ анти-русскимъ чувствомъ. Я былъ весьма заинтересованъ, когда мой собесѣдникъ подтвердилъ взглядъ доктора почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Онъ сказалъ: „Наша армія всегда охотно пойдетъ въ бой съ тѣмъ, съ кѣмъ Его Величеству Императору будетъ угодно приказать. Но эта русская война, конечно, служитъ исключеніемъ, такъ какъ каждый солдатъ отправляется на нее съ жгучимъ чувствомъ той личной злобы, представляющей собою наслѣдство хищничества, обмановъ и презрѣнія, въ которыхъ много лѣтъ Россія виновата передъ Японіей. Я не хочу этимъ сказать, что наши люди сражались бы менѣе храбро противъ другихъ націй, но я согласенъ съ докторомъ, что въ этомъ случаѣ намъ не пришлось бы видѣть, какъ молодые солдаты, умирая отъ жажды, отказываются отъ рѣчной воды, пока спазмы не

36181

Центральная В-морская Библиотека РИВМФ СССР

помѣшаютъ имъ выпустить хоть одну лишнюю пулю въ противника".

Кинкахоши, августа 15-го (н. с.), 1904. — Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Докторъ Сугіура былъ посланъ ко мнѣ штабомъ арміи, чтобы сообщить, что 10-го числа настоящаго мѣсяца весь русскій флотъ вышелъ въ боевомъ порядкѣ изъ Портъ-Артура и былъ встрѣченъ и совершенно разбитъ Того. „Аскольдъ", „Баянъ", „Цесаревичъ" спаслись въ Кіаочао; „Новикъ" пустился въ бѣгство и тоже спасся. Остальная часть непріятельскаго флота вернулась обратно въ Портъ-Артуръ. Кромѣ того, вчера съ разсвѣтомъ Камимура встрѣтился съ владивостокской эскадрой къ сѣверу отъ Цусимы и потопилъ „Рюрика", другія два русскія судна скрылись на сѣверъ. Штабъ преисполненъ ликованіемъ и Сугіура говоритъ, что онъ ожидаетъ паденія Портъ-Артура дня черезъ три, четыре и что флотъ сдѣлается добычей побѣдителей. Сверхъ того, такимъ образомъ освободится свѣжая армія, которая послужитъ подкрѣпленіемъ боевой линіи подъ Ляояномъ.

Послѣ ухода Сугіура я былъ обрадованъ визитомъ одного полковника, командира пѣхотнаго полка и моего стараго знакомаго по Фынхуанчэну. Онъ сказалъ мнѣ, что лѣтъ двадцать тому назадъ только трое или четверо изъ молодыхъ солдатъ, поступающихъ ежегодно въ каждую роту, могли читать или писать. Поэтому офицерамъ пришлось превратиться въ учителей первоначальныхъ школъ, такъ какъ прежде всего необходимо было пробудить и умственно развить этихъ людей; иначе безполезно было бы ожидать отъ нихъ хорошаго успѣха въ военной подготовкѣ. „Теперь же", сказалъ онъ, „каждый новобранецъ умѣетъ читать и, самое большее найдутся только три или четыре человѣка, не умѣющіе писать.

Самое необходимое въ снаряженіи современнаго солдата— это образованіе. Русское же правительство, боясь поколебать свой деспотизмъ, считаетъ нежелательнымъ образовывать свой народъ, забывая ту истину, что образованіе стало совершенно необходимо изъ-за военныхъ цѣлей. Дѣло въ томъ, что всеобщая воинская повинность можетъ существовать съ успѣхомъ только у такого образованнаго и въ высшей степени патріотическаго народа, какъ японскій. Иначе будетъ невозможно обучить солдата всему требуемому отъ него въ столь короткій срокъ. Когда Англія достигнетъ уровня образованія Японіи, тогда она будетъ въ состояніи ввести у себя всеобщую воинскую повинность, если она этого захочетъ; въ настоящее же время она очень мудро поступаетъ, принимая на службу только людей съ природными военными склонностями и давая имъ самую тщательную боевую подготовку передъ зачисленіемъ въ резервъ. Всеобщая воинская повинность, съ ея короткой службой подъ знаменами, многочисленнымъ резервомъ, представляющимъ собою сырой матеріалъ, недостаточно сплоченный его офицерами и унтеръ-офицерами, можетъ оказаться въ случаѣ войны ломкимъ тростникомъ, если, подобно Россіи въ данное время, національное чувство лишено природнаго воинственнаго направленія. Россіи, прежде всѣхъ націй, слѣдовало бы завести пополняемую добровольцами армію съ длинными сроками службы, тогда мы имѣли бы дѣло въ нашихъ послѣднихъ сраженіяхъ съ совершенно другимъ типомъ солдатъ“.

Эти взгляды были высказаны съ такой величественной безсознательностью, что обезоружили мое задѣтое самолюбіе. Да развѣ они, въ концѣ концовъ, и не содержатъ крупицу или двѣ правды? Всеобщая воинская повинность не держитъ достаточно долго подъ знаменами необразованныхъ людей, чтобы сдѣлать ихъ вполнѣ

удовлетворяющими всѣмъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ долженъ вестись современный бой. Эти условія—магазинное ружье, бездымный порохъ, широкіе фронты и т. д., и т. д.—предъявляютъ къ доброй волѣ и развитію новобранца гораздо болѣе серьезныя требованія, чѣмъ въ какую либо другую историческую эпоху. Уступая народной волѣ, всѣ континентальныя державы одновременно сокращаютъ срокъ службы подъ знаменами въ такой степени, которая въ старые годы соотвѣтствовала бы созданію чего-то вродѣ милиціи.

Не считая того, что армія, составленная изъ добровольцевъ съ длинными сроками службы, представляетъ собою болѣе надежную опору для правительства во время внутреннихъ волненій, подобная армія должна такъ же отличаться и лучшими боевыми качествами. Я не забываю того, что сроки службы въ Россіи подъ знаменами исключительно велики; все же, они недостаточны, принимая во вниманіе длинное зимнее время, когда работа прекращается; распущенность, съ которой производятся занятія даже и лѣтомъ и, главнымъ образомъ, крайнее первоначальное невѣжество сырого матеріала.

Кинкахоши, августа 17 го (н. с.), 1904. — Все еще льетъ дождь. Войсковыя занятія невозможны. По всѣмъ направленіямъ шумящіе потоки. Среди людей распространился слухъ, что всѣ будутъ на половинномъ довольствіи. Тогда я буду въ состояніи сочувствовать людямъ моего собственнаго отряда въ южной Африкѣ, которые, выслушавъ приказъ, благодарившій ихъ за храбрость и объявившій о необходимости въ дальнѣйшемъ сокращеніи суточнаго довольствія мяса и сухарей, говорили: „опять старая исторія: полная благодарность и половинныя порціи.“

Сегодня за обѣдомъ мнѣ пришлось испытать разочарованіе. Подано было съ большимъ торжествомъ блюдо,

которое возбудило во мнѣ самыя смѣлыя надежды. Оно имѣло форму пирамиды и называлось „нѣмецкій пуддингъ“. Оказалось же оно не болѣе, не менѣе, какъ картофельное пюре, подслащенное сахаромъ. Ко всѣмъ чертямъ такіе пуддинги!

Кинкахоши, августа 18 (н. с.), 1904. Дождь продолжаетъ лить потоками со вчерашняго дня и при этихъ условіяхъ мои служебныя донесенія и мой дневникъ служили мнѣ единственнымъ развлеченіемъ.

Мнѣ пришлось за послѣднее время при удобныхъ случаяхъ бесѣдовать о томъ особенномъ различіи, которое японцы дѣлаютъ между командиромъ и штабнымъ офицеромъ.

Въ ихъ понятіи эти двѣ категоріи офицеровъ настолько рѣзко отличаются другъ отъ друга, насколько въ спортѣ подающій мячъ (bowler) отличается отъ того, кто его бросаетъ (batter). Наши союзники никогда не смѣшиваютъ понятія о командирѣ и штабномъ офицерѣ подъ общимъ ярлыкомъ „способнаго офицера“.

Каждый знаетъ качества, которыя должны быть присущи штабному офицеру: энергія, тактъ, аккуратность, образованіе, усердіе, здоровье и искусство верховой ѣзды; безъ послѣднихъ двухъ качествъ, всѣ остальныя могутъ оказаться безполезными, какъ разъ въ то время, когда онѣ болѣе всего необходимы. Но не всѣмъ извѣстно, какъ мало и, все же, какъ много, японцы требуютъ отъ своихъ командировъ. Они, повидимому, настаиваютъ только на одномъ качествѣ, которое значитъ такъ много въ ихъ глазахъ, что такія данныя, какъ репутація, здравый смыслъ, характеръ и даже врожденныя военныя склонности, занимаютъ второе мѣсто. „Du calme; il a du calme“, такъ отзывается, хваля командира, японецъ, говорящій по фран-

цузски. „Er ist kaltblutig“, выражается, говорящій по нѣмецки.

Недѣли три тому назадъ, одинъ выдающійся молодой штабной офицеръ, разсуждая со мной о дѣйствіи двѣнадцатой дивизіи у Тхауана 19 го іюля (н. с.), сказалъ: „Передъ атакой я чувствовалъ себя очень нервнымъ; ужасно нервнымъ. Я не могъ спать ночью, весь штабъ не отдыхалъ и былъ взволнованъ. Куроки же не безпокоился. О, нѣтъ; онъ былъ совершенно хладнокровенъ!“ Я не понялъ этихъ словъ слишкомъ буквально, потому что я знаю, что штабъ, при его непоколебимой преданности Куроки, способенъ обвинить самого себя, если онъ могъ бы этимъ сдѣлать честь своему начальнику. Но все таки, это замѣчаніе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тотъ идеалъ, къ которому въ глазахъ японцевъ должна приближаться личность командира. Я доказывалъ японскимъ офицерамъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ установить наличность этого качества истинной невозмутимости. Они охотно съ этимъ соглашаются и признаютъ, что, пока человѣкъ не испытанъ подъ огнемъ, совершенно невозможно судить о томъ, будетъ ли онъ способенъ, со спокойнымъ сердцемъ, рискнуть 10.000 человѣческихъ жизней.

Такимъ образомъ, нужно думать, что высшимъ качествомъ, требуемымъ отъ японскаго генерала, по понятіямъ его соотечественниковъ, должно служить то міровоззрѣніе, которое позволяетъ ему сохранять спокойствіе духа при всѣхъ обстоятельствахъ; это свойство должно быть доказано на самомъ дѣлѣ, чтобы отличить его отъ только кажущагося хладнокровія.

Знаніе уставовъ, языковъ, военной исторіи и наукъ должны быть сосредоточены въ лицѣ Начальника штаба, который дѣйствуетъ отъ имени командира подобно тому, какъ стенографъ работаетъ для финансиста. Та-

Генералъ-маіоръ **Фужи.**
Начальникъ Штаба 1-ой арміи.

кова теорія. На практикѣ же выдвигается умственная дѣятельность, и могущество генеральнаго штаба становится громаднымъ. Въ обыкновенное время способъ дѣйствій Куроки заключается въ предоставленіи возможно большей самодѣятельности своему штабу. Онъ только присутствуетъ въ отдаленіи, ни во что не вмѣшиваясь, сохраняя полное хладнокровіе и, когда приказанія отданы и распоряженія сдѣланы, придаетъ всему исполненію великій престижъ своего имени. Его истинная заслуга состоитъ въ томъ, чтобы главнымъ образомъ брать на себя отвѣтственность, пока дѣла идутъ хорошо. Но въ случаѣ крайней необходимости, какъ я буду имѣть случай объ этомъ упоминать не одинъ разъ, онъ способенъ принять на себя величайшій рискъ, влекущій за собой самую тяжелую отвѣтственность; въ общемъ же онъ готовъ предоставить своему штабу распоряжаться, не слишкомъ вмѣшиваясь въ подробности.

Въ этомъ случаѣ Куроки ставитъ себя по отношенію къ генеральному штабу почти въ то самое положеніе, въ которомъ Микадо находились къ Шогунамъ. Японскій разумъ, кажется, охотно слѣдуетъ той системѣ, когда на одного человѣка возлагается вся тяжесть, блескъ и отвѣтственность положенія, другой же работаетъ свободно и невозбранно въ тѣни, отбрасываемой этой скрытой силой.

Для иностранца въ высшей степени интересно наблюдать эту организацію въ ея переходномъ состояніи. Если бы продолжалось назначеніе того же самаго типа генераловъ и того же типа офицеровъ генеральнаго штаба втеченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ, то я не сомнѣваюсь, что командиръ все болѣе и болѣе сталъ бы отходить на задній планъ, тогда какъ начальникъ генеральнаго штаба все болѣе и болѣе выдвигался бы

впередъ. Но послѣ этой войны нѣсколько высоко образованныхъ штабныхъ офицеровъ новаго типа будутъ имѣть достаточное старшинство въ чинѣ, чтобы сдѣлаться самимъ командирами. Любопытно было бы знать, станутъ ли японцы проводить новые принципы или же они предпочтутъ продолжить навсегда существующее положеніе вещей, когда разумъ, управляющій событіями, держится на заднемъ планѣ.

Пока что, при настоящей ступени развитія, эта система работаетъ прекрасно. Я допускаю, что Куроки, съ его славой, его популярностью въ Японіи и полнымъ философскимъ хладнокровіемъ, дѣйствительно снимаетъ съ болѣе нервнаго и современнаго генеральнаго штаба ту тяжесть отвѣтственности, которая могла бы до нѣкоторой степени парализовать его планы. Я не допускаю, чтобы японцы думали, что образованіе обязательно должно идти во вредъ качеству хладнокровія. Мнѣ кажется, что по ихъ мнѣнію хладнокровіе, подобно благородству рожденія, совершенно не зависитъ отъ ума и, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно разобраться въ качествахъ ума и характера, умный человѣкъ долженъ быть слугою невозмутимаго философа, въ особенности тогда, когда за послѣднимъ есть преимущество благороднаго происхожденія. Конечно, я сознаю, что даже эта комбинація силы воли и способностей никоимъ образомъ не завершаетъ категорію доблестей, требуемыхъ отъ главы арміи въ полѣ. Тутъ еще необходимъ тотъ даръ воображенія, который позволяетъ видѣть сквозь горы; прирожденный глазомѣръ на мѣстности, который можетъ быть такъ развитъ практикой войны; желѣзная воля, которая сметаетъ въ сторону всѣ препятствія и личное обаяніе, которое очаровываетъ подчиненныхъ и на половину обезоруживаетъ даже ревниваго соперника.

Поистинѣ странно, какъ мало вліяетъ на японцевъ

личность командира. Индивидуализмъ продуктъ запада, а не востока. Я очень сомнѣваюсь, чтобы японцы въ среднемъ обладали бы способностью поклоняться герою при его жизни. Насколько я могу судить, среди японскихъ солдатъ гораздо меньше того личнаго энтузіазма къ ихъ высшимъ начальникамъ, чѣмъ я могъ этого ожидать, имѣя ввиду тѣ блестящія качества ихъ начальниковъ, которыя должны бы вызывать чувство самой горячей привязанности. Одинаково безразлично относятся они и къ начальникамъ дивизій и командирамъ бригадъ и даже къ полковымъ и батальоннымъ командирамъ. Древнее феодальное чувство приняло форму почитанія офицеровъ, какъ касты, но не какъ отдѣльныхъ личностей. Слѣдствіемъ японской дисциплины является, повидимому, странная способность обезличиванія. Я глубоко увѣренъ, что если бы Куроки помѣнялся бы своимъ мѣстомъ съ Ноги, каждая изъ армій была бы въ восторгѣ получить себѣ отличившагося начальника другой. Можетъ быть, я ошибаюсь, но, во всякомъ случаѣ, я не записываю всего этого, не задавъ себѣ предварительно труда, обдумать и составить себѣ это мнѣніе. Сравнивая японскихъ младшихъ офицеровъ съ такими же офицерами другихъ націй, я долженъ сказать, что они глубже ушли въ свою службу и пользуются меньшими развлеченіями, чѣмъ ихъ западные собратья. Однако на свѣтѣ существуетъ мало такихъ добродѣтелей, которыя не имѣли бы уравновѣшивающихъ ихъ слабостей и эта преданность долгу не представляется исключеніемъ изъ общаго правила.

Поскольку я могу судить объ особенностяхъ подчиненныхъ японскихъ офицеровъ, они кажутся мнѣ въ высшей степени пригодными для исполненія приказаній, но не отличаются какой либо исключительной вѣрой въ самихъ себя, когда имъ приходится дѣйствовать по соб-

ственной иниціативѣ въ обыкновенной обстановкѣ; однако я долженъ добавить, что кажущійся ихъ недостатокъ воли часто переходитъ въ храбрость, когда они приходятъ въ дѣйствительное соприкосновеніе съ противникомъ. Немногіе изъ нихъ очень умны, но, въ общемъ говоря, интересы ихъ вполнѣ удовлетворяются заботой о подчиненныхъ имъ людяхъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своей службы. Отношеніе ихъ къ нижнимъ чинамъ, согласно принятыхъ ими взглядовъ, очень фамильярно. Въ деревнѣ, неподалеку отсюда, одинъ батальонный командиръ располагается въ одномъ и томъ же домѣ вмѣстѣ со своими восемнадцатью нижними чинами и мнѣ приходилось видѣть лейтенанта, забавлявшагося въ игру „го“ со своими солдатами. Я все таки не думаю, что бы все это было вполнѣ корректно, даже примѣнительно японскому идеалу.

Съ другой же стороны, у нихъ не замѣчается паденія дисциплины, какъ это могло бы случиться въ нашей арміи, а тѣмъ болѣе въ континентальныхъ арміяхъ, если бы тамъ допускалась такая фамильярность. Отданіе чести блестящее, такъ же молодцовато и хорошо, какъ было въ Токіо, а строгость и рѣзкость замѣчаній, которыя дѣлаются офицерами на службѣ, доказываютъ, что тягости или особыя условія полевой службы никоимъ образомъ не вліяютъ даже въ слабой степени на уменьшеніе строгости суровой дисциплины.

Несомнѣнно, что японская армія была точной копіей прусской организаціи, и это облегчаетъ объяснить нѣкоторыя ея особенности. Наиболѣе бросается въ глаза, что японцы, какъ и пруссаки, относятся совершенно безразлично къ происхожденію и общественному положенію военачальниковъ. Приэтомъ сохраняется однако чувство полнаго уваженія къ лицу, стоящему на высотѣ современныхъ военныхъ требованій. Это является источ-

никомъ силы обѣихъ армій. Такая система почти обезпечиваетъ имъ успѣхъ противъ непріятеля, предводимаго посредственностями.

Въ Западной Европѣ, какъ и у русскихъ, положеніе и происхожденіе начальника важнѣе дарованій, и если начальникъ не завоевалъ себѣ уваженія и поклоненія войскъ, то они не будутъ и не могутъ проявлять всей своей силы.

Съ другой стороны, если бы русскій Скобелевъ могъ теперь появиться на театрѣ войны, блестящій, быстрый, смѣлый, обожаемый своими войсками, и обладающій настоящимъ военнымъ инстинктомъ,—тогда, я думаю, японцы убѣдились-бы, что въ Европѣ есть элементъ, съ которымъ имъ еще не приходилось считаться.

Кинкахоши. 19-го августа 1904 года. Дождь все льетъ, какъ изъ ведра. Люди переведены на уменьшенные раціоны,—и китайцы боятся, что если непрерывный ливень продолжится, то ихъ созрѣвающая жатва будетъ испорчена. Послѣ завтрака, мнѣ передали подарокъ изъ Токіо—бутылку пива и переводъ книги въ бѣлой обложкѣ сочиненіе Бушидо, „душа Японіи“,—Иназо-Нитобэ. Каждый военный атташе въ первой арміи получаетъ такой же подарокъ, который присланъ изъ Главнаго Штаба въ Токіо.

Нѣсколько командъ для пополненія второй дивизіи проходятъ мимо насъ. Они составляютъ сливки молодежи сѣверо-восточной Японіи; лучшіе по своимъ физическимъ качествамъ со всего острова.

Они идутъ присоединиться къ своимъ товарищамъ и дополнить тающіе кадры до полнаго комплекта.

Сравните эту однородную, великолѣпно организованную массу, не теряющую своей спайки и хорошихъ качествъ, даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, сравните ее съ нашей смѣсью разныхъ лоскутьевъ, им-

провизированной, пестрой банды, каковой являются наши англійскія регулярныя, колоніальныя, милиціонныя, волонтерныя и гвардейскія войска...

Какъ удавалось намъ доводить до конца великія предпріятія, выполненныя нами въ прошедшемъ и какъ мы ихъ исполнимъ въ будущемъ?

Я надѣюсь, что этому помогутъ живущія въ каждомъ англичанинѣ, горожанинѣ или крестьянинѣ, можетъ быть даже атрофированныя, но еще не вполнѣ исчезнувшія чувства, ощущенія и воспоминанія, которыя пробуждаются при звукѣ призыва къ оружію. Сверхъ того, многіе наши, даже молодые офицеры, одарены природною способностью къ командованію и могутъ вслѣдствіе этого управлять не только людьми своей страны, но и иноземными расами, во времена нужды и опасности.

Команды для пополненій все еще проходятъ. Бѣдныя матери, если-бъ онѣ могли увидать своихъ несчастныхъ сыновей въ такомъ ужасномъ видѣ! Здѣсь настоящая война, лишенная своего мишурнаго наряда. Удрученные горемъ, блѣдные и съ впалыми щеками юноши, вымазанные съ головы до ногъ грязью, въ то время какъ безжалостный дождь струится съ ихъ фуражекъ и плащей, они тащатся въ вязкой глинѣ и переходятъ въ бродъ пересѣкающіе дорогу потоки.

Задумывался ли кто нибудь надъ необычайнымъ различіемъ условій, при которыхъ люди встрѣчаютъ смерть въ бою на сушѣ или на водѣ? Если синей курткѣ *) жарко, то онъ можетъ снять свою блузу. Если ему холодно, то онъ можетъ одѣть теплую фуфайку.

Если данъ сигналъ о появленіи непріятеля, то матросу приказываютъ (во флотѣ Восходящаго солнца) перемѣнить нижнее бѣлье, изъ опасенія, чтобы случайно

*) Такъ у англичанъ принято называть матроса.

грязный лоскутъ не попалъ бы въ рану. Послѣ этого у него еще вполнѣ достаточно времени, чтобы уютно устроиться съ чашкой горячаго чая или порціей сакэ **). Если его ранятъ — есть докторъ подъ рукою. У него нѣтъ искушенія убѣжать прочь. Только его собственый командиръ можетъ повернуть судно въ бѣгство. У меня былъ товарищъ, который еще ребенкомъ зналъ одного стараго инвалида, бывшаго сержантомъ при Ватерлоо. Неоднократно долженъ былъ разсказывать старикъ свою кровавую и ужасную исторію увлекающемуся мальчику. Время отъ времени этотъ мальчикъ спрашивалъ ветерана: „И вамъ не хотѣлось убѣжать?“ На что неизмѣнно слѣдовалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ—„Куда же, я могъ убѣжать?“ Этотъ характерный отвѣтъ точно обрисовываетъ положеніе матроса, со всѣми его преимуществами, также какъ, и съ его одной очевидной невыгодой.

Съ другой стороны, подумайте о солдатѣ какого нибудь пѣхотнаго батальона, полумертваго отъ усталости вслѣдствіе ночного перехода, сдѣланнаго при невыносимо перемѣнчивомъ климатѣ; то мокрый и трясущійся, то истомленный жарою и жаждою, онъ карабкается на горы, неся на своей спинѣ 50 или 60 фунтовъ *), причемъ по немъ стрѣляютъ сотни людей. Онъ атакуетъ непріятеля, идетъ подъ огонь второй линіи; его ротный командиръ убитъ, младшіе офицеры и фельфебель ранены. Теперь нѣтъ затрудненія уйти изъ подъ огня, масса случаевъ спрятаться, масса соблазна. Но нѣтъ, онъ всегда идетъ; на его пути рѣка, ея вода кипитъ отъ непріятельскихъ пуль; нѣтъ ни малѣйшаго отдыха! „Впередъ!“—вотъ его девизъ;—„за товарищами, по

*) Англійскій центнеръ=112 торговымъ англійскимъ фунтамъ=124 русскимъ фунтамъ.

**) Японская водка.

горло въ воду, въ бушующій потокъ!“ Онъ достигаетъ другого берега; онъ судорожно сжимаетъ въ рукахъ свое ружье, и среди ружейной трескотни и подъ градомъ шрапнели раздается громкій возбуждающій крикъ „ура!“ и онъ врывается на непріятельскую позицію.

Конечно, каждая служба имѣетъ свои спеціальныя трудности. Матросъ можетъ утѣшаться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что если судно идетъ ко дну, то гибнутъ всѣ вмѣстѣ. А солдатъ на сушѣ—имѣетъ во всякомъ случаѣ мать-землю подъ своими утомленными ногами. Пища и удобства не составляютъ всего, а жизнь на миноносцѣ не представляетъ ложа изъ розъ. Но все же честь—большая честь пѣхотинцу, говорю я, добровольно идущему навстрѣчу смерти. Да благословитъ его Богъ!

Кинкахоши. 21-го августа 1904 года. Изморозь. Продолжаются упорные слухи о скоромъ переходѣ въ наступленіе. Я слышалъ, что подъ Портъ-Артуромъ Ноги захватилъ важную сѣдловину между двумя холмами, которые господствуютъ надъ Голубиной Бухтой съ одной стороны, а съ другой стороны надъ постояннымъ фортомъ. Такъ же, что на своемъ лѣвомъ флангѣ японцы на половинѣ ската гребня захватили такой пунктъ, который въ китайскую войну былъ предвѣстникомъ немедленнаго паденія крѣпости.

Штабъ главной квартиры заинтересованъ нѣкоторыми европейскими оцѣнками нашего положенія, попавшими въ японскія газеты. По этимъ слухамъ, мы будто-бы уже достигли мѣстности, лежащей сѣвернѣе или сѣверовосточнѣе Мукдена. Очевидно критики не подумали объ огромномъ числѣ повозокъ обоза, въ которыхъ мы бы нуждались, если бы безостановочно шли впередъ при столь опасномъ отдѣленіи отъ нашей базы на Ялу. Надо помнить, что японскій солдатъ долженъ имѣть свой фунтъ риса ежедневно, ибо хотя человѣкъ и не живъ однимъ

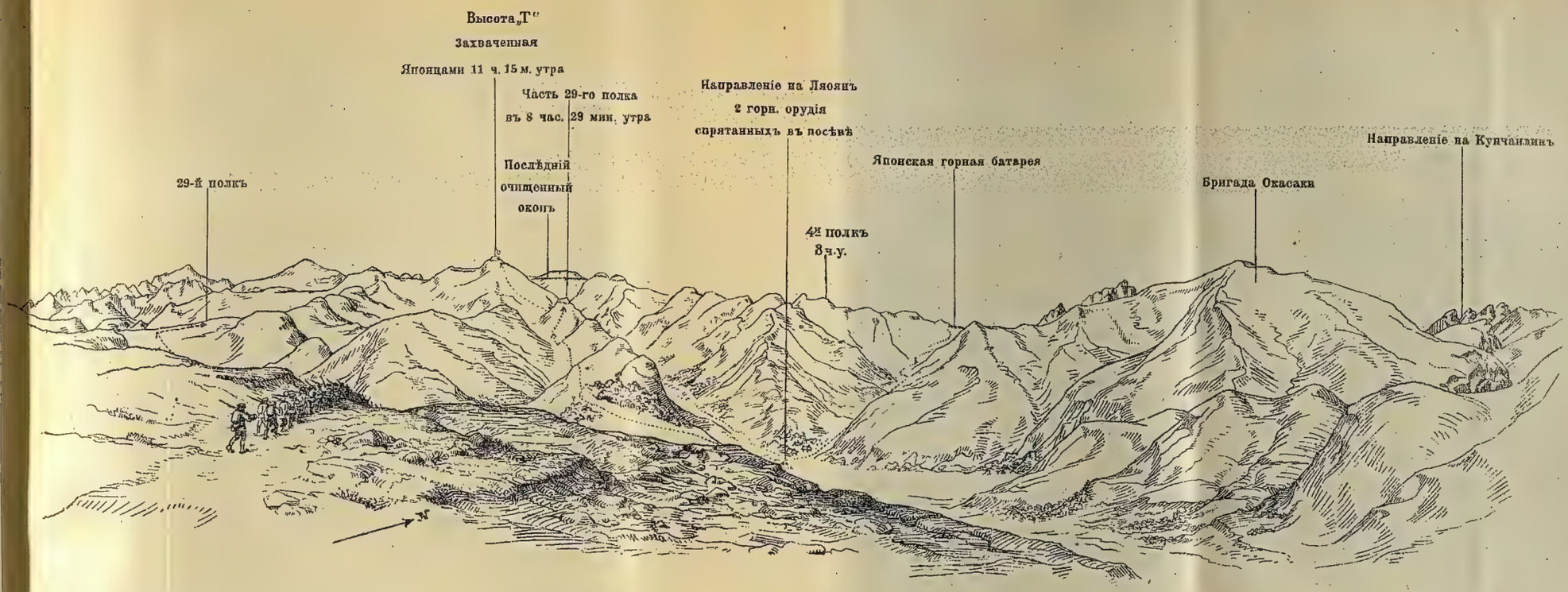
хлѣбомъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ долго существовать однимъ патріотизмомъ и водою. Мы не маленькіе оловянные солдаты и должны тащить свои раціоны, или умереть.

Я прочелъ „Бушидо“ и выпилъ бутылку пива. Я радъ тому, что прочелъ книгу и огорченъ тѣмъ, что окончилъ пиво. Господинъ Иназо-Нитобэ пишетъ великолѣпно, и его произведеніе дало мнѣ, какъ и каждому, кто его прочитаетъ, много темъ для размышленія.

Первый вопросъ, который каждый изъ насъ долженъ себѣ поставить, это можетъ-ли японскій феодальный кодексъ поддерживать свое существованіе при условіяхъ современной жизни. Я никому не уступлю въ восхищеніи передъ рыцарскими добродѣтелями стараго Самурая. Но Самураи уже люди прошлаго; если старый Бушидо еще влачитъ свое существованіе, то это лишь преходящая тѣнь, падающая поперекъ порога двери, изъ которой гость уже сдѣлалъ первый неотмѣняемый шагъ къ долгому путешествію...

Я изучаю японцевъ съ утра до вечера; я разговариваю съ ними, гуляю съ ними, ѣмъ съ ними и также пью съ ними, всякій разъ когда есть что нибудь стоющее пить. Я ихъ наблюдаю все время, такъ какъ мнѣ почти нѣтъ другого дѣла. Какъ результатъ терпѣливаго изученія, я могу сказать, что у этихъ чужеземцевъ все такъ темно и противорѣчиво, что я только поражаюсь теперь своей смѣлости, когда думалъ, что уже опредѣлилъ ихъ характеръ, не проживши съ ними и мѣсяца.

Напримѣръ, скромность японцевъ есть черта, которая больше всѣхъ другихъ заслужила мое глубокое и безграничное уваженіе. Никогда у японцевъ не было оттѣнка самоупованія или, выражаясь вульгарно, они не топорщились какъ индюки, чего можно было всегда ожи-



Видъ на русскую позицію къ югу отъ Кунчанлина взятой 2-ой дивизіей 1-й арміи между 4 ч. у. и 11 ч. 15 м. у. Августа 26-го (н. ст.) 1904 г.

XVII

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картографич. завед. Д. Рудлева. С.П.б. Лов. пер. д. 5.

дать отъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и людей первой арміи. Было много неумышленныхъ случаевъ, когда они говорили о своемъ превосходствѣ надъ европейцами, но я не могу припомнить ни разу, чтобы сдержанный японецъ сдѣлалъ бы сознательно хвастливое замѣчаніе, даже въ угарѣ торжества, немедленно послѣ побѣды.

Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ признавалъ и преклонялся передъ такимъ великодушнымъ, высокимъ и рыцарскимъ качествомъ, но теперь уголъ завѣсы приподнятъ, и мнѣ кажется, что я различаю въ японцахъ признаки гордости, не замѣченные мною раньше. Японцы не хвастаютъ побѣдой, потому что они не способны, хотя на мигъ, подумать, что они могутъ не побѣдить. Дурные люди могутъ держать пари навѣрняка, только дураки станутъ этимъ хвастаться.—Я не рискую рѣшить, надо ли отнести это свойство къ главнымъ добродѣтелямъ, или къ смертнымъ грѣхамъ. Конечно, довѣріе къ самому себѣ считалось у римлянъ добродѣтелью перваго порядка. Possunt, quia posse videntur. Но я тѣмъ не менѣе увѣренъ, что чѣмъ бы это качество ни было, оно не есть скромность.

Другое качество, къ которому я озабоченно присматривался, это благодарность и способность къ благодарности. Тутъ, среди моихъ упорныхъ стараній примирить противорѣчивыя очевидности, я опять натыкаюсь на эту самую каменную фигуру гордости, загораждающую путь кроткой и милой признательности. которая иначе была бы такимъ частымъ и желаннымъ гостемъ въ японскомъ сердцѣ. Наши союзники всегда искренно и непритворно благодарны за малѣйшія услуги. Актъ уваженія, вѣжливости, великодушія, или гостепріимства они отплатятъ, если могутъ, въ четыре раза. Но серьезныя одолженія переносятся ими, мнѣ кажется, можетъ быть и съ благородствомъ, но съ усиліемъ и съ трудомъ.—

Писавши это, я думаю о четырехъ или пяти случаяхъ, имѣвшихъ значеніе, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Я думаю, что естественнымъ побужденіемъ всякаго японца всегда было признавать, что они многимъ обязаны Западу, но извѣстная гордость мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ это высказать какимъ бы то ни было способомъ.

Моя маленькая книжка Бушидо ничего не говоритъ ни о благодарности, ни о скромности, исключая одного случая, когда скромность названа важною составною частью вѣжливости. Японцы, конечно, очень гордятся своею вѣжливостью и, хотя я очень сомнѣваюсь, чтобы скромность имѣла къ ней какое нибудь отношеніе—вѣжливость ихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вѣжливость, одновременно съ драчливостью, можетъ проявляться у японца въ такой-же степени, какъ и у французовъ и англичанъ подъ Фонтенуа, гдѣ они соперничали въ томъ, кто будетъ имѣть несравненное счастье сдѣлать первый залпъ. Человѣкъ, изысканно вѣжливый даже на краю гибели, несомнѣнно будетъ добрымъ товарищемъ и во время охоты на тигра.

И я наконецъ чувствую себя на твердой почвѣ, когда объявляю, что свѣтъ никогда не видѣлъ, и конечно никогда опять не увидитъ, расу болѣе преданную церемоннымъ правиламъ вѣжливости. Недостаточно сказать, что японскій джентльменъ скорѣй умретъ, чѣмъ будетъ невѣжливъ. Онъ скорѣй тысячу разъ умретъ. . . . . .

Фактъ остается фактомъ, что издавна Америка и Англія являются, по понятіямъ континентальной Европы и Азіи, и особенно по сравненію съ Японіей, отчаянными варварами во всемъ, что относится къ этикету.— Это немного обидно, но нельзя не преклониться передъ вѣжливостью, сохраняемой даже при всѣхъ лишеніяхъ и опасностяхъ боевой обстановки.

Мягкость въ обращеніи и хорошія манеры японцевъ

природны, и выдержатъ любое испытаніе, тогда какъ учтивыя улыбки и поклоны европейцевъ есть только внѣшность, пригодная для гостинныхъ и клубовъ, но врядъ-ли способная сохраниться подъ ливнемъ, или при путешествіи въ обыкновенномъ желѣзнодорожномъ поѣздѣ.

Истинная вѣжливость дѣлаетъ дорожнаго спутника пріятнымъ; притворная вѣжливость въ несвойственной обстановкѣ гораздо хуже, чѣмъ когда ея совсѣмъ нѣтъ. Такимъ образомъ, если-бы я былъ обязанъ раздѣлить мою крошечную комнату съ постороннимъ, я предпочитаю японскаго офицера людямъ другихъ странъ, кромѣ моей собственной. Правда, временами неминуемыя церемоніи такъ угнетаютъ мой невоспитанный умъ, что мнѣ хочется сказать или сдѣлать что нибудь неизгладимо вульгарное и шокирующее. Но я все время сознаю, что не правъ; и что манеры улучшаютъ человѣка, если даже не дѣлаютъ его.

Однако слѣдуетъ оговорить, что японская природная вѣжливость и взгляды на честь иногда существенно отличаются отъ европейскихъ.

Такъ, если я обѣщалъ что нибудь одному, то, по нашему взгляду, я долженъ сдержать обѣщаніе, хотя-бы тотъ, кому я обѣщалъ, и отсутствовалъ. Японецъ же имѣетъ право не держать обѣщанія, даннаго отсутствующему, и дать предпочтеніе присутствующему, хотя требованія послѣдняго и противорѣчили обѣщанному.

Главнѣйшія добродѣтели, восхваляемыя въ Бушидо, являются мужество, съ которымъ встрѣчаютъ смерть, и честь, которая презираетъ золото. Мнѣ нѣтъ надобности еще говорить о храбрости, примѣры которой даетъ краснорѣчиво каждая очередная битва. Это не есть точный снимокъ съ западной доблести. Въ ней есть немного философіи и пассивности; больше сознательнаго самопожертво-

ванія; меньше Берзеркерской *) жажды боя и желанія совершить какой нибудь героическій поступокъ. Всѣ японскіе солдаты идутъ въ бой ожидая и готовые *побѣдить и умереть*; храбрые англійскіе солдаты идутъ въ бой надѣясь и приготовившись *побѣдить или умереть*. Между тѣмъ и другимъ громадная разница. Японскіе офицеры должны постоянно выяснять своимъ солдатамъ, что они не должны считать своей главной цѣлью быть убитыми. Англійскимъ офицерамъ не приходится такъ увѣщевать своихъ солдатъ, которые хотя и знаютъ по всей вѣроятности, что многіе изъ нихъ не вернутся, но всякій изъ нихъ старается уцѣлѣть.

Выраженіе лицъ обѣихъ расъ, когда они идутъ въ атаку, совершенно различны, но я чувствую, что никто, самъ невидавшій этого, никогда меня не пойметъ, еслибы я попытался углубиться въ разсмотрѣніе этихъ странныхъ вопросовъ.

---

*) Берзеркеры (Berserker, отъ старо-нѣм. Bär—медвѣдь и Serkr —одежда) „люди въ волчьей одеждѣ“. Такъ назывались въ сѣв. сказаніяхъ свирѣпые воины, которые, когда ими овладѣвала бѣшеная ярость (Berserkerwut), получали нечеловѣческую силу и считались непобѣдимыми. Б. являлись нерѣдко въ свитѣ сѣвкоролей. Изъ Б. особенно прославились сыновья Арнгрима. Послѣ введенія христіанства, дикая злоба Б. стала считаться языческой и, по истландскимъ законамъ, за нее полагалось наказаніе. Berserkerwut имѣетъ сходство съ состояніемъ бѣшенства, являющимся вслѣдствіе опьяненія опіумомъ; но опіумъ въ Норвегіи до 1531 года былъ не извѣстенъ. Уже давно было высказано мнѣніе, что бѣшенство Б. происходило отъ употребленія напитка, приготовленнаго изъ мухомора: оно похоже на состояніе, которое описываютъ древніе историки и какъ оно и въ настоящее время наблюдается у жителей Сибири и Камчатки, употребляющихъ настой мухомора. Во время опьяненія этимъ веществомъ значительно увеличивается физическая сила человѣка; но зато, когда опьяненіе проходитъ, силы падаютъ совершенно, и тѣло становится не чувствительнымъ къ боли. Обманы чувствъ, являющіеся вслѣдствіе такого опьяненія, напоминаютъ „обманы зрѣнія“, о которыхъ такъ часто говорится въ сѣверныхъ миѳахъ. Такъ какъ норвежцы въ давно прошедшія времена вели сношенія съ лапландцами и финнами, то ихъ знакомство съ этимъ одуряющимъ сибирскимъ растеніемъ не можетъ удивлять.

Прим. перев.

Я только хочу прибавить, что это опровергаетъ совершенно ложное представленіе о фанатизмѣ японцевъ, какъ то пишутъ нѣкоторые континентальные авторитеты.

Имѣя нѣкоторое знакомство съ гази *), я позволю себѣ сказать объ этомъ вопросѣ нѣсколько словъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ японскій патріотизмъ можетъ принимать форму глубоко вкоренившагося отвращенія къ чужестранцамъ; въ другихъ случаяхъ онъ принимаетъ видъ надменнаго презрѣнія ко всему, что внѣ его собственныхъ острововъ. Но если такія чувства фанатичны, то навѣрно самъ Джонъ-Буль есть гази самаго яростнаго типа, что—абсурдъ. Имѣется только одна и единственная черта поверхностнаго сходства между фанатикомъ и японскимъ солдатомъ, а именно положительная надежда лелѣемая обоими—что они будутъ удостоены чести умереть на полѣ брани. Однако внѣшнее сходство не выдерживаетъ ближайшей критики. Побужденія гази эгоистичны. Онъ надѣется своими поступками заслужить награду, а именно попасть въ рай, гдѣ онъ можетъ флиртировать со множествомъ гурій. Побужденія японца настолько чисты и безкорыстны, насколько это только можетъ быть у человѣческаго существа. Мало безпокоясь о загробной жизни, онъ имѣетъ тусклое представленіе о томъ, что въ случаѣ смерти въ сраженіи, его духъ будетъ знать о благодарности Императора и націи за то, что онъ пожертвовалъ собою ради нихъ. Онъ пламенно желаетъ умереть за свою родину, не потому что онъ самъ можетъ получить какую нибудь славную награду, но въ надеждѣ, что онъ будетъ достоенъ тѣхъ, кто

---

*) Гази, арабское слово, означаетъ борецъ за вѣру, за Исламъ. Этотъ титулъ принимается каждымъ султаномъ, побѣдоносно сражавшимся противъ невѣрныхъ, а также дается заслуженнымъ генераламъ (какъ напримѣръ данъ Осману пашѣ, защитнику Плевны), и тогда онъ равносиленъ съ титуломъ фельдмаршала.
Прим. перев.

предшествовали ему и что онъ явится хорошимъ примѣромъ будущимъ поколѣніямъ.

Никто на западѣ не можетъ понять этихъ необычайныхъ солдатъ: то хладнокровные, осторожные, сдержанные и подозрительные стоики; то весело смѣющіяся дѣти; и потомъ опять покорные, грустные, „рѣшившіеся умереть“ герои. Но въ концѣ концевъ одно достовѣрно: японскіе Самураи могутъ быть философами, но они безусловно не фанатики. Вотъ все, что я могу сказать, почему японцы такъ мало цѣнятъ свою жизнь.

Теперь поговоримъ объ ихъ пренебреженіи къ деньгамъ.

Немногіе даже изъ военныхъ кули второй дивизіи согласятся принять денежную награду за оказанную услугу, а простой солдатъ былъ бы безконечно оскорбленъ предложеніемъ подарка, безразлично, состоялъ бы онъ изъ одной серебряной іены или изъ кошелька съ золотомъ. Я признаюсь, что никогда не дѣлалъ опыта съ кошелькомъ золота, но я убѣжденъ, что если бы я его сдѣлалъ, то 13.000 изъ 14.000 людей второй дивизіи отказались бы отъ подарка, одни съ ужасомъ и негодованіемъ, другіе съ забавой и презрѣніемъ.

Презрѣніе къ деньгамъ есть частица традиціи чистаго Бушидо или Самурая, которая видимо сама переселилась безъ особенныхъ усилій изъ феодализма въ армію.

Но купцы, маркитанты, фотографы и другіе штатскіе спутники войскъ, также рады и не прочь воспользоваться нечестной копѣйкой, какъ и ихъ прототипы Южной Африки, гдѣ моральный уровень не былъ особенно высокъ.

Но есть нѣкоторые признаки, что японскіе солдаты не всегда будутъ смотрѣть на золото, какъ на мусоръ, подобно своимъ предкамъ. Правда, все, о чемъ я здѣсь говорилъ, было въ маленькомъ масштабѣ, но я увѣренъ,

что главное русло, которымъ протекаютъ общественныя деньги японцевъ, содержится въ щепетильной чистотѣ.

Всякій японскій солдатъ считаетъ, что даже не экономное отношеніе къ общественнымъ деньгамъ, есть преступленіе противъ своей родины. Европеецъ склоненъ быть болѣе распущеннымъ по отношенію къ общественнымъ деньгамъ; убѣжденія японца какъ разъ противоположны. Но я хотѣлъ бы знать, принимая во вниманіе небольшіе признаки, которые я лично видѣлъ, какъ долго армія будетъ на высотѣ этого взгляда.

Я самъ молю, чтобы это продолжалось вѣчно, но есть признаки, которые видны дружелюбному наблюдателю и которые должны возбудить опасенія японской націи.

Если-бы переходъ отъ обычаевъ Бушидо къ законамъ промышленности былъ бы болѣе тихій и постепенный, то я думаю Самураю было бы легче соединить свои солдатскіе взгляды о чести съ современными. Но переходъ былъ слишкомъ рѣзкимъ.

Однако нѣкоторыя цѣнныя черты сохранились и это именно онѣ сдѣлали непобѣдимыми въ полѣ потомковъ старыхъ Самураевъ. Но мечи Самураевъ исчезли навсегда, и я очень опасаюсь, что духовные идеалы Бушидо не многимъ ихъ переживутъ. Что ихъ замѣнитъ? Возможно ли не христіанской націи заимствовать христіанскіе идеалы?

Но если христіанство не будетъ принято японцами, а Конфуцій будетъ разрушенъ, то сможетъ ли живая пламенная вѣра быть замѣненной холоднымъ прописнымъ кодексомъ морали, основанной на изрѣченіяхъ вродѣ „честность есть лучшая политика“?

Можетъ ли великая нація возвысится при столь неодухотворенныхъ и земныхъ принципахъ? Мы увидимъ, Японія можетъ намъ поднести столько же сюрпри-

зовъ въ будущемъ, сколько ихъ было и въ прошедшемъ.

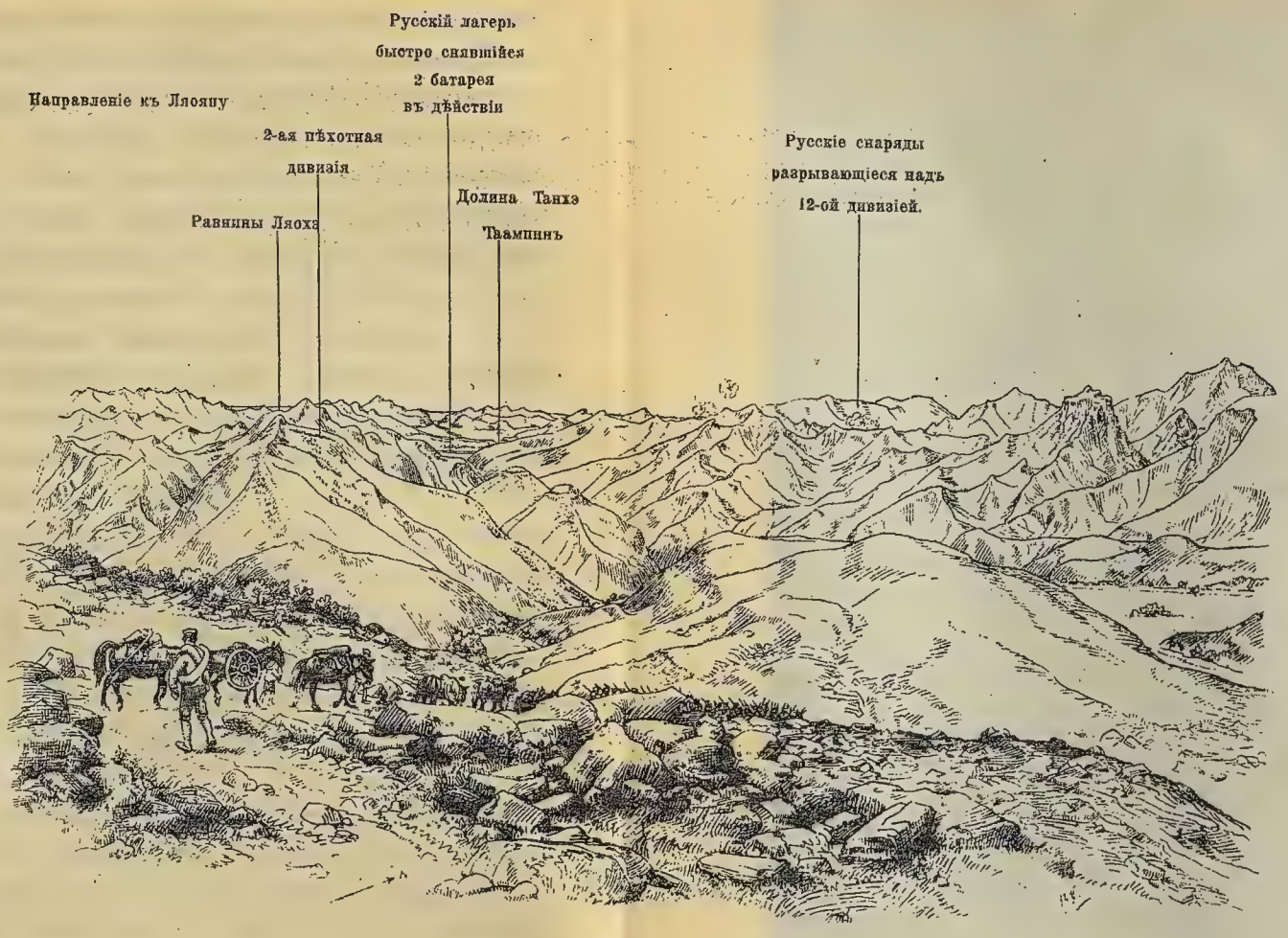
Разовьется ли промышленная Японія, привившись сама къ сучковатому стволу античныхъ культуръ или теперешнія комерческія условія потребуютъ новыхъ основаній и коренныхъ реформъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что старый духъ еще долго будетъ влачить свое существованіе, среди арміи, въ то время какъ въ сердцахъ гражданскаго населенія онъ исчезнетъ.

Въ этомъ случаѣ другая опасность будетъ угрожать Японской имперіи—именно опасность, что благородный духъ арміи будетъ рѣзко отличаться отъ новаго комерческаго духа всей остальной націи. Даже въ этомъ лагерѣ, среди войска, богатомъ побѣдами, горящемъ патріотизмомъ, есть признаки, указывающіе на то, что военная каста должна ускорить процессъ измѣненія своего духа, согласно современнымъ условіямъ жизни, чтобы не потерять точки соприкосновенія съ остальною массою населенія.

Невозможно было оставаться слѣпымъ къ крайнимъ радикальнымъ, подчасъ чисто соціалистическимъ, взглядамъ нѣкоторыхъ штатскихъ японцевъ, находящихся теперь здѣсь, и побывавшихъ въ Америкѣ; и нельзя не знать объ ихъ ненависти, свободно ими выражаемой къ военной кастѣ офицеровъ.

Это признакъ приближающихся будущихъ затрудненій, т. к. не можетъ быть сомнѣнія, что если здѣсь, среди присутствующихъ немногочисленныхъ штатскихъ, нашлось нѣсколько съ такого рода взглядами, то во всей Японіи найдется много тысячъ съ подобными убѣжденіями. Переходъ отъ Бушидо къ Чикаго былъ слишкомъ рѣзкимъ. Скептическіе и индивидуалистическіе взгляды, господствующіе въ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, дѣйствуютъ какъ разъѣдающая сулема на честный и самоотверженный духъ Самурая. Старыя бутылки



Сраженіе при Ляоянѣ

Общій видъ равнины Августа 27-го н. ст. 1904 г. 2-я дивизія 1-ой арміи наступаетъ къ Танхэ.

XVIII.

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картографич. завед. Д. Руднева. С.П.б. Нов. пер. 5.

пока еще въ прекрасномъ состояніи, но для бродящаго новаго вина трудно найти соотвѣтствующія новыя. Тутъ возникаетъ вопросъ, который я подробно обсуждалъ съ моими японскими военными друзьями. Нельзя ли что нибудь сдѣлать, чтобы предотвратить эту опасность? Если желательно, чтобы японцы подвигались понемногу въ вопросѣ объ образованіи, то почему не избрать нѣсколько старинныхъ учрежденій въ родѣ Оксфорда или Кембриджа, Эдинбурга, Глазго или Св. Андрея.

Эти древнія заведенія обладаютъ духомъ, который не такъ рѣзко отличается отъ традицій старой Японіи, чѣмъ, блистательный самъ по себѣ, духъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Англійскіе университеты въ состояніи вести очень постепенно и очень спокойно студента Самурая къ новымъ неизбѣжнымъ идеаламъ; уроки американскихъ университетовъ тоже могутъ принести хорошіе результаты, но могутъ также, какъ я самъ то видѣлъ, настолько плохо ассимилировать, что разрушатъ душевное равновѣсіе учащагося японца.

Я бы смѣло послалъ своего молодого родственника впитывать въ себя американскія понятія, но я бы посовѣтовалъ воздержаться отъ этого сыну Самурая.

Вотъ, какъ бы тамъ ни было, къ какому заключенію я прихожу:

1) Традиціи Бушидо въ извѣстной степени были успѣшно пересажены изъ стараго кодекса Самураевъ въ армію, но совершенно не пустили корней въ области торговли.

Слѣдовательно, разъ эти традиціи приняты, то онѣ должны согласоваться съ новымъ положеніемъ вещей, или погибнуть. Уже Бушидо возбуждаетъ антагонизмъ нѣкоторыхъ людей, получившихъ иностранное воспитаніе. Такіе интелектуалисты смотрятъ на военныхъ съ

большею нелюбовью, чѣмъ нѣмецкій профессоръ на прусскаго юнкера. Они страстно желаютъ эмансипаціи женщинъ; они хотятъ унизить гордую военную и морскую касту офицеровъ и склонны, какою бы то ни было цѣною, демократизировать японскія учрежденія во всѣхъ направленіяхъ. Я ничего здѣсь не выдумываю самъ.

Я только передаю чувства японскихъ штатскихъ, которые высказывали мнѣ ихъ не разъ.

Я искренно не соглашаюсь съ этимъ; но даже, если они и правы въ принципѣ, то я нахожу, что преждевременно и антипатріотично теперь же убить Бушидо.

2) Было бы невознаградимой потерей для Японіи, если бы Бушидо былъ начисто сметенъ, не оставивъ никакого слѣда въ національномъ характерѣ.

3) Слѣдовательно, японцы не будутъ спѣшить и, принужденные посылать нѣкоторыхъ своихъ дѣтей заграницу, будутъ выбирать страну, въ которой все еще народъ вѣритъ въ величіе своихъ предковъ, и даже больше, чѣмъ онъ это выказываетъ.

Впрочемъ я чувствую, что для разбора этого вопроса, я слишкомъ мало освѣдомленъ.

Когда я стараюсь понять образъ мысли японцевъ, я всегда бываю сбитъ съ толку противорѣчіемъ на противорѣчіи. Человѣкъ, говорящій о паровомъ молотѣ Армстронга или о системѣ нѣмецкой атаки съ такимъ знаніемъ, какъ будто онъ самъ является изобрѣтателемъ этого, оканчиваетъ скромно свою рѣчь: „мы еще должны много учиться—очень много“.

Японецъ кажется одареннымъ большею нервною энергіею, чѣмъ другіе азіаты. Они удивительно любопытны и горячо привѣтствуютъ каждую новую вещь и новую идею. На счетъ механическихъ деталей они особенно любознательны. Я сказалъ бы, что ихъ геній исключительно прозаиченъ и матеріалистиченъ, если бы

опять не неизбѣжное противорѣчіе: ихъ любовь къ поэзіи, къ искусству, живописи и особенно къ поэзіи. И хотя поэзія состоитъ главнымъ образомъ изъ остротъ или игры словъ, но во всемъ есть истинное чувство.

Вы видите простого солдата, приходящаго въ полное упоеніе отъ трели соловья; можете ли вы послѣ этого сказать, что душа японца глуха къ мелодіи? Японецъ, насколько я могъ это замѣтить, не интересуется пейзажемъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе цѣлый отрядъ въ состояніи цѣпенѣть отъ восторга, отдаваясь всей душой чувству художественнаго восхищенія, при видѣ какого нибудь водопада. Что же касается цвѣтовъ, то ихъ буквально обожаетъ вся армія. Японскій языкъ конечно не похожъ на англійскій, какъ и всякій другой, но слушая его на такомъ разстояніи, на которомъ теряются отдѣльные слова, невольно замѣчаешь въ интонаціи какое то странное сходство.

Боюсь, что изъ моихъ словъ можно пожалуй вывести заключеніе, будто Японіи надо всему учиться отъ насъ. Разумѣется, мы можемъ ее научить кое чему, но въ отношеніи того великаго качества, какимъ только можетъ обладать нація, а именно въ отношеніи способности внушать своимъ сынамъ и дочерямъ идею, что общественные интересы должны идти впереди, а частные далеко позади,—мы сами еще многому можемъ поучиться у японцевъ. Для того чтобы жизнь могла подниматься надъ обыденнымъ, пошлымъ уровнемъ, необходимо имѣть въ запасѣ идеалъ, который, въ моменты просвѣтлѣнія, указываетъ на возможность существованія съ болѣе возвышенными цѣлями.

Такіе моменты случаются не часто, но только тѣ въ состояніи уловить ихъ и отозваться на призывъ, кто хранитъ въ своей душѣ чувство патріотическаго долга и любовь къ своей странѣ, слагающуюся изъ

чувства благодарности за прошлое своей родины, надеждъ на ея будущее и рѣшимости защищать ее; у насъ очень часто унижается благородное слово „свобода“ тѣмъ, что его смѣшиваютъ съ правомъ личности, противопоставляемымъ государству. Но что такое *право* въ сравненіи съ *долгомъ?* И развѣ съ нашей стороны было бы ужъ такъ много надѣяться, что наше грядущее поколѣніе проникнется по меньшей мѣрѣ убѣжденіемъ, что общественное благо должно занимать первое мѣсто въ жизни каждаго отдѣльнаго индивидуума, и что только такимъ путемъ и въ послѣдней будетъ отражаться какой либо лучъ величія родины? Вѣдь нація живетъ только въ сердцахъ народа. Если она умретъ въ сердцахъ народа, то ее уже не спасутъ никакія богатства и никакія обширныя территоріи. Еврей, не имѣющій отечества; ньюіоркскій ирландецъ; говорящій по французски канадецъ, потомокъ шотландца Фразера *), гораздо болѣе принадлежатъ къ своей націи, еврейской, ирландской или шотландской, нежели тѣ англичане къ англійской націи, которые въ своей жизни придерживаются себялюбивыхъ взглядовъ и откровенно выражаютъ свои космополитическія симпатіи.

---

*) Фразеръ, Іоганъ—путешественникъ по Сѣв. Америкѣ и извѣстный естествоиспытатель род. 1750, умеръ 1811. Прим. перев.

Глава XX.

Битва двадцать шестого августа.

Кинкахоши, августа 23-го, 1904. — Громадное возбужденіе. Начинается движеніе съ цѣлью отрѣзать сообщенія Куропаткина. Какое счастье быть живымъ и принимать участіе въ великомъ конечномъ походѣ манчжурской войны!

Три дивизіи сохраняютъ свое взаимное положеніе. Гвардія съ лѣвой стороны, Куроки со второй дивизіей въ центрѣ и двѣнадцатая дивизія справа. Гвардія выступила и сегодня вечеромъ отправляется къ западу по большой Ляоянской дорогѣ до того мѣста, гдѣ эта дорога снова поворачиваетъ къ сѣверу (См. карту XXII). Она должна захватить съ собой полевую артиллерію второй дивизіи, такъ какъ нашъ путь пойдетъ по такой странѣ, которая непроходима для чего нибудь иного, кромѣ пѣхоты и горныхъ орудій. По слухамъ, значительное число непріятеля находится противъ лѣваго фланга гвардіи, но говорятъ, что четвертая армія протягиваетъ намъ руку, чтобы уменьшить наши затрудненія въ этомъ направленіи.

Новикъ былъ потопленъ двумя японскими крейсерами при проходѣ пролива Хокаидо.

Кинкахоши, августа, 24-го, 1904. — Я выступаю завтра, въ 2 ч. 30 м., съ Куроки и со штабомъ главной квартиры арміи, захвативъ съ собою провизіи на три дня, верхомъ на лошади, и вѣроятно мнѣ придется провести нѣсколько ночей подъ открытымъ небомъ.

Слишкомъ занятъ приготовленіями и потому писать больше некогда, хотя радость арміи, получившей приказаніе двинуться впередъ, и представляетъ очень соблазнительную тему для описанія.

Подъ дубомъ, близъ Алтаулина *), августа 25-го, 1904.—Пишу при свѣтѣ „Мангатсу“ — полной луны періода жатвы. Душа моя раздѣляла обожаніе, съ которымъ, въ эту ночь, всѣ истинные японцы взирали на непостоянное свѣтило. По всѣмъ направленіямъ разстилались зрѣющія нивы и даже шелестъ колосьевъ не нарушалъ глубокаго безмолвія, дѣйствующаго угнетающимъ образомъ въ особенности на того, кто знаетъ, что его тѣсно окружаетъ невидимое многочисленное войско. Составленные штыки, съ какимъ то зловѣщимъ блескомъ выступающіе изъ за колосьевъ и лѣниво поднимающіяся мѣстами къ безоблачному небу, струйки голубого дыма, выдавали присутствіе дремлющей арміи.

Хижина близъ деревни, называемой Хочіапутзы (*Кокахоши*) августа 26-го, 1904.—Я промокъ до костей и притомъ страшно проголодался, но возбужденіе даетъ мнѣ временный порывъ смѣлости засѣсть за свое дѣло бумагомаранья. Мы не идемъ въ Ляоянъ послѣ завтра—это по крайней мѣрѣ ясно, но очевидно также, что я не въ состояніи буду написать сколько нибудь понятное изложеніе битвы, пока не будетъ надо мной непроницаемой для воды крыши. Это значитъ, что пока я долженъ удовольствоваться только набросками личныхъ приключеній и наблюденій изо дня въ день, по мѣрѣ ихъ возникновенія.

Въ 3 ч. 30 м. утра меня разбудили и сказали мнѣ, что Куроки со своимъ штабомъ уже выступилъ изъ лагеря и что я долженъ послѣдовать за нимъ. Луна по-

*) (см. карту XXII), по японски Нидореи.

висла очень низко надъ горами и я могъ разслышать вдали нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ. Пройдя нѣкоторое время къ сѣверу, къ долинѣ Теньшуйчжань, мы повернули на западъ и около полуторы мили карабкались по узкому проходу, ведущему въ ближайшую обширную долину.

Когда мы достигли гребня, то насъ встрѣтилъ адъютантъ, который и сообщилъ, что генералъ Куроки расположился на вершинѣ, какъ разъ къ югу отъ того мѣста, гдѣ я находился и надѣется, что я присоединюсь туда къ нему. На самой верхушкѣ горы, называемой Вучялинъ (Гокареи, карта XXII), находился клочекъ ровнаго мѣста, покрытаго дерномъ и окруженнаго густымъ орѣшникомъ. На этой миніатюрной лужайкѣ были поставлены въ рядъ четыре походныхъ кресла. Я сидѣлъ, въ большомъ почетѣ, на второмъ слѣва, между генераломъ Куроки и принцемъ Куни. Въ первый разъ въ своей жизни я видѣлъ стулья на полѣ битвы, а нахожденіе меня самого на одномъ изъ нихъ заставило меня вспомнить маршала Саксонскаго и доброе старое время, когда все подобное дѣлалось въ широкомъ масштабѣ.

Позади насъ и подъ нами лежала долина, Теньшуйчжань, разстилающаяся къ сѣверу и югу, а передъ нами, глядя на западъ, возвышалась на разстояніи около четырехъ миль высокая непрерывная цѣпь горъ, находящаяся еще во владѣніи русскихъ. Позади этой цѣпи, скрытая отъ нашихъ глазъ, протекала Танхэ и черезъ эту рѣку Ойяма приказалъ Куроки прогнать врага. Цѣлая чаща вершинъ, гребней и овраговъ преграждала доступъ къ позиціи, занимаемой русскими. По такой мѣстности удобно могутъ пробираться только очень молодые люди да дикія козы. Возьмите небольшой листъ бумаги, скомкайте его, затѣмъ снова разложите, увеличьте полученный снимокъ въ 50.000 разъ и тогда

быть можетъ вы получите сколько-нибудь приблизительную идею о конфигураціи почвы (чертежъ XVII и карта XXII).

Вторая дивизія сбила линію аванпостовъ врага ударомъ въ штыки, при лунномъ освѣщеніи, и теперь завладѣла пересѣченною мѣстностью между нами и высокою цѣпью горъ на западѣ. Она даже овладѣла небольшою частью главной русской позиціи, на своемъ крайнемъ правомъ флангѣ, т. е. на лѣвомъ флангѣ русскихъ. Но когда я только что прибылъ туда, центръ и правое крыло врага все еще удерживали свои позиціи и японцы главнымъ образомъ сосредоточивались на нижнихъ скатахъ большихъ горъ, гребни которыхъ были увѣнчаны русскими окопами.

Когда я въ первый разъ взглянулъ на часы было семь часовъ утра. Тогда уже развивался сильный стрѣлковый бой и двойной звукъ болѣе тяжелыхъ русскихъ ружей казался преобладающимъ. За одиннадцать миль слѣва отъ насъ къ юго-западу, около часу тому назадъ, началась артиллерійская дуэль между шестидесятью пушками, принадлежащими гвардіи или присоединенными къ ней, и пятью русскими батареями, скрытыми позади горнаго кряжа. Японскія пушки дѣйствовали вдоль линіи Ляндясань-Тунсинпу (Рошисанъ-Ташинпу), а русскія отвѣчали съ линіи Таденьцзы-Кофынцзы (Даиденши-Кохоши, карта XXII). Маленькіе бѣлоснѣжные клубки дыма всѣ скопились въ кучу въ одномъ мѣстѣ, словно группа невинныхъ чаекъ, висящая надъ стаей рыбъ. Но, какъ ястребы обнаруживаютъ присутствіе трупа, такъ и эти отдаленные кудрявые грозди бѣлыхъ облачковъ дыма ясно указываютъ гдѣ находится смерть и даже на такомъ разстояніи можно замѣтить облака желтоватой пыли, поднимающіяся отъ желѣзнаго

Бой русскаго аріергарда Августа 28 н. ст. 1904 г.
Видъ на позицію передъ фронтомъ 2-ой дивизіи 1-й арміи; 2-я дивизія переправилась черезъ р. Танхэ между Судязай и Таампиномъ

XIX.

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель“

Картографич. завед. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5.

дождя кругомъ русскихъ „пушечныхъ колодцевъ“. Вотъ и все относительно центра и лѣваго фланга.

Около десяти миль отъ насъ, вправо и къ сѣверу, перпендикулярно къ горизонту, лежитъ огромная, черная, съ отвѣсными склонами, гора, съ небольшимъ бугромъ на ея дальней или западной оконечности. Гора эта называется Хунжалинъ (Козареи). Я слышалъ, что всѣ рекогносцировки подтвердили, что эта гора можетъ представить очень большое препятствіе, такъ какъ она почти отвѣсно возвышается на 1600 футъ надъ рѣками. Куроки даже не увѣренъ, что она проходима съ сѣверной стороны, для вооруженнаго человѣка, который могъ бы на нее вскарабкаться. Хунжалинъ составляетъ лѣвый флангъ русской позиціи и является цѣлью для горячихъ головъ двѣнадцатой дивизіи. Даже въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, еще никому неизвѣстно навѣрное, что тамъ происходило и въ чьихъ рукахъ осталась эта гора.

Въ 7 ч. 30 м. вѣстовой принесъ намъ чашки горячаго чая и Куроки далъ мнѣ сигару, а одинъ изъ штабныхъ офицеровъ зажегъ для меня спичку. Я уже говорилъ, что для меня это было большимъ почетомъ сидѣть здѣсь, рядомъ съ главнокомандующимъ японской арміей, во время происходящаго великаго сраженія, и курить его сигары, зажженныя для меня другимъ великимъ человѣкомъ. Куроки такъ весело смѣялся, какъ будто у него на душѣ не было никакой заботы. Я спросилъ его: „Ваше превосходительство, я надѣюсь, вы не предвидите большихъ потерь?“ Онъ отвѣтилъ мнѣ, что его озабочиваетъ только двѣнадцатая дивизія, которая находится такъ далеко, что онъ не можетъ получать отъ нея извѣстій о ходѣ дѣйствій. Онъ могъ видѣть, судя по разрывамъ шрапнелей,—что линія битвы гвардіи была тамъ именно, гдѣ онъ и ожидалъ. Онъ

также былъ увѣренъ, что вторая дивизія, находящаяся противъ насъ, разовьетъ успѣхъ, одержанный ея ночною штыковою атакой.

Куроки въ самомъ дѣлѣ восхитительный человѣкъ. Въ немъ нѣтъ ни капли натянутости, высокомѣрія, подозрительности; это привѣтливый, нисколько не надменный, симпатичный и очаровательный генералъ. Иногда слышалось какое-нибудь шутливое замѣчаніе, надъ которымъ онъ и его штабъ смѣялись отъ души.

Однако ни этикетъ, ни требованія вѣжливости не упускались ни разу. Но не было замѣтно ни малѣйшаго признака напряженія или возбужденія, а только живой интересъ.

Мнѣ разсказывали, что у одного раненаго штабнаго русскаго офицера, взятаго въ плѣнъ около недѣли тому назадъ, нашли инструкціи, предупреждающія начальниковъ русскихъ дивизій, стоящихъ противъ насъ, чтобы они обратили особенное вниманіе на свои фланги. Куроки, такимъ образомъ, удалось заглянуть въ планы непріятеля, что и побудило его попытаться сдѣлать смѣлую фронтальную атаку на центръ, такъ какъ онъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что эта часть русской линіи сравительно слабо занята и дурно подготовлена.

Между тѣмъ ружейная пальба усилилась до крайности вдоль нижнихъ откосовъ большихъ горъ, находящихся на противоположной сторонѣ. Выстрѣлы гулко раздавались, и эхо отдавалось въ высокихъ горахъ; какъ будто тысячи заклепщиковъ работали для спасенія „дорогой жизни“ на чудовищномъ броненосцѣ. Но японцы, повидимому, не подвигались ни на шагъ впередъ. Далеко налѣво огонь шестидесяти пушекъ императорской гвардіи началъ замѣтно ослабѣвать и русскія пушки, дѣйствовавшія противъ нихъ, могли ужъ отвлечь часть своего огня въ другую сторону поля битвы, гдѣ пови-

димому происходилъ ожесточенный бой противъ наступающей пѣхоты.

Куроки страстный курильщикъ и курилъ сигару за сигарой. Иногда онъ ложился на спину и употреблялъ сигарный ящикъ вмѣсто подушки, положивъ на него свой носовой платокъ.

Когда получались донесенія, доставляемыя встревоженными адъютантами или ординарцами, то обыкновенно ихъ принималъ старшій офицеръ штаба и затѣмъ уже, ознакомившись съ ними, передавалъ ихъ Куроки. Но случалось, что адъютантъ самъ выступалъ впередъ и громко прочитывалъ то, что было написано въ его записной книжкѣ, такъ что всѣ могли слышать.

Въ 7 ч. 50 м. утра мы замѣтили, что одна особая русская батарея, окопавшаяся на южной сторонѣ маленькаго холма, подверглась страшному сосредоточенному огню всей гвардейской артиллеріи, буквально засыпавшей ее шрапнелью и гранатами сильнаго разрывнаго дѣйствія. Клубы бѣлаго какъ хлопокъ дыма скоплялись надъ восемью русскими полевыми орудіями, извергаемые невидимыми грохочущими и рычащими японскими пушками. Временами громадный столбъ зеленовато-чернаго дыма, поднимающійся надъ краемъ орудійнаго окопа, указывалъ мѣсто, куда упала разрывная граната. Всѣ наши подзорныя трубы были устремлены на эту сцену, полную животрепещущаго интереса, какъ вдругъ мы замѣтили, что русскіе начали отводить назадъ свои орудія и затѣмъ снова ставить ихъ въ промежуточные окопы на противоположной сѣверной сторонѣ холма, откуда они вскорѣ опять возобновили свой огонь, между тѣмъ какъ гвардейская артиллерія продолжала засыпать снарядами пустыя траншеи на югѣ. Офицеры генеральнаго штаба, вмѣсто того, чтобы возмутиться успѣхомъ русской хитрости, какъ это вѣро-

ятно сдѣлали бы европейцы или американцы, были искренно заинтересованы этимъ и совершенно довольны. Они воскликнули: „Ils luttent bien!“. (Они борются хорошо) *).

Въ 8 ч. утра явился адъютантъ съ депешей и, отдавъ честь, прочелъ донесеніе отъ начальника двѣнадцатой дивизіи, извѣщающаго, что въ 6 ч. 30 м. утра онъ завладѣлъ сѣверною и наиболѣе трудною частью позиціи на Хунжалинѣ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ русскихъ, но непріятель продолжаетъ энергично противодѣйствовать всѣмъ его попыткамъ воспользоваться этой выгодой. Это было важное извѣстіе, но оно не было достаточно опредѣленнымъ и рѣшительнымъ и поэтому генеральный штабъ не могъ радоваться вполнѣ.

Въ 8 ч. 15 м. прибылъ запыхавшійся посланный, заявившій, что непріятель, находящійся впереди второй дивизіи, начинаетъ отступать къ Таампину (Ампингу). Непрекращающійся трескъ и грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ напоминалъ шумъ пылающаго костра. У меня было сильное желаніе попросить разрѣшенія побѣжать туда и посмотрѣть вблизи какъ сражается пѣхота, но меня удержала мысль, что если я буду наблюдать за подвигами отдѣльныхъ командъ, то долженъ буду отказаться отъ единственнаго случая, когда я могу быть одинокимъ зрителемъ обширной панорамы битвы, гремящей и дымящейся внизу, у моихъ ногъ.

Въ 8 ч. 20 м. получена вторая депеша отъ двѣнадцатой дивизіи, сообщающая, что Кигоши, занимающій въ двѣнадцатой дивизіи такое же мѣсто, какъ Окасаки во второй, взобрался съ пятью баталіонами на высокій черный кряжъ къ сѣверу отъ Хунжалина, и что

*) Я думаю было бы правильнѣе сказать: „Ils se battent bien!“ (Они дерутся хорошо), но я передаю подлинныя слова.

русскіе прогнаны съ сѣвернаго склона горы въ тотъ моментъ, когда писались эти строки, т. е. въ 7 ч. 20 м. Это извѣстіе было прочитано громко и на этотъ разъ японцы сбросили усвоенную ими личину равнодушія и радовались какъ школьники. Одинъ изъ старшихъ офицеровъ даже дошелъ до того, что крикнулъ „браво!“ и спустя нѣсколько минутъ шепнулъ мнѣ, смѣясь: „Das war die Hauptsache“ (это было главное!).

Насколько я могъ судить по картѣ и положенію мѣстности, наполовину взятый кряжъ былъ ключемъ къ лѣвому флангу и центру непріятельской позиціи. Съ занятіемъ его японцы пріобрѣтали точку опоры для непосредственнаго движенія впередъ на Таампинъ, причемъ, если оно увѣнчается успѣхомъ, то лишитъ непріятеля возможности отстаивать всю область, лежащую между Танхэ и Ланхэ (карта XXII). Русскіе, какъ мнѣ казалось, должны были или отобрать назадъ кряжъ Хунжалина или же лишиться прочной опоры для своего лѣваго фланга и центра, пока не отступятъ къ западу на Танхэ или къ сѣверу на Тайцзыхэ (Таитсухо). Правый флангъ русскихъ, сражавшійся съ императорскою гвардіей, не подвергался такой непосредственной опасности, такъ какъ всегда могъ отступить къ Ляояну, по главной Пекинской дорогѣ, которая была свободна отъ Таампина. Тѣмъ не менѣе, если бы лѣвый флангъ и центръ русскихъ вынуждены были бы отступить, то за ними должны были бы тотчасъ же послѣдовать и противники императорской гвардіи. Я тотчасъ же написалъ каблеграмму въ Индію и тутъ же, на мѣстѣ, далъ ее на просмотръ цензору. Я сообщилъ въ ней, что, хотя русскіе и хорошо сражаются, но важная побѣда японцамъ все-таки обезпечена. Генеральный штабъ какъ разъ отправлялъ ординарца назадъ въ Теньшуйчжань и ему было милостиво разрѣшено взять съ собою мою каблеграмму.

Едва успѣлъ онъ скрыться изъ вида, какъ уже къ намъ стали поступать дурныя извѣстія съ фронта и я уже не въ первый разъ пожалѣлъ о своей торопливости.

Въ 8 ч. 25 м. явился посланный съ извѣстіемъ, что одна колона непріятеля какъ будто отступаетъ къ Таампину, тогда какъ другая большая колонна свѣжихъ войскъ показалась слѣва второй дивизіи, гдѣ ежеминутно ожидалась контръ-атака. Генералъ-лейтенантъ Ниши, командующій второю дивизіей, не считалъ свою позицію настолько хорошей, чтобы можно было противостоять подобному движенію, такъ какъ у него подъ рукой былъ только одинъ батальонъ и поэтому онъ серьезно просилъ подкрѣпленій отъ 29-го полка Коби, удерживаемаго Куроки въ Теньшуйчжанѣ въ качествѣ армейскаго резерва. Куроки былъ совершенно спокоенъ. Онъ отказалъ въ подкрѣпленіяхъ и я подозрѣвалъ, что онъ былъ бы очень доволенъ, если-бъ была произведена контръ-атака.

Мѣстность была такъ неудобна и такая неровная, что единственнымъ результатомъ успѣшнаго движенія русскихъ противъ второй дивизіи, было бы то, что ихъ собственный центръ безнадежно запутался бы среди горъ. Они не могли втащить за собою свою артиллерію, чтобы увеличить выгоды своего положенія, а между тѣмъ двѣнадцатая дивизія могла обойти ихъ съ тыла къ Таампину и такимъ образомъ окончательно отрѣзать имъ линію отступленія.

Черезъ минуту послѣ тревожнаго посланія Ниши, т. е. въ 8 ч. 26 м. прибылъ ординарецъ отъ императорской гвардіи съ сообщеніемъ, что положеніе этого фланга стало очень серьезнымъ. Гвардія, по его словамъ, не могла достичь никакихъ успѣховъ, ни при помощи своего превосходства въ артиллеріи, ни посредствомъ движенія впередъ своей пѣхоты. Непріятель же, впе-

реди, быстро увеличивался и грозилъ окружить и принудить къ отступленію лѣвую бригаду, подъ командою Асады, которая, повидимому, очутилась въ нѣсколько изолированномъ положеніи, перейдя верхнее теченіе Танхэ. Тутъ лица у всѣхъ стали серьезными и послѣ очень краткаго совѣщанія было отдано приказаніе всему резерву арміи двинуться изъ Теньшуйчаня на помощь гвардіи.

Резервъ арміи, какъ я уже только что писалъ, состоялъ только изъ 29-го полка Коби *), который, лишь за часъ передъ этимъ, прибылъ въ Теньшуйчжань изъ Аньдунсяня (Антунга), пройдя все это разстояніе въ 48 часовъ **). Такой быстрый переходъ еще не совершала ни одна часть первой арміи.

Пока этотъ резервъ оставался въ Теньшуйчжанѣ, онъ находился въ тылу центра японской боевой линіи, но какъ только его отправили на крайній лѣвый флангъ, то онъ уже пересталъ служить подкрѣпленіемъ центра или праваго фланга.

Куроки былъ очень мало освѣдомленъ относительно того, что дѣлалось на правомъ флангѣ. Онъ зналъ только, что двѣнадцатая дивизія наполовину уже завладѣла позиціей, которую ей приказано было атаковать, и все еще продолжаетъ сражаться. Онъ слышалъ также, что готовится серьезная атака противъ его центра, находящагося всего лишь въ трехъ или четырехъ миляхъ разстоянія отъ его непосредственнаго фронта и онъ самъ могъ убѣдиться, собственными глазами и ушами, что русскіе, въ этой части поля битвы, были много-

*) Въ японской арміи организацію Коби составляетъ 2-й резервъ, люди прослужившіе три года подъ знаменами и три года въ Іоби, или 1-мъ резервѣ. Они остаются десять лѣтъ въ Коби.

**) Я нахожу это записаннымъ у себя въ дневникѣ и поэтому нѣсколько пораженъ тѣмъ, что на картѣ это разстояніе обозначено въ 85 миль!

численны и горячо сражались. Отдавая такое приказаніе, онъ, какъ я думаю, принялъ рѣшеніе, которое одинъ изъ офицеровъ штаба назвалъ „une decision un peu audacieuse“ (рѣшеніе нѣсколько смѣлое). Въ самомъ дѣлѣ, надо было обладать необыкновенною силой характера, чтобы рѣшиться разстаться съ 29-мъ полкомъ въ такую критическую минуту.

Немногіе изъ генераловъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ, имѣли бы смѣлость лишиться, по обсужденіи положенія дѣла, всѣхъ своихъ резервовъ до единаго человѣка въ такой моментъ, когда увеличивающаяся сила ружейныхъ выстрѣловъ и блѣдные, запыхавшіеся гонцы, прибывающіе съ боевой линіи—все указывало на приближеніе кризиса въ той части сраженія, которая происходила передъ ихъ глазами.

Куроки не одержимъ старо-гвардейскими тенденціями. Его методъ управленія резервами представляетъ высшую степень смѣлости. Никогда Куроки не заслужитъ упрека, сдѣланнаго нѣкогда Наполеономъ Жозефу, послѣ Талаверы *), когда онъ высказалъ ему голую правду въ глаза и объявилъ, что генералъ, отступившій, не использовавъ всѣхъ своихъ резервовъ, заслуживаетъ того, чтобъ его застрѣлили на мѣстѣ. Но и Наполеонъ не всегда дѣйствовалъ согласно своимъ собственнымъ принципамъ и хотя онъ считался всѣми признаннымъ мастеромъ въ искусствѣ употребленія своихъ резервовъ, тѣмъ не менѣе съ нѣкоторою достовѣрностью утверждается, что при Бородино онъ поколебался и проигралъ.

Но, если я восхищаюсь командующимъ нашею блестящею первою арміей, который принималъ на себя такую страшную отвѣтственность, и не съ трепетомъ,

*) Талавера, въ испанской провинціи Толедо. Въ 1809 году около Талаверы Веллингтонъ разбилъ французовъ подъ начальствомъ короля Іосифа.

Прим. перев.

а улыбкой, то не менѣе восхищенія возбуждаетъ во мнѣ и генеральный штабъ, хотя и въ другомъ отношеніи, за то усердіе и лойяльность, съ которыми онъ неустанно старается внушить всѣмъ постороннимъ идею, что Куроки думаетъ обо всемъ самъ, тогда какъ его помощники являются лишь слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ его власти. Какой контрастъ съ нѣкоторыми изъ насъ, не владѣющими и десятой долей власти японскаго генеральнаго штаба, но тѣмъ не менѣе всегда готовыми поощрять выводы нашихъ восторженныхъ друзей, утверждающихъ, будто генералъ былъ только маріонеткой въ нашихъ рукахъ, между тѣмъ какъ истинными творцами успѣха, который выпалъ на его долю, были мы сами. Если я вернусь здравымъ и невредимымъ въ Англію и меня будутъ спрашивать: „чему учитъ манчжурская война?“—то я долженъ буду отвѣтить, если у меня хватитъ на это смѣлости: „Тому, что мы должны измѣнить черты своего характера, мои дорогіе друзья, и стать менѣе подозрительными и эгоистичными и болѣе лойяльными и безкорыстными по отношенію къ своимъ собратьямъ офицерамъ. Въ этомъ заключается величайшій урокъ манчжурской войны“.

Въ 8 ч. 30 м. утра вторая дивизія продолжала съ отчаяннымъ мужествомъ („подобно свирѣпой смерти“) держаться на захваченной ею позиціи и это было все, что она могла сдѣлать. Атака праваго фланга имѣла своимъ послѣдствіемъ устройство ложемента на верхушкѣ высокой горы, возвышающейся надъ Танхэ, но гребень этой самой горы, противъ ихъ лѣваго фланга и лѣваго центра, все еще находился въ рукахъ непріятеля. Тутъ русскій огонь былъ настолько силенъ, что въ немъ совершенно исчезали звуки отдѣльныхъ выстрѣловъ японскихъ винтовокъ.

Позднѣе, въ этотъ день, я слышалъ, что положеніе

въ этомъ мѣстѣ было особенно критическимъ, такъ какъ русскій правый флангъ не только охватывалъ японскій лѣвый, но грозилъ обрушиться на центръ и правый флангъ.

Счастливымъ усложненіемъ битвы явилось, впрочемъ, вмѣшательство горной батареи, которая, уже съ восьми часовъ утра, старалась оказать поддержку правому центру японской пѣхоты и съ высоты гребня большого горнаго хребта открывала временами огонь по направленію къ Таампину (черт. XVII). Но до сихъ поръ эта батарея не приносила большой пользы, потому что огонь русскихъ полевыхъ орудій былъ слишкомъ для нея силенъ. Теперь же, замѣтивъ, что русскіе угрожаютъ ихъ лѣвому флангу, они отвели назадъ свою батарею на нѣсколько ярдовъ, такъ чтобы между ними и противодѣйствующими русскими батареями находилась линія горнаго хребта, и открыли огонь по всѣмъ направленіямъ словно букетъ шутихъ — какъ выразился одинъ подполковникъ. Но, не удовольствовавшись такими чисто оборонительными дѣйствіями, двѣ подобныя хлопушки — такъ какъ ихъ едва ли можно назвать иначе — явили намъ разительный примѣръ могучей силы артиллеріи, когда она не встрѣчаетъ сопротивленія въ подобномъ же родѣ оружія.

Было десять часовъ, когда двѣ пушки были сняты съ главнаго хребта и свезены внизъ, въ глубину долины, гдѣ ихъ перетащили черезъ просяныя поля на разстояніи одной мили отъ упорствующихъ русскихъ (у „Т“). Для наблюденія послѣдующихъ дѣйствій затрудненій уже не встрѣтилось. Съ Вучялина (Гокареи) можно было видѣть обѣ стороны въ хорошій бинокль. Русскіе окопы находились на небольшомъ разстояніи, подъ вершиною горы, а не на ея гребнѣ, для того чтобы обстрѣливать подступы, которые иначе были бы въ мертвомъ про-

странствѣ. Съ извѣстной точки зрѣнія такое расположеніе было хорошимъ, да и, на самомъ дѣлѣ, оно было необходимымъ. Но съ другой стороны, слабымъ пунктомъ такого положенія было то, что траншеи наклонялись впередъ, по направленію къ долинѣ, какъ будто приглашая какую нибудь гаубицу „бухнуть“ къ нимъ гранату. Конечно, въ нашихъ словахъ заключается нѣкоторое противорѣчіе, когда мы говоримъ одновременно, что какое нибудь распоряженіе можетъ быть въ одно и то же время необходимымъ и ошибочнымъ. Но это объясняется тѣмъ, что военное искусство далеко не такъ просто, какъ это можетъ воображать какой нибудь новичокъ, и вполнѣ совершенная, безъ всякаго изъяна, оборона естественной позиціи, при посредствѣ полевыхъ работъ, представляетъ явную невозможность.

Японцы постепенно карабкались по откосамъ, занимая одинъ холмикъ за другимъ, но въ теченіе послѣдняго часа они не сдѣлали никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Самый сильный огонь направлялся съ предпослѣдней вершины или бугра горы „Т“, подъ прикрытіемъ котораго около двухъ японскихъ батальоновъ вели бой противъ русскихъ окоповъ на дистанціи 500 ярдовъ *). Подъ прикрытіемъ стрѣлковаго огня, группы въ десять—двадцать человѣкъ дѣйствовали независимо, вступая въ рукопашный бой и постепенно образовали три большія, неправильной формы, грязнаго цвѣта, толпы, притаившіяся въ углубленіяхъ почвы, которыя служили имъ защитою отъ огня на разстояніи 200 ярдовъ отъ окоповъ лежащихъ тотчасъ же къ западу отъ „Т“ и отъ настоящей вершины, окруженной весьма замѣтною рытвиной.

*) Я слышалъ позднѣе днемъ, что японскія потери здѣсь и въ атакующихъ колоннахъ въ общемъ были около 40 офицеровъ и 600 солдатъ.

Въ то время какъ эти маленькія группы устремлялись вверхъ, карабкаясь и ползая, они не дѣлали никакой попытки воспользоваться своими ружьями, совершенно полагаясь на прикрывающій ихъ огонь батальоновъ, находящихся позади вершины. Я былъ слишкомъ далеко и поэтому не могъ замѣтить этого самъ, но я потомъ слышалъ объ этомъ днемъ отъ одного офицера, который тамъ находился. Однако, все же я, видѣлъ, что три большія толпы плотно держались („приклеились“) своихъ прикрытій и что огонь изъ окоповъ былъ чрезвычайно силенъ.

Я полагаю, что русскіе были слишкомъ поглощены своимъ отчаяннымъ стрѣлковымъ боемъ и поэтому не замѣтили двухъ маленькихъ пушекъ, протаскиваемыхъ незамѣтно черезъ просяное поле, иначе на разстояніи 1700 ярдовъ они могли-бы осыпать ихъ ружейными пулями. Странно представить себѣ, чѣмъ пользуется Всемогущій для того, чтобы измѣнить ходъ исторіи, или смирить гордость какой либо націи. Бываетъ, что какой нибудь одинъ храбрый простой солдатъ однимъ возгласомъ или жестомъ воодушевитъ своихъ товарищей надеждой въ минуту самаго мрачнаго ихъ отчаянія; бываетъ, что изъ-за проливнаго дождя одно государство оплакиваетъ своихъ доблестнѣйшихъ и лучшихъ сыновъ, а другое достигаетъ вершины могущества и славы; въ настоящую минуту, какъ мнѣ казалось, подобнымъ средствомъ являлась всего лишь пара горныхъ орудій. Въ 10 ч. 20 м. орудія открыли огонь по русской позиціи въ косвенномъ направленіи, причемъ сильные разрывные снаряды одинъ за другимъ ударяли въ окопы. Непріятель, казалось, совсѣмъ не могъ этого выдержать. Онъ сталъ отступать вдоль всей линіи, оставляя свои закрытія партіями въ двѣнадцать человѣкъ, по мѣрѣ укрытія ихъ за гребнемъ. Рано или поздно при такой

настойчивости со стороны артиллеріи онъ почти навѣрно долженъ былъ уйти, такъ по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Японскіе артиллеристы дѣйствовали весьма методично, начиная съ кольцеобразнаго укрѣпленія вокругъ макушки вершины и перенося стрѣльбу вдоль окоповъ съ юга на сѣверъ, причемъ приблизительно одинъ изъ трехъ выпускаемыхъ ими сильныхъ разрывныхъ снарядовъ непремѣнно попадалъ въ укрѣпленія. Для очевидца это была великолѣпная картина артиллерійской стрѣльбы, но я не могъ удержаться, чтобы не думать о той горечи, которую должны были испытывать сердца русскихъ офицеровъ, видя какъ люди ихъ вынуждены вслѣдствіе этого отступать.

Какъ только всѣ русскіе оставили свои траншеи и притаились за гребнемъ, впереди штурмующихъ японскихъ отрядовъ снова образовалось мертвое пространство.

Теперь насталъ моментъ, и дѣйствительно въ 11 часовъ грязноватое пятно, на которое былъ направленъ мой бинокль, вдругъ засверкало стальнымъ блескомъ сотень штыковъ и затѣмъ измѣнило свою неправильную округлую форму въ длинную, узкую, извивающуюся змѣевидную колонну, поспѣшно двигающуюся впередъ съ развѣвающимся во главѣ ея знаменемъ съ изображеніемъ солнца. Горныя орудія теперь прекратили огонь и русскіе поднялись на гребнѣ, чтобы встрѣтить японцевъ ружейнымъ огнемъ пачками. Въ эту минуту маленькое знамя само отдѣлилось, представляя какъ бы танцующее живое пятно, и быстро устремилось впередъ одно, на разстояніе восьмидесяти или ста ярдовъ отъ остальныхъ удальцовъ, идущихъ въ головѣ на приступъ. Блестящій воинскій подвигъ! Каждый мигъ мы ждали, что оно упадетъ, но нѣтъ, русскіе скрылись, огонь прекратился, а знамя развѣвалось на самой остроконечной ма-

кушкѣ вершины. Затѣмъ стрѣльба возобновилась, но теперь уже съ одиночными отзвуками, указывающими на то, что ружья направлены въ сторону отъ слушающаго.

Мой бинокль былъ направленъ на правый штурмующій отрядъ, но повидимому обѣ массы людей, которыхъ я замѣтилъ слѣва напали, одновременно, потому что глядя вдоль гребня, я повсюду видѣлъ японцевъ хозяевами и по крайней мѣрѣ съ полдюжины ихъ знаменъ, водруженныхъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга на самыхъ высокихъ вершинахъ цѣпи горъ. Въ слѣдующую нашу войну намъ слѣдуетъ также запастись нашими національными флагами. Вся армія воодушевляется, видя какъ подвигается впередъ возлюбленная эмблема ея родины, и хотя въ данномъ случаѣ артиллерія не продолжала стрѣлять до самой послѣдней минуты, мнѣ казалось, что съ такимъ примѣтнымъ знакомъ, опредѣляющимъ голову колонны, она могла бы продолжать стрѣлять безъ особой боязни повредить собственнымъ войскамъ.

Вторая дивизія заняла теперь всю русскую позицію и центръ непріятеля былъ разбитъ. Браво, храбрая вторая дивизія! Эти сѣверяне самые крупные, самые храбрые и наименѣе умные изъ японцевъ. Они-беотійцы Дальняго Востока. Они головой выше обыкновенныхъ японцевъ, встрѣчающихся на желѣзнодорожной платформѣ въ Токіо или на улицахъ Лондона, и, благодаря ихъ сложенію и мускульному развитію, ихъ трудно былобы побороть гдѣ-бы то ни было. Многіе японцы выразили-бы сильное сомнѣніе относительно ихъ превосходства въ смыслѣ храбрости, но я употребляю здѣсь это слово въ англійскомъ, а не въ кельтическомъ смыслѣ. Другія дивизіи могутъ совершать болѣе блестящіе подвиги, но вторая дивизія отличается твердостью, тупостью

и отсутствіемъ воображенія, и хотя ея солдатамъ никогда не пришло бы въ голову, какъ, напримѣръ, могло бы прійти въ голову солдатамъ двѣнадцатой дивизіи, домогаться опасности ради опасности, тѣмъ не менѣе они способны идти на встрѣчу ей съ величайшимъ равнодушіемъ, если она встрѣтится на ихъ пути.

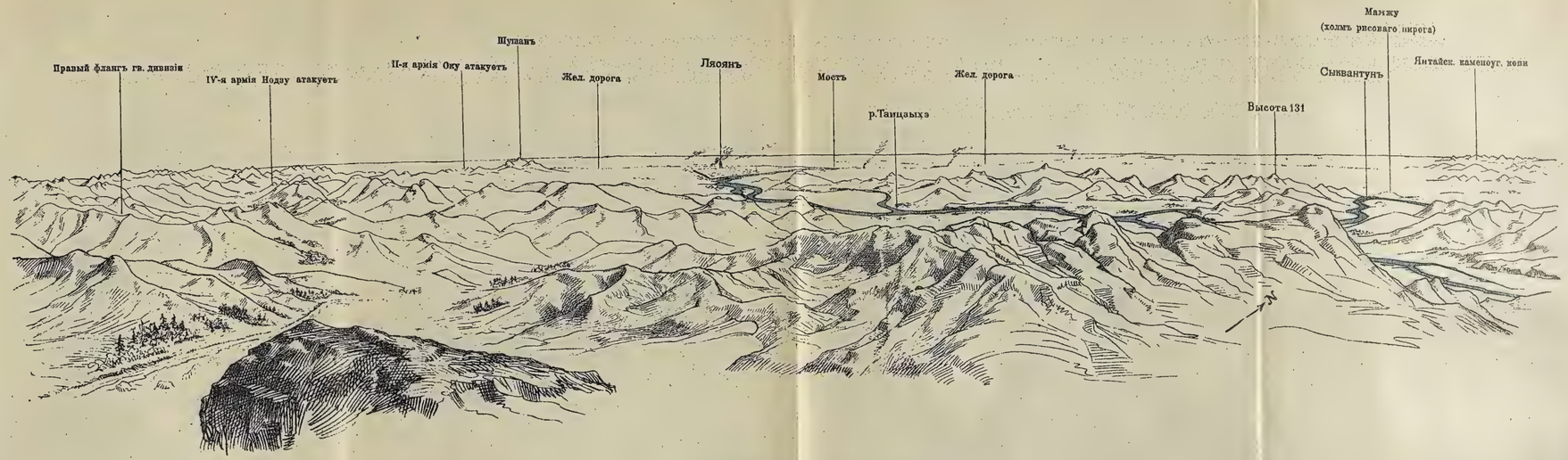
Около этого времени одинъ пріятель мой изъ высокопоставленныхъ сказалъ мнѣ: „Вѣсти, полученныя сейчасъ изъ двѣнадцатой дивизіи, хороши, но не такъ хороши, какъ мы ожидали. Правая бригада, подъ начальствомъ Кигоши, штурмовавшая сѣверную часть Хунжалина *(Козареи)*, продолжаетъ отчаянно сражаться и не въ состояніи взять южную часть горы. Лѣвая бригада двѣнадцатой дивизіи продвинулась до Чипанлина и Папанлина, гоня передъ собою непріятеля. Второй дивизіи удалось теперь занять позицію, которую занималъ непріятельскій центръ. Поэтому маршалъ Куроки имѣетъ еще нѣкоторую надежду, что двѣнадцатой и второй дивизіямъ удастся утвердиться на правомъ берегу Танхэ до наступленія ночи. Гвардейцы въ настоящее время сражаются у верховьевъ этой рѣки и если имъ только удастся хорошенько разбить непріятеля, то они, быть можетъ, будутъ въ состояніи добраться до Кофынцзы *(Когоши)* до темноты (карта XXII)

Нѣсколько минутъ спустя явился говорящій по нѣмецки офицеръ съ донесеніемъ о томъ, что отряды четвертой арміи видны теперь съ крайняго лѣваго фланга первой арміи. Послѣ того, какъ онъ окончилъ свой рапортъ, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ и узналъ, что лѣвая бригада гвардейцевъ, сдѣлавъ большое обходное движеніе, направляется теперь на сѣверо-востокъ, намѣреваясь обойти флангъ русскаго праваго крыла, находящагося въ одной или двухъ миляхъ къ югу отъ Кофынцзы *(Когоши)*. Я сказалъ ему, что командующій

арміей маршалъ надѣется, что гвардейцамъ удастся занять Кофынцзы до наступленія ночи, на это онъ отвѣтилъ, что гвардейцы, повидимиму, теперь слишкомъ заняты самообороной для того, чтобы помышлять о Кофынцзы. Около 11 часовъ утра ружейный огонь на нашемъ фронтѣ окончательно замеръ и только русскіе снаряды, разрывавшіеся надъ вершиной кряжа, только что взятаго японцами, да артиллерійское состязаніе между гвардейцами и русскимъ правымъ крыломъ, въ разстояніи одинадцати миль къ западу, показывали, что сраженіе все еще продолжается.

Въ 1 ч. вернулся съ передовыхъ позицій адъютантъ Куроки и доложилъ, что черезъ часъ будетъ проложена дорога черезъ горы, которая дастъ возможность полевой артиллеріи занять позицію на большомъ кряжѣ на нашемъ фронтѣ и обстрѣливать отступающихъ русскихъ.

Офицеры генеральнаго штаба забросали адъютанта многими вопросами и не скрывали своихъ мнѣній о томъ, что отступленіе русскихъ было выполнено великолѣпно. Оказывалось, что отступала вся линія одновременно и такимъ образомъ стянулась къ Таампину (Ампингу). Если-бы каждая часть русскихъ силъ дѣйствовала отдѣльно, то японскіе отряды, находившіеся уже въ близкомъ соприкосновеніи съ ними, могли-бы тоже отдѣльно ихъ преслѣдовать. На самомъ дѣлѣ, однако, Русскіе не только сохраняли связь между собою, но еще тѣснѣе сближались съ каждымъ шагомъ, который они дѣлали по направленію къ Таампину, при чемъ движеніе это они совершали подъ прикрытіемъ сильнаго огня двадцати четырехъ орудій поставленныхъ къ сѣверу отъ Чедяпудзы (Чучапутсу). У японцевъ не было орудій для отвѣтной стрѣльбы, кромѣ той горной батареи, дѣйствіе которой было только что описано, кромѣ того, они находились еще въ нѣкоторомъ разстройствѣ послѣ про-



Сраженіе при Ляоянѣ 30-го и 31 Авг. н. ст. 1904 г.

XX

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картографич. завед. Д. Руднева. С.П.Б. Мойлер. д. 5.

изведеннаго ими приступа. Я самъ не думаю, чтобы преслѣдованіе могло имѣть какой нибудь результатъ, кромѣ большихъ потерь для преслѣдователей, пока оно не могло быть поддержано артиллеріей. Войска находились въ походѣ, карабкались, сражались и атаковали уже болѣе двѣнадцати часовъ. На позиціи у нихъ было всего четыре небольшихъ горныхъ орудія. Непріятель, правда, отступилъ, но не обратился въ безпорядочное бѣгство и, повидимому, не былъ деморализованъ въ сколько нибудь значительной степени. Онъ сосредоточивалъ свои силы у Таампина (Ампинга) подъ прикрытіемъ сильной артиллеріи. Куроки хорошо сдѣлалъ, оставивъ его въ покоѣ.

Съ того момента, какъ было рѣшено, что вторая дивизія преслѣдовать не будетъ, поле сраженія утратило часть интереса, такъ какъ нельзя-же было продолжать сильно волноваться изъ за обмѣна снарядами гвардейцевъ съ русскимъ правымъ флангомъ на разстояніи болѣе десяти миль отъ нашего наблюдательнаго пункта. Пошелъ мелкій холодный дождь, и я укрылся подъ небольшимъ, но густымъ кустомъ орѣшника и вытащилъ изъ моей сумки еженедѣльный номеръ газеты Times отъ перваго іюля, доставленный мнѣ въ наиболѣе до сего времени короткій срокъ. Въ немъ было длинное письмо Толстого. Я вижу, что онъ считаетъ возможнымъ умиротворить, или устыдить, или утомить агресивные народы, постоянно подставляя имъ другую щеку для удара. Я сомнѣваюсь, оцѣнилъ ли вполнѣ великій писатель ту ненасытную жажду бить по щекамъ, которая какъ ржа впилась въ плоть и кровь нѣкоторыхъ частей рода человѣческаго. Если-бы русскій народъ обладалъ тѣмъ смиреннымъ, безстрастнымъ характеромъ, которымъ Толстой желаетъ видѣть его надѣленнымъ, то русская имперія очень скоро-бы раздробилась и была-бы подѣлена болѣе воинственными расами.

Въ 5 ч. 30 м. одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба пришелъ и подсѣлъ ко мнѣ подъ кустъ, замѣтивъ, что старый вояка всегда сумѣетъ найти наилучшее прикрытіе отъ бури. Онъ сказалъ мнѣ, что наибольшее безпокойство возбуждаетъ теперь первая гвардейская бригада, подъ командой Асада, которая, стремясь обойти крайній правый флангъ русскихъ, слишкомъ далеко удалилась отъ второй бригады, подъ начальствомъ Ватанабе. Асада, повидимому, былъ въ нѣкоторой опасности, такъ какъ противъ него были сосредоточены громадныя силы, и, по послѣднимъ полученнымъ о немъ извѣстіямъ, онъ едва могъ держаться въ ожиданіи прибытія резервовъ арміи изъ Теньшуйчжаня въ 8 ч. 30 м.

На другомъ флангѣ японской боевой линіи двадцать третья бригада Кигоши совершила блестящій воинскій подвигъ.

Кряжъ *Хунжалинъ*, нѣсколько напоминающій пресловутый лагерь Цезаря подъ Лэдисмитомъ, поднимается на 1600 футовъ надъ Тайцзыхэ, при чемъ послѣдніе 150 ярдовъ подъемы такъ круты, что дѣлаютъ всякую мысль объ обыкновенномъ дневномъ приступѣ безнадежной. Японцы полѣзли вверхъ по сѣверному склону этой горы, съ трудомъ карабкаясь, порой ползкомъ, на рукахъ и колѣняхъ. Русскіе посты, не слыша выстрѣловъ, приняли ихъ за простыхъ развѣдчиковъ и не подняли немедленно общей тревоги, не поторопились вызвать подкрѣпленіе къ угрожаемому мѣсту для усиленія людей въ окопахъ. Наоборотъ, передовые посты ихъ постоянно отступали, отъ времени до времени останавливаясь для того, чтобы выстрѣлить или скатить камень, и воображая, очевидно, что японцы испугаются и уйдутъ, или по крайней мѣрѣ остановятся, чтобы отвѣчать на выстрѣлы. Но Кигоши невозмутимо продолжалъ наступленіе въ тишинѣ, до тѣхъ поръ пока, безъ от-

дыха и не спѣша, онъ не достигъ сѣверной вершины высоты; тогда онъ, повернувъ къ югу, сталъ спускаться внизъ по узкой задней сторонѣ горы, все въ томъ же мертвомъ молчаніи. Ни возгласа. Ни выстрѣла. Но всякій замѣшкавшійся непріятель былъ подавляемъ этой желѣзной волной. Посты, караулы, резервы сметались одинъ за другимъ подъ ужаснымъ натискомъ, какъ соломенки силой потока. Съ русской стороны, повидимому, никто не представлялъ себѣ ясно ужасной, неминуемой опасности, и Кигоши, продолжая наступать, не далъ противнику ни минуты ни опомниться, ни собраться, ни установить какой нибудь опредѣленный планъ обороны.

Наконецъ, съ наступленіемъ разсвѣта, японцы достигли мѣста, гдѣ задняя сторона горы переходитъ въ узкій выступъ, съ почти отвѣсными боками, который и образуетъ настоящій проходъ Хунжалинъ. По другую сторону выступа въ разстояніи всего нѣсколькихъ ярдовъ находилась русская батарея. Направить орудія на японцевъ не было возможности, такъ какъ, по своему положенію и по условіямъ грунта, они могли стрѣлять только на востокъ по тому направленію, откуда ожидалась атака, а не на сѣверъ по направленію, откуда теперь внезапно и таинственно появился Кигоши. Но выступъ былъ такъ узокъ, что нѣсколько русскихъ стрѣлковъ, залегшихъ среди камней съ южной стороны, могли задержать дальнѣйшее наступленіе, а какъ только защищающіеся опомнились бы, то тотчасъ-же сумѣли бы организовать упорное сопротивленіе.

Дѣйствительно, съ 7 ч. 20 м. когда наступленіе Кигоши было впервые остановлено, онъ не подвинулся ни на пядь! Русскіе находились въ крайнемъ положеніи за скалами на южной сторонѣ скалистаго выступа, а японцы не могли выйти изъ-за прикрытія скалъ на разстояніи

пятидесяти ярдовъ, отъ того-же выступа съ его сѣверной стороны. Кигоши, судя по его послѣднимъ вѣстямъ, имѣлъ мало надежды овладѣть проходомъ до наступленія ночи. Батарея находилась подъ огнемъ съ двухъ сторонъ. Ни русскіе не могли снять своихъ орудій, ни японцы не могли окончательно завладѣть ими.

Я думаю, что генералъ Куроки вполнѣ спокоенъ. Взятіе всей горы Хунжалинъ, правда, не осуществилось, но овладѣніе даже и сѣверной половиной ея дастъ Кигоши возможность угрожать всѣмъ русскимъ сообщеніямъ къ востоку отъ Танхэ (карта XXII).

Двѣнадцатая бригада двѣнадцатой дивизіи подъ командой Сасаки овладѣла Папанлиномъ и Чипанлиномъ безъ особаго труда и безъ особыхъ потерь.

Вторая дивизія штурмовала и въ настоящее время занимаетъ грозную цѣпь горъ Кунчанлинъ, (Кіушореи), непосредственно возвышающуюся надъ Таампиномъ, находящимся всего въ четырехъ или пяти миляхъ разстоянія.

Вторая гвардейская бригада, подъ командой Ватанабе, вынуждена была остановиться противъ Таденьцзы на главной Пекинской дорогѣ, но въ настоящее время должна уже была соединиться съ резервомъ арміи, состоящимъ изъ 29-го полка Коби изъ Теньшуйчжаня.

Первая гвардейская бригада, подъ командой Асада, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ внушаетъ гораздо большее безпокойство. Русское крайнее правое крыло укрѣпилось на высотахъ, образующихъ западные склоны долины, по которой протекаетъ верховье Танхэ. Бригада Асада пошла на сѣверо-западъ отъ Тунсинпу съ намѣреніемъ обойти флангъ и окружить эти укрѣпленія. Выполняя этотъ маневръ, она потеряла соприкосновенія съ второй бригадой, подъ командой Ватанабе, и будучи такимъ образомъ изолированной, она не только была отбита при своей атакѣ, но ей грозитъ еще быть окру-

женной подкрѣпленіями, поспѣшно направляемыми русскими по главной дорогѣ изъ Ляояна.

Въ итогѣ: полторы дивизіи, составляющія нашъ центръ и центръ нашего праваго фланга дѣйствовали успѣшно и заняли непріятельскія позиціи. Нашъ крайній правый флангъ продолжаетъ сражаться, но уже занялъ пунктъ, господствующій надъ полемъ сраженія къ востоку отъ Танхэ. Нашъ лѣвый центръ не можетъ произвести натиска на непріятеля, а лѣвый флангъ находится въ опасномъ положеніи.

Не желая умалить старательныхъ приготовленій японскихъ вождей или безспорной доблести людей арміи, я могу, полагаю, сказать, что въ этотъ знаменательный день имъ до нѣкоторой степени улыбнулась и фортуна. Еслибы Кигоши не удалось занять сѣверной половины кряжа Хунжалинъ, я, видѣвши мѣстность и принимая въ соображеніе дурное положеніе нашихъ дѣлъ на передовыхъ позиціяхъ гвардіи на нашемъ лѣвомъ флангѣ, полагаю, что центръ и центръ праваго фланга не были-бы въ въ состояніи сохранить пріобрѣтенный успѣхъ. Они, согласно своему намѣренію, клиномъ врѣзались въ непріятельскій центръ. Но клинъ этотъ не могъ продвинуться дальше впередъ за уже взятыя позиціи и еслибы ему съ обоихъ фланговъ стали угрожать русскіе, удерживавшіеся по правую и по лѣвую его сторону, то онъ вѣроятно вынужденъ былъ-бы отступить. Но взятіе Кигоши сѣверной половины кряжа Хунжалинъ избавило японцевъ отъ страха за свой наиболѣе подверженный опасности флангъ и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожало русскимъ сообщеніямъ и ихъ линіи отступленія. Поэтому всѣ здѣсь чувствуютъ себя увѣренными и довольными, даже не смотря на то, что нѣсколько безпокоятся насчетъ гвардіи

Вся эта увѣренность въ успѣхѣ основывается гораздо больше на блестящемъ дѣйствіи Кигоши на правомъ

флангѣ, нежели на побѣдѣ второй дивизіи, которую я только что видѣлъ и описалъ. Какимъ образомъ, однако, удалось Кигоши взять эти почти неприступныя скалы, на которыхъ теперь такъ гордо развивается его знамя Восходящаго Солнца? Если-бы первые русскіе отряды, встрѣченные имъ на полу-пути внизъ по склону Хунжалинъ оказали достаточно упорное сопротивленіе для того, чтобы дать возможность защитникамъ болѣе крутой верхней части кряжа занять людьми приготовленныя линіи укрѣпленій, то русскіе, какъ они доказали это позже при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и когда половина кряжа уже была вырвана изъ ихъ рукъ, могли-бы оказать такое сопротивленіе японцамъ, какое эти послѣдніе не въ состояніи были-бы одолѣть. Но судьба рѣшила иначе, и какъ при горѣ Макураяма 31-го іюля, такъ и сегодня—и лучше сказать вчера, такъ какъ теперь уже за полночь—безпечность и плохая распорядительность на аванпостахъ были, выражаясь мягко, причиной пораженія великой арміи.

Было уже 6 час. вечера, когда я спустился по крутому склону горы Вучалинъ (Гокореи) вмѣстѣ съ Куроки и съ штабомъ главной квартиры. Дождь лилъ какъ изъ ведра, когда мы, тяжело шлепая погрязи, добирались до этой лачуги. Вода каплетъ сквозь крышу, но тѣмъ не менѣе я трижды счастливъ, что нахожусь въ числѣ тѣхъ весьма и весьма немногихъ изъ десятковъ тысячъ русскихъ и японцевъ, находящихся по сосѣдству съ нами, имѣющихъ надъ своей головой хоть какую нибудь крышу. Несчастные раненые! Дождь является жестокимъ мученіемъ для тяжело раненыхъ. Я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ содраганія о страшномъ холодѣ и о тяжелыхъ капляхъ дождя, которыя всю ночь падали и падали на мое обожженное солнцемъ лицо, когда я лежалъ распростертымъ на полѣ подъ Маюбой.

Глава XXI.

Русскіе отступаютъ.

Хочіапутзы (Кокахоши). 27 августа 1904.—Спалъ крѣпко до 8 ч. утра. Было сыро и туманно. Вблизи насъ отъ времени до времени палили орудія, но они должно быть стрѣляли на-удачу, такъ какъ далѣе 100 ярдовъ нельзя было ничего разглядѣть. По направленію Императорской гвардіи сильный и непрерывный артиллерійскій огонь, что заставляетъ меня предположить, что къ западу туманъ не такъ густъ. Всѣ солдаты здѣсь смотрятъ блѣдными и усталыми. Ранцы свои они оставили позади, когда ночью 25-го выступили для ночной атаки, и тонкія ихъ хаки промокли и плотно прилипаютъ къ тѣлу. Тѣмъ не менѣе они ухитряются быть веселыми, справляя свой утренній туалетъ на берегу грязненькаго ручья. Многіе изъ нихъ ранены, но все таки счастливы этимъ, если только не боятся, что докторъ слишкомъ серьезно взглянетъ на такой пустякъ, какъ штыковая рана въ глазъ или прострѣленная нога, и не заставитъ временно выбыть изъ строя. По крайней мѣрѣ въ десятый разъ я долженъ упомянуть о томъ, что японская пѣхота состоитъ изъ великолѣпнаго матеріала. Простодушные, какъ дѣти, и храбрые, какъ львы, они непрестанно руководятся только одной мыслью—исполнить свой долгъ по отношенію къ своимъ предкамъ и по отношенію къ Императору.

По мѣрѣ того, какъ время шло, туманъ становился все гуще, и вторая дивизія, среди которой я провелъ

ночь, не рѣшалась двинуться впередъ въ неизвѣстность съ закрытыми глазами. Я видѣлъ множество раненыхъ, проносимыхъ по долинѣ, и среди нихъ нѣсколькихъ русскихъ. Они всѣ лежали подъ дождемъ и были въ ужасномъ видѣ съ налипшей на нихъ грязью и запекшейся кровью. Я видѣлъ также цѣлые ряды сжигаемыхъ японскихъ труповъ. Одинъ полковникъ, оказавшійся среди нихъ, былъ почтенъ отдѣльнымъ костромъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ остальныхъ.

Въ полдень я отправился къ себѣ, чтобы поѣсть и узналъ, что лѣвый флангъ русскихъ ночью очистилъ свои позиціи, оставивъ въ рукахъ бригады Кигоши обрывистый выступъ Хунжалина и орудія, равно какъ и всю южную половину горы. Предполагается, что двѣнадцатая дивизія идетъ теперь на Таампинъ (Ампингъ) съ сѣвера, но гвардія все еще находится въ тяжеломъ положеніи и не въ состояніи добиться своей цѣли.

Съѣвъ порцію хорошаго горячаго риса, я отправился, съ сержантомъ Ватанабе, верхомъ въ главную квартиру и, получивъ разрѣшеніе видѣть все, что мнѣ удастся, совершилъ крутой подъемъ и пробрался въ нѣкоторыя взятыя вчера укрѣпленія. Тутъ я нашелъ баталіонъ японской пѣхоты, смотрящимъ въ густую туманную завѣсу, такъ досадно мѣшавшую ему продолжать бой. Люди, повидимому, уже отдохнули отъ усталости и смотрѣли такими бодрыми и сильными, точно они только еще готовились начать кампанію, а не находились, пожалуй въ не болѣе, какъ на-половину оконченномъ большомъ сраженіи.

Разъ или два туманная завѣса поднималась, какъ-бы дразня, на секунду или двѣ, давая намъ возможность мелькомъ увидѣть извивающуюся далеко подъ нами рѣку Танхэ. Затѣмъ, въ четыре часа внезапно налетѣлъ съ запада сильный порывъ вѣтра, разорвавшій на клочки

завѣсу тумана и превратившій ее изъ ослѣпляющаго препятствія въ легкія струйки свѣтлой, серебристой дымки. Какъ волшебный фонарь можетъ въ одинъ мигъ набросить чудный ландшафтъ на холстъ экрана, бывшій до того пустымъ, безобразнымъ и безъ значенія, такъ и теперь безцвѣтная стѣна тумана въ одинъ мигъ уступила мѣсто разнообразному пестрому рисунку темно-зеленыхъ полей, золотистыхъ рѣчныхъ песковъ и дрожащихъ голубыхъ водъ, и окаймляющихъ все это безчисленныхъ остроконечныхъ пирамидальныхъ нефритовыхъ горъ (черт. XVIII).

Какъ только волшебная панорама горъ, рѣки, равнины и разсѣивающагося тумана предстала предъ нашими глазами, японцы встрѣтили ее громовымъ салютомъ изъ восемнадцати полевыхъ орудій, стоявшихъ на кряжѣ съ моей правой стороны, потому что какъ разъ среди сцены находились и главныя дѣйствующія лица,— отступающая армія, повидимому попавшая въ ловушку. Мы ясно могли различить лагери русскихъ на отлогихъ пескахъ близъ Таампина, лагери, которые поспѣшно снимались передъ нашими глазами, и мы могли также разглядѣть длинныя колонны медленно ползущія вверхъ и внизъ по правому берегу рѣки, точно оловянныя фигурки въ „военной игрѣ“, подвигаемыя на картѣ неувѣреннымъ игрокомъ. Еще болѣе возбуждалъ волненіе и еще многозначительнѣе былъ видъ узкой длинной линіи, пересѣкавшей р. Танхэ, къ которой, очевидно, и направлялись всѣ эти колонны. Въ бинокль я разглядѣлъ, что линія эта—мостъ на козлахъ, покрытый идущими войсками, а на восточномъ концѣ по крайней мѣрѣ цѣлая бригада ждетъ очереди переправиться и отдѣлить себя отъ японцевъ широкой рѣкой. Миляхъ въ восьми или девяти къ сѣверу отъ насъ большой бой въ полномъ разгарѣ шелъ по всѣмъ долинамъ и кряжамъ, ве-

дущимъ отъ Хунжалина (Козареи) къ Таампину (Ампингу), и было ясно, что бригада Кигоши, двѣнадцатой дивизіи, стремительно спускается внизъ въ надеждѣ отрѣзать русскій арьергардъ. Вся вторая дивизія бросилась внизъ по склону горы, какъ только разсѣялся туманъ. Но ея полевыя орудія были въ цѣлыхъ пяти съ половиною миляхъ разстоянія отъ моста, и фактически внѣ возможности попадать снарядами даже въ ближайшую русскую пѣхоту; такимъ образомъ японская пѣхота не могла разсчитывать на большую поддержку съ ихъ стороны, въ виду того, что не было возможности продвинуть ихъ дальше, не проложивъ дороги. Горная батарея, которая такъ успѣшно дѣйствовала вчера, была, однако, свободна и послѣдовала за наступающей второй дивизіей со всей возможной быстротой.

Около 5 ч. вечера стрѣльба какъ будто нѣсколько стала стихать въ долинахъ къ сѣверу отъ Таампина и большія колонны русскихъ показались оттуда, направляясь къ мосту и къ бродамъ на рѣкѣ.

Въ 5 ч. 30 м. казалось, что есть много надежды на то, что артиллерія двѣнадцатой дивизіи, а можетъ быть и часть пѣхоты второй дивизіи, вмѣстѣ съ горной батареей успѣютъ подойти на дальность выстрѣла къ мосту, прежде нежели главныя силы русскихъ перейдутъ черезъ него. Если бы имъ это удалось, то Березинская трагедія повторилась-бы приблизительно для цѣлой дивизіи русскихъ. Оставалось еще полтора часа дневнаго свѣта и все могло случиться. Но въ то время, какъ эти мысли проносились въ моей головѣ, двѣ непріятельскія батареи снялись съ передковъ на открытомъ песчаномъ пространствѣ близъ главнаго лагеря, который теперь почти совсѣмъ снялся, и почти въ ту-же минуту я увидѣлъ восемь бѣленькихъ дымковъ надъ однимъ изъ пунктовъ сѣвернаго склона, по которому поспѣшно спускалась

двѣнадцатая дивизія, за этимъ послѣдовало еще двѣ группы дымковъ, по четыре въ каждой, для того чтобы задержать вторую дивизію и задержали ее! Японцы либо остановились либо стали двигаться вдвое медленнѣе, въ то время какъ нѣсколько большихъ отрядовъ русскихъ появилось изъ за утесистой балки у Таампина и перешли рѣку въ бродъ. Непріятелю теперь фактически удалось уйти совсѣмъ.

Въ 6 ч. 45 м. вечера появился одинокій всадникъ, мчавшійся во весь духъ карьеромъ по пескамъ праваго берега рѣки. Я не могу себѣ представить, что онъ могъ дѣлать. Японцы должны быть въ не особенно пріятной близости отъ него. Однако, ему удается спастись. Это послѣдній русскій на правомъ берегу р. Танхэ. Приказаніе великаго маркиза Ойяма было должнымъ образомъ выполнено.

Тѣмъ временемъ нѣсколько русскихъ батарей поддерживало сильный огонь, прикрывая отступленіе. Вотъ еще примѣръ могущества артиллеріи, когда ей не противопоставлена артиллерія же, почерпнутый на этотъ разъ изъ удачнаго отступленія непріятеля. Когда я вернулся сюда, усталый и промокшій, то нашелъ... полковника Х. въ большомъ безпокойствѣ по поводу моей долгой отлучки. Повидимому онъ считаетъ, что я не долженъ былъ отправляться самостоятельно, даже съ разрѣшенія главной квартиры. Однако, ничто не въ состояніи поколебать моего хладнокровія въ такой день, какъ сегодня. Онъ сказалъ мнѣ также, что гвардейцы тоже успѣли нѣсколько подвинуться впередъ сегодня и заняли Павшугоу (Саняго) и Кофынцзы (Когоши) (карта XXII). Оказывается, что почти побѣдившіе русскіе, окружавшіе Асада и отбросившіе Втаіанабе, вынуждены были отступить вслѣдствіе успѣховъ второй и двѣнадцатой дивизій. Тѣмъ не менѣе Куроки

не вполнѣ спокоенъ на счетъ своего лѣваго фланга, и потому завтра рано утромъ онъ выступаетъ въ Ляндясань (Рошисанъ), гдѣ ему будетъ легче поддерживать личное соприкосновеніе съ императорской гвардіей. Я отправляюсь съ нимъ.

Поэтому, скорѣе въ постель, хотя мнѣ и очень не хочется разставаться съ увлекательнымъ сознаніемъ того, что сегодня я видѣлъ такое поразительное зрѣлище, какое только можетъ себѣ представить человѣческій умъ: Азію - наступающей, Европу—отступающей; туманную стѣну и то, что на ней было начертано.

Ляндясанъ (Рошисанъ), августа 28-го, 1904 г. Выступилъ въ 7 ч. у. и отправился вмѣстѣ съ Куроки и со всей главной квартирой въ западномъ направленіи къ Ляндясаню. День былъ прелестный, и во время нашего проѣзда по сильно гористой живописной мѣстности я увидѣлъ двухъ орловъ паривших надъ нею, ища добычи. Во время остановокъ въ пути для отдыха лошадей я записалъ слѣдующіе отрывки разговора.

„У непріятеля было нѣсколько необыкновенно хорошихъ случаевъ атаковать насъ на любомъ флангѣ, но онъ упустилъ ихъ по недостатку иниціативы. На нашемъ лѣвомъ флангѣ онъ выказалъ таки нѣкоторую энергію и этимъ причинилъ намъ много непріятнаго. Маршалъ Куроки предвидѣлъ эту опасность, а потому осмѣлился высказать маркизу Ойяма настойчивое мнѣніе на счетъ того, чтобы манчжурская армія выдѣлила изъ себя особую часть для наблюденія за нашимъ лѣвымъ флангомъ во время того маневра, который намъ приказано было выполнить. Генералиссимусъ, однако, не принялъ этого мнѣнія. Вѣроятно, была необходимость отказать въ этой просьбѣ, но нельзя не пожалѣть о томъ, что нашъ лѣвый флангъ не могъ быть защищенъ, если не прямо, то хоть косвенно, если не тактически, то хоть стратегически.

Предположимъ, что атакующія арміи, вторая и четвертая, по какимъ нибудь непредвидѣннымъ причинамъ прекратили-бы стрѣльбу, тогда нѣсколько русскихъ дивизій могло-бы быть направлено по большой дорогѣ на нашъ лѣвый флангъ! Однако все хорошо, что хорошо кончается, и непріятель, безъ сомнѣнія, упустилъ самый лучшій случай, не ударивъ на нашъ не защищенный правый флангъ и правый аріергардъ по направленію отъ Бенсиху (Пенчихо) (карта XXIII). Маршалъ Куроки никогда не былъ спокоенъ относительно этого отряда русскихъ, состоявшаго по крайней мѣрѣ изъ одного полка пѣхоты, одной батареи полевой артиллеріи и нѣсколькихъ тысячъ кавалеріи, и ему непріятно было оставлять его позади себя въ Бенсиху на позиціи, столь угрожающей нашему наступленію. Поэтому имъ былъ выработанъ полный планъ того, какъ разбить русскіе отряды, какъ при Тхауанѣ (Чаотао), такъ и при Бенсиху, но въ самую послѣднюю минуту, съ большимъ опасеніемъ и къ крайнему его сожалѣнію, онъ былъ вынужденъ отказаться отъ этой мысли и обратить все свое вниманіе на задачу по содѣйствію четвертой и второй арміи. Однако, оказывается, что мы могли-бы спать спокойно, такъ какъ грозный отрядъ, находившійся у Бенсиху тихо и мирно отступилъ съ остальными силами къ Ляояну".

„Въ ночь на 26-ое, непріятель, находившійся передъ второй и четвертой арміями, началъ отступать отъ Айтанчшена*) (*Аншантіена*). Мы получили объ этомъ извѣстіе только въ 6 ч. 23 м. веч. 27-го,—вчера. Этотъ маневръ былъ вполнѣ неожиданнымъ и никогда не принимался нами серьезно въ разсчетъ. Мы, такъ-же какъ и весь свѣтъ, я полагаю, считали *Айтанчшенъ* самой лучшей оборонительной позиціей, какую только можно было найти между

*) По русской 40 верстной картѣ—Айсаньцзянъ; по 20 вер.—Аньшаньчжань; по 10 вер.—Айсандзянъ.

Гайчжоу (*Кайпингомъ*) и Ляояномъ. Всѣмъ извѣстно также, что непріятель затратилъ массу энергіи, времени и денегъ для усиленія естественной крѣпости позиціи полевыми укрѣпленіями и всякаго рода защитными средствами. Сами мы никогда не осмѣлились-бы приписать отступленіе непріятеля заслугамъ первой арміи, но маршалъ маркизъ Ойяма въ своей телеграммѣ, сообщающій объ этомъ отступленіи, нарочито упоминаетъ, что оно повидимому вызвано славнымъ боемъ, даннымъ нами 25-го и 26-го, почему онъ и считаетъ пріятнымъ долгомъ насъ поздравить. Такая большая похвала должна воодушевить насъ на новые подвиги и въ силу этого маршалъ Куроки издалъ вчера вечеромъ приказъ по нашей арміи: сегодня, во что-бы то ни стало и каковобы ни было расположеніе непріятеля, соединиться съ нашимъ правымъ флангомъ, находящимся на *Тайцзыхэ* у Сванмяотзы (Шобіоши), достичь линіи, протянувшейся оттуда черезъ Ташименлинъ (Дайсекимонреи) внизъ къ Сянсанцзы (Шосанси) на лѣвомъ флангѣ".

Около полудня мы прибыли къ мѣсту нашего назначенія, Ляндясаню (Рошисану), представляющему весьма значительное селеніе, почти городокъ. Мнѣ было отведено помѣщеніе на фермѣ въ полумилѣ разстоянія отъ главной квартиры, что очень неудобно. Въ четырехъ или пяти миляхъ разстоянія къ сѣверу отсюда шелъ жаркій бой, но мнѣ не удалось получить разрѣшенія туда отправиться. Перестрѣлка, сказали мнѣ, вызвана только отступающими русскими, дающими арьергардный бой, подробности котораго не касаются штаба главной квартиры. Напрасно я заявлялъ, что арьергардный бой является именно такого рода боемъ, который я наиболѣе всего жаждалъ изучить. Мнѣ замѣтили, что моя лошадь слишкомъ утомлена, и я, несмотря на то, что она только что попыталась меня сбросить,

больше не спорилъ, видя, что по той или другой причинѣ было нежелательно, чтобы я туда отправился.

Послѣ я былъ доволенъ, что выказалъ способность подчиниться безъ видимаго неудовольствія, потому что въ 6 ч. 30 м. любезный молодой офицеръ, очевидно сочувственно отнесшійся къ моему разочарованію, пришелъ навѣстить и утѣшить меня сообщеніемъ послѣднихъ новостей.

Первымъ и самымъ важнымъ извѣстіемъ было то, что какъ только маршалъ Куроки явился на свою стоянку, ему была вручена телеграмма отъ начальника штаба Ойямы, извѣщающая его о томъ, что вторая армія надѣется въ этотъ день достигнуть линіи, идущей отъ Шахэ *) къ р. Ляохэ, а четвертая армія—линіи, идущей отъ Интауюаня (*Тентауяна*) до Цофантуня (*Тсаофанта*). Первая армія должна, поэтому, сообразоваться съ этимъ и не медля ни секунды спѣшить къ южному берегу р. Тайцзыхэ и тамъ готовиться къ немедленной переправѣ.

Эти инструкціи заключали въ себѣ почти невыполнимый приказъ. Первая армія въ эту минуту была обращена къ сѣверо-западу и занята боемъ съ непріятелемъ на фронтѣ, растянувшемся почти на двадцать миль по самой пересѣченной, трудно доступной мѣстности, какую только можно себѣ представить. Было не легкой задачей прекратить бой, или дать новое направленіе столь растянутому фронту. Тѣмъ не менѣе мой молодой другъ легко смотрѣлъ на всѣ трудности и смѣялся надъ тѣмъ, что мое лицо вытянулось изъ сочувствія къ той дилеммѣ, которую предстояло рѣшить его начальнику.

Измѣненія къ вчерашнему вечернему приказу уже вышли и заключаются въ слѣдующемъ:

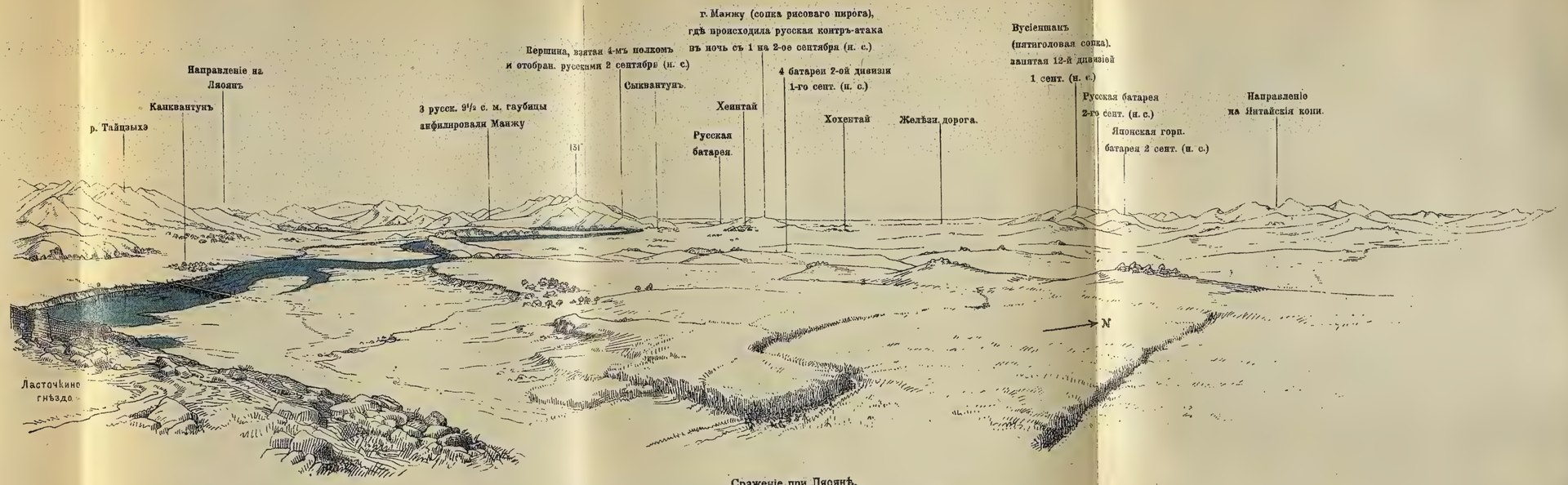
Гвардія должна занять линію отъ Мындяфана (Мо-

*) Не смѣшивать съ Шахэ къ сѣверу отъ Ляояна.

кабо) до холма, находящагося на небольшомъ разстояніи къ сѣверо-западу отъ Яючи; вторая дивизія должна занять Сыцуйцзы (Секишоши) своими главными силами и вытянуть свой лѣвый флангъ настолько, чтобы онъ былъ въ соприкосновеніи съ гвардіей; двѣнадцатая дивизія должна занять Сванмяотзы (Шобіоши) и готовиться къ переправѣ черезъ рѣку между Квантуномъ (Куантуномъ) и Саканемъ. Мой пріятель прибавилъ, и я записалъ: „Таковы наши намѣренія, но отъ непріятеля, конечно, будетъ зависѣть, удастся-ли намъ ихъ выполнить. Я могу вамъ сказать, что въ главной квартирѣ не особенно надѣются на то, что гвардіи удастся выполнить ея часть программы, въ виду того, что всего полтора часа тому назадъ непріятель отчаянно сопротивлялся и, повидимому, не имѣлъ намѣренія уступать ни пяди, а нашимъ людямъ предстоитъ отбросить его по крайней мѣрѣ на шесть миль для того, чтобы расположиться на бивакѣ, согласно даннымъ имъ приказаніямъ. Нашъ начальникъ питаетъ, однако, болѣе надежды на то, что вторая и двѣнадцатая дивизіи смогутъ выполнить то, что приходится на ихъ долю въ этомъ дѣлѣ“.

Было уже половина восьмого, и я просилъ моего гостя остаться и отвѣдать чего нибудь для благополучія моего новаго жилища. Онъ улыбнулся и отвѣтилъ, что уже и такъ пробылъ слишкомъ долго въ отсутствіи изъ главной квартиры, и что онъ долженъ вернуться туда, гдѣ ему можно будетъ соединить оба занятія— и работу и ѣду.

Я спросилъ его, какъ онъ думаетъ, можетъ-ли онъ получить для меня разрѣшеніе поѣхать смотрѣть, какъ гвардія будетъ сражаться за свою позицію завтра, но онъ признался, что, въ предвидѣніи такого рода просьбы съ моей стороны, ему дана была инструкція посовѣтовать мнѣ удовольствоваться осмотромъ позицій, которыя гвар-



Сраженіе при Ляоянѣ,

видъ съ „Ласточкина гнѣзда“ на западъ, въ направленіи на г. Манжу 1 сентября (н. с). 1904 г.

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Рудиева. С. П. Б. Ноябрь 25

дейцы и русскіе занимали во время боя 26-го. „Это будетъ гораздо цѣннѣе для васъ“, настаивалъ онъ, „чѣмъ карабкаться подъ орудійнымъ огнемъ и видѣть нѣсколько группъ пѣхоты, выполняющихъ маневры, полное значеніе которыхъ для васъ будетъ непонятно. Въ главной квартирѣ гвардейской дивизіи у васъ имѣется полковникъ Юмъ, который и передастъ вамъ всѣ подробности боя. Если вы выѣдете завтра утромъ съ однимъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба и осмотрите позиціи, то, по вашемъ возвращеніи, васъ навѣрно увидитъ кто нибудь изъ главной квартиры и сообщитъ вамъ, какъ развивается бой въ другихъ частяхъ поля сраженія“.

Судьба была моей путеводительницей и моей опорой во время этого странствованія по Манчжуріи, и мнѣ остается только слѣпо подчиняться ей и надѣяться на лучшее. Поэтому я даже не сталъ бороться противъ моей судьбы и постарался проглотить чувство разочарованія, какъ будто мнѣ его горечь была даже пріятна.

Ляндясанъ (Рошисанъ), 29 августа, 1904 г. — Мнѣ прислали сказать, что если я отложу свою поѣздку на поле сраженія до 11 ч. утра и заѣду по пути въ главную квартиру, то мнѣ сообщатъ всѣ послѣднія новости. Сегодня полковникъ X. не въ духѣ. Онъ говоритъ „C'est le moment fort délicat“ *). Я-же считаю, что нашъ moment délicat былъ 26-го этого мѣсяца, и что наши перспективы улучшаются съ каждой милей нашего движенія впередъ, такъ какъ всѣ три арміи уже почти соприкасаются и безъ сомнѣнія, со стороны Ойямы, должно явиться подкрѣпленіе, если мы окажемся въ слишкомъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

10 ч. вечера.—Я видѣлъ одного изъ офицеровъ ге-

*) Это самый трудный моментъ.

неральнаго штаба на пути къ полю сраженія и записалъ съ его словъ буквально слѣдующее:

„Прежде нежели вы посѣтите то мѣсто, гдѣ 26-го происходила борьба нашей гвардіи съ русскими, я уполномоченъ сообщить вамъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія. Все идетъ хорошо. Не смотря на внезапную перемѣну плана, которая свалилась на насъ вчера въ полдень изъ главной квартиры Манчжурской арміи *), двѣнадцатой дивизіи удалось вчера вечеромъ занять свою новую позицію безъ большого боя. Главная квартира и главныя силы второй дивизіи не были такъ счастливы. Сначала онѣ были задержаны туманомъ, а затѣмъ онѣ нашли лишь очень небольшое количество удобныхъ бродовъ черезъ р. Танхэ. Кромѣ того, русскіе оказали упорное сопротивленіе не только переправѣ, но и дальнѣйшему движенію впередъ вверхъ по холмамъ на западномъ берегу рѣки. Вслѣдствіе этого, главныя силы генерала Ниши успѣли занять только одинъ холмъ въ очень близкомъ разстояніи къ сѣверу отъ Сундзяая (Сандіази, черт. XIX)“.

„Лѣвая бригада второй дивизіи (третья бригада Матсунаги) была, однако, много счастливѣе. Она произвела ночное нападеніе на непріятеля къ сѣверу отъ Сундзяая и послѣ довольно ожесточеннаго боя взяла эту позицію. Не довольствуясь этимъ успѣхомъ, который считался-бы блестящимъ въ началѣ войны, Матсунага ухитрился продолжать преслѣдованіе въ продолженіе всей ночи, взбираясь на высокія горы и карабкаясь черезъ овраги пока, какъ разъ на самомъ разсвѣтѣ, онъ не занялъ самой высокой вершины цѣпи Ташименлинъ **) (*Дашекимонреи*) карта XXII). Въ отвѣтъ на наши горячія поздравленія онъ только прислалъ извѣстіе, гласящее, что съ

*) См. выше приказъ Ойямы.

**) На русской 2 верстной картѣ– высота „243“ западнѣе Таампина.

занятой имъ вершины онъ видитъ разстилающуюся передъ нимъ обѣтованную землю и даже самъ прекрасный городъ Ляоянъ, окружающій знаменитую пагоду (черт. XX). Онъ, право, сталъ совсѣмъ поэтомъ!"

„Наконецъ, мы обращаемся къ императорской гвардіи, движеніе которой впередъ было полно разочарованій. Она энергично атаковала русскую бригаду, находившуюся на ея пути у Вацзыгоу (Вейцуго), но у непріятеля оказалось три послѣдовательныхъ ряда укрѣпленныхъ позицій и онъ упорно сопротивлялся. Вслѣдствіе этого, гвардейцамъ удалось достигнуть только линіи Сыфантай-Сянсанцзы (Шиходай-Шозанши) и дальше продвинуться они, пока, не въ состояніи (карта XXII). Они доносятъ, кромѣ того, что та линія, которую имъ было приказано занять, а именно Мындяфань (Мокабо),—Яючи, является, повидимому, какъ разъ позиціей, избранной русскими для сооруженія такихъ грозныхъ укрѣпленій, какія до сихъ поръ еще не встрѣчались. Однако, это мы еще увидимъ. Тѣмъ временемъ, гвардейская кавалерія, широко дѣйствуя на лѣвомъ флангѣ, пришла въ соприкосновеніе съ кавалеріей четвертой арміи у Куншинтая. Такимъ образомъ, какъ видите, худое и хорошее взаимно уравновѣшиваются".

„Двѣнадцатая дивизія исполнила все то, чего отъ нея ожидали. Главныя силы второй дивизіи не дошли до своей цѣли всего на шесть миль, но для уравновѣшенія этой неудачи, бригада Матсунага сдѣлала больше, чѣмъ отъ нея требовалось и вмѣсто того, чтобы только войти въ связь съ гвардіей, заняла командующую высоту значительно впереди праваго фланга".

„Дивизія императорской гвардіи одна не выполнила ни въ чемъ возложенныхъ на нее приказаній. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, и ни отъ какихъ войскъ нельзя требовать бо́льшаго послѣ трехъ боевъ, веденныхъ противъ сильнаго арьергарда, на протяженіи столькихъ-же

миль, при чемъ каждый разъ съ выигрышемъ. Кромѣ того, весьма вѣроятно, что угрожающее наступленіе Матсунага позади лѣваго фланга войскъ сражающихся съ гвардейцами, облегчитъ сегодняшнее наступленіе. Въ общемъ, маршалъ Куроки очень доволенъ".

„Вы не должны забывать, что противъ каждой нашей дивизіи имѣется дивизія русскихъ, и что у непріятеля имѣется еще двѣ полныя дивизіи въ резервѣ. Мы потеряли сравнительно мало людей за послѣдніе два дня, но мы потеряли 2000 чел. 26-го августа. Вторая дивизія сильно пострадала во время ночной атаки. Четвертый полкъ, напримѣръ, потерялъ своего командира и трехъ баталіонныхъ командировъ".

„Сегодня четвертая армія двинется къ линіи, которую предполагалось возможнымъ занять ею вчера, а именно отъ Шахэ (Шахо) до Шаньцзяпу. Второй арміи, конечно, слѣдуетъ достичь линіи отъ Шахэ до рѣки Ляохэ. Манчжурская главная квартира желаетъ, чтобы первая армія заняла линію отъ праваго фланга четвертой арміи у Шаньцзяпу до конца горъ на южномъ берегу р. Тайцзыхэ у Хутуайя (Котагаи, Хуташіехъ). Но непріятель занимаетъ какъ разъ эту линію горъ отъ Шаньцзяпу черезъ Мындяфань (Мокабо) и его окопы идутъ по гребнямъ кряжа въ сѣверо-восточномъ направленіи внизъ къ р. Тайцзыхэ у Хутуайя.

„Положеніе непріятеля было-бы чрезвычайно сильнымъ, если-бы первая армія была обособлена, но четвертая армія занимаетъ весьма выгодную позицію впереди ея, которая должна облегчить обходъ справа фланга русской арміи, стоящей передъ нею. Вопросъ для рѣшенія теперь заключается въ томъ: будетъ ли непріятель отстаивать свою теперешнюю позицію, или отступитъ къ Мукдену? Если предположить, что онъ отступитъ къ сѣверу, то ему предстоитъ весьма вѣро-

ятная потеря значительныхъ силъ для спасенія главнаго ядра арміи."

„Будущее казалось-бы свѣтлымъ, если-бы не усталость нашихъ солдатъ, изъ которыхъ гвардейцы теперь находились въ походѣ и въ сраженіи въ теченіе пяти сутокъ безъ отдыха, а остальныя дивизіи въ теченіе четырехъ сутокъ. Непріятель воображалъ, что послѣ отчаяннаго боя 26-го мы не будемъ наступать такъ быстро, какъ намъ удалось это сдѣлать Въ прежніе разы, мы дѣлали перерывы на нѣкоторое время послѣ каждой стычки, но на этотъ разъ мы продолжали наступать денно и нощно, и изъ китайскихъ источниковъ мы имѣемъ добрыя вѣсти о томъ, что большое смятеніе и безпорядокъ царятъ среди русскихъ на дорогѣ между Хайченомъ и Ляояномъ".

На этомъ я распрощался съ нимъ и провелъ весьма интересный день, осматривая русскія укрѣпленія и поле битвы 26-го августа вообще.

Я не буду загромождать мой дневникъ техническими описаніями, но упомяну только, что русскіе „колодцы для орудій" и окопы были вполнѣ закончены и очень основательны, многія были выложены мѣшками съ пескомъ и имѣли крытыя сообщенія съ тыломъ. Мѣстность здѣсь болѣе открытая, чѣмъ это было въ центрѣ или на правомъ флангѣ, но опытъ все болѣе и болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что оборонительныя линіи обрывистаго, грознаго типа на самомъ дѣлѣ обыкновенно гораздо легче поддаются атакѣ, нежели простая, съ небольшимъ подъемомъ мѣстность, предоставляющая тѣмъ, кто ею владѣетъ, широкое, гладкое поле для стрѣльбы и удобныя позиціи для орудій.

Я теперь тщательно обслѣдовалъ мѣстность, занятую русскимъ центромъ и правымъ флангомъ, простирающуюся на разстояніе, можетъ быть, четырнадцати

миль. Я видѣлъ также, на большемъ разстояніи, правда, высокій кряжъ Хунжалинъ (Козареи), занятый русскимъ лѣвымъ флангомъ, который, однако, на столько примѣтенъ и ясно видѣнъ, что сравнительно легко составить себѣ представленіе объ его характерѣ и безъ близкаго осмотра.

Выводъ, къ которому я пришелъ, ознакомившись такимъ образомъ съ мѣстностью, заключается въ томъ, что русскіе сдѣлали роковую ошибку, занявши позицію Янзелинъ—Юшулинъ для боя, даннаго 31 іюля.

Позиція при Янзелинѣ съ ея большими остроконечными выступами, окружающими долину Тованъ, естественно не представляла симметричной или связной линіи для обороны, хотя, конечно, генералъ Келлеръ сдѣлалъ все возможное, особенно благодаря искусному расположенію своей артиллеріи. Опять таки, позиція при Юшулинѣ, съ Макуямой въ видѣ передового укрѣпленія, была положительно неудобна и плохо связана для тэго, чтобы выдержать рѣшительную атаку. Но большая полукруглая линія обороны, съ которой русскіе только что были вытѣснены, была необычайно сильна и не представляла ни одного слабаго пункта для нападающаго съ юга. Поэтому я считаю, что было-бы разумнѣе со стороны графа Келлера и Турчевскаго, если-бы они сраженіе 31-го іюля дали на позиціи, избранной для боя 26-го августа. Если-бы русскіе поступили такъ и сопротивлялись такъ-же упорно, какъ при Янзелинѣ, то я сильно сомнѣваюсь, не пришлось-ли бы японцамъ до сихъ поръ упорно сражаться по сю сторону Танхэ.

Безъ сомнѣнія, мнѣ могутъ возразить, что когда 31-го іюля графъ Келлеръ былъ атакованъ, онъ скорѣе думалъ о наступленіи на двѣнадцатую дивизію, чѣмъ о самооборонѣ. Дѣйствительно, когда начинаются

гадательныя предположенія, „если-бы да кабы“, то споры становятся безконечными, какъ періодическія дроби. Одно, однако, безспорно. Русскія позиціи 31-іюля были неудовлетворительны во многихъ отношеніяхъ. Тѣ-же, съ которыхъ они были вытѣснены теперь, исключительно хороши и сильны.

Я получилъ извѣстіе изъ главной квартиры, что завтра двѣнадцатая дивизія не тронется, она будетъ просто производить рекогносцировку по обоимъ берегамъ Тайцзыхэ и заканчивать свои приготовленія къ переправѣ. Главная часть второй дивизіи тоже останется на мѣстѣ, такъ какъ она должна ждать, чтобы гвардейцы пробились на линію.

Единственный бой, который будетъ данъ завтра, если только русскіе не перейдутъ въ наступленіе, это большая атака всей гвардейской дивизіей, поддерживаемой бригадой Матсунага отъ второй дивизіи, на непріятеля, укрѣпившагося къ сѣверу отъ Мындяфана (Мокабо). Мнѣ сообщаютъ еще, что за мое философское отношеніе къ отказу позволить мнѣ отправиться на поле сраженія вчера, маршалъ Куроки съ удовольствіемъ отдастъ распоряженіе о томъ, что мнѣ разрѣшается завтра съ полковникомъ Х. отправиться верхомъ черезъ Кофынцзы (Когоши) и Сыфантай (Шиходай) по направленію къ Мындяфану (Мокабо). Мнѣ разрѣшается приблизиться къ Мындяфану на столько, чтобы только оставаться внѣ ружейныхъ выстрѣловъ.

Такое разрѣшеніе, дающее мнѣ почти неограниченную свободу дѣйствій, на столько пріятно, что мнѣ какъ-то даже не вѣрится.

Глава XXII.

Съ Гвардейской дивизіей.

Ляндясань, 30-го августа, 1904.—Я промокъ, усталъ и голоденъ; утратилъ всѣ свои пожитки, но взамѣнъ пріобрѣлъ маленькаго англійскаго фокстеріера.

Но начну съ начала.

Мы тронулись въ путь въ 9 ч. утра и проѣхали въ сѣверномъ направленіи миль четырнадцать, скорымъ алюромъ—по японскимъ понятіямъ. Къ счастью, мой компаньонъ также, какъ и я, стремился попасть въ сферу сраженія. Наконецъ, мы достигли зоны огня и увидѣли, что войска придерживаются плотно боковъ долинъ и то медленно двигаются, то быстро бросаются впередъ; совсѣмъ на южно-африканскій ладъ, вмѣсто того, чтобы маршировать вдоль пути обыкновенными колоннами. Тутъ нашъ проводникъ свернулъ влѣво и мы вскарабкались на высоту, расположенную въ полуторахъ или двухъ миляхъ разстоянія къ югу отъ Мындяфана. Достигнувъ вершины, мы увидѣли, что въ одной милѣ къ сѣверо-западу отъ насъ находится другая такая-же высокая гора, на которой расположились двѣ японскія батареи, отъ времени до времени стрѣлявшія въ сѣверномъ направленіи. Необыкновенное количество русскихъ снарядовъ, выпущенныхъ, повидимому, на удачу, разрывалось повсюду кругомъ. Непріятель очевидно не опредѣлилъ еще положенія японскихъ батарей, потому что, хотя довольно много снарядовъ падало около той горы, гораздо большее число ихъ безвредно разрывалось на

горѣ, гдѣ полковникъ Х., я и одинъ офицеръ интендантской части при гвардіи были единственными живыми существами. Нѣкоторые снаряды долетали съ сѣвера; сначала слышалось далекое легкое жужжанье, быстро усиливавшееся въ яростный визгъ и оканчивавшееся блескомъ огня и громкимъ взрывомъ, причемъ освобождавшіяся пули, какъ стая щебечущихъ птицъ, свистали мимо нашихъ ушей и зарывались въ камни у нашихъ ногъ. Другіе, и даже большинство, летѣли на насъ съ торжественнымъ музыкальнымъ гуломъ съ востока, но эти были выпущены на слишкомъ большомъ разстояніи, и пули утратили острый и злобный звукъ и жужжали медленно и глухо, какъ рой безвредныхъ шмелей. Ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи я не могъ увидѣть непріятельскихъ батарей. Вся мѣстность выглядѣла унылой и мрачной.

Я чувствовалъ, что сегодня точно разыгрывается трагедія,—таково вліяніе погоды на нашу смертную оболочку, являющуюся для нашихъ чувствительныхъ душъ тѣмъ, чѣмъ является корпусъ барометра по отношенію къ двигающейся стрѣлкѣ.

Всѣ долины къ сѣверу отъ насъ по временамъ завалакивались дымомъ отъ залповъ. Подъ этимъ градомъ снарядовъ японскія батареи оставались очень тихими, не желая, я такъ полагаю, привлекать на себя болѣе мѣткій и сосредоточенный огонь. На вершинѣ той горы, съ которой стрѣляли эти двѣ батареи, я насчиталъ восемь человѣкъ въ непромокаемыхъ плащахъ (шелъ дождь) и разглядѣлъ, что это были иностранные военные аташе при гвардейской дивизіи.

Я могъ очень ясно разглядѣть линію огня японцевъ въ разстояніи около 3000 ярдовъ къ сѣверу. Она была расположена вдоль округлаго воздѣланнаго кряжа на разстояніи трети пути до русскихъ укрѣпленій, кото-

рыя имѣли суровый и неприступный видъ. Разстояніе между японцами и русскими должно было быть тутъ не болѣе, какъ въ 300 ярдовъ. Сама линія стрѣлковъ была плотная и стрѣляли они во всю, но я замѣтилъ нѣсколько поддержекъ, подходившихъ на усиленіе по открытому для выстрѣловъ пространству въ тылу, они проходили очень ускореннымъ шагомъ и развернутымъ строемъ. Дѣйствительно они двигались, скорѣе какъ отдѣльные люди, нежели какъ цѣльная часть. и если-бы они не были такъ многочисленны, то я принялъ-бы ихъ за подающихъ боевые запасы. Интендантскій офицеръ сказалъ намъ, что войска, которыя мы видимъ,—третій гвардейскій полкъ, и что 29-ый Коби тоже сражается впереди насъ. Никому неизвѣстно, какъ идетъ бой, но онъ высказалъ мнѣніе, что эти два полка попали въ очень жаркое дѣло. Въ то время какъ мы разговаривали, японскія батареи на горѣ справа позади насъ открыли сильный огонь по русскимъ окопамъ. Прежде нежели было произведено двѣнадцать залповъ, я. къ своему удивленію увидѣлъ, какъ занимавшіе окопы оставили ихъ и бѣжали назадъ черезъ гребень горъ. Тѣмъ не менѣе, японцы еще очень долгое время не могли подвинуться впередъ, такъ какъ мѣстность передъ ихъ фронтомъ оказалась подъ продольнымъ огнемъ изъ русскихъ окоповъ, находившихся далѣе на востокъ.

Въ половинѣ третьяго моментъ, однако, очевидно наступилъ, и на мою долю выпало большое счастье увидѣть приступъ на такомъ разстояніи, съ котораго я могъ въ бинокль различать отдѣльныхъ людей гораздо яснѣе, чѣмъ 31-го іюля или 26-го этого мѣсяца. Строя не было, если только маленькія группы по шесть—двѣнадцать человѣкъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно, не называть строемъ. Весь склонъ внезапно покрылся рѣдкой толпой, которая, если приглядѣться поближе, оказывалась

состоящей изъ маленькихъ партій, на разстояніи пяти—шести шаговъ другъ отъ друга, изо всѣхъ силъ взбиравшихся на гору, не заботясь о заднихъ.

Я былъ слишкомъ далеко, чтобы вполнѣ утвердительно сказать, что стрѣльбы не было, но ея могло быть только очень не много, такъ какъ всѣ эти группы вполнѣ маскировали другъ друга. Артиллерія уже очистила окопы, но другія укрѣпленія далѣе къ востоку еще удерживались непріятелемъ, и даже послѣ того, какъ наши уже заняли позицію. Нѣкоторые японцы снова должны были ее очистить и искать лучшаго естественнаго укрытія на близкомъ разстояніи позади. Если-бы послѣ приступа осталось сзади много убитыхъ, я думаю, что я бы ихъ видѣлъ, но я не замѣтилъ, чтобы кто-либо упалъ, и полагаю, что потери едва ли были. Такъ какъ теперь японцы находились безъ сомнѣнія подъ выстрѣлами пѣхоты на среднихъ дистанціяхъ, когда они проходили послѣдніе 100 ярдовъ до окоповъ, то ихъ невредимость свидѣтельствуетъ не особенно въ пользу мѣткости русской ружейной стрѣльбы. Конечно, было-бы несправедливо говорить объ этомъ слишкомъ утвердительно, наблюдая съ безопаснаго мѣста горы на разстояніи почти двухъ миль. Быть можетъ, мѣстность была болѣе укрытой, чѣмъ казалось, быть можетъ также, что русскіе находились подъ тяжелымъ огнемъ пѣхоты другихъ войскъ, которыхъ я не могъ видѣть. Все, что я могу сдѣлать, это высказывать каждый разъ по чести свое убѣжденіе, и тогда я могу надѣяться дать въ концѣ концовъ вѣрное общее впечатлѣніе. Примѣняя это правило къ данному случаю, я не могу не думать, что наши собственные солдаты при тѣхъ-же условіяхъ заставили-бы нападающихъ очень тяжело поплатиться.

Счастье, казалось, улыбалось японцамъ, но, очевидно, русскіе продолжали упорствовать. Я смотрѣлъ на гре-

бень горы—съ курганомъ на задней части, составлявшимъ часть русской позиціи, какъ вдругъ увидѣлъ человѣкъ двѣсти, идущихъ плечо къ плечу на самый гребень, находившійся въ полѣ зрѣнія моего бинокля. Я невольно воскликнулъ, и отнялъ глаза отъ него, чтобы указать ихъ моимъ спутникамъ. Черезъ секунду я снова взглянулъ, но не увидѣлъ уже ни души. Очевидно это были русскія подкрѣпленія, которыя спустились въ траншею на южной сторонѣ гребня.

Полковникъ X. уже давно началъ волноваться, а теперь сталъ увѣрять, что ему попадетъ, если я не отправлюсь въ обратный путь, такъ какъ онъ обѣщалъ доставить меня въ главную квартиру не поздно. Нечего было дѣлать, пришлось оторваться отъ боя только на половину оконченнаго.

Скоро послѣ того, какъ мы пустились въ длинный обратный путь, мы встрѣтили маленькаго бѣленькаго фокстеріера, на котораго напалъ громадный бродячій песъ; китаецъ только что отогналъ чудовище, бросивъ въ него камнемъ, и храбрый маленькій теріеръ, хотя у него изъ шеи текла кровь, яростно бросился въ догонку за псомъ, который готовъ былъ снова вцѣпиться въ него, если-бы представилась возможность. Я свистнулъ. Маленькое животное тотчасъ бросилось къ моей лошади, обрадовавшись, что увидѣло снова европейца среди всѣхъ этихъ азіатовъ. Китаецъ, кажется, хотѣлъ заявить какія-то права, но я пустилъ лошадь крупной рысью, и маленькое созданіе весело за мной послѣдовало. Послѣ того, какъ мы уже отъѣхали милю или двѣ, при чемъ онъ все время бѣжалъ впереди меня, мой теріеръ, казалось, вспомнилъ что-то печальное, потому что вдругъ усѣлся у дороги и, поднявъ голову, завылъ самымъ отчаяннымъ воемъ, какой только мнѣ доводилось слышать. Мнѣ стало грустно за это крошечное существо. Оно

было удивительно жалко. Приступъ горя, однако, скоро прошелъ, и скоро песикъ мой снова бѣгалъ и прыгалъ весело, какъ всегда.

Наши лошади были страшно измучены, а нашъ путь вскорѣ былъ загроможденъ обозами и отрядами войскъ и всяческими принадлежностями большой арміи. Скоро наступили сумерки и подъ проливнымъ дождемъ мы медленно пробирались среди скопленія людей и массы всякихъ повозокъ. Наконецъ, я уже не могъ видѣть дальше десяти, пятнадцати ярдовъ, однако, каждый разъ, оглядываясь назадъ, я видѣлъ бѣленькую точку, бѣжавшую у ногъ моей лошади, среди всей этой орды азіатовъ, прилѣпившуюся къ единственному европейцу, который, какъ и она, былъ чужой въ этой толпѣ. Два раза намъ пришлось переправиться черезъ р. Танхэ, глубина которой тутъ отъ двухъ до трехъ футъ, а ширина 100 ярдовъ. Мой маленькій соотечественникъ не отставалъ отъ меня благородно, ни на шагъ. Въ первый разъ онъ переплылъ рѣку, хотя она должна была показаться ему широкой, какъ океанъ, въ другой разъ я попросилъ сержанта Ватанабе взять его на переднюю луку сѣдла. Такимъ образомъ, мы въ 9 ч. 40 м. веч. наконецъ добрались до нашего дома и нашли всюду мракъ и тишину. Но передъ воротами была поставлена телѣга и входъ намъ былъ загражденъ. Послѣ долгихъ криковъ намъ удалось, наконецъ, разбудить обитателей и мы узнали, что, по приказанію генеральнаго штаба, всѣ наши выступили къ Таампину (Ампингу), въ двѣнадцати миляхъ отсюда, въ три часа дня.

Вотъ такъ пріятное положеніе! Лошади наши смертельно утомлены! Мы сами промокли, устали и проголодались; льетъ проливной дождь, и нѣтъ ни малѣйшей надежды добраться до Таампина (Ампинга) сегодня ночью. Мнѣ было грустно за самого себя, а еще болѣе

за своего новаго товарища. Мнѣ показалось, что онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я заманилъ его ложными обѣщаніями, и я увѣренъ, что онъ ожидалъ найти милую русскую даму, ожидающую насъ съ чаемъ и пирожками у теплой печки, послѣ такого труднаго пути. Мы рѣшили наконецъ попытаться поднять кого-нибудь въ Ляндясанѣ, и кое-какъ доплелись на нашихъ лошадяхъ обратно въ деревню. Тутъ мы, по счастью, нашли коменданта поста, очень любезнаго человѣка, который принялъ насъ къ себѣ и угостилъ великолѣпнымъ ужиномъ изъ риса, томатовъ и русскихъ мясныхъ консервовъ.

Все это было запито сакэ.

Онъ также одолжилъ каждому изъ насъ по казенному одѣялу изъ своихъ „квартирмейстерскихъ“ складовъ, что же касается нашего бѣлья, то оно должно было высохнуть на насъ за ночь.

Куродани (близъ Лентована), 31 августа 1904 г.

Выѣхалъ въ Таампинъ (Ампингъ) въ 9 часовъ утра. Послѣ вчерашнихъ сдѣланныхъ 30 миль, наши лошади заморились такъ, что еле плелись.

Для двѣнадцати миль пути намъ понадобилось четыре часа времени. Когда мы прибыли въ д. Таампинъ, то наши вещи уже приготовляли къ отправкѣ сюда, вслѣдъ за главной квартирой, ибо насъ расположили на лѣвомъ берегу Тайцзыхэ.

Засыпавъ лошадямъ ячменя, и взявъ себѣ рису, мы отпустили телѣгу и воспользовались двухчасовымъ отдыхомъ.

Къ моему великому удивленію, нашъ хозяинъ, китаецъ, говорилъ немного по англійски; онъ, кажется, сразу узналъ во мнѣ британскаго офицера и поспѣшилъ принести свою китайскую библію, которой очень

гордился. По его словамъ, онъ былъ ученикомъ доктора Вестуотера (Westerater) изъ Ляояна.

Я спросилъ его, что онъ думаетъ о русскихъ?

Онъ отвѣтилъ, что русскіе народъ добрый и платятъ за все, что берутъ, хотя имъ нѣсколько не достаетъ человѣколюбія.

Но такъ какъ онъ, не переводя дыханія, сообщилъ тутъ же мнѣ, что они не причинили никакого вреда, то я не могъ понять, что онъ собственно хочетъ сказать. Въ концѣ концовъ, съ помощью Х. и Сумино я выяснилъ, что настоящее его мнѣніе сводится къ тому, „что русскимъ въ нѣкоторой степени не достаетъ качествъ человѣческаго существа“. Это меня позабавило, ибо онъ повторилъ именно то, въ чемъ Западъ обвиняетъ китайцевъ.

Когда, въ 5 ч. 30 м. пополудни я догналъ главную квартиру, то нашелъ тамъ всѣхъ ужасно озабоченными. Я, естественно, былъ полонъ впечатлѣніями своихъ маленькихъ приключеній и наблюденій на лѣвомъ флангѣ арміи, но моментъ вовсе не подходилъ для подобныхъ пустячныхъ размышленій. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора я понялъ, что, отправившись вчера къ гвардейцамъ, я отдѣлался счастливо, если только можно назвать счастьемъ присутствіе при несчастьи другихъ.

Говорятъ, что 3-й гвардейскій полкъ и 29-й Коби, которые такъ храбро, на моихъ глазахъ, захватили большую часть непріятельскихъ окоповъ. не получивъ никакой помощи отъ какой либо изъ другихъ частей вблизи ихъ, были потомъ отброшены русскими, вновь занявшими свои прежнія позиціи.

Гвардейцы далеки отъ мысли атаковать вновь непріятеля, они начали энергично окапываться насколько возможно для отраженія контръ-атаки; это было неудачей не только неожиданной, но, въ данную минуту, и

особенно непріятнымъ обстоятельствомъ, потому что планъ (слышу впервые объ этомъ планѣ), по которому Куроки долженъ былъ сосредоточить всѣ силы своей арміи у Хванкуфэна (Хуанкуфена) на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ къ 2-му сентябрю, нынѣ былъ покинутъ.

Разсчитали, что къ этому числу четвертая армія можетъ подвинуться впередъ настолько, чтобы помочь императорской гвардіи собраться и перейти Тайцзыхэ съ остающейся частью первой арміи. Если планъ этотъ выполнился бы гладко, то Куроки со всей своей арміей, при содѣйствіи бригады Умезавы изъ Бенсиху (Пенчихо), могъ бы повести 50.000 чел. опытныхъ и побѣдоносныхъ войскъ для нанесенія грознаго удара на линіи русскихъ сообщеній. Но четвертая армія, вопреки ожиданіямъ Куроки, такъ далеко не подвинулась, и смѣю сказать (хотя подобной мысли я вслухъ произнести не рѣшился), что и гвардейцы не дошли до пункта, до котораго должны были бы дойти по разсчету маршала маркиза Ойамы.

Отозвать обратно гвардейцевъ является совершенно невозможнымъ, такъ какъ они представляютъ изъ себя единственную силу, стоящую между русскими, побѣдоносно ихъ отбросившими и линіями сообщенія первой арміи. Какъ только Куроки перейдетъ черезъ Тайцзыхэ, только одна гвардейская дивизія да бригада Матсунаги изъ второй дивизіи могутъ дѣйствовать на южномъ берегу рѣки съ цѣлью воспрепятствовать непріятелю у Мындяфаня (Мокабо), или къ востоку отъ этого пункта, и препятствовать идти прямо на Таампинъ. Но нельзя усугублять риска и безъ того уже серьезнаго дальнѣйшимъ еще ослабленіемъ этихъ наличныхъ японскихъ силъ. Иначе, Куроки прямо таки пригласилъ бы русскихъ у Мындяфаня двинуться съ цѣлью отрѣзать его сообщенія.

Теперь можетъ быть понятно, почему всѣ были здѣсь

такъ подавлены неудачей гвардейцевъ, которая дѣлаетъ необходимымъ для Куроки предпринять опасный шагъ безъ поддержки гвардейцевъ и безъ помощи бригады Матсунаги. Японцы не имѣютъ обыкновенія высказывать осужденіе своимъ. Во всякомъ случаѣ, они этого не дѣлаютъ при иностранцахъ; но, поскольку мнѣ кажется, никакой тенденціи критиковать гвардейцевъ и не замѣчается. Съ другой стороны, никто не можетъ понять почему 2-я дивизія не поддержала гвардейцевъ бригадой Матсунаги.

Кажется Матсунага вчера самъ наблюдалъ за сраженіемъ и все таки не поддержалъ ни единымъ выстрѣломъ гвардейцевъ для удержанія ихъ положенія. Матсунага самъ по себѣ отличный малый и, безъ сомнѣнія, черезъ два-три дня отъ него получится удовлетворительное объясненіе всего этого.

Пока что, можно сказать, что задержка лѣваго фланга Куроки не имѣла бы такого сильнаго значенія, если бы планъ битвы былъ основанъ на болѣе вѣрныхъ предположеніяхъ относительно непріятеля.

Если Куропаткинъ собирается, упершись спиной въ стѣну Ляояна,—дать рѣшительное для всей компаніи сраженіе, какъ это до сихъ поръ предполагали японцы, то нѣтъ ничего страннаго въ ихъ спѣшкѣ и тогда сосредоточеніе первой арміи у Хванкуфена могло бы произойти ко 2-му или 3-му сентября. Но теперь внезапно вторгнулся новый и неожиданный факторъ.

Куропаткинъ не станетъ рисковать судьбами Россіи, полагаясь на исходъ одного большого сраженія. Теперь онъ не будетъ повторять тактики на Ялу и сидѣть покойно, пока паукъ японскаго генеральнаго штаба не оплететъ его своей паутиной *).

*) Нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ впослѣдствіе по этому поводу однимъ очень хорошо освѣдомленнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, даютъ интересное

Таково нынче ночью мнѣніе нашей главной квартиры и на немъ построенъ новый планъ, замѣняющій прежній, столь заботливо составленный въ свое время. Если сказать въ нѣсколькихъ словахъ—въ новомъ планѣ предвидится переходъ черезъ рѣку Куроки во главѣ отряда, немногимъ перевышающаго одну треть всей I-й арміи. Конечно, трудно было бы ему помочь, если предположить, что онъ долженъ немедленно сдѣлать роковой шагъ. Очевидно, что бригада Умезавы не можетъ покинуть Тхауанъ, не вытѣснивъ русскихъ изъ Бенсиху и, слѣдовательно, втеченіе нѣсколькихъ дней содѣйствовать не можетъ. А я уже выяснилъ, что гвардейцы и бригада Матсунаги отъ второй дивизіи не имѣютъ возможности какимъ бы то ни было образомъ двигаться на востокъ, оставляя Мандаринскую дорогу открытой для наступленія въ этомъ направленіи побѣдоноснаго непріятеля, съ которымъ они находятся до сихъ поръ въ тѣсномъ соприкосновеніи. И такъ,

---

толкованіе этой части дневника; замѣчанія эти какъ бы намѣренно предупреждали возможность противоположной критики. Онъ сказалъ: „30 августа имѣлъ мѣсто случай, помѣшавшій намъ выполнить предположенную атаку на Ляоянъ. А именно, атака не могла быть выполнена согласно нашему столь заботливо обдуманному плану и намъ просто слѣдовало пуститься въ преслѣдованіе съ тѣхъ позицій, которыя мы занимали въ тотъ моментъ. Не знаю, что донесъ Куропаткинъ по этому поводу, но фактъ на лицо, непріятель началъ отступать 30-го. Съ позицій, занимаемыхъ второй и двѣнадцатой дивизіями, мы могли видѣть непріятеля на южномъ берегу р. Тайцзыхэ отступающаго къ Ляояну, пока двѣ или три изъ русскихъ же дивизій переходили рѣку и двигались на сѣверъ.

Съ позицій, занятыхъ гвардейцами, мы видѣли тоже, что непріятель отступаетъ отъ Кавлицуна (Корайсона) къ Ляояну. И, наконецъ, судя по свѣдѣніямъ полученнымъ маршаломъ маркизомъ Ойямой, непріятель отступалъ даже изъ самого Ляояна. Если эта очевидность еще недостаточно убѣждала въ томъ, что Куропаткинъ находился въ самомъ разгарѣ отступленія, то я могу добавить, что съ высоты 186 м. мы видѣли рельсовый путь, лежавшій къ сѣверу отъ Ляояна, по которому черезъ каждыя пять—шесть минутъ проходили поѣзда въ направленіи къ Мукдену. Поэтому, что бы русскіе теперь ни утверждали, мы дѣйствительно собственными глазами видѣли, какъ они отступали 30-го августа такъ поспѣшно, какъ могли. Весь вопросъ теперь сводится къ тому, какому рѣшенію долженъ былъ слѣдовать при такихъ обстоятельствахъ командующій первой арміею? Кажется довольно

вмѣсто 60.000 человѣкъ Куроки долженъ удовольствоваться 20.000. Также точно какъ и Рубиконъ Цезаря, Тайцзыхэ Куроки не представляетъ изъ себя непреодолимаго препятствія только для движенія войскъ, но съ переходомъ на противоположный берегъ ихъ начальникъ вовлекался въ игру по самымъ высокимъ ставкамъ. Ему не было нужды заботиться о сжиганіи понтонныхъ мостовъ, непріятельскіе снаряды сдѣлали бы это за него довольно скоро, если бы его силы для удержанія положенія, оказались недостаточными.

Кажется, что всѣ главные пункты этого новаго плана, основаннаго на отступленіи Куропаткина, были рѣшены 30-го и двѣнадцатая дивизія получила приказъ переправиться черезъ Тайцзыхэ у Лантоувана въ ту же ночь, и затѣмъ двигаться на сѣверъ внизъ по правому берегу рѣки, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ хорошей позиціи для прикрытія перехода бригады Окасаки изъ второй дивизіи. Двѣнадцатая дивизія выполнила данное ей приказаніе. И къ большому стыду для казаковъ, они

ясно, что онъ долженъ былъ отвергнуть столь тщательно имъ приготовленный планъ атаки и, не смотря на трудность и весь рискъ подобнаго движенія, онъ былъ вынужденъ безъ всякаго замедленія переправить черезъ Тайцзыхэ всѣ силы, которыя были у него подъ рукой. Вторая и четвертая армія также обязаны были отступить отъ ихъ хорошо обдуманнаго плана и просто преслѣдовать русскихъ наилучшимъ способомъ, по мѣрѣ возможности. При такихъ то обстоятельствахъ маршалъ Куроки приказалъ двѣнадцатой дивизіи и половинѣ второй дивизіи переправляться черезъ Тайцзыхэ у Лонтоувана. Единственнымъ сколько-нибудь удовлетворительнымъ извиненіемъ того обстоятельства, что столь незначительныя японскія силы ставились отдѣленными отъ главныхъ своихъ силъ глубокой и быстрой рѣкой, являлось отступленіе непріятеля.

Куропаткинъ рѣшилъ отступать и началъ соотвѣтствующія этому рѣшенію приготовленія 29-го августа. Если бы было вѣрно донесеніе Куропаткина, что армія его начала отступать 3-го сентября, то онъ не былъ бы въ состояніи выполнить отступленіе такъ мастерски, не разбивъ предварительно японскихъ армій".

Такъ какъ это очень спорный вопросъ, то я полагалъ разрѣшить его разъ навсегда лишь постольку, поскольку касается японцевъ. Согласно съ этимъ, я, втеченіе зимы, воспользовался однимъ случаемъ спросить начальника штаба Манджурскихъ армій—генерала барона Кодаму—и онъ отвѣтилъ на мой вопросъ такъ: „Куропаткинъ рѣшилъ отступать въ ночь на 31-е августа".

допустили выполнить все безъ всякаго безпокойства, или препятствія. Но штабъ главной квартиры едва оправился отъ испуга, въ который былъ повергнутъ извѣстіемъ полученнымъ ночью, но потомъ оказавшимся ошибочнымъ, что большія непріятельскія силы напротивъ Сванмяотзы (Шобійоши) и Сыцуйцзы (Секишоши), въ количествѣ превышающемъ дивизію, угрожаютъ движенію Куроки. Мы знаемъ, что и въ обыкновенной жизни малые и ничтожные сами по себѣ поступки могутъ повлечь за собою наиболѣе серьезные результаты. На войнѣ однако истина этого принципа непосредственно признается въ значительно бо̀льшей степени.

Въ ночь на 30-е вся двѣнадцатая дивизія была окончательно обязана перейти черезъ Тайцзыхэ, а главныя силы второй дивизіи къ 10 часамъ утра сосредоточились у Кусаоцинъ (Косойо) съ цѣлью слѣдовать за двѣнадцатой дивизіей къ броду у Лантоувáна, по дорогѣ къ Хэую. Линіи сообщеній обѣихъ этихъ дивизій пересѣкали Танхэ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а именно въ Таампинѣ.

Бригада Матсунаги находилась въ двѣнадцати миляхъ къ юго-западу и помогала гвардейцамъ сдерживать одну изъ непріятельскихъ дивизій, а сами гвардейцы находились еще дальше, въ томъ же направленіи. Такъ что безусловно единственными силами, которыя можно было бы противопоставить дивизіи непріятеля на высотахъ между Сванмяотзы и Сыцуйцзы, являлись всего четыре японскихъ роты, двѣ ниже Сыцуйцзы и двѣ немного къ сѣверу отъ Сванмяотзы. Если бы русская бригада спустилась внизъ съ ея позиціи и обрушилась подавляюще на эти четыре роты, или если бы хотя одинъ русскій батальонъ, обойдя ихъ слѣва, двинулся бы въ долину Танхэ, то ни въ какомъ случаѣ нельзя было здѣсь найти имѣющихъ боевое значеніе войскъ для защиты

Таампина отъ внезапнаго нападенія, а только массы служителей при обозахъ и транспортахъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что штабъ главной квартиры мало расположенъ выслушивать разсказъ о моихъ приключеніяхъ, которыя мнѣ лично казались столь интересными и важными.

Японцы отошли назадъ съ наступленіемъ темноты вездѣ, гдѣ находились противъ нихъ неразбитыя части непріятеля. Смѣлый ударъ русскихъ значительными силами на Таампинъ разрѣзалъ бы силы Куроки совершенно на двое и если бы былъ даже случайно отраженъ, то, вѣроятно, настолько разстроилъ и дезорганизовалъ транспорты Куроки, что первая армія бездѣйствовала-бы втеченіе нѣсколькихъ предстоящихъ недѣль.

Изданіе склада „Офицеръ—Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Руднева С.П.Б. Нов. пер. д. 5

Глава XXIII.

Куроки переходитъ черезъ Тайцзыхэ.

Такъ какъ я не разъ критиковалъ японцевъ за излишнюю ихъ осторожность то, по меньшей мѣрѣ, справедливымъ будетъ отмѣтить тотъ огромный рискъ, который принялъ на себя Куроки прошедшей ночью.

Со временъ Германика, переходъ черезъ рѣку въ виду непріятеля считается весьма тонкой военной операціей, но если къ опасностямъ отъ воды и огня на фронтѣ прибавить, что громадныя силы этого непріятеля расположены на прочной позиціи на противоположной сторонѣ рѣки, въ пяти миляхъ отъ предположеннаго пункта переправы, то окажется, что подобная попытка требовала необычайной смѣлости отъ генерала.

Куроки вполнѣ сознавалъ опасность, грозившую ему. Было условлено, что вторая дивизія атакуетъ и займетъ позиціи русскихъ на высотахъ, расположенныхъ непосредственно на югъ и на юго-западъ отъ Сыцуйцзы, ибо это должно было, въ силу необходимости, предшествовать переходу черезъ рѣку. Хотя окопы выглядѣли чрезвычайно грозными, но оказалось, что отданное Куропаткинымъ приказаніе отступать вызывало ихъ быстрое очищеніе, поэтому было рѣшено оставить русскихъ, и положившись на предполагаемое у нихъ отсутствіе иниціативы, поручить только четыремъ ротамъ японской пѣхоты наблюденіе за непріятелемъ.

Никогда самомнѣніе не имѣло бо́льшаго оправданія. Русскія дивизіи оставались неподвижными.

Двѣнадцатая дивизія перешла рѣку у Лантоувана до разсвѣта, а когда разсвѣло она продвинулась на сѣверъ, внизъ по правому берегу, чтобы служить прикрытіемъ для перехода второй дивизіи черезъ рѣку. Сегодня они, по теченію рѣки, повернули на западъ, слѣдуя по рѣкѣ и находятся теперь какъ разъ напротивъ русскихъ въ Хванкуфэнѣ; опираясь лѣвымъ флангомъ въ Тайцзыхэ, они образуютъ собой полукругъ, прикрывающій высоту Ласточкино Гнѣздо (см. карту XXII). Пока двѣнадцатая дивизія занимала свою позицію, бригада Окасаки сегодня въ 9 ч. утра начала переходить рѣку вбродъ у Лантоувана, и въ часъ пополудни находилась цѣликомъ на правомъ берегу, совершивъ переправу вполнѣ благополучно. Полевая артиллерія должна была выжидать, наводки моста, пока же заняла позицію, съ которой, въ случаѣ надобности, могла помочь арміи развернуться на сѣверномъ берегу, а также, если явится въ томъ необходимость, предупредить всякое нападеніе непріятеля съ запада.

Я ничего не могъ узнать объ успѣхахъ второй и четвертой армій, но мнѣ говорили, что, во время моей отлучки изъ главной квартиры, генералу Умезава былъ посланъ приказъ, вслѣдствіе котораго онъ долженъ былъ очень скоро появиться въ сферѣ нашихъ дѣйствій. Онъ былъ въ Тхауанѣ и командовалъ смѣшанной бригадой Коби, наблюдавшей за Бенсиху, гдѣ пребывали незначительныя силы русскихъ, со времени отступленія ихъ главныхъ силъ изъ Ляояна. Теперь Умезава уже получилъ приказъ атаковать Бенсиху въ ночь на 30-е и затѣмъ двигаться къ западу, чтобы соединиться съ Куроки къ сѣверу отъ Тайцзыхэ.

Итакъ, насколько я могъ понять до своего отхода

ко сну, положеніе было приблизительно таково: предполагаютъ, что Куропаткинъ насколько возможно поспѣшно отступаетъ на сѣверъ къ Мукдену. Несмотря на это изрядныя силы русскихъ окапываются среди Сыквантунскихъ (Куйентайскихъ) высотъ. Они со своихъ позицій, находящихся въ пяти миляхъ отъ нашихъ западныхъ частей войскъ, по ту сторону рѣки, открыли сильную пальбу, но, настолько несуразную, что ихъ шрапнели или разрываются слишкомъ высоко, или падаютъ далеко въ сторону отъ намѣченной цѣли.

Налѣво отъ насъ императорская гвардія заняла небольшой участокъ по направленію къ Мындяфань, но, справа отъ нихъ, въ Ванбатайѣ, части гвардіи и бригада Матцуямы изъ второй дивизіи, стоятъ до сихъ поръ напротивъ позиціи, съ которой были выбиты 30-го.

Однако 29-й полкъ Коби, составлявшій резервъ Куроки 26-го числа и посланный имъ изъ Ліеншанхуана, на подмогу находившимся въ затрудненіи гвардейцамъ, теперь былъ отозванъ обратно и долженъ возможно скорѣе соединиться со второй дивизіей на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ. По приказу, полученному непосредственно отъ Куроки, бригада Окасаки изъ второй дивизіи и вся двѣнадцатая дивизія заняли позицію близъ Хванкуфэна.

Канквантунь *) 1-го сентября 1904 г. Вотъ уже седьмое утро подрядъ земля и воздухъ дрожатъ отъ громовой пальбы на разныхъ дистанціяхъ и по всѣмъ направленіямъ. Полковникъ Х. весело сказалъ мнѣ, что понтонный мостъ былъ наведенъ ночью и что мы двинемся по немъ вслѣдъ за Куроки.

Мы двинулись въ 7 ч. утра и нѣкоторое время

*) Въ это время, хоть я и не зналъ этого, Умезава, находясь на крайнемъ правомъ флангѣ, взялъ Бенсиху (См. карту XXIII).

шли вмѣстѣ, но скоро нашъ путь раздѣлился, одни пошли влѣво, повидимому къ рѣкѣ, а другіе въ полъ оборота направо. Я чувствовалъ, что мы должны взять влѣво, но полковникъ Х. былъ еще болѣе увѣренъ въ томъ, что надо идти направо. Такъ мы и поступили, но, сдѣлавъ верхомъ двѣ или три мили, очутившись у высоты, господствовавшей надъ Лантоуваномъ, гдѣ не оказалось моста, я не могъ удержаться, чтобъ не сказать: „А что я говорилъ вамъ!“—фраза эта можетъ доставлять удовольствіе говорящему ее, но никогда она не поправляетъ дѣла. Такъ и тутъ, она была встрѣчена довольно холодно.

Однако, я не особенно жалѣлъ о потерѣ времени, такъ какъ мы прибыли какъ разъ въ то время, когда рота японской пѣхоты переходила рѣку вбродъ.

Вода доставала подъ мышки и мнѣ показалось, что они очевидно крѣпче на ноги, чѣмъ мы европейцы, иначе бы ихъ уносило быстрымъ теченіемъ. Суровые прерывистые утесы находились въ полумилѣ отъ брода. Полагаю, японцы должны благодарить судьбу за то, что казаки не помѣшали переправѣ. Мы принуждены были вернуться по старой дорогѣ и не сразу нашли понтонный мостъ.

Мы перешли по мосту и затѣмъ повернувъ на западъ, вскарабкались на курганообразную высоту въ 150 футовъ, увѣнчанную разрушенными наполовину сооруженіями китайскаго форта, именуемаго Ласточкинымъ Гнѣздомъ.

Былъ уже почти полдень. Куроки и его штабъ находились здѣсь, но я, испыталъ очень сложныя ощущенія, замѣтивъ, что здѣсь также находятся военные аташе при второй дивизіи и съ полдюжины моихъ друзей-журналистовъ.

Первымъ привѣтствовалъ меня Винцентъ. Рѣдко мнѣ

приходилось видѣть кого либо въ болѣе неприглядномъ видѣ. Онъ провелъ ночь въ грязной придорожной лужѣ, и, судя потому, что онъ извлекъ изъ нея своей одеждой, надо думать, что лужа, пріютившая его, стала прозрачной, какъ хрусталь. У него было очень вытянутое, худое лицо и на его невыразимыхъ сзади красовалась большая заплата изъ куска русской сѣрой шинели.

Онъ ровно ничего не зналъ объ общемъ положеніи дѣлъ,—т. е. буквально ничего; но онъ сдѣлалъ порядочное количество цѣнныхъ замѣтокъ относительно движенія его собственной дивизіи.

Нѣсколько минутъ спустя я опять повстрѣчался съ нимъ. Я никогда бы не подумалъ, что его физіономія можетъ такъ блаженно просіять, пока не увидѣлъ въ его рукѣ жестянку, напомнившую мнѣ о болѣе счастливыхъ дняхъ. Я сказалъ ему: „скажите на милость, Винцентъ, что это?“ Онъ отвѣтилъ: „это пустая жестянка отъ малиноваго варенья, которую Максвель изъ „Standard'a только что подарилъ мнѣ“. „Неужели же Максвель подарилъ вамъ пустую жестянку?“ воскликнулъ я. „О нѣтъ, я хочу сказать, что въ данную минуту она пуста“, возразилъ онъ; и это было вѣрно; тамъ не было ни единой липкой капли, которая бы мутила полированное дно жестянки, и дно это, какъ я, не безъ горечи сообщилъ Винценту, было конечно одной изъ самыхъ чистыхъ вещей на немъ.

Такъ или иначе потокъ донесеній шелъ, повидимому, безъ перерывовъ.

Первое изъ нихъ было благопріятно, а именно, что Умезава дѣйствительно взялъ Бенсиху на крайнемъ правомъ флангѣ арміи. Слѣдующее донесеніе касалось позиціи непріятеля, съ которымъ мы находились въ соприкосновеніи на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ и, конечно,

нельзя было и мечтать о лучшемъ пунктѣ для наблюденія за этими позиціями, чѣмъ наше Ласточкино Гнѣздо (см. черт. XXI).

Непосредственно къ югу, у самыхъ нашихъ ногъ протекала широкая и быстрая Тайцзыхэ на протяженіи двухъ-трехъ миль прямо на западъ, затѣмъ поворачивала къ сѣверу и, описавъ полный полукругъ, по дугѣ приблизительно въ двѣ мили, устремлялась дальше на югъ уже внѣ сферы нашихъ дѣйствій.

Тамъ, гдѣ рѣка поворачивала на югъ, она омывала крутой нижній скатъ горы, помѣченной на русскихъ картахъ 131-ой. Эта 131-ая была очевидно прескверной штукой; на южномъ ея выступѣ имѣлись орудія, а на гребнѣ устроены были окопы въ нѣсколькихъ мѣстахъ, хотя, повидимому, не особенно много. Отъ 131-ой шелъ длинный, низкій уступъ, заканчивавшійся маленькимъ холмомъ, высотою, вѣроятно, футовъ въ пятьдесятъ, которые солдаты окрестили Манджуямой (или г. Манжу), т. е. горой Рисоваго пирога. Какъ разъ подъ незначительной сѣдловиной, соединяющей 131-ую съ горою Манжу гнѣздилась довольно большая деревушка Сыквантунь, окруженная фруктовыми садами. За г. Манжу мѣстность довольно ровная; въ двухъ-трехъ миляхъ отъ нея къ сѣверо-востоку находится гора съ пятью странными вершинами, высотою около 200 футъ, называемая Вусіеншанъ, она поднимается надъ пышными нивами. Къ сѣверу отъ Вусіеншана тянется мили на четыре длинная гряда, заканчивающаяся круглой возвышенностью съ маленькимъ домикомъ наверху, господствующая, какъ намъ сказали, надъ Янтайскими каменноугольными копями. Вся долина покрыта плантаціями высокаго гаоляна.

Отчаянная скука дѣлать такія подробныя описанія, но если я не усвою себѣ хорошенько мѣстоположенія, то отчеты мои не будутъ имѣть успѣха и мнѣ

приходится или прожить тутъ съ недѣлю, или срисовывать все прямо съ натуры.

Чтобы получить общее впечатлѣніе отъ этой картины, надо не забывать, что дойдя до Ласточкинаго Гнѣзда, мы, впервые за пять мѣсяцевъ, вышли изъ безконечной цѣпи горъ. Куда ни посмотри, на сѣверъ, югъ, востокъ или юго-западъ, всюду торчали обычныя остроконечныя вершины, величественными, непрерывными рядами, а здѣсь, за исключеніемъ, такъ сказать, аванпостовъ, образуемымъ горою 131-ой, Манжу и Вусіеншаномъ, вся мѣстность къ западу казалась волнообразной и, повидимому, открытой долиной. Я говорю „повидимому открытой“, потому что, на самомъ дѣлѣ, плантаціи гаоляна, вышиной въ 8—12 футовъ могутъ быть въ тактическомъ отношеніи приравнены къ густому лѣсу.

Русскіе, силы которыхъ были намъ неизвѣстны, занимали полукруглую позицію, опираясь правымъ флангомъ на гору 131-ю и оттуда линія ихъ шла на сѣверо-востокъ къ Сыквантуню, Манжу и Вусіеншану.

Наша собственная Первая армія—то есть, такъ сказать, уже перешедшія черезъ рѣку части ея—расположились подъ нами вѣеромъ. Бригада Окасаки изъ второй дивизіи находилась слѣва и съ 6 часовъ утра пыталась дѣйствовать въ направленіи 131-ой и Сыквантуня; двѣнадцатая дивизія находилась справа и ко времени моего прибытія уже надежно утвердилась на Вусіеншанской высотѣ.

Двадцать четыре японскихъ орудія открыли пальбу въ 6 часовъ утра изъ окоповъ, вырытыхъ ночью на низкомъ гребнѣ, идущемъ и къ сѣверу и къ югу, примѣрно, въ 500 ярдахъ восточнѣе Хванкуфэна (черт. XXI). Сюда летѣли сотни русскихъ шрапнелей, разрывавшихся по восьми сразу надъ и за этими 24-мя орудіями. Непріятельскія батареи стрѣляли по другому

гребню въ 400 ярдахъ сзади отъ ихъ настоящей цѣли.

Нѣсколько деревьевъ, растущихъ на дальнемъ гребнѣ, несомнѣнно, способствовали обыкновенному оптическому обману, благодаря которому издали два предмета сливаются въ одинъ, и промежуточная долина ускользаетъ отъ наблюденія.

Каждый артиллеристъ знаетъ о способности впасть въ ошибку по этой причинѣ, но при обычной у русскихъ стрѣльбѣ шрапнелью съ дистанціонными трубками, установленными для разрыва въ воздухѣ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять шрапнелью съ трубкой безъ установки, для разрыва при паденіи на землю—разумѣется сильно увеличивалась вѣроятность повторенія подобныхъ ошибокъ. Такъ или иначе русскіе залпы, столь свирѣпые по виду, были для артиллеріи противника не болѣе опасны, чѣмъ „фейерверкъ“ въ Хрустальномъ Дворцѣ.

Самъ генералъ Куроки сообщилъ мнѣ, что въ 9 часовъ утра имъ было получено извѣстіе отъ Начальника Штаба Ойямы—Кодамы—о томъ, что съ 31-го непріятель отступилъ передъ Четвертой арміей, которая сегодня на разсвѣтѣ заняла Синьлитунь (Хсинлитунъ, карта XXIII).

Одновременно вторая армія своей правой колонной заняла весьма важную высоту на западъ отъ Синьлитуня, а сосѣдняя дивизія, бывшая еще западнѣе, съ очень большими потерями взяла Шаньзцяпу (Шуисенпу). Поэтому Куроки и казалось яснымъ, что вторая и четвертая арміи выполнили весьма важное движеніе впередъ и, по его заключенію, теперь, онѣ, должно быть, горячо преслѣдуютъ непріятеля. Мнѣніе Куроки подтвердилось въ полдень извѣстіемъ о томъ, что гвардейцы въ 11 часовъ утра заняли цѣпь горъ къ сѣверу отъ Мындяфаня.

Куроки ликуетъ. Въ его жизни наступила великая минута. Ему остается только прорваться у г. Манжу и у горы 131-й и завладѣть желѣзной дорогой, ведущей къ Муклену, которая отчетливо виднѣется на западѣ надъ деревней Сыквантунь съ оживленно катящимися по ней къ сѣверу поѣздами.

Нѣкоторые изъ штабныхъ напомнили мнѣ, какъ будто я нуждался въ томъ, что сегодня годовщина Седанской битвы. Какъ страшно, если исторія повторится снова. Надежды японцевъ возстаютъ высоко и все имъ кажется возможнымъ! Я телеграфировалъ по кабелю слѣдующее: „Первое сентября. Со времени предъидущей телеграммы шесть тяжелыхъ дней непрерывнаго боя переходовъ и возведенія окоповъ. — Войска три ночи уже не знаютъ сна, но Куроки не даетъ непріятелю передышки, а переходомъ черезъ Тайцзыхэ вызываются свѣтлыя надежды на обезпеченіе полнѣйшихъ результатовъ большой побѣды“.

По совѣсти говоря, я увѣренъ въ томъ, что моя телеграмма вѣрно отражала преобладающее настроеніе нашихъ союзниковъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ, съ японской точки зрѣнія предполагаютъ какую либо неудачу и того гляди, сглазятъ мое впечатлѣніе. Въ 1 ч. 50 м. пришло донесеніе, составленное въ нѣсколько тревожныхъ выраженіяхъ, извѣщающее о томъ, что русская колонна, длиною въ двѣ мили, двигается изъ окрестностей Янтайскихъ каменоугольныхъ копей и угрожаетъ обрушиться на правый флангъ арміи.

Подобное увѣдомленіе вовсе не сходится съ мнѣніемъ, что русскіе обратились въ бѣгство и я замѣчаю большую перемѣну въ настроеніи духа всѣхъ моихъ друзей. Генералъ-лейтенантъ Инуйэ, командующій двѣнадцатой дивизіей, совѣтуетъ Куроки пріостановить наше движеніе на западъ, до тѣхъ поръ, пока не выяснится

все значеніе угрожающаго движенія съ сѣвера.

Однако, Окасаки со своей пятнадцатой бригадой зашелъ слишкомъ далеко для атаки г. Манжу и уже не можетъ ни остановиться, ни отступать. Вслѣдствіе этого онъ извѣстилъ штабъ арміи о томъ, что просилъ офицера, командующаго артиллеріей второй дивизіи, чтобы тотъ поддержалъ его и что въ то же время просилъ генерала Инуйэ разрѣшить горнымъ орудіямъ двѣнадцатой дивизіи открыть стрѣльбу противъ Манжу. На просьбу относительно содѣйствія горной артиллеріи было дано согласіе, но офицеръ, командующій артиллеріей второй дивизіи, заявилъ, что для того, чтобы открыть стрѣльбу по Манжу, онъ долженъ передвинуться на тысячу ярдовъ ближе къ горѣ, что, несмотря даже на скрывающій его передвиженія гаолянъ, чрезвычайно трудно и вызоветъ необходимость выкопать впереди новые „колодцы для орудій“, что должно занять время.

Британскій солдатъ не можетъ не подивиться тому, что несмотря на присутствіе гдѣ-то тутъ же, по близости, своего начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Ниши, Окасаки не поколебался обратиться непосредственно къ офицеру, командующему артиллеріей второй дивизіи, который не былъ подъ его командой, съ просьбой привести въ исполненіе очень важное, хотя и опасное движеніе; слѣдуетъ также замѣтить, изучить и внутренно воспринять тотъ фактъ, что командиръ артиллеріи не думалъ ни одной минуты уклониться отъ сношеній изъ-за какихъ-нибудь формальностей.

Когда британскіе комерсанты приходятъ къ убѣжденію, что ихъ первенствующему значенію въ торговлѣ угрожаютъ нѣмцы, то въ этомъ они, какъ будто, часто обвиняютъ свое правительство или-же своихъ рабочихъ; такъ, по крайней мѣрѣ, сужу я по попадав-

Изданіе склада „Офицеръ Воспитатель“.
Картограф. зав. Д. Руднева Кав. пер. д. 5. СПб

шимся мнѣ письменнымъ доказательствамъ. Быть можетъ такъ оно и есть. Но, было-бы плохимъ показателемъ нашей арміи, если-бы мы стали колебаться въ признаніи, что въ вопросахъ военной этики, намъ многому надо поучиться у нѣмцевъ. То довѣріе, съ которымъ Окасаки обращался къ офицеру, командующему артиллеріей второй дивизіей, то великодушіе Ниши и та полная готовность, съ которой двинулись впередъ орудія,—все это прямое доказательство нѣмецкой школы, всецѣло воспринятой самоотверженностью Самурая. Нѣмецкій строй, по мнѣнію нѣкоторыхъ, быть можетъ слишкомъ сомкнутый, очень вѣроятно, также, что надежда, возлагаемая ими на саблю и пику по взглядамъ незначительнаго числа добросовѣстныхъ критиковъ,—ничто иное, какъ, vieux-jeu; но никто, изучавшій 1870 г. и убѣдившійся въ лояльности, съ которой нѣмѣцкіе генералы поддерживали другъ друга, никто, принявшій во вниманіе полную готовность, съ которой подавалась помощь, была-ли она просимой или нѣтъ, безъ различія корпуса, или даже арміи, къ которымъ принадлежали эти отдѣльныя части, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ нѣмцевъ, каковыми они были тридцать четыре года тому назадъ.

Если кто въ этомъ и сомнѣвается, пусть онъ внимательно изучитъ нѣкоторыя наши южно-африканскія сраженія и затѣмъ прочтетъ разсказъ о Шпихернѣ и Вертѣ.

Изъ всѣхъ свѣдѣній, которыя я могу собрать, ясно, что Окасаки—душа нынѣ ведущейся атаки и что онъ стоитъ вообще за рѣшеніе поддерживать наступленіе съ лѣваго фланга, что бы не угрожало правому. Мнѣ кажется, что Куроки, Инуйэ и Фужіи предпочли-бы отказаться отъ наступленія праваго фланга и центра, пока

не выяснится положеніе на правомъ флангѣ, но смѣлый командиръ 15-ой бригады видитъ лишь то, что врагъ стоитъ между нимъ и полотномъ желѣзной дороги и махнулъ рукой на осторожность, какъ названныхъ генераловъ, такъ и свою. Чувствуя себя болѣе или менѣе вовлеченными, разсчитанною нельсоновскою порывистостью, Окасаки, Куроки и штабъ его приняли вызовъ судьбы и дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, чтобы обезпечить за нимъ успѣхъ. Бригадѣ Шимамура (12-ой) двѣнадцатой дивизіи приказано быстро повернуть къ сѣверу, гдѣ она заняла позицію около Вусіеншана, чтобы встрѣтить русскую колонну, растянувшуюся на двѣ мили и идущую изъ Янтая. Подъ прикрытіемъ этого бокового отряда бригада Кигоши двѣнадцатой дивизіи, примкнула къ 15-ой бригадѣ, чтобы поддержать атаку Окасаки и всѣ находившіяся подъ рукой орудія получили приказаніе приблизиться къ г. Манжу, чтобы обстрѣлять ее съ болѣе дѣйствительныхъ дистанцій.

Около 4 ч. 30 м. пополудни японскія орудія ожесточенно бомбардировали этотъ пригорокъ. Временные окопы не были ни достаточно глубоки, ни достаточно основательны, чтобы противустоять такому огню и, по мѣрѣ того, какъ тучи чернаго дыма отъ взрыва фугасныхъ снарядовъ смѣшивались съ снѣжными клубами отъ разрывовъ, осѣдая все плотнѣе и плотнѣе надъ вершиной горы Манжу, я видѣлъ, какъ многіе изъ обороняющихся, очищая свои закрытія, отчаянно бѣжали назадъ, въ надеждѣ, часто обманчивой, спасти свою жизнь на отдаленной сторонѣ гребня.

Въ 5 ч. 30 м. открыто высказывали мнѣніе на горѣ Ласточкино Гнѣздо, что русскіе будутъ принуждены этимъ огнемъ очистить совершенно гору Манжу. Однако это ни чуточку не сбылось; въ 6 ч. 30 м. они получили подкрѣпленіе, а въ 7 ч. пополудни пришло извѣстіе, что

15-ой бригадѣ, находящейся подъ перекрестнымъ огнемъ русской артиллеріи съ позицій: къ сѣверо-востоку, востоку и югу отъ Манжу, едва-ли удастся достигнуть до наступленія темноты позиціи, съ которой она могла-бы двинуться на приступъ. Отъ двухъ или трехъ офицеровъ я слышалъ полу-испуганное, полу-негодующее замѣчаніе: „гвардія должна была-бы быть здѣсь съ нами; отнюдь не слѣдовало-бы намъ переправляться черезъ рѣку безъ гвардіи“. Положеніе уже болѣе не представляется въ розовомъ свѣтѣ, но Куроки все еще полонъ надеждъ пробиться сегодня ночью и все, что возможно сдѣлать, дѣлаютъ въ видахъ этой конечной цѣли. Отправлены срочныя и настойчивыя приказанія Умезава двинуться къ Янтаю, какъ только онъ овладѣетъ Бенсиху*); Матсунаго велѣно оставить гвардію и усилить вторую дивизію присоединеніемъ своей третьей бригады къ пятнадцатой бригадѣ Окасаки; даже двѣ роты второй дивизіи, оставленныя въ Сванмяотзы, поспѣшно призваны съ южнаго берега рѣки.

По мѣрѣ того, какъ заходило солнце за гребень Манжу, разливая красныя полосы на сѣверномъ небосклонѣ, сила ружейнаго огня увеличивалась до того, что превзошла все, что я когда-либо слышалъ. Артиллеристы съ той и съ другой стороны отстаивали свою жизнь около ревущихъ пушекъ, выпуская цѣлыя тучи, свистящихъ, въ надвигающемся мракѣ, снарядовъ. Въ гаснущемъ свѣтѣ каждый выстрѣлъ изъ орудія, каждая разрывающаяся шрапнель, выступали на темнѣющемъ, тускло-красномъ фонѣ заката, подобно тѣмъ яркимъ искрамъ, вспыхивающимъ то тутъ, то тамъ, на поверхности листа расплавленнаго металла по мѣрѣ того какъ онъ остываетъ. Но быстро наступила ночь и все смолкло и погрузилось въ тьму.

*) Къ этому времени оно уже было взято.

10 ч. 30 м. вечера. — Я вернулся въ Канквантунь въ 9 ч., но послѣдніе полъ часа провелъ на крышѣ своего дома. Дѣло въ томъ, что безъ четверти десять, какъ только взошла луна, снова началась стрѣльба по горѣ Манжу, и пожалуй еще болѣе яростная, чѣмъ при закатѣ. Съ горъ, береговъ рѣкъ, домовъ доносится эхо непрерывнаго, сердитаго звука, стрѣльбы изъ винтвокъ, подобнаго ворчанію. Самый жестокій бой освѣщаетъ склоны пригорка и я имѣю возможность разглядѣть очертанія его при свѣтѣ безчисленныхъ, ослѣпительныхъ точекъ, указывающихъ на тысячи патроновъ, которые были выпущены. Сотни человѣческихъ душъ гибнутъ тамъ, гдѣ склонъ пригорка извергаетъ пламя. Мнѣ становится жутко и такъ-бы хотѣлось имѣть кого-нибудь подлѣ себя, кто-бы держалъ меня за руку.

1 ч. ночи.—Шумъ сраженія гонитъ сонъ. Огонь винтовокъ подобенъ теперь искрамъ, вылетающимъ пучками изъ темнаго, динамо-электрическаго цилиндра. Вмѣстѣ съ доносящейся безконечной перестрѣлкой, ночной вѣтеръ несетъ случайный, тихій, трепетный, чисто человѣческій звукъ—это должно быть—и можетъ только быть—возгласъ торжествующихъ, смѣшавшійся вслѣдствіе благодѣтельнаго разстоянія съ тяжкими стонами умирающихъ. Какой тутъ сонъ, когда менѣе чѣмъ въ трехъ миляхъ разстоянія, люди, съ яростью и смертью въ груди, съ дикимъ выраженіемъ глазъ и съ дрожащими руками, борются изъ за побѣды огнемъ и сталью! Событія сегодняшняго дня сильно удручаютъ меня, раскрывая, не принятый всѣми вполнѣ охотно, опасный планъ дѣйствія. Если мы потерпимъ сегодня неудачу при горѣ Манжу, насъ завтра могутъ сбросить въ рѣку или оттѣснить отъ нашихъ сообщеній Бенсиху. Мнѣ кажется, что Куропаткинъ можетъ задерживать

Ойяму столько, сколько ему заблагоразсудится; во первыхъ своими укрѣпленіями, во вторыхъ рѣкой Тайцзыхэ; достаточно долго, во всякомъ случаѣ, чтобы вполнѣ уничтожить насъ. Чтобы совершить великое дѣло, намѣченное нами здѣсь, намъ нужны были-бы всѣ до единаго солдаты нашей арміи или, самое меньшее, полная дивизія четвертой арміи.

Какое сумасшествіе было сегодня съ моей стороны послать ту оптимистическую телеграмму, полную надеждъ, не сообразивъ, какую значительную часть арміи мы оставляемъ на южномъ берегу рѣки*).

---

*) Меня соблазняетъ мысль вычеркнуть признаніе въ этой малодушной редакціи, послѣдовавшей за охватившей меня до того чрезмѣрной самонадѣянности, но такъ какъ я записываю свои впечатлѣнія въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ являлись, я чувствую, что не имѣю права и молчать о моихъ ошибкахъ.

Глава XXIV.

Гора Манжу.

Канквантунь, 2-го сентября 1904.--Проведя безсонную ночь, я поднялся въ 4 ч. утра и, перейдя черезъ понтонный мостъ, снова взобрался на гору „Ласточкино гнѣздо“. Никого еще тамъ не было, за исключеніемъ молодого офицера генеральнаго штаба; онъ сказалъ мнѣ, что въ главной квартирѣ провели тревожную ночь, но, что Окасаки все-же завладѣлъ возвышенностью, хотя и понесъ большія потери. Въ сѣверной дымкѣ прохладнаго утра исчезли ужасныя видѣнія предшествующей ночи—и, славу Богу!

Оказывается, что приступъ былъ невыполнимъ наканунѣ, при дневномъ свѣтѣ. Предъ тѣмъ, чтобы штурмовать пригорокъ, подобный Манжу, открытый непріятельскому огню съ трехъ сторонъ, надо было принять во вниманіе, не только то, какой первоначальной цѣной будетъ куплена атака, но также и положеніе штурмующихъ, вслучаѣ успѣха. Находясь подъ тѣмъ страшнымъ, массовымъ огнемъ, какой могъ сосредоточить на нихъ врагъ, они были-бы разорваны въ клочки, раньше чѣмъ могли-бы хоть сколько-нибудь окопаться и быть въ сравнительной безопасности. И такъ, мы ошиблись вчера вечеромъ, думая, что сила ружейнаго огня означала, что Окасаки серьезно пытается осуществить занятіе горы Манжу.

Но, какъ только сумерки спустились въ глубокій мракъ, предшествовавшій въ прошлую ночь восходу луны,

Окасаки подвинулъ свою бригаду чрезъ гаолянъ на разстояніе, позволявшее двинуться на приступъ.

Каждый батальонъ подвигался впередъ, имѣя одну развернутую роту въ головѣ; за нею слѣдовали на близкой дистанціи остальныя три роты въ колоннахъ на полныхъ интервалахъ.

Направленіе держалось по компасамъ офицеровъ. Сигналомъ для штурма должна была служить восходящая луна.

Было почти 10 ч. в., когда первый блѣдный лучъ мѣсяца освѣтилъ поле сраженія и, не успѣлъ гребень Манжу выступить изъ густого мрака, подобно чудовищному привидѣнію, какъ 30-ый полкъ подъ командой храбраго, стараго полковника Баба, ринулся на сѣверную сторону горы, испуская неистовый крикъ „банзай“.

Они утвердились на занятой мѣстности и тогда пришелъ чередъ 16-го полка, который также устремился яростно и завладѣлъ южными склонами пригорка. Но здѣсь русскіе оказались стойкими противниками, хотя и немногочисленными и не сильно окопавшимися; находящіеся въ центральной части позиціи далеко не были расположены сказать „аминь“ на японское „банзай“. До полуночи продолжался безпорядочный, ожесточенный бой, тутъ и тамъ по изборожденной снарядами поверхности этого холма, похожаго на рисовый пирогъ и около этого времени послѣднія горсточки русскихъ, державшихся на маленькомъ выступѣ на вершинѣ, были положительно оттиснуты въ окружающее море гаоляна.

Только лишь японцы убѣдились, что они овладѣли позиціей, какъ два непріятельскихъ баталіона произвели отчаянную контръ-атаку на правый флангъ 30-го полка. Если-бы эти два баталіона пришли нѣсколькими

минутами раньше, въ видѣ подкрѣпленія, пока еще ихъ люди держали въ рукахъ вершину, исходъ ночного боя могъ-бы быть инымъ.

Теперь-же контръ-атака была отбита послѣ получасового боя, и на полѣ сраженія остался подполковникъ и много другихъ убитыхъ.

Страшная грозящая опасность—наступленіе русскихъ съ Янтайскихъ угольныхъ копей противъ неподдержанной бригады Шимамура, — которая въ свою очередь прикрывала правый флангъ аттакующихъ г. Манжу на Вусіеншанскихъ высотахъ, не осуществилась. Непріятель на этомъ участкѣ не выказалъ никакой рѣшительности. Они открыли огонь съ дальней дистанціи, сначала изъ двухъ—трехъ полевыхъ орудій, а затѣмъ уже цѣлой батарсей; съ ихъ стороны была и незначительная ружейная перестрѣлка, также на дальнихъ дистанціяхъ и больше ничего.

Прежде чѣмъ привести въ исполненіе, полученныя приказанія и повернуть на востокъ, Умезава счелъ необходимымъ сначала двинуться къ сѣверу за Бенсиху, по направленію къ Бейтатзы (Пингтайтзы, карта XXIII), чтобы окончательно прогнать непріятеля.

Бригада Матсунага второй дивизіи возвращается послѣ совмѣстныхъ дѣйствій съ гвардіей, и должна прибыть сюда до полудня. Двадцать девятый Коби уже прибылъ въ настоящее время и успѣлъ соединиться съ Окасаки.

Таково было положеніе, какъ мнѣ объяснили, рано утромъ. Изъ-за гаоляна, я не могъ видѣть пѣхоты, за исключеніемъ русскихъ на 131-й и японцевъ на г. Манжу и Вусіеншанѣ.

Отдаленный гулъ усиленной кононады смутно доходилъ до нашего слуха чрезъ вершины горъ 131 и 151, находящихся между Ласточкинымъ Гнѣздомъ, на ко-

торомъ мы стоимъ, и Ляояномъ, гдѣ мы скоро надѣемся быть (чертежъ XXI-й).

Куроки и его штабъ появились около 7 ч. утра. Они казались хорошо настроенными. Куроки допускаетъ, что онъ не могъ оставаться глухимъ къ перестрѣлкѣ у Манжу, но когда она прекратилась, онъ настолько былъ увѣренъ, по его словамъ, въ побѣдѣ японцевъ, что былъ способенъ крѣпко спать до разсвѣта.

Пришли вѣсти изъ второй дивизіи, сообщающія, что они сегодня намѣрены продвинуться до южнаго берега Тайцзыхэ. Гвардія тоже доноситъ, что четвертая армія подвинулась настолько, что избавляла ее отъ всякаго опасенія, что русскіе, стоящіе противъ нее, могли-бы захватить въ свои руки иниціативу.

При этихъ обстоятельствахъ, генералъ Куроки чувствуетъ себя обязаннымъ удвоить всѣ свои усилія настолько, чтобы, по крайней мѣрѣ, не отстать отъ движенія прочихъ армій. Онъ поэтому отдалъ приказаніе гвардейцамъ идти къ сѣверу, перейти рѣку близъ Кавчинцзы и атаковать гору 151-ю, лежащую непосредственно къ юго-западу отъ горы 131-ой и, подобно ей, защищенную отъ нападенія водами Тайцзыхэ, текущей вдоль отвѣсныхъ обрывовъ ея южныхъ склоновъ. Все возможно, если русскіе готовы отступить и если Окасаки, какъ упоминаетъ Куроки въ томъ-же приказѣ, немедленно займетъ гору 131-ую; въ противномъ случаѣ, задача эта кажется невыполнимой,—если, опять таки, гвардейцы, подобно уткамъ, не переплывутъ сначала рѣку, чтобы затѣмъ взбѣжать по отвѣсному склону горы.

Какъ разъ въ это время, а именно въ 8 ч. утра, я видѣлъ, какъ Окасаки сдѣлалъ первый шагъ къ тому, чтобы овладѣть горой 131-ой.

Нѣсколько ротъ его пѣхоты *) дѣйствовали очевидно отъ деревни Сыквантунь (Хсикуантунъ), и заняли позицію на нѣкоторой высотѣ отъ сѣверной вершины горы.

Этотъ подъемъ не идетъ непрерывной линіей къ вершинѣ, но разбивается на три послѣдовательные волны или уступа. Въ настоящую минуту японцы лѣпятся по нижнему изъ нихъ.

Въ то время, какъ я слѣдилъ за этимъ отважнымъ отрядомъ, русскіе открыли адскій орудійный огонь по г. Манжу. Съ сѣвера, юга и востока, посыпался градъ снарядовъ на Окасаки и людей его, которымъ оставалось только тихо лежать и посылать намъ грустныя посланія, увѣдомляющія, что двинуться за г. Манжу немыслимо, въ виду силы врага у Хохентая и Сахутуня, и что сдѣлалось очень необходимымъ предпринять что-нибудь противъ русской артиллеріи. Это такъ, несомнѣнно; но, даже тѣ батареи, которыя ночью снова продвинулись къ сѣверо-западу отъ Хванкуфэна, не могутъ опредѣлить мѣстоположеніе орудій врага, стрѣляющихъ по закрытой цѣли, вѣроятно изъ-за полей гаоляна. Сверхъ этого, какъ сказалъ мнѣ на дняхъ подполковникъ Курита, каждый снарядъ, вылетающій изъ японскаго орудія, отнимаетъ у него день жизни, и—хотя никто изъ друзей нашихъ вѣроятно не сказалъ-бы мнѣ этого,—я сильно подозрѣваю, что послѣ стрѣльбы семи минувшихъ дней, у нихъ не имѣлось какого либо избытка снарядовъ въ ящикахъ. Между тѣмъ генеральный штабъ въ восторгѣ, что положено начало къ взятію г. 131-ой; въ 9 ч. утра посланы слѣдующія приказанія начальникамъ второй и двѣнадцатой дивизій.

1) Главныя силы врага отступаютъ къ Мукдену.

*)3 роты 1-го батальона, 4-го полка.

Бригадѣ Умезава *) двигаться къ каменно-угольнымъ копямъ, а Императорской гвардіи—на г. 151.

2) Первой арміи преслѣдовать врага своими главными силами.

3) Двѣнадцатой дивизіи преслѣдовать по направленію къ Сандопа (Сандоха), второй дивизіи, по взятіи г. 131, наступать на Лотатай.

Увѣренность Куроки безъ сомнѣнія великолѣпна. Бригада Матсунага теперь, въ 9 ч. 30 м. утра, переправилась и двинулась на помощь Окасаки, но люди истощены до смерти, и въ эти двадцать четыре часа не въ состояніи ничего сдѣлать. Судя по огню, жестокій бой идетъ между бригадой Шимамура и русскими къ сѣверу отъ Вусіеншана и Куроки и штабъ его смотрятъ гораздо дольше и напряженнѣе въ этомъ направленіи, чѣмъ на бомбардировку г. Манжу или на японскія роты, взбирающіяся на высоты г. 131-ой. Могу думать поэтому, что наша судьба рѣшается въ настоящую минуту, даже теперь, когда я это пишу.

Одно есть хорошее предзнаменованіе: по мѣрѣ того, какъ настаетъ утро, звукъ пальбы на сѣверѣ доносится до насъ все слабѣе и слабѣе.

5 час. пополудни. — Радостныя вѣсти пришли отъ Шимамуры, вѣсти, показывающія, что угрожающая съ сѣвера русская колонна, сметена двѣнадцатою бригадой, двѣнадцатой дивизіи съ неожиданной легкостью.

Кажется, что пять возвышенностей Вусіеншана отдѣлены низменностью, приблизительно въ милю длины, усѣянную оврагами и покрытую хлѣбными полями, отъ длиннаго, пустыннаго плоскогорья, высотою приблизительно въ 100 футовъ, шириною въ полъ мили и въ три съ половиною мили длины, простирающагося къ

*) Изъ Бенсиху.

сѣверу до Янтайскихъ каменно-угольныхъ копей. Надъ этимъ плоскогоріемъ возвышаются двѣ или три группы круглыхъ, голыхъ холмовъ, около 100 фут. вышиной, поднимающихся, слѣдовательно, на полныхъ двѣсти футъ надъ моремъ гаоляна, который, своей непроницаемой мантіей закрываетъ всю равнину.

На разсвѣтѣ, русская колонна, длинной въ двѣ мили (какъ выяснилось изъ показаній плѣнныхъ, въ составѣ пѣхотной бригады и значительнаго отряда казаковъ, подъ начальствомъ генерала Орлова), начала спускаться съ Янтайскаго плоскогорья, противъ Вусіеншана. Они не приняли никакихъ мѣръ для прикрытія своего наступленія передовыми отрядами или развѣдчиками и допустили, чтобы голова колонны была захвачена въ сомкнутомъ строю, среди низкихъ, ломаныхъ кряжей и овраговъ, близъ деревни Таяо и между двумя рядами холмовъ. Здѣсь русскіе были разбиты и отброшены назадъ въ большомъ безпорядкѣ, часть къ западу, а часть обратно, къ каменноугольному плоскогорью. Позже, какимъ-то образомъ, въ чемъ еще до сихъ поръ не разобрались, Шимамура снова обошелъ ихъ, вѣроятно, пользуясь прикрытіемъ гаоляна, и смелъ ихъ совершенно съ поля сраженія, почти безъ всякаго урона для своей храброй бригады.

Я прихожу къ заключенію, что ни русская пѣхота, ни казаки не выказали на этотъ разъ обычной своей стойкости.

Штабъ арміи считаетъ за необычайное счастье, что тамъ, какъ разъ, гдѣ угроза была такъ велика, орудіе для выполненія оказалось столь низкаго качества. Штабъ убѣжденъ, что всѣ люди у Орлова запасные.

Странно, дѣйствительно, что японцы, двинувшіеся въ первый разъ въ запутанную мѣстность, которую русскіе, не смотря на все, должны были знать вдоль и

поперекъ, могли застигнуть врасплохъ и разрушить планы непріятеля съ такою изумительною легкостью, лишь только тотъ рѣшился оставить свои окопы.

Что касается опасности, угрожающей нашему правому флангу съ сѣвера, она устранена была теперь бравымъ Шимамурой,—и пора было, такъ какъ здѣсь дѣла шли далеко не блестяще. Японскія орудія молчатъ, или почти молчатъ, потому-ли, что непріятельская артиллерія превзошла ихъ силой, или же за угрожающимъ недостаткомъ снарядовъ. Русскія орудія могутъ, поэтому, безпрепятственно сосредоточить все свое вниманіе на г. Манжу, и онѣ ее такъ усердно бомбардируютъ, что Окасаки и его отважнымъ Сендайскимъ молодцамъ понадобится все свойственное имъ отсутствіе нервовъ, чтобы дать имъ возможность удержать за собой позицію. Хуже того, роты, достигшія въ 8 ч. утра нижняго выступа высоты 131-й, и которымъ удалось впослѣдствіе добраться до второй или послѣдней возвышенности кряжа, теперь буквально были снесены съ горы артиллерійскими залпами.

Было около 4-хъ ч. дня, когда они отступили къ деревнѣ Ханкуфэнъ, понесши, безъ сомнѣнія, тяжелыя потери *), и тогда мы всѣ могли разглядѣть, какъ русскія поддержки перебѣгали отъ одного участка гаоляна къ другому и надвигались черезъ сѣверный выступъ горы небольшими, плотными кучками, какъ будто они намѣревались произвести атаку на г. Манжу съ юга. Это зрѣлище разбудило японскія орудія, и съ судорожнымъ усиліемъ они задержали шрапнелью ихъ наступленіе и, не прекращая огня, отогнали врага назадъ, частью за выступъ, частью-же обратно къ вершинѣ горы.

Я вижу такъ много, такъ быстро все это проходитъ

*) Выписка изъ записокъ слѣдующаго дня: отрядъ 4-го полка изъ 600 человѣкъ потерялъ 270, прежде чѣмъ вчера въ 4 ч. дня отступилъ отъ высоты 131-й.

предо мной, что нанизывая событія одни за другими, подобно бусамъ на нитку, мнѣ приходится, я чувствую, превращать самыя удивительныя вещи, которыя когда-либо человѣку посчастливилось видѣть, въ безпрерывную серію самыхъ обыкновенныхъ подробностей. Возьмемъ хоть этотъ отбросъ русскихъ шрапнелью; когда просто констатируемъ его, онъ какъ будто не имѣетъ значенія, а, между тѣмъ, если-бы мнѣ удалось дать хотя бы самое слабое представленіе о томъ, что дѣйствительно было, никто-бы не могъ этого забыть. Сперва, сотни маленькихъ, сѣренькихъ манекеновъ, которые карабкаются на высоту 131-ю; потомъ, громовая симфонія, которую разыгрываютъ японскія орудія; потомъ — вся куча эта, была разсыпана какъ осенніе листья ураганомъ, и наконецъ эти несчастные атомы сдуло туда, откуда они пришли. Представьте себѣ массу муравьевъ, которые стремительно ползутъ въ открытую дверь, откуда хозяйка, схвативъ метлу, выметаетъ ихъ цѣлыми кучами бьющихся въ корчахъ. Теперь подумайте, что это не насѣкомыя, а живыя, человѣческія существа и тогда, можетъ быть, вы составите себѣ смутное представленіе одного незначительнаго момента сегодняшней жестокой драмы.

Свершивъ свое дѣло, орудія быстро перешли на долгіе періоды полнаго молчанія, прерываемаго лишь короткими моментами очень отрывочной и очевидно слабой стрѣльбы. И не безъ основательной причины! У русскихъ пятьдесятъ или шестьдесятъ орудій въ дѣйствіи, гдѣ-то близъ Таліенкоу (Татсуренко), равно какъ и сорокъ орудій, усиленно стрѣляющихъ по сосѣдству Сахутуня. Въ добавокъ, на горѣ 131-й, стоитъ батарея, и, что еще хуже, три гаубицы, а другая батарея скрыта въ гаолянѣ, въ двухъ приблизительно миляхъ отъ г. Манжу.

Штабъ арміи былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи, въ какомъ я ихъ когда-либо видѣлъ. Не оттого, насколько я могъ понять, что они боятся грозящей опасности быть побѣжденными. Мнѣ кажется, что главныя опасенія ихъ, могущей быть катастрофы, прошли, съ бѣгствомъ Орлова передъ Шимамурой.

Это скорѣй ярость и горечь чувствовать свое безсиліе, въ то время какъ они вдали видятъ поѣзда, направляющіеся къ сѣверу, и огромныя колонны войскъ и транспортовъ, двигающихся къ Мукдену, подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ дивизій, стоящихъ противъ насъ. Опечалены они и изъ-за войскъ, которые сильно истощены и не могутъ даже сварить свой рисъ, находясь подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Къ вечеру огонь этотъ увеличился до максимальнаго предѣла—100 скорострѣльныхъ орудій.

Японская артиллерія хранила мертвое молчаніе.

У меня не хватаетъ словъ передать впечатлѣніе, производимое огнемъ 100 скорострѣльныхъ орудій, выпускающихъ свои снаряды съ максимальною скоростью. Говорить, что орудія стрѣляли все быстрѣе и быстрѣй, пока отдѣльные выстрѣлы не слились въ одинъ непрерывный гулъ; объяснять, что воздухъ кажется живымъ отъ разрывающихся снарядовъ, или говорить объ ураганахъ шрапнели и свистѣ ихъ пуль — до невѣроятія, до безнадежности безцвѣтно и банально и совершенно безсильно передать дѣйствительность. Я ограничусь поэтому простымъ заявленіемъ, что если-бы завтра мнѣ пришлось оглохнуть и ослѣпнуть, мнѣ было-бы утѣшеніемъ на всю остальную жизнь, что я слышалъ и видѣлъ сегодняшнюю грандіозную канонаду.

Къ 6 ч. 30 м. вечера все поутихло, и, измученный вчерашнею безсонною ночью, я удалился къ себѣ.

Канквантунь, 2-го сент. 1904 г. 10 ч. веч.—Весь

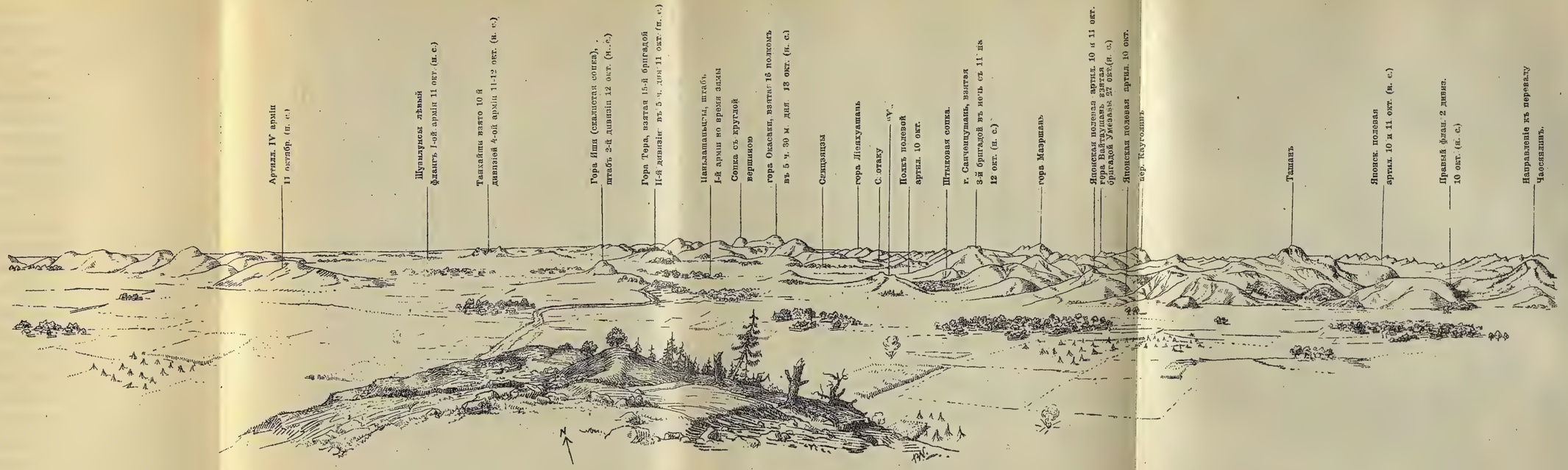
день свирѣпствовалъ бой, но съ удивительно ничтожнымъ результатомъ, за исключеніемъ того лишь, мнѣ кажется, что каждый проходящій часъ уноситъ съ собой сотни жертвъ за Микадо, или за Царя.

Соотвѣтствующія позиціи русскихъ и японцевъ на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ почти не измѣнились со вчерашняго дня, и то, что осталось мнѣ теперь записать, касается главнымъ образомъ кроваваго, демоническаго сраженія, бушевавшаго почти всю вчерашнюю ночь надъ этимъ изборожденномъ снарядами и усѣянномъ трупами пригоркѣ Манжу.

Вчера ночью я крѣпко спалъ, пока не разбудили меня въ 3 ч. 30 м. ночи, и не слышалъ ни единаго звука смертоноснаго боя, происходящаго на разстояніи какихъ нибудь четырехъ миль отъ меня. Но какъ только я сѣлъ на лошадь и проѣхалъ деревню, я почувствовалъ что-то въ воздухѣ—какой-то новый страхъ, гнѣвъ или утомленіе—все это народилось за эти часы ночи.

Мнѣ казалось, что многіе солдаты, переходящіе черезъ понтонный мостъ съ сѣвера на югъ, странно смотрѣли на меня, менѣе дружелюбно, чѣмъ обыкновенно. Я радъ былъ, хоть на этотъ разъ, что подлѣ меня ѣхалъ офицеръ.

Не плодъ-ли это моего черезъ-чуръ напряженнаго воображенія? Отчасти, быть можетъ, но не вполнѣ въ этомъ я увѣренъ. Напряженіе первой арміи дошло до „степени разрыва“, и хотя при всемъ этомъ офицеры и остаются такими-же вѣжливыми, корректными, какъ всегда, нѣкоторые изъ солдатъ начинаютъ обнаруживать весьма ничтожные, это правда, — но все-же уловимые признаки, что они не расположены дѣлать большей разницы между русскими и другими иностранцами. „Что за фантастическая теорія,“—скажутъ мнѣ, и какъ можно строить ее на различіи между улыбкой и хмуро



Видъ поля сраженія при Шахэ, снятый со стороны высотъ Янтайскихъ копей; октябрь 1904 г.

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5.

сдвинутыхъ бровей!“—Пусть такъ, друзья мои. Какъ бывало говаривалъ моему отцу одинъ шотландскій офицеръ, когда чувствовалъ, что его побѣждали въ спорѣ: „Спорить я не могу, но вы не правы.“

Когда я добрался до форта Ласточкино Гнѣздо, никто не приглашалъ меня войти и послушать новости; не представилось также и случая перекинуться хотя-бы единымъ словомъ, исключая обычнаго привѣтствія съ озабоченными штабными офицерами, пока я былъ на горѣ.

Первыя свѣдѣнія о событіяхъ предыдущей ночи были получены мной отъ раненаго солдата, сообщившаго, что онъ покинулъ Манжу нѣсколько часовъ тому назадъ, будучи раненъ штыкомъ, и что онъ не могъ сказать, хоть убей его, была-ли гора тогда или теперь въ рукахъ японцевъ или русскихъ.

Слѣдующее извѣстіе пришло отъ другого раненаго солдата, утверждающаго, что ни русскіе ни японцы не отступили отъ Манжу, но что хозяевами позиціи очевидно остались японцы, такъ какъ русскіе всѣ убиты.

Затѣмъ мы получили вѣсти отъ адъютанта, который сказалъ: „Вторая дивизія провела страшную ночь. Если-бы русскимъ удалось удержаться на г. Манжу, весь отрядъ генералъ-маіора Ниши (вторая дивизія) неминуемо погибъ-бы. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы тотчасъ-же построили еще два моста и привели-бы гвардію съ возможной поспѣшностью.“

Затѣмъ мнѣ было передано нѣчто еще болѣе авторитетное отъ лица, принадлежащаго къ штабу и которому я буду всегда признателенъ.

Сопоставивши его свѣдѣнія съ результатами разговоровъ Винцента со многими унтеръ-офицерами и простыми солдатами бригады Окасаки втеченіе вчерашняго

вечера и этой ночи,—я нахожу, что русскіе сдѣлали не менѣе пяти отчаянныхъ приступовъ на Манжу.

Первый, какъ я то самъ видѣлъ, находился въ связи съ попыткой, сдѣланной съ горы 131, когда баталіонъ, котораго я не могъ разсмотрѣть, атаковалъ одновременно съ Хеинтай штыками.

Второй былъ сдѣланъ двумя русскими баталіонами противъ лѣваго фланга 30-го полка; этотъ приступъ былъ такой бѣшеный и такой продолжительный, что пришлось вызвать резервъ бригады, прежде нежели удалось его отбить.

Третій случился лишь нѣсколькими минутами позже, когда еще два баталіона аттаковали 16-ый полкъ, причемъ они дѣйствительно заняли вершину Манжу. Ихъ рѣшительно выбили штыками, но они отступили только ярдовъ на 100 ниже вершины горы, откуда открыли очень горячій огонь по гребню. Нѣсколько русскихъ храбрецовъ незамѣченными вскарабкались теперь по западному склону, откуда бросали огненные шары изъ магнезіи.

Благодаря этому японскіе окопы сдѣлались ясно видимыми, и непріятельскій огонь сталъ невыносимо убійственнымъ. Люди старались затушить огонь, бросая камни, но безрезультатно. Тогда выступилъ изъ рядовъ солдатъ стараго самурайскаго типа и, назвавъ свое имя и свой полкъ, такъ громко, чтобы его было слышно не смотря на ружейный грохотъ, началъ спокойно тушить фатальные огни прикладомъ своего ружья.

Я еще не знаю его имени, но говорятъ, что онъ не былъ убитъ.

Луна еще не взошла, и въ полной темнотѣ линіи противниковъ такъ смѣшались, что невозможно было

отличить своихъ отъ непріятеля, даже при отблескѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Но какъ ни было темно, было достаточно ясно, что русскіе были въ полномъ наступленіи—къ западу была ясно слышна музыка двигающагося полка, а ближе къ Манжу другой баталіонъ громко пѣлъ національный гимнъ. Видя крайнюю необходимость имѣть всѣхъ своихъ людей въ рукѣ, прежде нежели не случилось худшаго, Окасаки приказалъ своему горнисту протрубить прекращеніе огня. Это приказаніе было исполнено всей 15-ой бригадой безъ колебанія, хотя многіе офицеры и солдаты чувствовали, что этимъ уступалась инициатива и давалось противнику большое преимущество. Итакъ японцы продолжали лежать подъ жестокимъ огнемъ, въ то время какъ Окасаки со своими офицерами старался соединить свою сломанную и пришедшую въ безпорядокъ линію и приспособить ее къ отраженію приближающейся людской волны, которая могла каждую минуту устремиться изъ окружавшей ихъ темноты.

Это случилось въ 10 ч. пополудни, когда русскіе бросились среди огня, дыма и стали, опять противъ праваго фланга 16-го полка. Еще разъ русскіе охотники проползли впередъ на верхъ, только въ этотъ разъ вмѣсто огненныхъ шаровъ они бросали въ окопы многочисленныя ручныя гранаты, величиною съ апельсинъ, разрывавшіе тѣла людей на части.

Затѣмъ была атака въ штыки, возвѣщенная устрашающимъ крикомъ, и казалось, что все было потеряно, т. к. японцы были прогнаны съ вершины и полъ-дороги внизъ по восточному склону холма, прежде нежели они могли сдѣлать остановку.

Но тутъ стойкій 16-ый полкъ, подкрѣпленный всѣми годными резервами, отчаянно сцѣпился съ врагомъ.

Многіе изъ героевъ испустили духъ среди своихъ товарищей, въ то время какъ солдаты бились штыками до послѣдней крайности; большіе люди, яростно бросаясь головой впередъ, маленькіе быстрые и осторожные, не пропуская никогда ни однаго шанса. Полъ-часа продолжался смертельный, рукопашный бой, и еще разъ русскіе отступили, усѣявъ другими 300 тѣлами эти фатальные склоны *).

Послѣдній изъ пяти приступовъ былъ въ два часа пополуночи противъ 30-го полка, и его отбить было гораздо легче. Но старый полковникъ Баба замѣтилъ позади отступающихъ рядовъ штурмовавшихъ, другую черную, медленно ползущую массу, уже охватившую обѣ стороны холма и угрожающую своимъ стремительнымъ затѣмъ натискомъ смести все передъ собою, если ее допустить обрушиться на его людей.

Было сомнительно, что защитники смогутъ выдержать вторую большую атаку, и казалось, что единственный шансъ, это предупредить русскихъ и сдѣлать сильную контръ-атаку, прежде нежели они попытаются штурмовать. Всѣ резервы были вызваны съ 30-ымъ полкомъ впереди, около 6 японскихъ батальоновъ были брошены противъ русскаго лѣваго фланга, который былъ сломленъ и вся ихъ огромная колонна въ безпорядкѣ отброшена назадъ къ Сахутуню.

Если вчерашнее легкое пораженіе Орлова давало право японцамъ пренебрегать своимъ врагомъ, то сраженіе этой ночи подняло снова престижъ русскихъ гораздо выше, чѣмъ онъ когда либо стоялъ со времени битвы при Ялу 1-го минувшаго мая. Признано всѣми, что побѣда или пораженіе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ колебались одинаково между обѣими сторонами. Если бы

*) Включая и полковника 123 полка и его чуднаго сѣраго коня.

не прибытіе бригады Матсунаги, то г. Манжу была бы несомнѣнно потеряна *).

Интересно, какъ молчаливое согласіе обѣихъ сторонъ часто придавало какому нибудь неизвѣстному уголку поля сраженія значеніе, котораго никто хорошенько не могъ предусмотрѣть, и даже потомъ не былъ въ состояніи объяснить ихъ при свѣтѣ дѣйствительныхъ событій.

Гора 131 и Вусіеншанъ были очевидно тактическими ключами, но кто могъ ожидать, чтобы незначительный, имѣющій форму черепахи холмикъ, какъ Манжу **), явится мѣстомъ такой рѣзни и можетъ быть поворотнымъ пунктомъ историческаго сраженія.

Конечно, если бы русскіе овладѣли г. Манжу, то они могли бы поставить свои орудія на сѣдловину, которая соединяетъ ее съ горой 131, и оттуда поддержать дальнѣйшее наступленіе своей пѣхоты прямымъ огнемъ на среднихъ дистанціяхъ, вмѣсто стрѣльбы по закрытой цѣли на дальнихъ дистанціяхъ.

Хотя такое соображеніе кажется очень привлекательнымъ изучающему по картѣ, но ему въ дѣйствительности очень противодѣйствовалъ бы гаолянъ, скры-

*) Нижеслѣдующее извлечено изъ записи, сдѣланной нѣсколькими недѣлями позже: младшій, но отвѣтственный офицеръ Штаба сказалъ мнѣ: „Мы бы никогда не смогли отразить врага, еслибы въ то время не прибыла бригада Матсунаги. Еслибы мы не получили въ помощъ бригаду Матсунаги, то я полагаю, что бой имѣлъ бы другой исходъ.“ —Я былъ прямо смущенъ, когда генералъ-маіоръ Окасаки сказалъ лично капитану Винценту, что Матсунага не принималъ участія въ бою въ ночь со 2-го на 3-ье сентября.“— Вслѣдствіе этого я попросилъ самое наивысшее подлежащее начальство быть настолько добрымъ и объяснить мнѣ истинное положеніе вещей. Оно сказало: Матсунага не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, но его прибытіе, какъ резерва, дало возможность начальнику дивизіи двинуть всѣхъ людей Окасаки въ боевую линію, вмѣсто того чтобы удерживать часть ихъ у себя, въ своемъ личномъ распоряженіи.

**) Около 75 футъ вышины, 300 ярдовъ длины, и 20 ярдовъ ширины на вершинѣ.

вающій движенія пѣхоты и кавалеріи черезъ равнину, такъ же хорошо, какъ и безлунная ночь, и дѣлающій какое либо дѣйствіе артиллеріи скорѣе дѣломъ случая.

Эта же самая невыгода умаляетъ достоинство Манжу, какъ позиціи для пѣхоты; если бы жатва была собрана, то этотъ холмикъ представилъ бы изъ себя отличную позицію. Но со стоящимъ на корню хлѣбомъ, г. Манжу не можетъ быть хорошей позиціей, т. к. съ ея вершины никто ничего не видитъ внизъ по склону далѣе, чѣмъ на нѣсколько ярдовъ. Какая же цѣна такой позиціи, если положеніе непріятеля не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно? Напротивъ всякій кто начинаетъ карабкаться на г. Манжу, становился тотчасъ же видимымъ съ каждаго возвышенія всего поля битвы.

Я предполагаю, что именно такое открытое и выдающееся положеніе холма Рисоваго пирога (черт. XX) было причиной сосредоточиванія на ней обѣихъ сторонъ.— Отряды, русскіе или японскіе, брошенные въ сбивающее съ дороги море гаоляна, инстинктивно стремились къ г. Манжу, какъ мошки летятъ на огонь, и многіе изъ нихъ съ такимъ же результатомъ. Аналогичное этому произошло въ битвѣ при Фредериксбургѣ, когда 13-го декабря 1862 года Бурнсидъ, казалось, преднамѣренно избралъ холмъ Маріи подходящимъ пунктомъ, куда онъ посылалъ одну дивизію за другой на вѣрную гибель.

Мое твердое убѣжденіе, что въ данныхъ условіяхъ, русскіе сдѣлали бы гораздо лучше, если-бы они не занимали этой горы и удовольствовались бы тѣмъ, что задерживали японцевъ посредствомъ небольшихъ стычекъ.

Отъ г. Манжу до Вусіенпана разстояніе въ $2^1/_2$ мили, причемъ оно все покрыто гигантскимъ хлѣбомъ на корню.

Этотъ пробѣлъ между Окасакой и Шимамурой занятъ тремя батальонами Кигоши,—все, что онъ сберегъ, такъ какъ одинъ изъ его двухъ полковъ былъ поглощенъ водоворотомъ при г. Манжу. Одинъ батальонъ на милю; это совсѣмъ слабо.

Еслибы одну изъ русскихъ атакъ, обрушившихся на г. Манжу съ силою большого молота, талантливые офицеры повели черезъ гущу гаоляна на полъ мили, или немного болѣе сѣвернѣй, они бы неизбѣжно прорвали оборонительную линію; и даже если они теперь, сегодня ночью смѣло бросились гдѣ нибудь между г. Манжу и Вусіеншаномъ, то они въ первое время навѣрно пробились-бы. Въ этомъ случаѣ Окасаки на г. Манжу имѣлъ бы гору 131 на своемъ лѣвомъ флангѣ, и отрядъ русскихъ идущихъ и сражающихся въ тылу его праваго фланга, подъ прикрытіемъ гаоляна. Я думаю, онъ долженъ былъ бы въ такомъ случаѣ отступить, и Шимамура также почувствовалъ бы себя изолированнымъ на Янтайскихъ угольныхъ копяхъ, такъ далеко отъ понтоннаго моста.

Гвардія ничего не смогла-бы сдѣлать изъ того, что предполагалось на горѣ 151, видя что русскіе находятся на фактически недосягаемой позиціи, и что Окасаки не могъ удержать гору 131. Этой бѣдной гвардіи всегда достаются для разгрызыванія очень крѣпкіе орѣхи. Я предполагаю, что они провели большую часть дня лежа на южной сторонѣ непереходимой въ бродъ Тайцзыхэ, обстрѣливаемые съ горы 151, не дѣлая никакихъ серьезныхъ попытокъ переправляться, и этимъ своимъ бездѣйствіемъ выказали свое благоразуміе, считая, что въ данное время огонь непріятельской артиллеріи и другія условія для нихъ неодолимы. Межу тѣмъ, два часа тому назадъ, къ нимъ пришло приказаніе, чтобы они оставили одну артиллерійскую бригаду съ ея при-

крытіемъ въ Сванмяотзы, чтобы приковать непріятеля къ горѣ 151, или поддержать своихъ въ другой части поля сраженія, или принять оборонительное положеніе, между тѣмъ какъ со своими главными силами гвардія должна идти въ обходъ сначала на востокъ, потомъ на сѣверъ, съ цѣлью приблизиться къ штабу арміи въ Канквантунѣ. Въ общемъ въ теченіе сегодняшняго дня, какъ гвардія такъ и вторая дивизія оказались въ состояніи только удерживать свои позиціи.

Единственное важное передвиженіе, сдѣланное первой арміей, было выполнено Умезавой со своей смѣшанной бригадой. 30-го августа онъ получилъ приказаніе взять Бенсиху, и идти потомъ къ западу, чтобы соединиться съ 12-ой дивизіей сѣвернѣе Тайцзыхэ. Слѣдуя этимъ инструкціямъ, Умезава взялъ Бенсиху на разсвѣтѣ 31-го августа. 1-го сентября онъ получилъ болѣе опредѣленныя приказанія, а именно, чтобы онъ шелъ черезъ горы и постарался бы напасть въ расплохъ на Орлова, находящагося вблизи Янтайскихъ угольныхъ копей. Соотвѣтственно этому, 2-го онъ двинулся на сѣверо-западъ отъ Бенсиху и уже готовился идти окончательно на западъ къ каменноугольнымъ копямъ, когда онъ узналъ, что свѣжія силы русскихъ появились къ сѣверу отъ Бейтадзы. Какъ, говорятъ, Умезава ни храбръ, онъ не былъ въ состояніи двигаться дальше, оставляя непріятеля, который какъ разъ обрушивался на его сообщенія, и вотъ онъ вернулся назадъ и атаковалъ русскихъ. Результатомъ явилась блестящая маленькая побѣда, и отступленіе русскихъ къ сѣверу (карта XXXV).

Умезава не могъ выполнить данныхъ ему инструкцій, и соединился съ Шимамурой въ каменно-угольныхъ копяхъ сегодня (3-го сентября) въ 1 ч. пополудни; оста-

вивъ два баталіона и два орудія въ Бейтадзы, чтобы удерживать разбитыхъ русскихъ.

Прежде чѣмъ закончить мой отчетъ о важныхъ событіяхъ послѣднихъ 24-хъ часовъ, я долженъ отмѣтить замѣчаніе, сказанное мнѣ на горѣ Ласточкино гнѣздо, однимъ штатскимъ, который имѣетъ брата командиромъ баталіона 12-го полка.—Онъ сказалъ: „я боюсь, что у насъ нѣтъ особенныхъ способностей къ торговлѣ. Нашъ обычай — вести постоянныя войны и требовать большую контрибуцію за заключеніе мира". Капитанъ Окада, услышавши это, ему отвѣтилъ: „Вы выставляете насъ въ очень дурномъ свѣтѣ господинъ N! Если японцы говорятъ подобныя вещи, то нечего удивляться, что теорія о желтой опасности находитъ быстрое распространеніе. Вы говорите иностранцу, что мы японцы должны торговать своею кровью, но я его увѣряю, что истый японецъ никогда не сдѣлаетъ ничего подобнаго".

Господинъ N пришелъ въ замѣшательство и замолчалъ.

Полночь. Мы находимся въ деревнѣ рядомъ съ штабомъ арміи, и только что, выйдя на минутку передъ тѣмъ какъ ложиться,—я столкнулся съ молодымъ N N, который далъ мнѣ интересное добавленіе, чтобы закончить мое описаніе этого полнаго событіями дня.

Трудно повѣрить, но Первая армія со вчерашней ночи и до настоящаго момента была совершенно отрѣзана отъ всѣхъ путей сообщенія съ Ойямой и со Второй и Четвертой арміями. Проволоки были обрѣзаны, какъ того, конечно, и слѣдовало ожидать, и тогда японскія арміи, отдѣленныя другъ отъ друга только 20-ью милями гористой мѣстности, были не въ состояніи сообщаться, хотя это было въ ясный солнечный день.

Ничто не подвергаетъ нервы большему испытанію, чѣмъ разобщенность, и обрѣзанный полевой телеграфъ объясняетъ крайнюю напряженность, бывшую весь день на вершинѣ холма Ласточкино Гнѣздо.

Только нѣсколько минутъ тому назадъ сообщеніе было возобновлено, и чины штаба арміи только что слышали, что Вторая и Четвертая арміи не были въ состояніи занять всѣ укрѣпленія на южной сторонѣ рѣки ранѣе чѣмъ въ 5 ч. пополудни нынѣшняго вечера.

Бѣдный генералъ Куроки. Благодаря отсутствію связи съ главнокомандующимъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать по прежнимъ инструкціямъ. Такъ, онъ имѣлъ право разсчитывать, что другія арміи достигнутъ берега къ вечеру 2-го числа, а теперь оказывается, что они едва достигнутъ его вечеромъ 3-го.

Это тяжело для Первой арміи, которая, не щадя себя, проливала свою кровь, въ твердой увѣренности, что она запоздала въ этомъ большомъ преслѣдованіи. и не подозрѣвала, что, стараясь отрѣзать непріятелю отступленіе, она сама чуть не оказалась вдругъ на самомъ краю гибели. Дюжина англійскихъ солдатъ съ парою геліографовъ спасли бы сегодня японцамъ много сотенъ жизней, потерянныхъ въ попыткахъ къ достиженію невозможнаго.

Глава XXV.

Ляоянъ.

Канквантунь, 4-го сентября 1904 года.—Сегодня утромъ тяжелый дымъ, гонимый по направленію отъ Ляояна, смѣшавшись съ рѣчнымъ туманомъ, далъ очень хорошую имитацію лондонскаго тумана.

Чины штаба арміи были сегодня со мною очаровательно дружественны и предупредительны, и сдѣлали все, что могли, чтобы дополнить собранныя мною свѣдѣнія о вчерашнемъ днѣ. Я нашелъ, что мои свѣдѣнія были уже довольно хорошо приведены въ порядокъ, т. к. вотъ суть того, что я услышалъ:

„Если-бы мы вчера двинулись впередъ, то непріятель могъ окружить насъ силами въ четыре раза превышавшими наши. Это дѣйствительно счастіе, что Куропаткинъ не пришелъ и не повелъ противъ насъ рѣшительной атаки въ превосходныхъ силахъ, во все время съ позавчерашняго дня. Вечеромъ 31-го мы предполагали затягивать бой съ непріятелемъ до тѣхъ поръ, пока съ прибытіемъ Матсунаги 2 и 12 дивизіи были бы въ полномъ составѣ.

Тогда мы предполагали оставить прикрытіе противъ горы 131-ой, и прямо двинуться противъ непріятельскаго фронта для захвата желѣзной дороги, черезъ Хеинтай и Сахутунь. Когда однако мы узнали, что Орловъ, находясь почти съ цѣлой дивизіей въ каменноугольныхъ копяхъ, могъ оперировать противъ нашего праваго фланга, то мы были парализованы, т. к. для

каждаго начальника было слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ бросить свои силы въ промежутокъ, оставивъ непріятеля съ превосходными силами на обоихъ своихъ флангахъ. Такимъ образомъ нашъ генералъ весь вчерашній день чувствовалъ себя въ очень непріятномъ затрудненіи.

Внѣ всякаго сомнѣнія русскіе имѣли 12 или 13 дивизій, способныхъ насъ раздавить, если-бы они это твердо рѣшили сдѣлать. Но они выказали массу колебаній, и до сихъ поръ наша счастливая звѣзда оказалась выше всякаго вѣроятія. Я думаю, что Куропаткинъ до сихъ поръ предполагаетъ, что у насъ шесть дивизій.“

Пять минутъ тому назадъ (*1 ч. 45 м. пополудни*) „Маршалъ Куроки получилъ донесеніе отъ 2-ой дивизіи, что она заняла гору 131; это намъ даетъ возможность зайти плечомъ, имѣя гору 131 точкой опоры для нашего лѣваго фланга и, кто знаетъ, можетъ быть намъ теперь удастся отрѣзать небольшое число русскихъ. Я долженъ идти, но прежде чѣмъ вы закончите описаніе этого нашего удачнаго дѣла, запишите для назиданія будущихъ поколѣній, что 1-го сентября Ниши *) имѣлъ при себѣ только 16-й и 30-й полки. Послѣ полудня пришелъ 29-й полкъ, и только вечеромъ 2-го сентября прибылъ Матсунага съ 4-мъ полкомъ **).

Каждое подкрѣпленіе появлялось какъ разъ во время, чтобы насъ спасти. И если когда нибудь въ будущемъ вы захотите показать войскамъ всю настоятельную необходимость дѣйствовать со *всей* энергіей и *со всей* силой, на какую они только способны, — то вы можете разсказать имъ живую исторію маленькаго холма Рисоваго пирога, и развивать потомъ мораль сколько вамъ угодно.

---

*) Генералъ-лейтенантъ Ниши, начальникъ 2-ой дивизіи.

**) Это не вполнѣ согласуется съ моими предыдущими заключеніями, но слѣдуетъ скорѣе принять мнѣніе японскаго офицера генеральнаго штаба.

Руководство хорошо, взяли бы вы его съ русской или съ нашей точки зрѣнія. Вчера и позавчера генеральный штабъ не имѣлъ никакихъ особыхъ намѣреній. Но хотя, можетъ быть, мы всѣ будемъ признаны неудачниками, тѣмъ не менѣе я вполнѣ увѣренъ, что наши атаки и смѣлый наружный видъ, въ который мы облекли наше наступленіе, съ той поры какъ мы впервые поняли свое опасное положеніе 2-го сентября, — были истинными причинами, почему непріятельскія войска съ южнаго берега Тайцзыхэ перешли на сѣверный, и благодаря этому 2-ая и 4-я арміи овладѣли укрѣпленіями Ляояна. Этимъ задача нашей арміи была выполнена въ концѣ концовъ на половину.

Еще только одно слово, чтобы вы не подумали про меня, что я сообщаю только серьезныя вещи. Вчера одинъ военный кули носилъ продовольствіе къ г. Манжу, и на обратномъ пути попалъ подъ такой сильный огонь, который и опытные солдаты не всегда надѣются вынести. Въ концѣ концовъ прямо къ его ногамъ упала граната, покрывшая его грязью, но по странной случайности оставившая его невредимымъ. Онъ остановился, и схвативъ камень, швырнулъ его въ дымъ, воскликнувъ: вотъ вамъ, дьяволы, получите! Теперь до свиданія."

Я мало, что еще видѣлъ интереснаго съ вершины своего Ласточкинаго гнѣзда. Вторая гвардейская бригада подъ начальствомъ Ватанабэ подошла къ мѣсту расположенія штаба арміи около полудня. Огонь противника быстро замиралъ, и только батарея около Сахутуня продолжала дѣйствовать. Очищеніе русскими горы 131 могло имѣть только одно объясненіе, и соотвѣтственно этому генералъ отдалъ въ 2 ч. пополудни слѣдующія приказанія: „Первая армія будетъ теперь продолжать наступленіе. Вторая дивизія подвинется къ Лотатаю. Двѣнадцатая дивизія должна придти въ со-

прикосновеніе съ правымъ флангомъ второй дивизіи и идти къ Сандопѣ (Сандоха), оставивъ часть своихъ силъ, чтобы занять каменно-угольныя копи, и наблюдать оттуда за непріятелемъ, находящимся къ сѣверу отъ нихъ. Генералъ-маіоръ Ватанабэ, со своей гвардейской бригадой и съ 29-мъ полкомъ Коби должны занять позицію въ Хеинтаѣ и занимать тамъ положеніе въ видѣ армейскаго резерва. Командующій арміей такъже слѣдуетъ къ Хеинтаю".

Посланецъ былъ отправленъ къ Асадѣ и къ первой гвардейской бригадѣ, которые шли кругомъ черезъ Таампинъ, чтобы поставить ихъ въ извѣстность относительно намѣреній командующаго арміей. Въ 5 ч. 10 м. пополудни пришло извѣстіе, что 2-я и 4-я арміи смогли наконецъ занять всѣ непріятельскія позиціи къ югу отъ рѣки Тайцзыхэ. Командиръ гвардейской кавалеріи такъже прислалъ донесеніе, приблизительно въ это же время, что ввиду очищенія непріятелемъ горы 151, онъ занялъ пространство между нею и горой 131. Такъ какъ теперь всѣ господствующіе пункты поля сраженія были въ рукахъ Куроки, онъ рѣшилъ избавить гвардейскую бригаду Асады отъ форсированнаго марша, и далъ имъ позволеніе остановиться на ночь въ Таампинѣ.

Передъ тѣмъ какъ стемнѣло, Умезава съ каменноугольныхъ копей достигъ Шанпицяоцзы (карта XXIII), гдѣ онъ теперь вступилъ въ сраженіе съ непріятельскимъ арріергардомъ, состоящимъ изъ одной пѣхотной бригады и двухъ батарей *).

Въ храмѣ, какъ разъ внизу г. Манжу, 5 сентября

*) Враждующія стороны пришли въ соприкосновеніе въ 3 ч. пополудни и вели частичный и нерѣшительный бой за полночь, безъ особаго урона для обѣихъ сторонъ. Для заключительныхъ эпизодовъ преслѣдованія и нѣкоторыхъ объясненій смотри конецъ этой главы.

1904 г.—Я пользуюсь благопріятнымъ моментомъ остановки на полъ-дорогѣ, чтобы записать въ этотъ ненасытный дневникъ. Снялись въ 4 ч. пополуночи, пошли черезъ Хванкуфэнъ къ г. Манжу.

Очень задержались благодаря обозу по пути и понтонному мосту.—Разговаривалъ въ деревнѣ съ раненымъ солдатомъ, пока полковникъ Х. наводилъ справки относительно мѣстонахожденія Куроки. Онъ сказалъ, что всѣ солдаты любятъ войну, и не заботятся о голодѣ и усталости, разъ это касается славы и могущества Императора. Когда они ранены или больны, у нихъ только одно желаніе,—получить позволеніе присоединиться къ своимъ частямъ. Онъ мнѣ также сообщилъ, что русскіе протянули передъ г. Манжу заколдованную проволоку, и если какой нибудь японскій солдатъ къ несчастью за нее задѣвалъ,—то его голова въ тотъ же мигъ слетала съ плечъ. Его замѣчанія могли показаться напыщенными или въ высокой степени фантастичными всякому, кто его не слышалъ, но они были высказаны совершенно просто, при чистосердечной увѣренности въ ихъ дѣйствительности.

Около 9 ч. пополуночи началъ идти сильный дождь, настоящій грозовой ливень. Мы нашли убѣжище въ этомъ храмѣ, какъ разъ на восточномъ склонѣ г. Манжу и тутъ мы нашли Куроки и штабъ арміи, составлявшихъ замѣчательную въ своемъ родѣ группу.

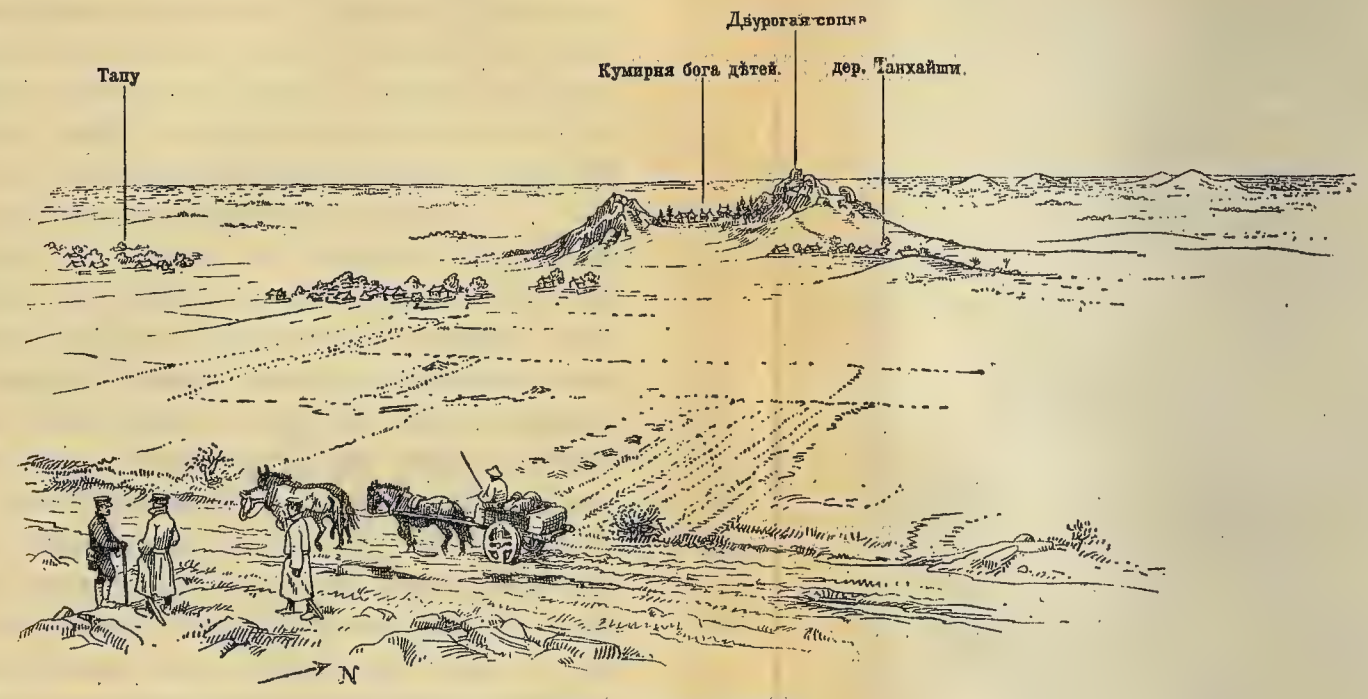
Въ храмѣ есть изображенія Будды и его учениковъ, причемъ ихъ прекрасное спокойствіе составляетъ большой контрастъ съ лихорадочной энергіей смертныхъ, сидящихъ у ихъ ногъ. Одинъ изъ учениковъ служитъ крюкомъ, на которомъ виситъ насквозь мокрое пальто принца Куни. Генералъ Куроки сидитъ между его Императорскимъ Высочествомъ и генералъ-маіоромъ Ватанабэ, командиромъ второй гвардейской дивизіи, съ од-

ной стороны и самимъ Буддою съ другой. Пара досокъ, положенныхъ между тропомъ Будды и стуломъ, предназначены служить грубымъ столомъ. На этихъ доскахъ разложена карта, надъ которой полковникъ Матсуиши, помощникъ начальника штаба, и молодой адъютантъ заняты съ карандашами и резинкою нанесеніемъ позицій, занятыхъ нашими войсками въ данный моментъ. Вотъ подходитъ офицеръ генеральнаго штаба, и сѣвши на корточки, на индѣйскій манеръ, объясняетъ по картѣ положеніе и серьезно обсуждаетъ его съ Куроки и генераломъ Ватанабэ, которые оба, чтобы лучше видѣть, одѣли очки. Они ничего не говорятъ, а офицеръ говоритъ очень много. По временамъ Куроки одобрительно киваетъ головой, во время паузъ, когда докладчикъ останавливается, чтобы передохнуть. Теперь 9 ч. 30 м., и я себя чувствую скорѣе грустнымъ, такъ какъ они мнѣ до сихъ поръ еще ничего не сказали.

Они не имѣютъ вполнѣ удовлетвореннаго вида.

Я слышу орудійные выстрѣлы, спокойные и медленные; я бы подумалъ въ разстояніи 9—10 миль. Какъ только взойдетъ солнце, я что-нибудь увижу съ г. Манжу.

Сахутунъ, вечеромъ. Я ничего не увидѣлъ съ г. Манжу, но я увидѣлъ, очень много на ней. Вдоль всего склона были японскіе окопы. Труповъ не было; только много пятенъ запекшейся крови, которыхъ не могъ смыть даже ливень. Но когда я прошелъ впередъ и разсмотрѣлъ западный склонъ,—мое сердце на мгновеніе остановилось отъ ужаса. Никогда я не видѣлъ подобнаго зрѣлища. Ужасное смѣшеніе рукъ, амуниціи и тѣлъ, которые еще такъ недавно жили и были остановлены, въ своемъ яростномъ приступѣ, и теперь, не смотря на ужасное, угрожающее положеніе, такъ безконечно спокойны.



Сраженіе при р. Шахэ

Танхайши (двурогая сопка) взятая ночной атакой 12 окт. 10-й дивиз. IV арміи.

XXV

Изданіе склада „Офицеръ Воспитатель"

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер д.5.

Какъ тихо; какъ страшно; какимъ уединеннымъ кажется этотъ склепъ, гдѣ я, одинокій европеецъ, видѣлъ рядъ за рядомъ храбрыхъ русскихъ, сметенныхъ побѣдоносными рядами азіатовъ.—Каменный столбъ на вершинѣ плато былъ прямо усѣянъ свинцемъ, и Винцентъ, котораго я вскорѣ встрѣтилъ, сказалъ мнѣ, что онъ узналъ отъ одного японскаго солдата, будто въ теченіе ночи 2-го числа этотъ столбъ былъ ошибочно принятъ за „нѣсколькихъ храбрыхъ русскихъ“.

Идя впередъ на западъ, мы нашли дороги почти по колѣно полными грязи, въ которой, какъ мухи въ варенье, слабо барахталось нѣсколько батарей японской артиллеріи: еще одинъ примѣръ, насколько японскія орудія, не смотря на ихъ легкость, малоподвижны, вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ. Вся пѣхота должна идти вдоль узкой скользкой тропинки, направо отъ этой трясины. Около мили позади г. Манжу, я наткнулся на мертваго русскаго солдата, лежавшаго какъ разъ поперегъ тропинки, и державшаго свою фуражку въ рукѣ. Тысячи должны были переступить черезъ его тѣло, но никто все же не нашелъ времени его похоронить. Это былъ красивый юноша, лѣтъ двадцати, своеобразно черный, а на лицѣ у него была легкая улыбка, какъ будто ему снился счастливый сонъ.

Деревня Фэншанъ (три мили сѣверо-восточнѣй Ляояна), 6-го сент. 1904 г. Выступили (чтобы идти сюда) въ 8 ч. пополуночи.—Яркое свѣтлое утро, и такое свѣжее, почти даже холодное. Пройдя около четырехъ миль, я остановился у маленькой группы сосенъ, стоявшей около 50-ти ярдовъ отъ дороги. Вскорѣ послѣ этого проѣхали чины штаба арміи и начальникъ штаба, увидя меня, оставилъ своихъ и подъѣхалъ ко мнѣ. Я его спросилъ, доволенъ ли онъ? Онъ подумалъ немного передъ тѣмъ какъ отвѣтить, и потомъ сказалъ: „На половину“.

Въ этотъ моментъ мой маленькій фокстеріеръ, который теперь откликается на кличку „Русскій“, погнался за козою, и во время произошедшаго безпорядка, другой офицеръ нашелъ время мнѣ шепнуть: „Только на треть“. Послѣ того какъ „Русскій“ былъ наказанъ, мой другъ резюмировалъ: „Непріятель началъ свое настоящее отступленіе ночью 3-го. Чтобы нанести рѣшительный ударъ, мы должны были-бы атаковать и пробивать себѣ дорогу черезъ русскій флангъ днемъ 2-го.

Мы взяли гору Манжу ночью съ 1-го на 2-е, но, когда на другое утро пришлось продолжать наше движеніе къ западу, оказалось, что мы сильно нуждаемся въ помощи нашей гвардейской дивизіи. Такое большое предпріятіе требуетъ тщательной предварительной подготовки, а мы не были готовы. Кромѣ того, маршалъ Ойяма былъ уже склоненъ думать, что наша первая армія была слишкомъ отважна и прислалъ намъ положительный приказъ быть осторожными и не заходить слишкомъ далеко. 3-го сентября удобное время было упущено, ибо тогда передъ нами находились силы значительно превосходящія наши.“

Затѣмъ онъ меня спросилъ, имѣю ли я какое нибудь извѣстіе о томъ, какъ идетъ преслѣдованіе со времени распоряженія Куроки, отданнаго въ 2 часа пополудни 4-го сентября. Я отвѣтилъ, что женщины и дѣти въ Лондонѣ лучше освѣдомлены о томъ, что происходитъ, чѣмъ я бродящій въ гаолянѣ, я, снѣдаемый любопытствомъ и терпѣливо выжидающій такого счастливаго случая, какъ свиданіе съ нѣкоторыми высшими офицерами. Это повидимому было ему весьма пріятно и, вынувъ свою записную книжку, онъ сказалъ слѣдующее: „Итакъ, это фактъ, что дивизіи не были въ состояніи исполнить приказа, отданнаго нами въ 2 часа пополудни 4-го числа. Начальники дивизій получили приказъ раньше

3-хъ часовъ пополудни, но ни вторая дивизія не двинулась въ Лотатаю, ни двѣнадцатая дивизія не примкнула къ правому флангу второй дивизіи и не направилась къ Сандопѣ. То есть, этого не произошло тотчасъ. Вторая дивизія выступила лишь почти въ сумерки. Обѣ бригады сбились съ пути въ гаолянѣ и послѣ тщетныхъ попытокъ найти дорогу, улеглись гдѣ стояли, чтобы дождаться разсвѣта, пройдя около двухъ или трехъ миль вмѣсто шести, какъ отъ нихъ ожидали. Двѣнадцатая дивизія начала двигаться лишь послѣ 10 часовъ вечера и вскорѣ взяла деревню Сяоталіенкоу (Шо-Татсуренко, карта XXII).

Чтобы миновать гаолянъ, движеніе продолжалось вдоль возвышенной насыпи желѣзной дороги янтайской вѣтки; этимъ путемъ они надѣялись дойти до своей цѣли, т. е. до Сандопа. Однако, едва успѣли они сдѣлать милю, какъ въ нихъ начала стрѣлять русская колонна, которая съ громкими криками шла, разрушая насыпь. Никто не могъ дать мнѣ вѣрнаго представленія о послѣдующихъ событіяхъ. Русскіе повидимому сражались отчаянно, хотя безъ особенной разборчивости. Черезъ гаолянъ на удачу дико метались отряды со штыками наготовѣ. На сторонѣ японцевъ также было много смятенія и нѣкоторыя потери, и движеніе было совершенно остановлено *). На разсвѣтѣ русскіе отсту-

*) Извлеченіе изъ записи, сдѣланной 13-го: „Капитанъ Жардайнъ, находившійся въ этой бригадѣ, говорилъ мнѣ, что когда одна сторона стрѣляла, другая всегда отвѣчала стрѣльбою. Для слушателя получался удивительный эффектъ. Могъ завязаться горячій ружейный бой, но вдругъ русскіе забили наступленіе. Въ то же мгновеніе всякая стрѣльба съ обѣихъ сторонъ прекратилась, и японцы дико закричали въ отвѣтъ на барабанный бой и трубы непріятеля. Раздался русскій крикъ „Ура!“ и японскій, какъ обыкновенно въ такихъ отчаянныхъ случаяхъ, „Ва-а-а!“ Впечатлѣніе, производимое этими криками въ перемежку съ трескомъ барабановъ и звукомъ трубъ, было болѣе печально, чѣмъ воинственно; казалось, раздается долгій вопль горя, поднимающійся съ смятенной земли къ темнымъ небесамъ“.

пили и безъ кавалеріи наша двѣнадцатая дивизія не имѣла возможности нанести имъ послѣдній рѣшительный ударъ".

„Вчера Умезава со смѣшанной бригадой направился со своей позиціи непосредственно къ сѣверу отъ двѣнадцатой дивизіи къ сѣверо-западу черезъ Танхайши (карта XXXIII). Здѣсь они вступили въ бой съ полкомъ пѣхоты, полкомъ кавалеріи и двумя батареями. Они не были въ состояніи произвести сильнаго впечатлѣнія на непріятеля. Быть можетъ храбрый Умезава еще сражается и можетъ сдѣлать что-нибудь полезное; но я этого не думаю. Битва фактически окончена, и первая армія не захватила много плѣнныхъ или ружей" *).

Эти самыя ружья и сдѣлали это слишкомъ труднымъ. Я долженъ также сказать, что русскіе отступили прекрасно. Они не бѣжали съ слишкомъ большой поспѣшностью, увѣряю васъ. Безпорядка у нихъ не было, и черезъ каждыя одну или двѣ мили они останавливались и вновь составляли свои ряды, а затѣмъ продолжали отступленіе эшелонами, двигаясь отъ одного болѣе выгоднаго пункта къ другому.

Какъ бы то ни было, тотъ фактъ, что непріятель не начиналъ отступленія раньше 3-го, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ отступалъ просто потому, что былъ разбитъ. Если бы Куропаткинъ съ самаго начала желалъ только выиграть время, то устроилъ бы все сообразно съ этимъ, и, конечно, тронулся бы раньше. Поэтому кажется вѣроятнымъ, что если бы четвертая армія не взяла большого редута и не пробила русской линіи южнѣе Тайцзыхэ, то Куропаткинъ собралъ бы войска противъ насъ и напалъ бы на насъ съ подавляющими

*) Первая армія ружей не захватила.

силами на сѣверной сторонѣ рѣки. Точно также вѣроятно, что, если бы мы не штурмовали и не взяли Манжу, Куропаткинъ выслалъ бы другую дивизію на южный берегъ рѣки и напалъ бы на Ойяму. Но такъ какъ японцы имѣли успѣхъ и занимали угрожающее положеніе на *обоихъ* берегахъ рѣки, то всякое движеніе, кромѣ отступленія, было парализовано."

Проведя въ высшей степени пріятно цѣлый часъ, много стоившій ему, но весьма полезный для меня, великій человѣкъ дернулъ застоявшуюся лошадь за поводъ и исчезъ, я же послѣдовалъ за нимъ медленнѣе, радуясь, что благодаря счастливой случайности мнѣ удалось получить доступъ къ такому авторитетному источнику свѣдѣній.

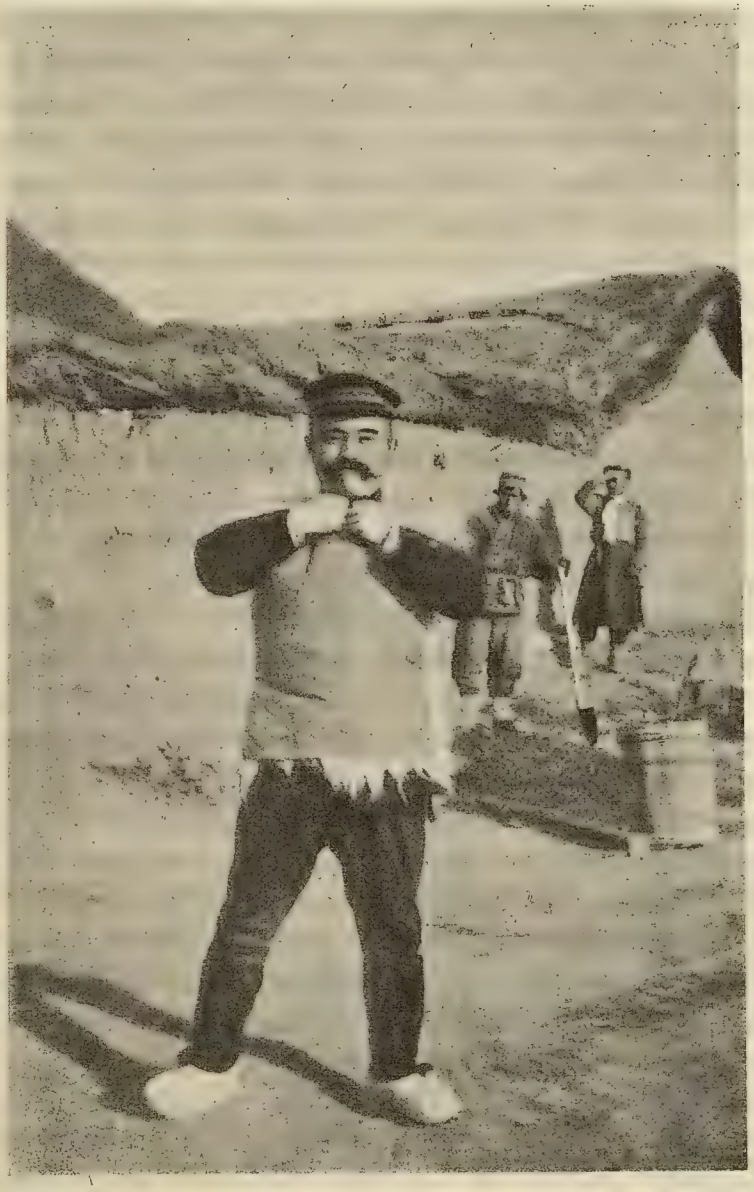
Можно было бы написать толстый томъ о битвѣ при Ляоянѣ, и хотя мой запасъ нестирающихся карандашей можетъ завести меня слишкомъ далеко въ этомъ направленіи, но я чувствую, что долженъ сдѣлать попытку набросать хоть вскользь нѣкоторыя изъ моихъ общихъ впечатлѣній.

Первое, что поражаетъ меня—это ясный, простой и прямой характеръ японской стратегіи, хотя и выполненной въ грандіозныхъ размѣрахъ. Помнится, что Клаузевицъ говоритъ, что на войнѣ все просто, но простое то и есть самое трудное. Манчжурская компанія можетъ служить этому хорошимъ примѣромъ. Я думаю, что Ляоянъ былъ выбранъ мѣстомъ сосредоточенія всѣхъ трехъ армій съ самаго начала компаніи, и что всѣ распоряженія имѣли въ виду именно то, къ чему мы стремились здѣсь. Правда, никакая стратегическая схема не можетъ быть независима отъ дѣйствій непріятеля, и нѣсколько разъ со времени битвы на Ялу казалось, что придется внести въ эту схему нѣкоторыя измѣненія. Лишь нѣсколько недѣль тому назадъ наша глав-

ная квартира полагала, что сраженіе можетъ произойти въ Гайчжоу. Двѣ недѣли тому назадъ, признавая, что Куропаткинъ искусно воспользовался своими шансами на успѣхъ, главная квартира была увѣрена, что Ойямѣ придется сражаться въ Айтанчшенѣ, а первой арміи въ Таампинѣ. Только послѣ 26-го августа она позволила себѣ надѣяться, что великое событіе все таки произойдетъ на предопредѣленномъ ему мѣстѣ.

Но такого рода измѣненія не нарушили общаго смысла схемы, который состоялъ въ томъ, что каждая изъ трехъ армій должна держаться отдѣльно, съ отдѣльными базами и линіями сообщеній, подвигаясь медленно и методически, въ опредѣленной комбинаціи, сохраняя приблизительно одинаковое разстояніе отъ главной квартиры Куропаткина, но сходясь все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ ней, онѣ могли бы подать другъ другу руку, на настоящемъ полѣ сраженія, гдѣ бы оно ни было, сомкнувшись полукругомъ вокругъ непріятеля. Это напоминаетъ схему пруссаковъ, которая привела къ Кениггрецу, особенно въ томъ отношеніи, что въ обоихъ случаяхъ концентрація до вступленія на театръ рѣшительныхъ дѣйствія была практически невозможна по географическимъ причинамъ *). Весьма естественно, что японцы заимствовали у Мольтке методъ концентраціи къ полю сраженія, такъ какъ они главнымъ образомъ учились стратегіи у нѣмцевъ. Впрочемъ, при сравненіи обѣихъ схемъ, слѣдуетъ помнить, что многое уже происходитъ не такъ, какъ тридцать восемъ лѣтъ тому назадъ. Конечно, въ стратегическомъ

*) Впрочемъ, фонъ-Мольтке имѣлъ разумныя основанія полагать, что при его болѣе быстрой мобилизаціи онъ можетъ сосредоточить прусскую армію въ непріятельской странѣ прежде чѣмъ непріятель успѣетъ вмѣшаться. Эта схема была уничтожена королемъ, который по политическимъ соображеніямъ остановилъ движеніе послѣ стратегическаго развертыванія.



Добрый товарищъ капитанъ **Шожиро Тонака**
изъ Главной Квартиры Штаба.

отношеніи, опасности и преимущества такого плана по существу остаются неизмѣнными, но въ тактическомъ отношеніи успѣшная концентрація въ настоящее время, болѣе выгодна и выполненіе ея труднѣе. Причина, почему она выгоднѣе, заключается въ томъ, что съ магазинными винтовками, бездымнымъ порохомъ и съ артилеріей, которая хватаетъ на пять или на шесть миль, полуокруженная, хотя бы только равной ей силой, армія оказывается въ весьма невыгодномъ положеніи. Масса уже болѣе не можетъ пробиться сквозь тонкую линію, какъ это было возможно въ то время когда оружіе хватало лишь на нѣсколько сотенъ ярдовъ, а контръ атака, на окружающаго непріятеля, вслѣдствіе большой дальнобойности огнестрѣльнаго оружія, можетъ быть встрѣчена фланговымъ огнемъ вездѣ, гдѣ она будетъ направлена противъ вогнутаго расположенія войскъ, сошедшихся съ различныхъ пунктовъ.

Съ другой стороны почему причина, осуществленіе подобной схемы труднѣе, чѣмъ въ прежнее время, заключается въ усовершенствованномъ вооруженіи, благодаря которому возможно задержать на время большія непріятельскія силы, будучи гораздо слабѣе его. Такъ, если командующій обороняющейся арміи, съ надлежащимъ предвидѣніемъ и быстротой, во время схватываетъ положеніе, то онъ съ большею легкостью, чѣмъ въ прежнее время можетъ замедлить движеніе противника и держать на разстояніи выстрѣла одну часть сходящихся непріятельскихъ войскъ, обладая сравнительно слабой силой, расположенной извѣстнымъ образомъ на укрѣпленной позиціи, между тѣмъ какъ главную массу своихъ войскъ онъ энергично направляетъ на то, чтобы подавить другія части. Въ старину эта игра могла быть разыграна лишь на площади въ нѣсколько квадратныхъ миль, т. е. на самомъ полѣ сраженія, но въ настоящее

время ружья и винтовки бьютъ настолько далеко, что дѣйствіе должно быть начато раньше, и борьба должна начаться, когда сходящіяся силы находятся по крайней мѣрѣ на разстояніи перехода другъ отъ друга.

Съ этой точки зрѣнія Куропаткинъ долженъ былъ, во что бы то ни стало, разсчитывать на Айтанчшенъ и направить туда, для замедленія наступленія съ фронта японцевъ, достаточныя силы, а всѣ войска, которыми онъ командовалъ, не исключая резерва, расположить на правомъ берегу Танхэ, и 26-го августа дать рѣшительное сраженіе въ этой части театра войны.

Можно возразить, что въ такомъ случаѣ Ойяма понялъ бы, что происходитъ и устремился бы на Ляоянъ, прежде чѣмъ Куропаткинъ могъ бы вернуться назадъ, отбросивъ Куроки. Но таковъ именно моя точка зрѣнія: укрѣпленная позиція, подобная Айтанчшенской, въ настоящее время не можетъ быть преодолѣна въ пять минутъ, даже значительно превосходными силами. Если другіе примѣры не годятся, то достаточно убѣдительна невозможность для Куроки пробиться сквозь русскій аріергардъ 4-го сентября, хотя онъ видѣлъ, какъ непріятель ускользаетъ отъ него по направленію на сѣверъ. Кромѣ того, Ляоянъ не былъ бы во власти того, кто счастливо осаждалъ бы Айтанчшенъ. За послѣдними укрѣпленіями слѣдовала внѣшняя Ляоянская позиція, затѣмъ внутренній кругъ укрѣпленій, и, въ случаѣ паденія самого города, развѣ не было сѣвернѣе него большой и глубокой рѣки Тайцзыхэ, на которой всѣ мосты были въ русскихъ рукахъ?

Многіе могутъ думать, что лучше было бы поступить обратно, и задержать Куроки во время рѣшительной битвы при Айтанчшенѣ, которая завершилась бы грандіозной контръ-атакой на Ойяму. Я съ этимъ не согласенъ; но это дѣло взглядовъ. Слѣдуетъ замѣтить,

что вообще кажется крайне сомнительнымъ, думалъ-ли когда либо Куропаткинъ объ активныхъ дѣйствіяхъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ? Конечно, никто не можетъ здѣсь сказать, намѣревался ли онъ задержать Куроки и разбить Ойяму или задержать Ойяму и разбить Куроки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни трудно повѣрить этому, но можно предположить, что Куропаткинъ не сумѣлъ понять вполнѣ значенія японской стратегической схемы, хотя общій ходъ ея, вмѣстѣ съ конечнымъ тактическимъ окруженіемъ выступалъ изъ карты съ такою же ясностью, какъ живое существо. Какъ же иначе объяснить тотъ фактъ, что горы 131, Манжу, Вусіеншанъ и Янтайскія каменноугольныя копи не были хотя бы отчасти заранѣе приготовлены для защиты.

Одно шестидюймовое орудіе на вершинѣ горы 131 измѣнило бы все теченіе битвы на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ. Двѣ гранаты прогнали бы Куроки и его штабъ съ весьма удобнаго холма Ласточкина Гнѣзда. Понтонный мостъ былъ бы въ опасности. Полевая артиллерія второй дивизіи была бы совершенно не прикрыта, и войска, находящіяся въ окопахъ г. Манжу, нашли бы почти невыносимымъ цѣлый рядъ 100 фунтовыхъ разрывныхъ снарядовъ, бросаемыхъ съ такого разстоянія и подъ такимъ угломъ. Даже японскія горныя орудія, которыя такъ успѣшно стрѣляли съ южной стороны Вусіеншана, были бы сбиты и легко загнаны въ гаолянъ при помощи шестидюймаго орудія на г. 131. Я не хочу сказать, что русскіе должны были бы воспользоваться опытомъ британской арміи. Но почему не воспользоваться урокомъ скромныхъ буровъ? На Бульвану совершенно такъ же трудно было поднять большое орудіе, какъ на г. 131. Лиденбергъ и Ленгснекъ представляли еще гораздо большія трудности. Двѣ тысячи солдатъ могутъ заставить пушку взобраться наверхъ

подобно дикой козѣ, и если она будетъ потеряна послѣ того, какъ сдѣлаетъ свое дѣло, то-что за бѣда!? Пушки не сувениры, которыя надо во что бы то ни стало сохранить, а смертоносныя машины.

Еще болѣе удивительно для меня необъяснимое неумѣніе русскихъ воспрепятствовать переходу двѣнадцатой дивизіи при Лантоуванѣ. Конечно, никогда не представлялось лучшаго случая для примѣненія такой силы, какою считаются казаки. Мы внесли слова „казачій постъ“ въ нашу официальную военную фразеологію, настолько превосходной считаемъ мы казацкую способность сторожить и охранять границу страны. При самой элементарной системѣ не должно быть затрудненій для полученія свѣдѣній о переходѣ японцевъ въ тотъ моментъ, когда оно началось; и я знаю изъ достовѣрнаго источника, что движеніе происходило безъ покрова особенной тайны или молчанія. Разъ была поднята тревога, и если конныя войска не могли до наступленія утра собраться среди холмовъ восточнѣе рѣки, откуда они хотя и не могли бы остановить дивизіи, но навѣрно серьезно затруднили и задержали ея движеніе —то на такую кавалерію государству нечего тратиться.

Идея, которою дѣйствительно руководился Куропаткинъ, останется темной до тѣхъ поръ, пока это не будетъ выяснено по русскимъ источникамъ, но безусловно кажется, что онъ имѣлъ въ виду занять Таампинъ и Айтанчшенъ достаточными силами только для отраженія нападеній Куроки и Ойямы. Между тѣмъ военные планы должны имѣть въ виду полное пораженіе непріятеля. Мудрое правительство простить даже неудачу генералу, потерпѣвшему пораженіе вслѣдствіе своихъ непомѣрно честолюбивыхъ замысловъ. Но генералъ, постоянно выжидающій событій, стараясь вездѣ

быть только невредимымъ, предпочитая потерять удобный случай, чѣмъ подвергаться малѣйшему риску, котораго можно избѣгнуть,—такой генералъ можетъ считаться хорошимъ только съ точки зрѣнія непріятеля и врагомъ своей родинѣ.

Послѣ успѣха Куроки 28-го августа, и послѣ занятія имъ 27-го праваго берега Танхэ, Куропаткинъ началъ терять спокойствіе. Очевидно ему представилось, что первая армія ведетъ рѣшительное и энергичное наступленіе на Ляоянъ. Вмѣсто того, чтобы послать назадъ только одну дивизію для задержанія Куроки, а самому дать Ойямѣ сраженіе у Айтанчшена, онъ отступилъ со всѣми своими силами, что, конечно, не могло не отразиться неблагопріятно на самомъ процессѣ этого отступленія, и скучилъ свои войска на разстояніи четырехъ или пяти миль отъ Ляояна. Этимъ онъ чрезвычайно ободрилъ японцевъ (фактъ, за который я лично могу поручиться) и далъ имъ возможность выполнить давно задуманный планъ стратегическаго сосредоточенія, приводящій къ тактическому окруженію, на который они возлагали большія надежды.

Сраженіе теперь было уже болѣе чѣмъ на три четверти выиграно Ойямой, но даже въ этой стадіи операціи судьба благопріятствовала Куропаткину и давала ему удобный случай, воспользоваться которымъ у него не хватило рѣшимости.

Вода въ Тайцзыхэ поднялась, такъ что сѣверный берегъ ея сдѣлался недоступенъ для второй и четвертой армій, что явилось помѣхой для тактическаго окруженія, которое, казалось, было уже достигнуто. Одной русской дивизіи съ нѣсколькими бригадами артиллеріи и съ казачьими разъѣздами было бы достаточно, чтобы въ этотъ моментъ задержать Ойяму. Огромной арміи слѣдовало бы броситься навстрѣчу Куроки.

Врядъ ли въ нашемъ столѣтіи наступитъ кризисъ, столь отмѣченный судьбою. Воспользуются ли русскіе разлившейся рѣкой только какъ средствомъ для бѣгства, какъ Муръ воспользовался Эслой во время отступленія къ Коруньи *), или, ухватившись за то, что посылаютъ имъ боги, не сдѣлаютъ ли они рѣку осью маневра для нанесенія рѣшительнаго удара первой арміи? Былъ страшный моментъ, когда могло казаться, что Куропаткинъ дѣйствительно воспользуется счастливымъ случаемъ и заставитъ русскихъ вступить въ настоящее сраженіе, а не въ отдѣльныя стычки,—и вмѣсто того, чтобы держать армію въ резервѣ, заставитъ каждаго принять участіе въ битвѣ, подобно тому, какъ поступилъ Куроки 31-го іюля и 26-го августа. Но этого не случилось: какъ разъ въ то время, когда на вѣсахъ судьбы колебалась участь имперій, началось отступленіе къ Мукдену, которое нанесло ударъ мужеству русскихъ, еще не утратившихъ своихъ позицій, и придало новую энергію измученнымъ японцамъ. Начальники Первой арміи здѣсь сыграли свою роль отъ всей души, пустивъ въ ходъ зубы и когти, безъ всякихъ резервовъ, и офицеры и солдаты дрались какъ дикія кошки. Русскій главнокомандующій никогда не пускалъ въ дѣло всей арміи *con amore*, какъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы Скобелевъ, который не задумался бы пустить въ ходъ девизъ „все или ничего“.

Я началъ съ стратегіи, а кончу тактикой. Японская тактика была осуществленіемъ идеала, который требовалъ, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ (кромѣ кавалеріи) участвовалъ въ дѣлѣ, и чтобы наступленіе

*) Корунья—главный городъ одноименной испанской провинціи. 16 января 1809 г. близъ Коруньи французская армія Сульта разбила англійскую. Англійскій главнокомандующій Муръ былъ убитъ.

выполнялось въ согласіи съ общимъ планомъ независимо отъ небольшихъ рискованныхъ предпріятій или пораженій. Японскіе вожди вездѣ дрались, имѣя въ виду изреченіе Наполеона, по которому моральная сторона относится къ физической, какъ три къ единицѣ. Русскіе вожди поступали иначе. Толстой говоритъ, что армія все, а генералы ничто. Наполеонъ утверждаетъ, что на войнѣ нуженъ *человѣкъ*, а не люди. Въ такой компаніи я не рѣшаюсь высказывать своего скромнаго мнѣнія.

Русскій человѣкъ имѣетъ въ себѣ матеріалъ для того, чтобы быть настоящимъ солдатомъ; дайте ему ясную, простую и опредѣленную цѣль для борьбы, и количество убитыхъ будетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ рѣшительно онъ способенъ идти на приступъ. Но разбрасывая войска во всѣ стороны (печальное явленіе, которое англичане обозначаютъ яснымъ, но совершенно не цензурнымъ выраженіемъ), заставляя ихъ отступать преждевременно и поспѣшно отъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ съ такимъ трудомъ, затѣмъ уступая поле битвы изъ за потери одной или двухъ несущественныхъ позицій—легко обратить армію героевъ въ армію куропатокъ. По моему, большая заслуга русскихъ частныхъ начальниковъ состоитъ въ томъ, что они въ значительной степени оказывали сопротивленіе развращающей тактикѣ своихъ вождей. Я вовсе не хочу провѣрять и измѣрять, какое значеніе имѣла *моральная* сторона въ нашей послѣдней битвѣ. Это было бы все равно, что доказывать, что въ національной жизни епископъ имѣетъ больше значенія, нежели боевое судно. Но всѣ согласятся, что японскія арміи послѣ событій послѣдняго мѣсяца должны были имѣть въ этомъ отношеніи нѣкоторое преимущество, и чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не стратегія, не тактика, не вооруженіе и не освѣдомленность дали возможность Ойямѣ вы-

играть битву при Ляоянѣ, но что скорѣе побѣду одержали души японскихъ войскъ надъ менѣе развитыми, менѣе пробужденными и болѣе пассивными душевными качествами русскихъ.

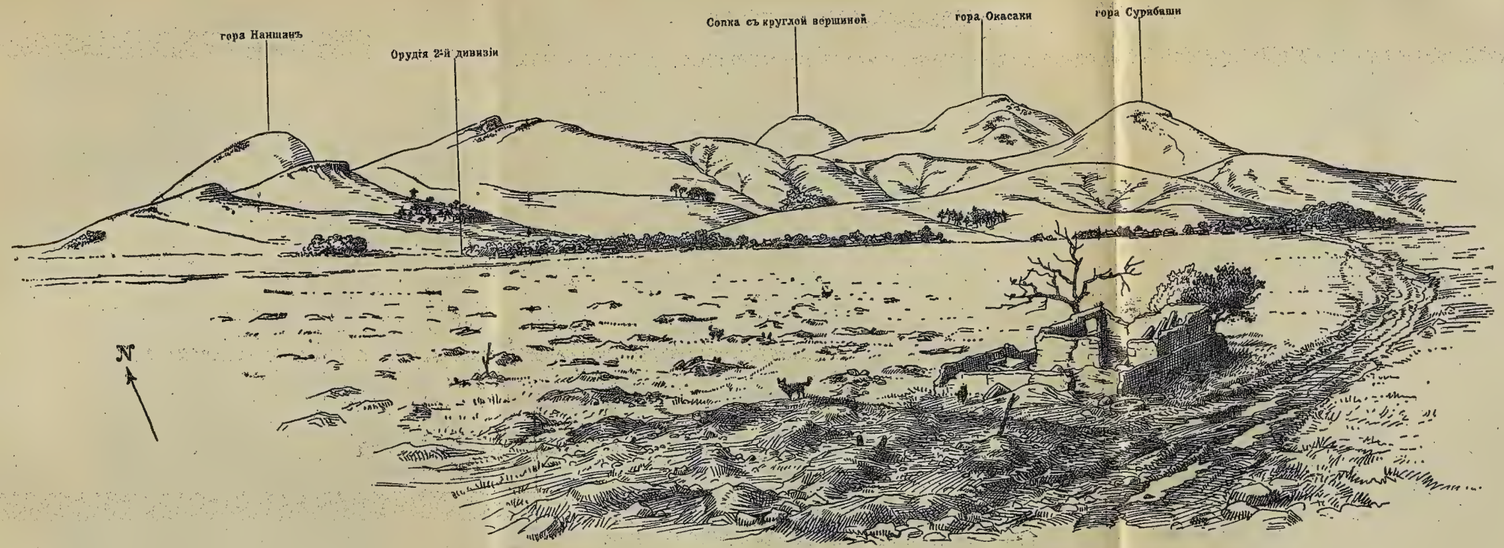
Пусть однако ни одинъ англичанинъ не думаетъ, что русскіе не научатся многому, какъ въ національномъ, такъ и въ военномъ отношеніи, благодаря этой войнѣ; и что въ слѣдующей кампаніи они обнаружатъ такой же недостатокъ блеска и рѣшительности въ высшихъ рядахъ своихъ и такую же слабость передвиженій и стрѣльбы въ низшихъ. Гора Манжу убѣдила японскую армію въ томъ, что сердца русскихъ солдатъ находятся на надлежащемъ мѣстѣ. А это самое важное. Необходимость развитія и болѣе высокаго индивидуальнаго образованія должна была войти въ сознаніе русской арміи благодаря ея кровопролитнымъ пораженіямъ, и въ ея рядахъ даже теперь нѣтъ недостатка въ выносливости и въ нравственной силѣ. Россія переживетъ Манчжурію. Имперія, солдаты которой могутъ умирать такъ, какъ русскіе умирали при г. Манжу „еще не умерла“ какъ гласитъ надпись, сдѣланная 92 отдѣльнымъ баталіономъ Гайлэндеровъ на памятникѣ своему батальону, упраздненному въ тотъ печальный день, когда въ 1881 г. тогдашній военный министръ расформировалъ эту доблестную часть.

10 ч. 30 м. пополудни. — Гвардеецъ-кавалеристъ вошелъ съ извѣстіемъ, что моя повозка съ багажомъ и мой багажъ уничтожены русской гранатой, убившей трехъ конвойныхъ и лошадь и тяжело ранившей четвертаго. Странно, что изъ всей первой арміи это должно было случиться именно со мною. Никогда не приходилось мнѣ быть такимъ избранникомъ судьбы, но все таки я думаю, мнѣ слѣдуетъ радоваться, что я не шелъ вмѣстѣ съ несчастнымъ конвоемъ.

Фэншанъ, 7-го сентября 1904. — Остатки моихъ вещей прибыли сюда сегодня въ 1 ч. 30 м. ночи. Будетъ произведено слѣдствіе. Ординарцы разсказываютъ разныя исторіи. Иные говорятъ, что граната была брошена русскими въ повозку и попала въ нее. Другіе утверждаютъ, что повозка наѣхала на гранату, покрытую землей, и взорвала ее. Самъ я подозрѣваю, что одинъ изъ конвойныхъ поднялъ гранату и потомъ неосторожно бросилъ ее—опасная игра, которою занимаются солдаты всѣхъ армій.

Фэншанъ, 8-го сентября 1904. — Всѣ мои пожитки продырявлены — постель, одежда, доклады, записныя книжки—ничто не избѣгло этой участи. Наиболѣе серьезное поврежденіе нанесено моимъ резиновымъ калошамъ, моей новой курткѣ цвѣта хаки и фуражкѣ. Быть можетъ, велосипедистъ былъ бы въ состояніи замазать трещины въ моихъ резиновыхъ калошахъ, какъ онъ это дѣлаетъ на своихъ шинахъ, но куртка безвозвратно погибла, не смотря на то, что я съ религіознымъ чувствомъ хранилъ ее для визита къ Ойямѣ, если бы судьбѣ угодно было дать мнѣ проникнуть въ Ляоянъ. Тѣмъ не менѣе одно меня утѣшаетъ. Я всегда представляю себѣ, что дьяволъ бродитъ и ищетъ случая насолить мнѣ, имѣя съ собою большой лукъ и наполненный стрѣлами колчанъ. Большая часть этихъ стрѣлъ совершенно безвредны для моей личности, но тамъ и сямъ лежатъ дротики съ черными перьями, обладающіе силою нанести мнѣ смертельную рану. Если врагъ рода человѣческаго соблазняется пустить одну изъ своихъ черныхъ стрѣлъ для нанесенія какого нибудь чисто матерьяльнаго урона, напримѣръ заставить проиграть пари или потерять мои земныя блага, тогда я благодарю Небо за то, что не случилось ничего худшаго и дышу свободнѣе.

Фэншанъ, 9-го сентября 1904. — Поѣхалъ верхомъ



Сраженіе при Шахэ

Видъ горы Окасаки, снятый съ мѣста гдѣ былъ штабъ 1 арміи 13-го Окт. (н. с.) 1904 г.
Гора была взята 16 полкомъ 15-ой бригады (Окасаки) 2-ой дивизіи. Передній планъ
представляетъ открытую равнину, по которой наступала эта же бригада во время атаки лѣсистой сопки 11 Октября.

XXVI

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картогр. зав. Д. Руднева С.П.Б. Новый пер. 5.

въ Ляоянъ. Г. Масуда вымылъ мою куртку и постарался, какъ умѣлъ, зашить на ней дыры, но я могъ бы самъ не хуже его произвести починку при помощи шила и какой нибудь бичевки.

Я нашелъ нашихъ аташе при второй арміи все еще находящимися подъ опекой, отъ которой мы избавились какъ только покинули Фынхуанчэнъ. Они были ограничены радіусомъ въ какихъ нибудь 800 ярдовъ. Я очень много слышалъ о второй арміи, но я покину южный берегъ Тайцзыхэ совершенно одинъ, такъ какъ дѣла моей собственной арміи требуютъ моего полнаго вниманія. Пропустивъ по рюмкѣ мнѣ предложили великолѣпный завтракъ изъ хлѣба и мяса. Полковникъ Гальдане извинялся за качество хлѣба, который по его словамъ былъ неважный!!! Я почти изнемогалъ. Этотъ утонченный завтракъ болѣе краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о выгодахъ похода въ связи съ желѣзнодорожной линіей, чѣмъ цѣлые тома сухой военной литературы.

Я отправился засвидѣтельствовать мое почтеніе маршалу Ойямѣ и генералу Кодамѣ, начальнику его штаба. Какъ война измѣняетъ положеніе генерала! Въ Токіо, Ойяма и Кодама были конечно вельможами, но врядъ-ли встрѣча съ ними возбуждала такой энтузіазмъ, какъ напримѣръ встрѣча съ первымъ министромъ, вождемъ оппозиціи, или съ придворнымъ лицомъ. Здѣсь, на войнѣ, они полубоги, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Безъ всякаго усилія они могутъ черезъ край наполнить мои записныя книжки интересными вещами, или отослать меня съ пустыми руками въ Фэншанъ или же отправить меня для этого въ Дальній или въ Японію.

Меня пригласили подождать нѣсколько минутъ въ маленькой комнатѣ, убранной въ европейскомъ вкусѣ; затѣмъ дверь отворилась, и вошли Ойяма, Кодама и Фукушима. Ойяма былъ одѣтъ въ мундиръ цвѣта хаки,

въ узкихъ панталонахъ и въ туфляхъ. У него былъ прекрасный видъ. Онъ усадилъ меня въ огромное пурпуровое бархатное кресло, которое, какъ говорятъ, принадлежало Куропаткину. Затѣмъ были поданы шампанское и большія манильскія сигары. Увидѣвъ шампанское, я сказалъ: „Я не могу удержаться отъ улыбки, при видѣ стараго друга“. Когда эту фразу перевели, то получился японскій стихъ съ надлежащимъ количествомъ слоговъ. Ойяма былъ очень доволенъ, такъ какъ самъ онъ немножко поэтъ. Когда Кодама пилъ за мое здоровье, онъ сказалъ: „Слѣдующую бутылку мы должны откупорить въ Мукденѣ“. Меня разспрашивали о томъ, что я пережилъ, а также о чувствахъ первой арміи, о чемъ я считалъ болѣе тактичнымъ говорить какъ можно меньше. Я спросилъ маркиза Ойяму, доволенъ ли онъ результатомъ своихъ операцій, на что онъ возразилъ: „Не особенно; русскіе слишкомъ умно совершили отступленіе“.

Я разсказалъ имъ о своемъ несчастіи, причиненномъ мнѣ русской гранатой, и о томъ, что наши солдаты первой арміи должны были ѣсть невареный рисъ. Они спросили меня, пробовалъ ли я ѣсть такой рисъ. Я сказалъ, что „да“, послѣ чего, искренно удивленные и опечаленные, какъ гостепріимныя души, они воскликнули: „Какъ! обѣдъ британскаго генерала состоитъ изъ сырого риса!“ Я отвѣтилъ: „Мой обѣдъ не состоялъ изъ сырого риса; я попробовалъ одно зернышко, чтобы узнать, что это такое, и этого было достаточно для моей цѣли.“ Этотъ разсказъ повидимому всѣхъ ихъ сильно позабавилъ.

Не могло быть никого радостнѣе или веселѣе этого грознаго тріо, и я лишь послѣ моего пріѣзда сюда узналъ, что генералъ Фукушима потерялъ въ сраженіи сына. Японская благовоспитанность не допускаетъ, чтобы

личное горе или несчастіе хотя бы въ самой слабой степени вліяло на обыкновенныя общественныя обязанности или на самый способъ ихъ выполненія. Здѣсь я видѣлъ этому прекрасный примѣръ.

Когда я откланялся, они проводили меня до порога и указали мнѣ на большой навѣсъ, крытый холстомъ и прилегающій къ дому. Онъ предназначался для свиты русскаго главнокомандующаго, и они сказали: „Развѣ не предусмотрительно со стороны Куропаткина такъ удобно устроить это для насъ?“ Затѣмъ послѣдовало прощальное привѣтствіе, и я вышелъ.

Было поздно, когда я вернулся, и я нашелъ, что штабъ арміи былъ такъ недоволенъ дѣйствіемъ одного или двухъ моихъ друзей, журналистовъ, произвольно продолжившихъ свой отпускъ, что телеграфировалъ всѣмъ отсутствующимъ военнымъ аташе вернуться изъ своихъ дивизій въ главную квартиру Первой арміи. Такимъ образомъ мы снова будемъ составлять большую компанію, какъ это было въ дни, проведенные въ Фынхуанчэнѣ, которые теперь кажутся столь далекимъ прошлымъ.

Между прочимъ я не хочу ложиться сегодня, не записавъ того, что я нынче замѣчательно хорошо пообѣдалъ, причемъ столъ былъ украшенъ китайскими пирогами и хлѣбомъ, яблоками, грушами и виноградомъ, купленными мною на обратномъ пути черезъ Ляоянъ.

Примѣчаніе. Айтанчшенская позиція имѣла 9 миль въ длину; она была исключительно сильна противъ атаки съ фронта и ее нелегко было обойти. Правда, что перерывъ въ 12½ миль отдѣлялъ ея восточный флангъ отъ столь же выдвинутой русской группы укрѣпленій въ Лацзышанѣ, и по направленію къ этому перерыву повидимому двигалась японская десятая дивизія изъ Тимучена (Симучэна). Но мѣстность, по которой надо было проходить, была такъ неприступна, что русскія войска здѣсь были бы достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать всякому движенію японцевъ въ этомъ направленіи. Почти столь же трудно было дѣйствовать противъ правой части позиціи, расположенной на невысокихъ холмахъ, выступавшихъ изъ моря гаоляна къ западу отъ желѣзной дороги. Чтобы обойти эту западную фланговую часть, вторая армія должна была бы сдѣлать обходъ черезъ гаолянъ, рискуя быть застигнутой врасплохъ и подвергнуться контръ-атакѣ.

Глава XXVI.

Пребываніе въ Фэншанѣ.

Фэншанъ, 10-го сентября 1904 г. Мои собратья, аташе, прибыли сюда въ очень бодромъ состояніи и съ большимъ запасомъ новостей. Они были очевидцами сраженій. Каждый изъ нихъ, находясь при своей дивизіи, отмѣтилъ много интересныхъ подробностей, я же имѣлъ понятіе о ходѣ событій съ точки зрѣнія штаба арміи, такъ что, все это вмѣстѣ взятое, давало намъ возможность составить нѣсколько довольно хорошихъ отчетовъ.

Я только что слышалъ разсказъ о проповѣди, сказанной однимъ буддійскимъ священнослужителемъ и обращенной къ императорской гвардіи. Воспользовавшись выпавшимъ, наконецъ, на его долю случаемъ, онъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, три четверти часа. Проповѣдь была такъ великолѣнна, что аудиторія то и дѣла фыркала со смѣху. Онъ проводилъ буддійскую точку зрѣнія относительно ничтожества жизни и безумія дорожить ею превыше всего, и, для назиданія, привелъ случай о встрѣчѣ двухъ друзей на улицѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій одинъ другъ спросилъ другого о здоровьи его глубокоуважаемаго батюшки. Тотъ сообщилъ что батюшка утонулъ и такой отвѣтъ, конечно, вызвалъ грустную паузу. Но, собравшись съ духомъ, сынъ утонувшаго отца вѣжливо освѣдомился о здоровьи любимаго дядюшки своего друга. Оказалось, что дядюшка тоже только что утонулъ. И оба друга въ эту минуту

съ трудомъ удержались отъ смѣха. Такимъ образомъ, оба открыли двѣ вещи: во первыхъ, что смерть вовсе не такое ужасное явленіе; а во вторыхъ, что море — самое опасное мѣсто на свѣтѣ.

„Придя къ такому заключенію“, говорилъ проповѣдникъ, „они были правы только отчасти, потому что, друзья мои, многіе изъ васъ видывали море, и вы знаете, что оно вовсе не такъ ужъ опасно, какъ это показалось людямъ слишкомъ скорымъ на заключенія. Мораль же моего разсказа та, что мѣсто смерти каждаго изъ насъ предопредѣлено заранѣе, такъ что всякое мѣсто, гдѣ бы мы ни находились одинаково опасно, ибо нѣтъ ни въ природѣ, ни въ философіи ничего такого, что бы насъ заставляло менѣе смѣло идти въ сраженіе, чѣмъ ночью ложиться въ постель. Ни въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ вы не должны занимать свои головы пустяковыми соображеніями, выйдете ли вы изъ сраженія невредимыми, или вытащатъ васъ изъ постели мертвыми. Разумѣется, я далекъ отъ мысли говорить императорской гвардіи о какомъ либо страхѣ, внушаемомъ ей врагомъ. Я только намекаю на то, что нѣкоторые изъ васъ могутъ, по простой небрежности или безразсудности нечаянно повредить Японіи и ея императору. А я говорю вамъ, не бойтесь! Если ваши намѣренія хороши, то и дѣйствія ваши будутъ правильными!“

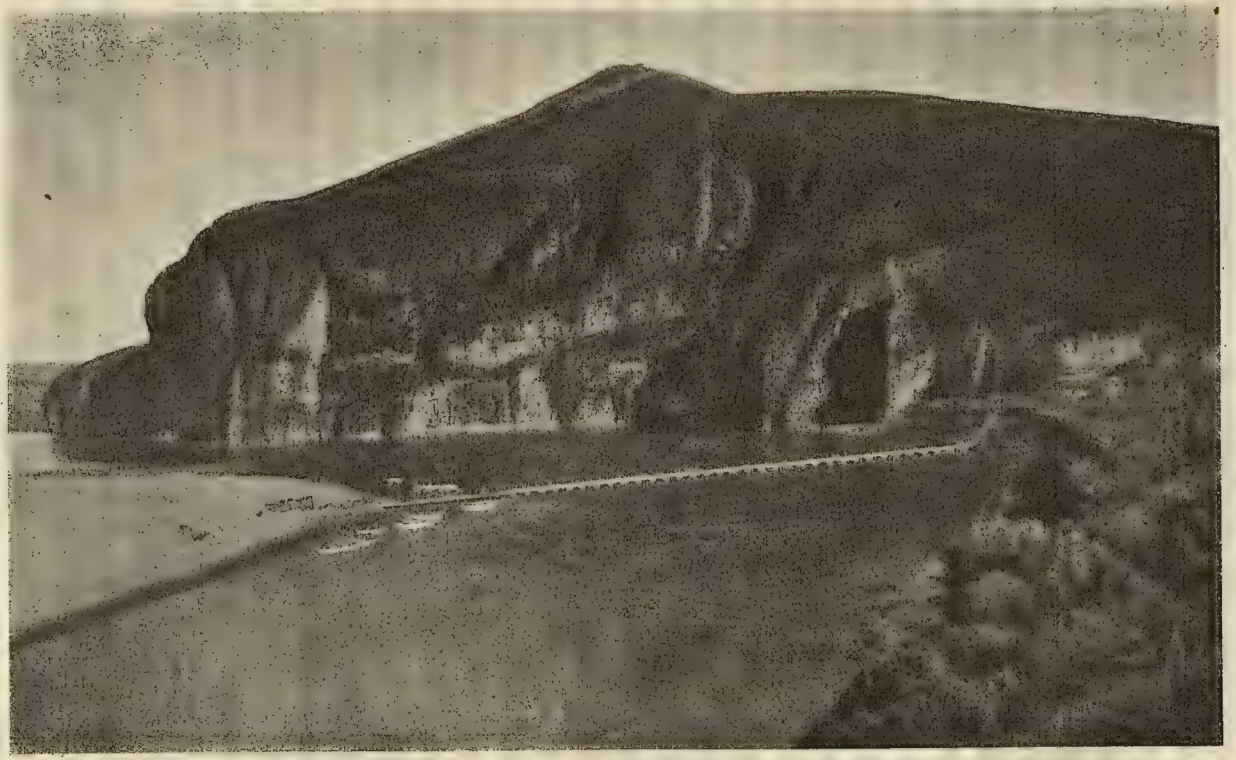
Далѣе, переходя къ искушеніямъ свѣта и къ искушеніямъ плоти онъ продолжалъ такъ: „человѣкъ можетъ проснуться утромъ съ сильнымъ желаніемъ выкурить осакскую папиросу, или, напримѣръ, съ мечтой о конфектѣ изъ красныхъ или бѣлыхъ бобовъ. Если злыя силы чрезмѣрно одолѣваютъ его, то онъ, пожалуй, способенъ пожелать крупнаго ливня, который бы сдѣлалъ невозможнымъ движеніе войскъ въ этотъ день и тѣмъ избавилъ бы его отъ утомительной ходьбы. Въ мирное

время, когда каждый изъ васъ самъ себѣ господинъ, такія мысли показываютъ только слабость характера и заслуживаютъ нѣкотораго презрѣнія, но въ военное время онѣ буквально гадки и не достойны японскаго солдата.

Если бы зеркала ваши отражали подобныя мысли, тогда, какъ чудесно сказалъ поэтъ, вы увидѣли бы передъ собою весьма уродливыя вещи. Подобныя мысли предоставимъ Токіо. Онѣ достойны только Токіо, съ ними надо бороться и глубоко сожалѣть, когда онѣ и тамъ нарождаются". Изъ всего этого можно убѣдиться, что проповѣдь буддійскаго священнослужителя имѣетъ какое то фамильное сходство съ проповѣдью англиканскаго пастора. Только, говоря о военныхъ добродѣтеляхъ, буддистъ избираетъ исходную точку сильнѣе, чѣмъ любой изъ нашихъ добрѣйшихъ пасторовъ.

Не подумайте однако, что японскіе солдаты въ обыкновенной жизни буквально лишены недостатковъ. Я не стану перечислять ихъ отклоненій отъ тернистыхъ путей добродѣтели, ибо не пристало гостю говорить о погрѣшностяхъ пріютившихъ его. Но все же недостатки есть и у нихъ; безъ дальнѣйшаго разслѣдованія, не могу поручиться, что собственно сказалъ бы буддійскій проповѣдникъ, если-бы рѣчь его коснулась этихъ недостатковъ. Вѣроятно онъ осудилъ бы ихъ, но однако же не до такой степени строго, какъ это можно предположить, судя по его рѣчи, негодующей на грѣшки, кажущіеся намъ, увы, довольно извинительной распущенностью и слабоволіемъ.

Фэншанъ, 15-го сентября 1904.—Мы ведемъ очень тихую жизнь, пишемъ оффиціальные рапорты о боѣ и статьи на разныя легкія темы: о кавалеріи, артиллеріи и пр. и пр.; должны же мы отработывать наше жалованье



Высота „Ласточкино гнѣздо“ и понтонный мостъ черезъ Тайцзыхэ,
1-го Сентября 1904 г.

Жардайнъ пріѣхалъ два дня тому назадъ съ блестящими отчетами о штурмѣ неустрашимымъ Кигоши высокой горы Хунжалинъ въ ночь съ 25-го на 26 августа, а также съ чрезвычайно интересными разсказами о безпорядочномъ ночномъ сраженіи въ гаолянѣ, близъ Янтайскихъ каменноугольныхъ копей въ ночь съ 4-го на 5-ое сентября. Мы всѣ обсуждали ошибку японцевъ, такъ слабо преслѣдовавшихъ непріятеля, и наше маленькое общество охотно простило имъ эту ошибку. Первая армія сражалась въ теченіе девяти или десяти дней и ночей и понесла тяжелыя потери. Если бы русскіе устояли, японцы атаковали бы ихъ опять; но т. к. русскіе пошатнулись, то японцы были слишкомъ счастливы, что отдѣлались отъ нихъ. Если бы энергичныя приказанія Куроки были обращены къ свѣжимъ войскамъ, то онѣ были бы выполнены съ соотвѣтствующей энергіей; но тутъ, исполнительные офицеры и солдаты одинаково не желали поддерживать соприкосновеніе съ удаляющимся непріятельскимъ шрапнельнымъ огнемъ, и инстинктивное нежеланіе ихъ вполнѣ оправдывалось тѣмъ, что ихъ собственныя пушки не могли бы во время слѣдовать за ними по грязи и оказать какую либо помощь. И вышло такъ, что вмѣсто того, чтобы выступать часа въ 3 пополудни, дивизіи нарочно отложили выступленіе до темноты. Такимъ образомъ, японцы затерялись въ гаолянѣ, а русскіе, которые по словамъ японцевъ, были очень воинственно настроены, имѣли возможность уйти, сохраняя достоинство и не тратя снарядовъ.

Для критика, развалившагося въ удобномъ креслѣ, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ напасть на слабость арміи, не сумѣвшей использовать свою побѣду. Сибаритъ, сидящій у камелька, послѣ отмѣннаго обѣда, видитъ черезъ стекла одного или двухъ стакановъ портвейна, что

еще одно пустячное усилie—ничтожное въ сравненiи съ имѣвшей мѣсто битвой—повлекло бы къ поразительнымъ результатамъ. На слѣдующее утро онъ беретъ перо и пишетъ. Должно быть онъ былъ не правъ. Когда двѣ равносильныхъ арміи сражаются нѣсколько дней и ночей подрядъ, то сравненіе моральныхъ и физическихъ условій побѣдителей и побѣжденныхъ довольно затруднительно. Вѣроятно разница, равняющаяся толщинѣ волоска, въ поведеніи какого нибудь трубача или барабанщика могла бы совершенно измѣнить исходъ боя. Тѣмъ не менѣе непреложное слово „отступать" не произнесено Командующимъ одной изъ этихъ двухъ армій и другая, еще часъ тому назадъ терявшая остатокъ силъ, неожиданно констатируетъ свою побѣду. Опытъ не легко забывается и съ тѣмъ большей убѣдительностью я готовъ настаивать, что въ моментъ подобной реакціи и передышки, войска не могутъ съ достаточнымъ рвеніемъ исполнить приказаніе и ринуться вновь подъ градъ пуль и шрапнелей.

У насъ здѣсь довольно приличная комната, но домъ стоитъ въ самой низкой части Фэншана и дорога къ нему сплошь покрыта грязными лужами, трясинами, вонючей грязью и мы, искусно балансируя, перепрыгиваемъ съ камня на камень, пока доходимъ до мѣстечка, откуда еще во времена предыдущей династіи, заботливая рука одного изъ поклонниковъ прогресса изъяла эти спасительные камни. Тогда начинаются прыжки, скачки, спотыканія и проклятія.

Наша деревушка засунута въ середину широкой долины, покрытой великолѣпными плантаціями, кончающимися на ярдъ разстоянія отъ ея стѣнъ.

Даже крыши домовъ прикрыты ласково вьющимися по стѣнамъ огурцами и роскошными тыквами, дающими обильный урожай зеленыхъ и золотистыхъ овощей. Во

всѣхъ дворахъ растутъ любимые цвѣты китайца—желтые подсолнечники, достигающіе отъ восьми до четырнадцати футъ длины и зачастую, двухъ футъ въ діаметрѣ. Англичане, привыкшіе къ фіалкамъ, розамъ и къ тому подобнымъ мелочамъ, заподозрятъ меня въ преувеличеніи размѣровъ цвѣтка, но я, по счастью, не похожу на непровѣреннаго никѣмъ Марко Поло, ибо мои слова подтвердятъ люди, самолично измѣрившіе величину цвѣтка. Порою, долина эта своею плоскостью, а особенно группами широколиственныхъ деревъ, напоминаетъ мнѣ окрестности Лукноу *) (Лукновъ); но плантаціи здѣсь въ пять разъ роскошнѣе и дома разъ въ десять прочнѣе и лучше.

Фэншанъ, 16 сентября 1904.—Я побилъ большой рекордъ: Юмъ, Винцентъ и Жардайнъ нынче въ полдень поѣхали въ Ляоянъ купить грушъ и яблокъ, я же остался за работой. Въ 3 часа пополудни вошелъ баронъ Х. и разсказалъ мнѣ, что полковникъ Мацуиши, помощникъ начальника штаба, только что получилъ по кабелю приказъ возвращаться въ Токіо, чтобы занять тамъ значительный постъ въ военномъ вѣдомствѣ. Онъ думалъ, что съ моей стороны было бы любезно пригласить его нынче днемъ на чашку чая съ кэкомъ въ честь его отъѣзда. „Это все очень хорошо, сказалъ я, но откуда же взять кэкъ?“ „Объ этомъ не безпокойтесь, отвѣчалъ баронъ Х., я берусь устроить угощеніе“.—Это звучало волшебной сказкой, но я тотчасъ же отправилъ приглашеніе Мацуиши, который очень охотно принялъ его.

Вошло нѣсколько солдатъ, они занялись убранствомъ помѣщенія, и вскорѣ послѣ пріѣхалъ Мацуиши съ полковникомъ Курита и двумя другими штабными офицерами, говорящими по нѣмецки. Всѣ они

*) Главный городъ провинціи того же наименованія въ Индіи.

тотчасъ пришли въ самое веселое расположеніе духа, при видѣ блестящаго освѣщенія и хорошо испеченнаго кэка; размѣры кэка повзволяли надѣяться, что кое что перепадетъ впослѣдствіе и моимъ коллегамъ аташе, но онъ скоро былъ уничтоженъ до послѣдней крошки. Къ общему удивленію баронъ Х. добылъ бутылку крыжовниковаго *) шампанскаго, которое имѣло сходство съ тѣмъ, что я пилъ, когда праздновали паденіе Портъ-Артура. Какъ только чашки наполнились шипящей, янтарной влагой, я предложилъ тостъ за здоровье Каменной Сосны (Мацу, по японски сосна; Иши—камень). Я впервые пробовалъ говорить по нѣмецки и получалось нѣчто ужасное. Затронувъ общія мѣста, я прибавилъ: „Надѣюсь, что когда полковникъ Мацуиши вернется съ почестями и славой и займетъ свой постъ въ генеральномъ штабѣ въ Токіо, то онъ не забудетъ своихъ, остающихся здѣсь, скромныхъ друзей и будетъ, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, объяснять вождямъ арміи, что мы хоть иногда и бываемъ нѣсколько надоѣдливы, но что все же на насъ не должно смотрѣть, какъ на людей опасныхъ, или злонамѣренныхъ".

Мацуиши оставался у меня довольно долго и произнесъ маленькую и очень хорошую рѣчь по нѣмецки, пестрящую тамъ и сямъ англійскими и французскими словами; онъ говорилъ, что трудно ему въ военное время покидать товарищей, но что долгъ долженъ быть исполняемъ во что бы то ни стало.

По вечерамъ теперь и холодно и сыро.

Фэншанъ, 17 сентября 1904.—Вчера я былъ съ визитомъ у генерала Оку, командира Второй арміи. Хотя онъ моложе Куроки, но выглядитъ японцемъ стараго

*) Какъ извѣстно эпитетомъ „крыжовниковый", часто въ разныхъ случаяхъ жизни, подразумѣваютъ „плохой".

закала. У Куроки мечтательное доброе лицо, между тѣмъ какъ лицо Оку дышетъ властью, блескомъ и умомъ. Онъ носитъ верблюжій шевіотъ и отростилъ себѣ на подбородкѣ кустикъ, на французскій манеръ. Въ прошломъ году онъ былъ представителемъ японской арміи въ Дели и очень заинтересовался разсказомъ о моей жизни въ Преторіи, а также моими отношеніями съ Лордомъ Китченеромъ, когда я былъ начальникомъ его штаба. Когда мое присутствіе начало надоѣдать Оку, то онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть поле сраженія въ сопровожденіи избраннаго имъ для сего офицера; это былъ для меня чрезвычайно интересный день. Я не буду описывать видѣннаго, ибо этимъ дѣломъ занимается полковникъ Халдэнъ, скажу только, что теперь понимаю, почему Ойяма не могъ имѣть болѣе значительнаго успѣха въ своемъ намѣреніи сдвинуть правое крыло русскихъ.

Ясно, что, послѣ ливня, долина, лежащая къ западу отъ желѣзной дороги оказалась совершенно непроходимой для артиллеріи, по ней могли пройти лишь пѣхота и кавалерія и то съ величайшимъ трудомъ. Вотъ почему главный успѣхъ выпалъ на долю Нодзу и четвертой арміи, располагавшихъ болѣе высокимъ и каменистымъ грунтомъ, на востокъ отъ желѣзной дороги.

Неподалеку отсюда, на каменоломнѣ, японскіе солдаты нашли лошадь, оставленную русскими. Она упала со значительной высоты и лежала въ совершенно безчувственномъ состояніи. Однако тѣло ея было еще тепло и прохожій китаецъ объявилъ, что если въ лошади есть хоть малѣйшій признакъ жизни, то онъ ее заставитъ подняться. Ему позволили сдѣлать пробу и, вынувъ ножикъ, онъ что то вырѣзалъ изъ угловъ обоихъ глазъ лошади. Послѣ этого онъ далъ ей хорошій толчекъ ногой и она тотчасъ вскочила. Японскій ветери-

нарный офицеръ говоритъ, что китаецъ не затронулъ никакой жизненной части глаза.

Маршалъ Ойяма и генералъ Кодама оказали мнѣ сегодня высокую честь своимъ посѣщеніемъ.

Въ теченіе дня я имѣлъ продолжительный разговоръ съ однимъ изъ офицеровъ штаба нашей арміи, первый за послѣдніе десять дней или около этого. Онъ далъ мнѣ полныя свѣдѣнія о количествѣ русскихъ силъ, съ которыми мы имѣли дѣло у Ляояна, но этими свѣдѣніями я не стану отягощать своего дневника, у меня не хватитъ энергіи возвращаться къ прошлому, хотя конечно кое-что стоило бы отмѣтить.

Напримѣръ, коснувшись подробностей, касающихся русскихъ войскъ, онъ продолжалъ такъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Куропаткинъ вполнѣ полагался на количество своихъ войскъ и очень желалъ прозвести въ свое время рѣшительную контръ-атаку.

Но такъ какъ онъ уже сдѣлалъ ошибку, отступивъ отъ Айтанчшена, то преслѣдованіе его маршаломъ Ойямой было настолько быстро и упорно, что у него не было времени оправиться и сдѣлать необходимыя передвиженія.

Точно также мы дѣйствовали слишкомъ быстро для него, когда переходили черезъ рѣку; русскія укрѣпленія на Цофантунѣ и Синьлитунѣ были едва лишь начаты, а мы уже успѣли войти въ поле артиллерійской стрѣльбы. Подъ такимъ большимъ натискомъ Куропаткину некогда было размышлять или спокойно обсуждать положеніе, ибо онъ даже не зналъ навѣрняка гдѣ собственно обрѣтаются наши главныя силы.

Широкій фронтъ, принятый нами на нашемъ правомъ флангѣ, подтвердилъ сомнѣнія Куропаткина и, въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ, что всего благоразумнѣе

не рисковать и отказался отъ первоначальной своей мечты о контръ-атакѣ.

3-го Сентября вечеромъ въ Ляоянѣ было 5000—6000 русскихъ. Вы теперь можете вообразить, какъ счастливы мы были сознаніемъ, что остатки большой арміи, большей своею частью, отходятъ къ Мукдену, вмѣсто того, чтобы тѣснить насъ у нашихъ мостовъ.

Подполковникъ Фукуда уже разсказывалъ намъ, не безъ чрезмѣрнаго сарказма, что первая армія не могла воспользоваться своей кавалеріей*). Тоже самое вышло съ кавалеріей на южномъ берегу Тайцзыхэ; генералъ-маіоръ Акіяма командовалъ сводной бригадой кавалеріи; но хотя онъ и былъ поддержанъ полевыми орудіями, пулеметами и пѣхотой, но тѣмъ не менѣе ничего не могъ сдѣлать съ правымъ крыломъ русской арміи—упомянутая кавалерійская бригада имѣла двухъ раненыхъ. Вы знаете, что мы были очень озабочены нашимъ собственнымъ правымъ флангомъ, во время сраженія по сю сторону рѣки; не только со стороны Орлова у Янтайскихъ каменноугольныхъ копей, но даже и пунктомъ, находящимся на одну или двѣ мили восточнѣе. Тамъ разстилается хорошая долина и мало мальски предпріимчивый командиръ русской кавалеріи могъ бы броситься прямо на Ласточкино гнѣздо и на наши понтонные мосты. Конечно, мы сдѣлали все возможное, чтобы воспрепятствовать этому, и выслали боковой авангардъ изъ двухъ батальоновъ Коби на высоты къ сѣверу отъ Ласточкина гнѣзда, но вѣдь этого оказалось бы слишкомъ мало, чтобы успѣшно прикрыть мѣстность. Особенно волновало насъ то обстоятельство,

*) Подполковникъ Фукуда, говоря о дѣйствіяхъ 3-го сентября, сказалъ: „Даже въ такой рѣшительный моментъ нашлась кучка лѣнтяевъ. Это была кавалерія. Ее отправили обратно къ рѣкѣ, чтобы она занялась приготовленіемъ пищи для своихъ товарищей и для пѣхоты.

что Куропаткинъ, быть можетъ, и предполагавшій наши силы болѣе значительными, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ узнать о нашей слабости отъ русскихъ командировъ, съ которыми мы были въ непосредственномъ соприкосновеніи. Переходъ двѣнадцатой дивизіи черезъ рѣку совершился на глазахъ небольшихъ отрядовъ русской кавалеріи, отошедшей безъ единаго выстрѣла. Послѣ этого пѣхота удалила ихъ окончательно однимъ своимъ приближеніемъ и такимъ образомъ баталіоны Коби заняли высоты безпрепятственно, безъ единой стычки."

Прослѣдивъ по картамъ все вышеупомянутое, британскіе офицеры поймутъ лучше чѣмъ посредствомъ длиннаго толкованія, сколь діаметрально противоположны образъ дѣйствій русскихъ и таковой-же Афридіевъ или Буровъ.

Согласно съ моимъ предположеніемъ, вѣрнѣе, убѣжденіемъ, японцы были недовольны общими результатами военныхъ дѣйствій. Мой гость высказался такъ:

„До полудня 28-го августа, когда въ Ляндясанѣ мы получили приказъ переходить черезъ рѣку раньше и меньшими силами, чѣмъ предполагалось, дѣйствія Первой арміи, правда, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Мы всегда будемъ съ великой гордостью вспоминать, какъ удалось бригадѣ Кигоши изъ двѣнадцатой дивизіи влѣзть на крутой утесъ Хунжалинъ въ ночь съ 25-го на 26-ое августа. Нѣкоторые выступы были совершенно отвѣсны и солдатамъ приходилось сгибаться и изображать изъ себя ступеньку для шедшихъ сзади. Солдаты смѣялись и говорили, что маршалъ Куроки обратилъ ихъ сначала въ утокъ, когда надо было переходить черезъ рѣку, а теперь обращаетъ ихъ въ козъ, чтобы лазить по горамъ. Но къ концу послѣдовавшихъ за этимъ непрерывныхъ сраженій, эти самые весельчаки подъ сильнѣй-

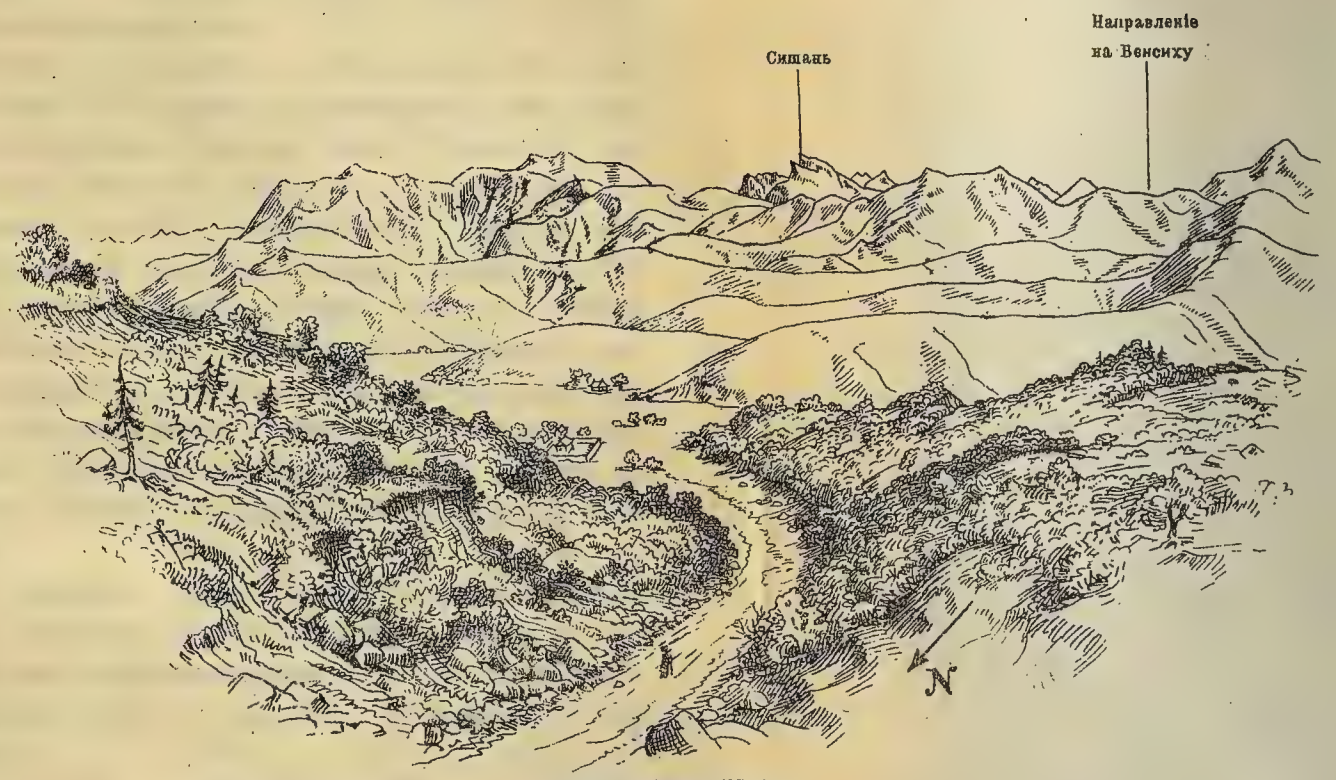
шимъ огнемъ заснули, да такъ, что когда непріятель подошелъ вплотную, то офицеры ходили кругомъ и неоднократно съ трудомъ будили солдатъ, заставляя ихъ проснуться. А теперь намъ, боровшимся до послѣдней степени, превзошедшимъ всѣ трудности и тяготы, намъ не удается оперировать какъ должно вмѣстѣ съ двумя остальными арміями, и намъ очень стыдно.

Однако, было бы, пожалуй, умнѣе вспомнить, что все это могло быть еще гораздо хуже, чѣмъ есть. Въ всякомъ случаѣ, мы обманули Куропаткина, какъ нашимъ растянутымъ фронтомъ, такъ и нашей энергіею, скрывавшей слабость нашихъ силъ. Но игра была опасная. Чѣмъ самоувѣреннѣе мы казались, тѣмъ хуже было бы наше пораженіе, если бы глаза Куропаткина были открыты, а не упорно закрыты, какъ то было на самомъ дѣлѣ; разсуждая такъ, мы можемъ себя успокаивать, когда намъ дѣлается слишкомъ стыдно своей ошибки.

Надо думать, что въ концѣ концевъ, само небо шлетъ намъ спеціальныя благословенія именно въ тѣ минуты, когда мы приходимъ въ наибольшее уныніе. Какъ бы тамъ ни было, а въ жизни моей не запомню такого плохого аппетита, какой у меня былъ 31-го, 1-го и 2-го числа."

Фэншанъ, 19-го сентября 1904. Вдругъ стало такъ же холодно, какъ въ Англіи въ половинѣ октября.

Я поѣхалъ сегодня въ 1 ч. 30 м. пополудни въ Ляоянъ пировать съ маркизомъ Ойямой, т. к. былъ приглашенъ къ 3 час. пополудни. Пиръ вышелъ историческій, ибо на немъ, впервые со времени начала войны собрались всѣ командующіе арміями. Былъ моментъ, когда Ойяма, Куроки, Оку и Надзу стояли маленькой группой въ сторонѣ отъ всѣхъ. У генерала Нодзу от-



Сраженіе при Шахэ

Видъ съ пер. Чаосянлина въ направленіи на Венсиху.

XXVII

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель»

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5.

скимъ и сигарами, а потомъ я былъ отправленъ съ

группой въ сторонѣ отъ всѣхъ. У генерала Нодзу от-

крытая и пріятная наружность. Генералъ Оку смотритъ энергичнымъ и проницательнымъ.

Здѣсь присутствовали и три принца крови—Канинъ, Куни и Нашимото. Принцъ Канинъ ловокъ и очень красивъ. Воплощенный *боецъ*.

Всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности очень любезны. Съ кѣмъ бы я нынче ни заговорилъ, всѣ извиняются за неудобства и плохую пищу. Право же стоитъ извиняться. Мы всѣ добры и здоровы, такъ что даемъ хорошее понятіе о нашей расѣ. Думается, что каждый порядочный солдатъ долженъ показывать, что онъ вполнѣ равнодушенъ ко всѣмъ тягостямъ войны. Что мы особенно цѣнимъ въ нашихъ хозяевахъ—это чувство товарищества и дружбы, которое они намъ выказываютъ. Маркизъ Ойяма сказалъ мнѣ, по французски, что генералъ Кодама отстутствуетъ, ибо уѣхалъ къ Портъ-Артуру, чтобы по возмозможности ускорить тамъ ходъ осады.

Когда я вернулся домой, то нашелъ очень милое письмо отъ генерала Тераучи, военнаго министра въ Токіо; онъ тоже прочувствованно извинялся за неудобства и плохую пищу. Я долженъ успокоить его на этотъ счетъ.

Фэншанъ, 22-го сентября 1904.—Вчера состряпалъ отвѣтъ генералу Тераучи, въ которомъ открылъ ему свое сердце. Надѣюсь, никто не станетъ цензуровать письмо къ военному министру.

Сегодня нанесъ визитъ генералу Нодзу, командующему Четвертой арміей. Онъ поселился въ домикѣ, окруженномъ хорошенькимъ китайскимъ садикомъ, принадлежащемъ одному изъ зажиточнѣйшихъ обывателей Ляояна. Генералъ встрѣтилъ меня очень радушно. Нашъ короткій разговоръ сопровождался хорошимъ шампанскимъ и сигарами, а потомъ я былъ отправленъ съ

однимъ изъ штабныхъ офицеровъ осматривать поле сраженія побѣдоносной арміи. Могу смѣло опустить вещи, не касающіяся моей сферы наблюденій.

Трудно понять, какъ могли войска быть выбиты изъ такихъ позицій, какія занимали русскіе; это могло бы только случиться, если бы у непріятеля предполагалось громадное превосходство силъ, какового у японцевъ не могло быть. Редуты и траншеи были очень солидны, только у нихъ не было блиндажей, что какъ извѣстно предрасполагаетъ солдата стрѣлять нагнувшись, т. е. стрѣлять куда ни попало, наобумъ, чаще всего въ небо.

И въ самомъ дѣлѣ, на нѣсколькихъ редутахъ къ югу отъ Ляояна я увидѣлъ слѣды ружейныхъ стволовъ, повидимому опиравшихся на земляной брустверъ, это придаетъ еще болѣе вѣроятія предположенію, что защитники стрѣляли слишкомъ высоко.

Намъ разсказали, какъ около двадцати японцевъ попали въ русскій редутъ и оказались отрѣзанными отъ своихъ. Русскіе въ редутѣ перевязали имъ раны и отпустили ихъ обратно.

Изучивъ поле, я отправился пить чай къ одному доброму миссіонеру и его женѣ, оба они пресвитерьянцы. Миссіонеръ чистокровный шотландецъ, а жена его наполовину ирландка. Мы очень оживленно болтали. Но веселость наша возросла, когда мы сѣли за столъ, покрытой бѣлоснѣжной скатертью и ломившійся отъ тяжести горячаго печенія и бисквитовъ. Юмъ и Жардайнъ сильно облегчили сей столъ. Винцентъ и я сдѣлали тоже все, что было въ нашихъ силахъ.

Хозяева разсказали намъ много интереснаго о китайцахъ, которыхъ они учатъ, лѣчатъ и съ которыми дружатъ; также разсказывали они кое-что о русской оккупаціи.

Сначала китайцы ужасно обрадовались, что японцы

смѣнили русскихъ, т. к. японцы, благодаря дисциплинѣ и своему общему поведенію во время боксерскихъ безпорядковъ, составили себѣ чудесную репутацію въ Сѣверномъ Китаѣ. Но со времени своего прихода сюда, японцы начали красть куръ, и это заставило китайцевъ измѣнить свое мнѣніе объ нихъ и съ грустью вспомнить свою пословицу: „Покинула насъ бабушка, за это дѣдушка пожаловалъ“. Самъ миссіонеръ съ женой, повидимому, очень полюбилъ русскихъ. До самого послѣдняго времени русскіе смотрѣли на все съ большимъ оптимизмомъ. Они охотно сознавались въ своей непроницательности и въ томъ, что имъ было очень мало извѣстно о японскихъ передвиженіяхъ. Миссіонеръ съ женой отдавали полную справедливость хорошему поведенію солдатъ въ Ляоянѣ.

Фэншанъ, 25 сентября 1904. Мы роскошествуемъ и становимся полуцивилизованными съ тѣхъ поръ, какъ очутились у самой желѣзной дороги. Главная квартира отличается особеннымъ гостепріимствомъ въ продолженіе всей этой недѣли; я же все время усиленно строчу свои отчеты.

Сегодня зашелъ ко мнѣ одинъ изъ штабныхъ. Онъ сообщилъ мнѣ много подробностей о взятіи горы Манжу и объяснилъ мнѣ причину артиллерійской стрѣльбы, которая время отъ времени доносится до нашего слуха; онъ сообщилъ мнѣ, что на правомъ берегу Хунхэ стоятъ двѣ русскихъ дивизіи и развлекаются періодической перестрѣлкой съ бригадой Умезавы и съ нашими кавалерійскими разъѣздами.

Онъ говорилъ и о Портъ-Артурѣ. Уже цѣлыми недѣлями не было слышно ни слова о Портъ-Артурѣ. По его словамъ два временныхъ форта, находящихся по обѣимъ сторонамъ главной дороги къ сѣверу отъ города, нынѣ взяты японцами. Водопроводы между этими

фортами и главными также захвачены. Онъ говоритъ, что перевезенныя туда съ береговыхъ японскихъ укрѣпленій 11-ти дюймовыя гаубицы начнутъ сегодня обстрѣливать городъ. Эти гаубицы стрѣляютъ на разстояніи 8.000 ярдовъ и командиръ третьей арміи—генералъ Ноги - вполнѣ полагается на дѣйствительность ихъ огромныхъ снарядовъ, небывалаго въ осадной войнѣ калибра.

Вслѣдъ за этимъ предполагается взять временный фортъ, расположенной на востокъ отъ главной дороги и находящійся, приблизительно, въ 4.000 ярдахъ отъ города. Я сказалъ: „Если это временный фортъ, то взятіе его потребуетъ времени“, на что получилъ въ отвѣтъ: „Не безпокойтесь; онъ будетъ взятъ въ ближайшемъ будущемъ, даже если бы нашимъ солдатамъ пришлось разбирать его каменную кладку собственными ногтями“.

Фэншанъ, 29-го сентября 1904.—Поѣхалъ въ 2 ч. пополудни навѣстить, согласно уговору, другого миссіонера и его супругу и нашелъ добродушнаго толстяка, на самомъ дѣлѣ способнаго отстоять свое добро отъ покушенія краснобородаго китайскаго хунхуза. Онъ живетъ здѣсь уже много лѣтъ и пользуется значительнымъ вліяніемъ. Онъ подтвердилъ слова своихъ братьевъ во Христѣ относительно радости, съ которой первоначально китайцы встрѣтили японцевъ. Преобладаніе подобныхъ чувствъ сослужило Ойямѣ большую службу, ибо, симпатизируя японцамъ, жители театра военныхъ дѣйствій скрывали отъ русскихъ всѣ японскія начинанія. Непроницаемое, какъ стѣна, молчаніе окружало русское развѣдывательное отдѣленіе. Съ другой стороны, миссіонеръ привелъ примѣръ отличной освѣдомленности Ойямы, ибо въ послѣдній день сраженія, японцы бросили тридцать снарядовъ въ Ямынь, гдѣ за два дня до этого

находилась русская главная квартира, когда къ ихъ счастью они устроились иначе. Однако же теперь, когда послѣ блѣднолицей „бабушки“ пожаловалъ желтолицый „дѣдушка“,—китайцы нашли въ немъ большое сходство съ лѣшимъ. Главная причина, по которой китайцы начали сожалѣть о своихъ прежнихъ правителяхъ, заключалась въ томъ, что русскихъ они считали добрыми и щедрыми, тогда какъ японцы оказались, по мнѣнію лавочниковъ, настоящими скрягами. Но, къ слову сказать, я думаю, что японцы вовсе не скряги. Только у нихъ нѣтъ денегъ; и, хотя это вовсе не препятствуетъ европейцу сорить деньгами, наши союзники еще не познали фокуса игры съ кредитомъ.

Другая причина заключалась въ томъ, что нѣкоторые японцы горазды ругаться. Я слышалъ разсказъ о томъ, какъ одинъ японскій солдатъ, поспоривъ съ китайскимъ лавочникомъ, торговавшимъ на главной улицѣ Ляояна, схватилъ вдругъ свое ружье за одинъ конецъ и единымъ взмахомъ опрокинулъ весь его лимонадъ, всѣ кэки, пряники, чай и все, что тамъ было.

Такъ какъ нѣсколько человѣкъ японцевъ, бывшихъ свидѣтелями происшествія, оставались въ бездѣйствіи, то спутникъ миссіонера подошелъ къ китайскимъ солдатамъ и спросилъ ихъ, не для того ли они тутъ поставлены, чтобы защищать своихъ соотечественниковъ. Подъ конецъ онъ такъ пристыдилъ ихъ, что четверо направилось было арестовать солдата. Между тѣмъ возбужденіе его улеглось; онъ очень сожалѣлъ о своемъ поступкѣ, а нѣсколько его товарищей стали просить отпустить его, говоря, что ссора произошла изъ за сдачи и что китаецъ не вернулъ ему всего, что слѣдовало. Тутъ, очень кстати, вмѣшался миссіонеръ, доказывая, что споръ изъ за мѣдяка не достаточная причина, чтобы изъ за этого уничтожать весь запасъ товаровъ торговца

и, что бѣшенство, овладѣвая человѣкомъ, причиняетъ ему то большое зло, что онъ совершенно теряетъ чувство справедливости и мѣры. Этимъ, повидимому, инцидентъ былъ исчерпанъ. Я долженъ ввести здѣсь другое поясненіе.

Исключенія подтверждаютъ правила и, я думаю, что разсказанная мною исторія служитъ большимъ исключеніемъ. Какъ я уже не разъ писалъ, японскіе солдаты деликатные и почтительные люди съ высоко развитымъ сознаніемъ долга каждаго военнаго быть правдивымъ, благороднымъ и презирать деньги. Если бы эта исторія относилась къ мелкому лавочнику—японцу, то я не былъ бы такъ удивленъ, такъ какъ этотъ сортъ людей, которому не достаетъ высокихъ идеаловъ, прививаемыхъ военнымъ воспитаніемъ, склонны къ притѣсненіямъ и жадности; эти недостатки могутъ послужить имъ помѣхой, когда дѣло дойдетъ до колонизаціи Кореи.

Третьей причиной разочарованія китайскаго населенія служитъ количество бѣглецовъ, двигающихся массами въ Ляоянъ съ сѣвера, гдѣ всѣ ихъ деревни заняты японскими войсками. Китайцы усылаютъ всѣхъ своихъ женщинъ даже тамъ, гдѣ часть домовъ предоставлена въ пользованіе ихъ хозяевамъ. Это происходитъ не потому, что солдаты грѣшатъ плохимъ поведеніемъ или даже лишней фамиліярностью съ „дѣвицами Неба“, а просто потому, что кодексъ приличій японской арміи отличается отъ принятаго Китайцами, а равно и европейцами. Скромность принимаетъ различныя формы въ различныя времена и эпохи, и здѣсь, въ Манчжуріи, тысячи несчастныхъ женщинъ предпочитаютъ скорѣе бросить свои дома и биткомъ набить города, чѣмъ позволить оскорбить свои взоры видомъ маленькаго японскаго солдата, плещущагося въ своей обычной ваннѣ, желая хорошенько вымыться. Когда японцу

объясняютъ, что неприлично снимать платье въ присутствіи дамъ, то онъ, въ свою очередь, кажется искренне возмущеннымъ тѣми нескромными представленіями, которыя вызываются этимъ образомъ мыслей. Однако, самъ японецъ не можетъ отдѣлаться отъ этого безпокойнаго чувства стыдливости и когда, напримѣръ, онъ видитъ европейца, цѣлующаго на прощаніе свою жену на дебаркадерѣ, то онъ не находитъ словъ, чтобы выразить свое осужденіе такому поступку.

Четвертое и послѣднее неудовольствіе китайцевъ заключается въ томъ, что японцы съ наступленіемъ зимняго времени часто стали употреблять въ топливо двери и окна китайскихъ фанзъ для варки риса.

Когда сообщенія улучшатся, то люди будутъ получать установленное количество топлива и не будутъ трогать дверей и оконъ. Британцы, во всякомъ случаѣ, не могутъ бросать камнемъ въ солдатъ, пользующихся чужой мебелью для того, чтобы сварить себѣ супъ, и я еще не видалъ такого офицера, у котораго уваженіе къ „meum“ и „tuum“ (моему и твоему) настолько фанатично развито, чтобы онъ допустилъ своихъ людей умирать отъ голода и холода, въ то время какъ подобная роскошь, какъ мебель, украшаетъ сосѣднія жилища.

Судя по словамъ миссіонера, русскіе солдаты не легко деморализировались,—по крайней мѣрѣ долго этого не замѣчалось. Ихъ темпераментъ слишкомъ живой. Въ теченіе дня, или около того, послѣ пораженія всѣ погружались въ грустное уныніе. Потомъ заиграетъ хоръ музыкантовъ, и ночью уже слышатся звуки шумнаго пира, за которымъ армія забываетъ всѣ свои невзгоды и снова дѣлается непобѣдимой. Для меня есть что-то крайне привлекательное въ этихъ чертахъ русскаго ха-

рактера. Я предпочитаю философію безпечно веселаго рыцаря, философіи строгаго пуританина. Съ тѣхъ поръ, какъ Шекспиръ обезсмертилъ это чувство, особая снисходительность всегда оказывается воинамъ, и часто даже суровые судьи на своихъ трибунахъ вспоминали, что

„Солдатъ вѣдь человѣкъ,
Коротокъ жизни вѣкъ,
Такъ пусть солдатъ нашъ пьетъ".

Но, въ концѣ концовъ, солдатъ долженъ беречь свою жизнь для родины, и какой толкъ будетъ отъ войны, если она не испепелитъ и не уничтожитъ развращающихъ пороковъ, столь пышно расцвѣтающихъ на почвѣ мира и цивилизаціи? Если, какъ въ Ляоянѣ и, въ нѣсколько меньшей степени, въ Кашштадтѣ этотъ пышный расцвѣтъ разнузданности и разгула настолько великъ, что нельзя его окончательно уничтожить, то это плохое предзнаменованіе какъ для самой арміи, такъ и для націи, которая породила его.

Въ недолгій періодъ унынія, послѣдовавшій за битвой на Ялу, Куропаткинъ перевезъ всѣ свои запасы обратно въ Мукденъ, но когда наступила реакція, возстановившая надежду на свои силы, запасы были опять привезены въ Ляоянъ, гдѣ еще горяча оставшаяся отъ нихъ зола. Иностранцы, состоящіе при русской арміи, считали Келлера и Штакельберга лучшими и наиболѣе энергичными командирами, хотя сами русскіе причисляли ихъ скорѣе къ легкомысленымъ господамъ Петербургскаго салоннаго типа.

Послѣ этого визита мы отправились къ своимъ прежнимъ хозяевамъ, куда, не смотря на наши ужасные аппетиты, мы снова были приглашены на чай. Здѣсь мы встрѣтили трехъ молодыхъ особъ, бывшихъ докторами. Одна, по крайней мѣрѣ, была уже настоящимъ

докторомъ, другія двѣ, кажется, еще только готовились къ этой степени. Конечно, всѣ онѣ были шотландки, какъ всегда въ такихъ невозможныхъ мѣстахъ.

Главная докторша была собственно хорошенькая, но изъ уваженія къ наукѣ носила волосы гладко зачесанными и туго закрученными на затылкѣ въ видѣ блестящаго шара. Мнѣ кажется, что молодыя женщины не имѣютъ права дѣлать такія вещи. Это похоже на солдата, старающагося освободиться отъ военной службы тѣмъ, что отрѣзаетъ себѣ указательный палецъ, которымъ спускается курокъ. Но я, однако, положительно начинаю уклоняться въ сторону. Занятые ѣдою вкусныхъ лепешекъ и питьемъ чая мы не особенно много разговаривали.

Докторшу разъ остановили двадцать хунхузовъ, вооруженныхъ маузерами, но когда она объяснила, что ѣдетъ навѣстить больную, то ее отпустили, не только не причинивъ никакого вреда, но даже съ большимъ почтеніемъ. Она видѣла, какъ они тотчасъ послѣ того остановили другую повозку.

Всѣ дамы были ужасно возмущены англійскимъ консуломъ въ Ньючуанѣ, распорядившимся удаленіемъ изъ Ляояна при началѣ войны всѣхъ незамужнихъ миссіонерокъ. Такимъ образомъ онѣ были лишены весьма интересныхъ впечатлѣній и возможности лѣчить раненыхъ, и я заранѣе сожалѣю этого господина, если онъ когда нибудь попадется въ ихъ руки.

Фэншанъ, 30-го-сентября 1904 г.—Я сегодня пошелъ погулять съ „Русскимъ“. Возвращаясь домой, я услышалъ гвардейскихъ музыкантовъ, оставленныхъ позади во время боя и только теперь присоединившихся къ войскамъ. „Русскій“ также насторожилъ уши и радостно помчался на звуки музыки. Бѣдный песикъ! Эти

звуки, вѣроятно, напомнили ему мѣсто игры русскихъ музыкантовъ, гдѣ, я увѣренъ, онъ привыкъ получать ласки и вкусныя подачки отъ всей, собиравшейся тамъ веселой компаніи. Но вмѣсто того, чтобы найти что-либо подобное этому веселье, онъ и его хозяинъ наткнулись на довольно таки унылое зрѣлище, когда завернули за уголъ улицы, ведущей къ главной квартирѣ.

Подъ сѣнью нѣсколькихъ мрачныхъ сосенъ, отмѣчавшихъ китайскую могилу, собрались музыканты японской гвардейской дивизіи. Солнце уже зашло, оставивъ за собою свѣтлую красную полосу на зеленоватомъ западномъ небѣ. Свѣчи были зажжены у пюпитровъ и слабо мерцали, въ то время какъ звуки цѣлаго ряда шотландскихъ балладъ, темпъ, ключъ и тонъ которыхъ былъ измѣненъ „по-манчжурски“, печально раздавались въ пустыхъ улицахъ. Мы съ моимъ песикомъ усѣлись на русской походной кухнѣ, а съ другой стороны глазѣли двое оборванныхъ китайскихъ мальчугановъ. Больше не было никого. Въ разстояніи ста ярдовъ отъ насъ было сколько угодно японскихъ офицеровъ и солдатъ, но когда и сами-то музыканты не понимаютъ того, что они играютъ, то трудно ожидать, чтобы обыкновеные люди заинтересовались программой.

Фэншанъ, 3-го октября, 1904 г.—Утромъ я все еще былъ занятъ моимъ отчетомъ о коммуникаціонной линіи. Я пишу также о преимуществахъ и недостаткахъ, разбросанности и массированія артиллеріи, поскольку это выяснилось въ послѣднихъ сраженіяхъ.

За послѣдніе два дня было положительно холодно. Гаолянъ теперь почти весь скошенъ и сложенъ въ гигантскія копны, которыя постепенно увозятся. Эти копны, имѣющія видъ высокихъ индѣйскихъ хижинъ, такъ далеко отстоятъ другъ отъ друга, что не могли-бы пре-

пятствовать движенію кавалеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ могутъ дать хорошее прикрытіе всему, что находится болѣе чѣмъ въ полумилѣ разстоянія. Какую службу онѣ-бы могли сослужить для русскихъ набѣговъ! Но казаки, нѣчто въ родѣ іоменри, не зная ни слова по-китайски, видимо не имѣютъ способности къ партизанской войнѣ, требующей либо большой подготовки, либо спеціальныхъ условій жизни.

Сборъ бобовъ также уже оконченъ. Результатомъ этого явилось большое измѣненіе тактическихъ условій мѣстности. Въ общемъ, не смотря на то, что гаолянъ, безъ сомнѣнія, иногда оказывалъ помощь русскимъ, я всетаки считаю счастьемъ для Куроки, что Ляоянская битва произошла раньше, чѣмъ мѣстность сдѣлалась такой голой, какой она скоро сдѣлается.

Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ дней непрерывно проходятъ войска въ сѣверномъ направленіи. Подобное движеніе, повидимому, предвозвѣщаетъ бой, такъ какъ иначе это удаленіе войскъ изъ окрестностей Тайцзыхэ, гдѣ такъ легко снабжать ихъ, какъ по желѣзной дорогѣ такъ и водою, было-бы совершенно ненужнымъ обремененіемъ коммуникаціонной линіи.

Большинство солдатъ одѣто въ совершенно новые мундиры изъ синей саржи, но на погонахъ у нихъ теперь больше нѣтъ номеровъ, что, право, показываетъ со стороны японцевъ невниманіе къ военнымъ аташе.

Въ часъ дня я отправился съ Юмомъ на праздникъ, даваемый гвардейскимъ саперным баталіономъ по случаю оканчанія большого моста, построеннаго ими черезъ рѣку Ляохэ. Это неизмѣнный японскій обычай проявлять въ такихъ случаяхъ гостепріимство.

Я былъ очень радъ, что пошелъ. Куроки былъ тамъ и очень много офицеровъ, а также Ляоянскій даотай

въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ чиновниковъ. Въ качествѣ развлеченія была устроена гонка на понтонахъ, состязались разныя команды, возбуждая большой энтузіазмъ среди своихъ товарищей, остававшихся на берегу. Производились также сильные взрывы динамита, убившіе громадное количество рыбы; я заполучилъ цѣлую большую корзину для нашего офицерскаго стола. Затѣмъ начался самый пиръ, который, по принятому обычаю, долженъ былъ происходить на самомъ мосту. Это очень напоминало наши пикники, и мнѣ было интересно видѣть пріемъ, устроенный японскимъ баталіономъ офицерамъ другихъ полковъ и частей. Гвардейскіе саперы постарались и всѣ, начиная съ подполковника и кончая послѣднимъ вольноопредѣляющимся, усердно хлопотали. Было ясно, что всѣ рессурсы баталіона были пущены въ ходъ. Всякого рода сосуды были предоставлены къ услугамъ кухни — солдатскія кружки, манерки и умывальныя чашки.

Блюда, которыя я больше всего имѣю основанія помнить, были: галушки изъ тѣста, сдѣланнаго изъ просяной муки, плавающія въ розовомъ соку, вродѣ малиноваго уксуса; шарики изъ рубленаго мяса, жареные въ тѣстѣ; мѣшки съ яблоками и грушами; громадный котелъ вареныхъ овощей и тачка, наполненная горбомъ дымящимся горячимъ рисомъ. Платформа, нагруженная бутылками пива, каталась медленно по мосту и становилась значительно легче съ каждымъ пройденнымъ ярдомъ. Этимъ чудеснымъ напиткомъ пили здоровье главнаго инженера и здоровье командира баталіона съ большимъ воодушевленіемъ.

Всѣ были очень любезны и милы. Всѣ, говорившіе со мною, удивлялись, видя мои запыленные сапоги, тому, что я пришелъ пѣшкомъ. Не смотря на выносливость, въ смыслѣ ходьбы, ихъ собственной пѣхоты,

японцы не перестаютъ дивиться тому, кто, имѣя возможность ѣхать верхомъ, идетъ пѣшкомъ. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ древнихъ египтянъ, которые съ такимъ удивленіемъ смотрѣли, какъ офицеры римскаго гарнизона для моціона ходили взадъ и впередъ по валамъ своей крѣпости. Младшимъ офицерамъ полка волей неволей приходится дѣлать много движенія и подтягиваться, но какъ только человѣкъ переходитъ въ штабъ и получаетъ право пользоваться лошадью, онъ не пройдетъ и пятидесяти ярдовъ въ годъ, если не будетъ къ этому вынужденъ. Я встрѣтилъ только одного единственнаго высшаго офицера, представляющаго исключеніе изъ этого правила; абсолютно одного. Онъ дѣйствительно любитъ погулять часокъ въ день, и этой его эксцентрической привычкѣ я обязанъ многими лучшими и съ наибольшей пользой проведенными минутами. Однако, и ему не пришло въ голову прійти пѣшкомъ сюда, потому что, хотя я и обошелъ по желѣзнодорожному мосту и прошелъ всего какихъ нибудь четыре, пять миль, послушать моихъ друзей, японцевъ, такъ подумаешь, что я совершилъ необыкновенный подвигъ. Я долженъ былъ указать какую нибудь причину; если-бы я сказалъ, что прогулялся для удовольствія, это показалось-бы невѣроятнымъ, поэтому на ихъ вопросы я отвѣчалъ, что дѣлаю это для того, чтобы хорошенько подготовиться къ слѣдующему большому бою.

Офицеры штаба Первой арміи не такой народъ, чтобы пропустить пиръ, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ на мосту, что 11-ти дюймовыя гаубицы начали обстрѣливать Портъ-Артуръ и что вчера имъ удалось разрушить штабъ-квартиру русскаго главнокомандующаго.

Контръ-атака, сдѣланная прошлою ночью на лѣвый флангъ японцевъ однимъ баталіономъ, была легко отбита, точно также, какъ и другая подобная попытка,

сдѣланная противъ праваго фланга полу-баталіономъ русскихъ. Однако, одинъ фактъ, что русскіе дѣлаютъ вылазки уже доказываетъ, что въ нихъ еще сохранилось мужество. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ офицеровъ думаютъ, что такъ какъ Портъ-Артуръ держится гораздо долѣе, чѣмъ кто либо могъ ожидать, то очень можетъ быть, что Куропаткинъ насъ атакуетъ. Русскіе, говорятъ они, чувствуютъ себя лучше зимою, нежели японцы, а изъ Петербурга идетъ большое давленіе. Хотѣлось-бы мнѣ знать, правда-ли это? Конечно, если петербургскіе круги стараются оказать давленіе на Куропаткина, то Россія заслужитъ то, что получитъ. Японцы теперь окопались по-уши. Даже вплоть до этого селенія ямы для орудій и траншеи вырыты на каждомъ мѣстѣ, занимающемъ командующее положеніе.

Фэншанъ, 6-го октября 1904.—Фельдфебель Сумино сказалъ переводчикамъ и прислугѣ, чтобы всѣ пожитки военныхъ аташе уложить въ ящики, такъ чтобы ихъ можно было на нѣкоторое время спрятать и только самыя нужныя вещи положить въ небольшой мѣшокъ. Это произвело большое волненіе, но полковникъ Х. рѣшительно отрицаетъ, что предстоитъ какое бы то ни было передвиженіе.

Фэншанъ, 7-го октября, 1904.—Полковникъ Х. продолжаетъ клятвенно отрицать мысль о какомъ-бы то ни было передвиженіи съ чьей либо стороны, но мы знаемъ, что онъ говоритъ неправду. Ужасно досадно; ни мои новые сапоги, ни теплое пальто не прибыли вовремя.

9 час. вечера.—Полковникъ Х. только что заходилъ сюда. Онъ говоритъ, что главная квартира намѣревается двинуться на тринадцать миль къ сѣверу. Не предпочту-ли я спокойно остаться въ этомъ удобномъ домѣ и присоединиться послѣ передъ боемъ? Глав-

ная квартира обѣщаетъ вполнѣ своевременнно извѣстить меня. Затѣмъ онъ усиленно сталъ совѣтовать мнѣ остаться, такъ какъ, правда, очень сомнительно, говорилъ онъ, будутъ-ли какія нибудь помѣщенія по близости новой главной квартиры, по крайней мѣрѣ прежде нежели будутъ сдѣланы необходимыя распоряженія. Я боюсь, что почти утратилъ то хладнокровіе, которое, подражая японцамъ, стараясь жить согласно ихъ идеалу, я до сихъ умѣлъ сохранять. „Нѣтъ! вскричалъ я, нѣтъ, я не выпущу главной квартиры изъ своихъ глазъ ради удобнаго дома, даже ради императорскаго дворца!“ Поэтому онъ полетѣлъ совѣтоваться съ А. и съ В., какъ онъ всегда дѣлаетъ въ подобныхъ крайнихъ случаяхъ.

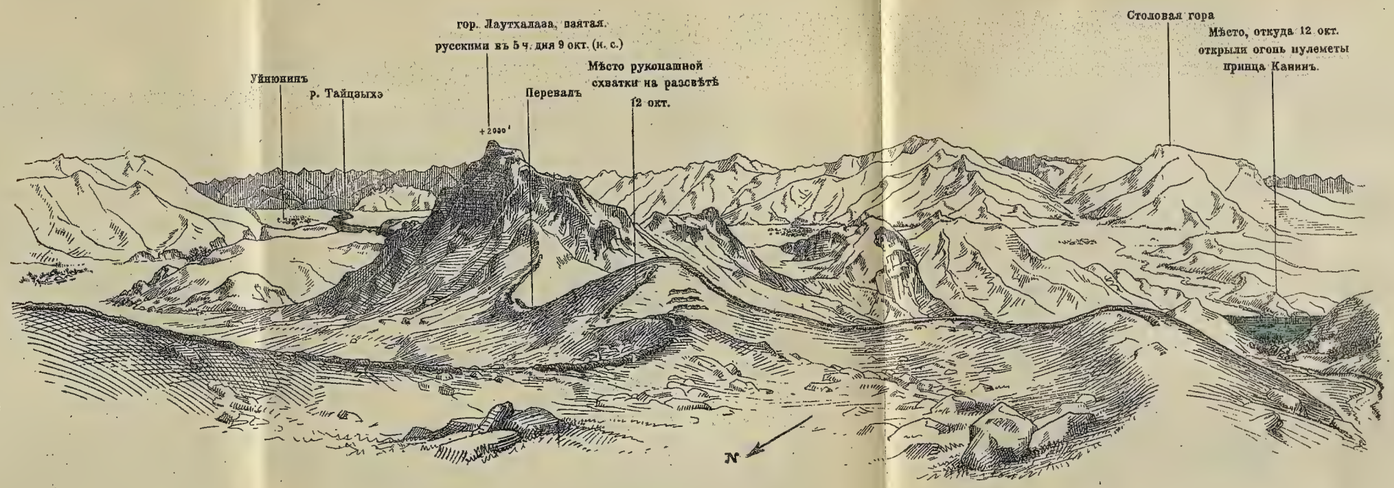
Фэншанъ, 8-го октября, 1904. — Главная квартира выступаетъ сегодня въ сѣверномъ направленіи, мы слѣдуемъ за ней завтра. Я надѣюсь, что мы ничего не прозѣваемъ. Мы понятія не имѣемъ о томъ, что намъ предстоитъ видѣть, наступленіе-ли японцевъ или атаку русскихъ. Сегодня я получилъ телеграмму изъ Англіи, сообщающую, что мнѣ собираются предложить „важное назначеніе“, но для меня не можетъ быть ничего важнѣе моего настоящаго дѣла. Мнѣ припоминается мой послѣдній день въ Фынхуанчэнѣ. Все мѣстечко опустѣло; только нѣсколько резервистовъ оставлено въ Ляоянѣ, куда я ходилъ прощаться съ гостепріимными миссіонерами, которымъ британскіе аташе обязаны такимъ пріятнымъ часпитіемъ и воспоминаніями о бесѣдѣ. Японская армія исчезаетъ въ одну ночь, такъ же тихо, какъ снѣгъ въ оттепель.

Глава XXVII.

Арміи въ соприкосновеніи.

Таяо, 9-го октября, 1904.—Нашему багажу приказано тронуться въ 9 ч. утра, поэтому, чтобы не озябнуть, пока будутъ нагружаться подводы, я отправился на прощальную прогулку по знакомымъ мѣстамъ Фэншана. Въ серединѣ моего обхода я былъ удивленъ, услышавъ звуки частаго ружейнаго огня по направленію г. Манжу. Я испугался не обошли-ли казаки окончательно правый флангъ Куроки, а такъ какъ мы теперь совершенно одни въ селеніи, то я рѣшилъ поскорѣе вернуться къ своей лошади, чтобы быть готовымъ ко всѣмъ случайностямъ. Когда я сказалъ объ этомъ одному офицеру штаба, который долженъ былъ насъ сопровождать, онъ разсмѣялся и объяснилъ, что это китайцы проявляютъ нѣкоторую дѣятельность, пользуясь тѣмъ случаемъ, что русскіе и японцы слишкомъ заняты. Войска ляоянскаго даотая выбрали этотъ моментъ, чтобы напасть на шайку хунхузовъ и между ними теперь идетъ бой въ долинѣ, между горами 131 и 151. Я долженъ отказаться отъ удовольствія присутствовать тамъ. Представьте себѣ, что почувствовалъ-бы лордъ Китченеръ, открывъ мою телеграмму въ ожиданіи получить отчетъ объ одномъ изъ самыхъ рѣшительныхъ сраженій въ мірѣ, вмѣсто этого нашелъ-бы отчетъ о китайской стычкѣ!

Пройдя двѣнадцать миль въ сѣверномъ направленіи, мы достигли мѣстечка, находящагося въ двухъ съ по-



Сраженіе при р. Шахэ

Видъ съ горы Хонда праваго фланга японской позиціи близъ Бенсиху, во время русской атаки на разсвѣтѣ 12го Окт. (н.с.)
рукопашный бой происходилъ въ окопахъ на переднемъ планѣ, но русскіе были отбиты.

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5.

ловиной миляхъ разстоянія къ югу отъ Янтайскихъ угольныхъ копей. Звуки сильнаго артиллерійскаго огня доносятся съ сѣверо-востока.

Таяо, отдаленное селеніе, окруженное холмистой мѣстностью, въ которой Орловъ позволилъ 2-го сентября окружить свои войска, шедшія колоннами. Хозяинъ той фермы, гдѣ я это пишу, только что занимался борьбой съ мулами. У него оригинальный способъ испытывать силу муловъ, которыхъ онъ собирается купить. Къ хомуту мула привязываютъ веревки и шесть сильныхъ кули, упираясь, держатся за нихъ со всей силы. Тогда животное начинаютъ хлестать, и если оно преодолѣваетъ сопротивленіе кули, то его покупаютъ, если-же нѣтъ, то его бракуютъ. Иногда кули теряютъ почву подъ ногами и волокутся мулами по грязи и топчатся ихъ копытами къ великому удовольствію стоящихъ въ дверяхъ женщинъ, которыя прямо таки покатываются со смѣху, при видѣ такого забавнаго зрѣлища. Описанная мною сцена можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ полномъ равнодушіи, съ которымъ китайцы продолжаютъ заниматься своими обычными дѣлами въ самую критическую минуту кампаніи, даже при главной квартирѣ одной изъ воюющихъ сторонъ.

9 ч. вечера. Часъ тому назадъ я получилъ изъ главной квартиры извѣщеніе, что если потружусь прійти, то они съ удоволствіемъ постараются дать мнѣ понятіе о настоящемъ положеніи дѣла. Нечего и говорить, что я отправился туда, не теряя ни минуты, и одинъ изъ моихъ любезныхъ наставниковъ, возобновивъ такъ давно уже прерванныя функціи, посвятилъ мнѣ около четверти часа, въ теченіе которой, если я и не узналъ всего, что мнѣ-бы хотѣлось знать, то, во всякомъ случаѣ, пополнилъ пробѣлы, касающіеся событій послѣ битвы при Ляоянѣ.

Положеніе въ высшей степени интересно. Хотя я слышалъ, что гвардейская, вторая и двѣнадцатая дивизіи вытягивались къ востоку и западу, занимая позицію. правый флангъ которой опирался на Янтайскія копи, а лѣвый достигалъ желѣзной дороги, я не могъ добиться никакихъ свѣдѣній относительно бригады Умезавы съ того времени, какъ она въ послѣдній разъ участвовала въ Ляоянскомъ бою у Танхайши 5-го сентября. Оказывается, что три дня спустя Умезава сразу прошелъ шестнадцать миль на востокъ къ Бейтадзы, гдѣ онъ прикрывалъ Бенсиху отъ атаки съ сѣвера (карта XXIII).

17-го сентября было произведено наступленіе на Бейтадзы русскихъ войскъ, состоявшихъ изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, восьми эскадроновъ кавалеріи, при восьми орудіяхъ. Атака производилась на столько нерѣшительно, что на нее посмотрѣли только, какъ на сильную рекогносцировку, но, тѣмъ не менѣе, она обезпокоила Куроки, такъ какъ онъ не могъ не сознавать того, что Умезава находился въ опасномъ изолированномъ положеніи среди самой гористой части Манчжуріи. Вслѣдствіе этого было послано ему въ подкрѣпленіе два баталіона двѣнадцатой дивизіи. Они присоединились къ нему у Бейтадзы 19-го сентября, но не успѣли они подойти, какъ русскіе, повидимому, не только увеличили число войскъ, стоявшихъ непосредственно противъ этого мѣста, но начали обходъ его въ восточномъ направленіи, угрожая важному стратегическому пункту Бенсиху, черезъ который шли всѣ боевые и продовольственные запасы бригады. Поэтому было послано приказаніе генералу, командующему старой коммуникаціонной линіей между Ялу и двѣнадцатой дивизіей, двинуть всѣ войска, которыя окажутся у него подъ рукой, черезъ Тхауанъ, чтобы усилить гарнизонъ Бенсиху, но какъ только всѣ эти мѣры предосторожности были приняты, такъ соот-

вѣтственно были еще болѣе увеличены силы русскихъ, грозившія окружить Умезаву. Куроки сдѣлалъ уже все возможное для его собственныхъ силъ. Поэтому онъ просилъ Ойяму замѣнить гвардейскую дивизію, стоявшую на его лѣвомъ флангѣ, другой какой-нибудь арміей и дать ему такимъ образомъ возможность сосредоточиться на угрожаемомъ правомъ, восточномъ флангѣ.

Ойяма согласился и приказалъ четвертой арміи занять мѣстность до пункта въ пяти миляхъ къ востоку отъ желѣзной дороги, освободивъ такимъ образомъ императорскую гвардію. Куроки теперь получилъ возможность стянуть двѣнадцатую дивизію и сосредоточить ее у селенія Таяо, и соединить вторую дивизію съ гвардейской. Такимъ образомъ, 1-го октября гвардейская и вторая дивизіи образовали передовую линію, протянувшуюся къ сѣверо-востоку и юго-западу приблизительно на пять миль на высотѣ желѣзно-дорожной вѣтки, причемъ лѣвый флангъ ея опирался на угольныя копи (карта XXXIII). Въ трехъ миляхъ разстоянія позади этой линіи находилась двѣнадцатая дивизія, въ качествѣ резерва, у Таяо, въ то время какъ Умезава находился въ семнадцати миляхъ къ сѣверо-востоку въ Бейтадзы.

Первая армія подвинула теперь главное ядро своихъ силъ значительно ближе къ восточной стѣнѣ горъ, за которыми, повидимому, готовилась буря, и не смотря на то, что въ смыслѣ разстоянія Умезава находился по прежнему внѣ соприкосновенія, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности это было не такъ, такъ какъ отъ Таяо, гдѣ была сосредоточена вся двѣнадцатая дивизія, шли къ востоку хорошія дороги.

5-го октября, въ тотъ день, когда я встрѣтилъ генерала Куроки на праздникѣ, даннomъ саперами по случаю окончанія постройки моста, гдѣ онъ и весь его

штабъ казались такими необыкновенно веселыми и оживленными, вѣсти, полученныя съ передовой линіи, были очень тревожны, такъ какъ въ нихъ указывалось, повидимому, на серьезное движеніе со стороны русскихъ. Куроки на столько находился подъ впечатлѣніемъ предстоящей опасности, что приказалъ одной бригадѣ и одной батареѣ двинуться къ сѣверу за угольныя копи и занять важную высоту*), лежавшую въ шести миляхъ разстоянія въ этомъ направленіи.

На слѣдующій день было получено извѣстіе, что непріятель большими силами помѣшалъ занятію этой высоты.

До сихъ поръ сильнымъ рекогносцировкамъ японцевъ не было оказываемо серьезнаго сопротивленія, поэтому отпоръ, данный теперь русскими бригадѣ и батареѣ былъ сочтенъ весьма знаменательнымъ признакомъ.

Какъ разъ въ это самое время благопріятный случай сдѣлалъ излишними всякія предположенія и рекогносцировки. У Далинскаго прохода (карта XXXIV) былъ въ стычкѣ убитъ одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба и на его трупѣ были найдены подробныя приказанія Куропаткина Штакельбергу, въ которыхъ ему повелѣвалось обойти правое крыло японцевъ и идти къ Ляояну!

Ночь съ 6-го на 7-ое поэтому была проведена штабомъ Первой арміи въ тревожномъ обсужденіи положенія и какъ разъ въ ту минуту, какъ пренія были въ полномъ разгарѣ, явился довѣренный шпіонъ съ извѣстіемъ, что большія части непріятельскихъ войскъ переправились черезъ Хунхэ 4-го и 5-го октября и что большая колонна несомнѣнно идетъ изъ Фушуна, мѣста въ двадцати-пяти миляхъ къ востоку отъ Мукдена, прямо на югъ.

*) Это была гора, названная впослѣдствіе Окасаки. (Черт. XXIV).

Въ умѣ Куроки не оставалось болѣе сомнѣнія. Великая русская армія перешла уже въ наступленіе. Тотчасъ-же было послано извѣщеніе Ойямѣ, объясняющее положеніе и спрашивающее приказаній, особенно по отношенію Умезавы. Присланный изъ главной квартиры манчжурской арміи отвѣтъ выражалъ нѣкоторое сомнѣніе въ дѣйствительной опасности.

Но генералъ Куроки не считалъ себя освобожденнымъ отъ отвѣтственности скептицизмомъ своего начальства. Какъ-бы серьезно слѣдовало-бы британскимъ генераламъ молить о дарованіи имъ такой же крѣпости духа, какъ у него, въ трудную минуту.

Умезава входилъ въ составъ первой арміи. Его положеніе съ часу на часъ становилось все болѣе и болѣе критическимъ, и Куроки считалъ себя обязаннымъ принять необходимыя, по его мнѣнію, мѣры для поддержки Умезавы. Вопросъ о томъ, какое ему послать приказаніе, требовалъ безотлагательнаго рѣшенія. Въ теченіе часа горячо обсуждалась эта задача. Съ точки зрѣнія *нравственнаго* воздѣйствія было, конечно, гораздо желательнѣе, чтобы Умезава держался до тѣхъ поръ, пока двѣнадцатая дивизія не выступитъ изъ Таяо и не соединится съ его лѣвымъ флангомъ. Но прежде, чѣмъ Куроки могъ сдѣлать такой рѣшительный шагъ, какъ приказать двѣнадцатой дивизіи идти на подкрѣпленіе Умезавы, онъ долженъ былъ имѣть нѣкоторую гарантію въ томъ, что его собственный лѣвый флангъ, въ случаѣ нужды, будетъ подобнымъ-же образомъ подкрѣпленъ другими арміями. Въ настоящее время эти арміи отказывались понимать опасность. Хотя ихъ главная квартира переправилась черезъ Тайцзыхэ 14-го и 15-го сентября, большая часть ихъ войскъ, однако, оставалась еще далеко позади по сосѣдству съ Ляояномъ. Если ихъ бездѣйствіе продлится еще сутки, тогда, даже

при самомъ лучшемъ желаніи въ мірѣ, онѣ могутъ опоздать поддержать главныя силы первой арміи, ослабленныя такимъ образомъ на одну треть. Въ общемъ рискъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы командующій арміей могъ взять его на себя, не получивъ приказаній, и было рѣшено не двигать двѣнадцатой дивизіи къ Бейтадзы.

Слѣдующимъ пунктомъ, подлежащимъ разсмотрѣнію, было—можетъ ли Умезава удержать свою позицію въ теченіе двухъ или трехъ дней, не получая подкрѣпленія. Было рѣшено, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Поэтому ему было послано приказаніе очистить *Бейтадзы* (Пинчтаитсу) и отступить къ *Бенсиху*. Единственнымъ утѣшеніемъ въ непріятной необходимости приказать такому человѣку, какъ Умезава, отступить является то, что это предварительное движеніе будетъ имѣть вліяніе на всю передовую часть арміи и что предстоящее сраженіе будетъ вслѣдствіе этого происходить на шесть или на семь миль южнѣе и ближе къ японской базѣ, чѣмъ было-бы въ иномъ случаѣ. Такимъ образомъ удастся завлечь Штакельберга и заставить его пройти далеко къ югу въ трудно доступную и пересѣченную мѣстность, гдѣ его тяжелая полевая артиллерія и многочисленная кавалерія утратятъ двѣ трети своего значенія.

Когда Умезава получилъ это приказаніе, онъ былъ въ соприкосновеніи съ превосходными силами непріятеля, который уже началъ его окружать. Поэтому онъ былъ вынужденъ держаться крѣпко до ночи 7-го, когда онъ искусно улизнулъ, какъ только стемнѣло, и отдѣлался такъ легко, что русскіе не сдѣлали даже ни одного выстрѣла. Считаютъ, что Умезава положилъ прекрасное начало, такъ дешево отдѣлавшись отъ медлительныхъ русскихъ. Съ точки зрѣнія *нравственнаго*

воздѣйствія—неизмѣримая разница между безнаказаннымъ спокойнымъ отступленіемъ и отступленіемъ передъ дѣятельно преслѣдующимъ непріятелемъ.

Мнѣ были сообщены полностью приказанія, отданныя Куроки въ 2 ч. дня 7-го числа, я перечислю ихъ по порядку.

Общій смыслъ ихъ былъ тотъ, что двѣнадцатая дивизія должна двинуться отъ Таяо на востокъ къ *Бенсиху* и, напавъ на правый флангъ двухъ русскихъ дивизій, угрожающихъ Умезавѣ, протянуть ему руку помощи. Вторая дивизія должна удержать за собой мѣстность по сосѣдству съ Янтайскими копями, а гвардія должна обойти сзади и сосредоточиться и укрѣпиться въ горахъ на двѣ съ половиною мили къ сѣверо-востоку отъ Таяо (Тайо). Расположеніе войскъ со времени приведенія въ исполненіе этихъ приказаній пока въ общемъ не измѣнилось. По крайней мѣрѣ, если оно и измѣнилось, мнѣ объ этомъ ничего не сообщаютъ. По той, или другой причинѣ гвардія и вторая дивизія помѣнялись мѣстами. Въ настоящее время мы имѣемъ на правомъ флангѣ двѣнадцатую дивизію, которая двигается какъ можно быстрѣе къ Бенсиху. Вторая дивизія находится на лѣвомъ флангѣ въ одной или двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Янтайскихъ копей, а гвардія расположена уступомъ въ центрѣ на небольшомъ разстояніи позади пустого пространства между нашимъ правымъ и лѣвымъ флангомъ. Ойяма теперь вполнѣ оцѣнилъ положеніе и восьмого числа отдалъ настолько простой приказъ, который едва ли когда либо давался такой большой арміи. Вотъ онъ:

„Арміи должны по возможности сосредоточивать свои силы на занимаемыхъ ими позиціяхъ и быть го-

товыми къ контръ-атакѣ, какъ только наступитъ благопріятный моментъ".

Таяо, 10 октября 1904 г. Въ 6 ч. 15 м. утра я стоялъ у дверей моего дома, когда вдоль улицы прослѣдовала вторая кавалерійская бригада подъ командой принца Канина. Она проходила рысью мимо меня подъ звонъ стальныхъ подковъ, ударявшихся одна о другую и я успѣлъ хорошо разглядѣть ее. Люди имѣли бравый видъ, и лошади были въ прекрасномъ тѣлѣ; они еще недавно прибыли. Нѣкоторые офицеры сидѣли на необыкновенно хорошихъ лошадяхъ. Шелъ сильный дождь, и на всѣхъ солдатахъ были надѣты плащи. Винтовки были перекинуты черезъ плечо поверхъ плаща, а позади сѣдла была свернутая походная палатка. Подъ сѣдломъ было два одѣяла, а къ сѣдлу были привязаны очень большіе парусинные вьюки и парусинное ведро. Одинъ изъ офицеровъ каждаго полка держалъ штандартъ. Я слышалъ, что бригада снабжена пулеметами, но я ихъ не видѣлъ. Принцъ Канинъ, наружностью котораго я такъ восхищался въ Ляоянѣ, командуетъ бригадой.

Въ 7 ч. утра я былъ вмѣстѣ со всѣми военными аташе въ главной квартирѣ и слушалъ краткое сообщеніе полковника Хагино объ общемъ положеніи. Его сообщеніе было интересно не только для насъ, но и для многихъ молодыхъ японскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые стояли вмѣстѣ съ нами и также записывали мудрыя рѣчи, вылетавшія изъ устъ начальника развѣдывательнаго отдѣленія. Я не могу себѣ представить офицера какой либо европейской арміи, равнаго по положенію полковнику Хагино, который-бы сталъ безпокоить себя ради кучки иностранцевъ; еще менѣе могу я себя представить, чтобы онъ читалъ имъ тщательно составленную маленькую лекцію, какъ разъ передъ началомъ большой битвы. Мы, европейцы и

американцы, не можемъ, конечно, собрать столько свѣдѣній отъ молчаливыхъ японцевъ, сколько мы получили бы ихъ, находясь на войнѣ при европейскихъ войскахъ, но съ другой стороны, я увѣренъ, что ни въ какой арміи міра мы-бы не встрѣтили столько оффиціальной помощи при исполненіи нашей работы, иностранныхъ военныхъ агентовъ, какъ теперь въ арміи Куроки.

Я отмѣчаю это синимъ карандашомъ и загибаю уголъ листа, чтобы знать гдѣ найти средство противъ досады, если въ будущемъ я снова буду испытывать соблазнъ возмущаться маленькими ограниченіями и умалчиваніями.

Справедливость требуетъ прибавить, что это мое изліяніе благодарности вызвано не только лекціей Хагино. По окончаніи ея я получилъ нѣкоторое дополнительное объясненіе положенія, оказавшееся чрезвычайно интереснымъ. Такъ какъ полученныя мною свѣдѣнія гораздо цѣннѣе, нежели то немногое, что я видѣлъ самъ, то я сначала полностью запишу ихъ, а затѣмъ, если будетъ время, могу прибавить и мои собственныя наблюденія.

Дѣло, повидимому, быстро движется къ развязкѣ. Русскіе массами спускаются съ сѣвера не только прямо на насъ у Таяо, но и на нашихъ товарищей по правую и по лѣвую сторону отъ насъ, на сколько только могли успѣть донести наши запыхавшіеся вѣстники. До сихъ поръ непріятельскія силы еще не вступали въ бой на нашемъ фронтѣ, но сраженіе можетъ начаться въ любой моментъ; и русскіе находятся такъ близко отъ насъ, что вчера, ночью вся первая армія находилась подъ ружьемъ въ боевомъ порядкѣ.

Умезава на востокѣ до сихъ поръ выдерживаетъ главный натискъ и, повидимому, жестоко тѣснимъ. Ему и его бригадѣ, конечно, не сдобровать-бы, если-бы русскіе набросились какъ волки на стадо, если-бы они про-

явили хоть каплю той безразсудно смѣлой жажды боя, которая такъ часто соединяется съ военнымъ успѣхомъ. Пока все остается неопредѣленнымъ, одно только извѣстно, что ночью 8-го Умезава находился въ отчаянно затруднительномъ положеніи, онъ былъ почти окруженъ Штакельбергомъ и Ренненкампфомъ съ значительно превосходными силами и въ сущности былъ въ ихъ власти. Если-бы Умезава не выдержалъ, то и Бенсиху и Тхауанъ съ ихъ запасами были-бы потеряны, да и самъ Куроки былъ-бы, можетъ быть, вынужденъ двинуться къ юго-востоку со всей арміей для того, чтобы удержать Лантоуванскую переправу черезъ Тайцзыхэ отъ непріятеля, угрожающаго Ляояну.

Со времени своего отступленія отъ Бейтадзы Умезава занималъ высокую цѣпь горъ отъ перевала Тумыньцзылинъ на западѣ, черезъ Далинъ до Бенсиху, на востокѣ (карта XXXIV), гдѣ его правый флангъ удачно былъ загнутъ полукругомъ назадъ прикрывая городъ. Онъ, конечно, слишкомъ слабъ для этой задачи, но долженъ стараться сдѣлать все возможное, пока двѣнадцатой дивизіи не удастся продвинуться достаточно далеко къ востоку, чтобы поддержать его противъ сильной колонны Штакельберга, изъ трехъ родовъ оружія, стремящагося обойти его справа. Эти войска находятся болѣе или менѣе въ соприкосновеніи съ Умезавой съ 7 числа, но къ счастью русскіе начали наступленіе только вчера на разсвѣтѣ, да и то только у Бенсиху, куда Умезава только что успѣлъ вечеромъ 8-го прислать подкрѣпленіе изъ двухъ баталіоновъ при двухъ орудіяхъ. Однако, положеніе дѣлъ все-же должно быть еще очень критическимъ, если не отчаяннымъ, потому что сегодня утромъ было получено печальное извѣстіе о томъ, что въ теченіе вчерашняго дня и вечера два важныхъ передовыхъ укрѣпленія оборонительной линіи Бенсиху были атакованы русскими и взяты приступомъ.

Еще болѣе грозными являются вѣсти о Ренненкампфѣ, который перешелъ р. Тайцзыхэ у Уйнюнина (Вейнинга) и двинулся къ западу по ея лѣвому берегу, отрѣзавъ сообщеніе между Бенсиху и Тхауаномъ и угрожая послѣднему важному складочному пункту, защищаемому только двумя—тремя стами людей. Восточная линія сообщеній непредставляетъ немедленной насущной необходимости для Манчжурской арміи, взятой вообще, но Куроки крайне не выгодно ее потерять, поэтому онъ сдѣлалъ послѣдній ходъ, послалъ кавалерійскую бригаду, которая только что пронеслась мимо меня по направленію къ Тхауану.

Повидимому генералъ Куроки и его штабъ сами не вполнѣ увѣрены относительно хода событій на правомъ флангѣ. Прежде всего у нихъ нѣтъ картъ, такъ какъ захваченныя русскія карты, на которыя они до сихъ поръ главнымъ образомъ опирались, не даютъ мѣстности у Бейтадзы и Бенсиху. Одинъ изъ штабныхъ остроумно замѣтилъ: „Наше представленіе о театрѣ военныхъ дѣйствій къ сѣверу отъ Ляояна ограничивалось на востокѣ янтайскими копями; теперь-же мы слишкомъ поздно начинаемъ убѣждаться въ томъ, что по нашу правую руку разстилается цѣлая страна горъ!“

Отнынѣ Британское Военное Министерство можетъ ободриться и болѣе энергично защищаться противъ нападокъ нѣкоторыхъ критиковъ, которые, не взвѣсивъ серьезно ни финансовыхъ, ни политическихъ затрудненіи, преувеличили его отвѣтственность за недостатокъ хорошихъ картъ, который чувствовался въ болѣе ранніе періоды Южно-Африканской войны.

Написавъ это, я былъ прерванъ громкимъ, раскатистымъ грохотомъ русскихъ орудій: разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Да, конечно, это русскія пушки и даже не особенно далеко.

Въ двухъ или трехъ миляхъ къ сѣверу отъ Таяо я подъѣхалъ къ высокому конусообразному холму, на востокъ отъ копей, и какъ разъ надъ ними (черт. XXXIV). Я рѣшилъ, что нашелъ великолѣпный наблюдательный постъ и сталъ подниматься кверху, ведя лошадь въ поводу, но на вершинѣ оказался генералъ Ниши со штабомъ второй дивизіи, которые не желали моего общества. Мнѣ было жаль удаляться совсѣмъ, поэтому я двинулся впередъ и въ трехъ или четырехъ стахъ ярдахъ дальше занялъ другой подобный-же холмъ, съ котораго мнѣ была видна одна артиллерійская бригада второй дивизіи, весьма удобно окопавшаяся; это было очень счастливо для нея, такъ какъ снаряды съ трескомъ непрерывно разрывались надъ окопами, поднимая столбы пыли около батарей, но ни причиняя вреда людямъ, лежавшимъ плашмя подъ прикрытіемъ и не пытавшимся отвѣчать.

Въ пяти миляхъ къ сѣверу виднѣлся наступающій непріятель. На сколько хваталъ мой глазъ, а именно отъ Танхайши *) (Санквайсекисанъ), на сѣверо-западѣ, до Сяотаку (Шотатсуко), на сѣверо-востокѣ, вся мѣстность кишѣла русскими (черт. XXIV). Гаоляна тутъ не было; укрыться было негдѣ, и вотъ тутъ-то я увидѣлъ плотныя массы русскихъ, — кавалерію, пѣхоту и артиллерію,—въ такихъ построеніяхъ, какихъ я за послѣдніе годы нигдѣ не видѣлъ, кромѣ, какъ на парадахъ.

Самая большая масса, вѣроятно бригада, находилась подъ высокимъ холмомъ, расположенномъ какъ разъ на сѣверъ отъ Шанщиляоцзы **) (Санкаши), и, должно быть, состояла изъ 5.000 или 6.000 человѣкъ, собранныхъ въ одно плотное цѣлое. Если-бы у японцевъ имѣлось одно или два орудія въ родѣ нашихъ южно-африканскихъ „Длинныхъ Томовъ“, то они могли-бы тутъ перебить

*) Около Двурогой сопки.
**) Санцзяцзы,

массу народа, стрѣляя по такой мишени. Движеніе такихъ колоннъ не можетъ быть быстрымъ, но нѣтъ и необходимости двигаться такъ медленно, какъ это дѣлалъ непріятель, у котораго длинныя остановки чередовались съ весьма короткими движеніями впередъ.

Тѣмъ временемъ, успѣвъ осмотрѣть мѣстность, я увидѣлъ, что сижу на отдѣльномъ конической формы холмѣ, вышиною приблизительно въ 200 футовъ. Онъ представлялъ собою одинъ изъ оторванныхъ западныхъ форпостовъ гористой мѣстности, непрерывно простиравшейся на востокъ, цѣпь за цѣпью и вершина за вершиной, такъ далеко, какъ только могъ хватать глазъ. Эта гористая область имѣетъ рѣзкое, опредѣленное окончаніе, или край, совершенно такъ-же, какъ рѣзко и опредѣленно оканчивается сплошной ледъ тамъ, гдѣ онъ встрѣчается съ моремъ, и, продолжая это сравненіе,—такъ-же, какъ дѣйствіемъ воды отрывается множество ледяныхъ горъ, сотнями носящихся по сосѣдству съ недвижимой массой льда и все рѣже и рѣже встрѣчающихся съ каждой милей разстоянія, точно такъ-же и здѣсь отдѣльные холмы становятся менѣе многочисленными и рѣже разбросаны по мѣрѣ того, какъ глазъ обращается къ западу, пока, наконецъ, за четвертой арміей, мѣстность не превращается въ обширную равнину, теряющуюся однообразной плоскостью.

Двѣ наши дивизіи, двѣнадцатая и гвардейская, и двѣ наши бригады, бригада Умезавы и кавалерійская бригада принца Канина, поглощены Швейцаріей Дальняго Востока, лежащей направо. Половина правой бригады второй дивизіи занимаетъ укрѣпленную позицію на Ташанѣ (Дайсанъ), на самомъ краю главной массы горъ. Ташанъ находиться на востокъ отъ меня, въ двухъ миляхъ разстоянія и имѣетъ приблизительно 600 футовъ вышины. Другой полкъ этой бригады (бригады Матсунаги) нахо-

дится у моихъ ногъ въ селеніи Чіенли *) (Кенто). Бригада славнаго Окасаки находится совершенно внѣ предѣловъ горъ, и укрѣпилась на пустыхъ поляхъ равнины (приблизительно въ одной милѣ къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ я сижу), опираясь своимъ лѣвымъ флангомъ (составляющимъ крайній и лѣвый флангъ первой арміи) на нѣсколько низкихъ холмовъ, на разстояніи около двухъ съ половиною миль къ сѣверу отъ меня (карта XXXIII).

Въ полдень русская артиллерія замолчала. Ей не удалось вызвать отвѣтнаго огня японцевъ, и я не думаю, чтобы она причинила много вреда. Около часу дня колоннамъ русской пѣхоты вдоль долины Сяотаку-Шанпицяоцзы **) (Шотатсуко-Санкаши), повидимому, удалось установить надлежащіе промежутки, и, какъ тяжелыя грозовыя тучи разстилаются по всему горизонту прежде чѣмъ разразиться молніями и градомъ, такъ точно и эти темныя массы начали величаво развертываться въ длинныя непрерывныя линіи, отъ которыхъ сердце мое упало подъ впечатлѣніемъ несокрушимой силы и предстоящаго ужаснаго удара. И это несмотря на то, что я старался ободрить себя мыслью о томъ, какой радостью загорѣлись-бы глаза стараго бура при видѣ наступающаго на него плечо къ плечу непріятеля, и хотя я сознавалъ, что такое построеніе было слишкомъ плотнымъ для того, чтобы жестоко не пострадать отъ японской артиллеріи.

Но вотъ длинныя ряды остановились. Странная нерѣшительность! Они недвижимо простояли десять минутъ, двадцать минутъ и тогда я понялъ, что они укрѣпляются внѣ предѣловъ японскихъ выстрѣловъ! Въ одинъ мигъ все мое безпокойство исчезло. Я не могу объяснить того ощущенія или инстинкта, которое мною овладѣваетъ, но оно на лицо, и я чувствую приливъ боль-

*) или Цзяньдао.

**) Санцзяцзы.

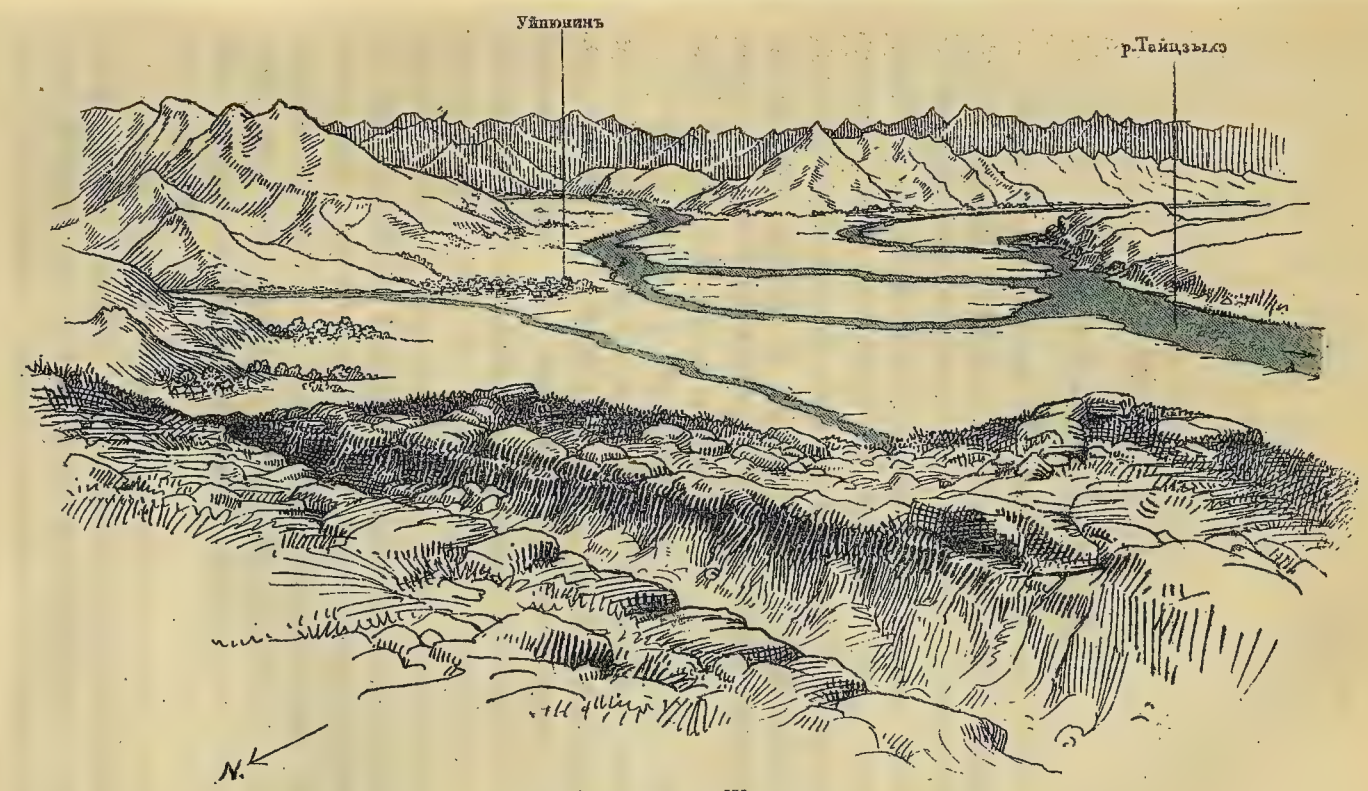
шого спокойствія и полную увѣренность въ томъ, что русскіе, остановившись въ наступленіи, навсегда простились съ тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое является величайшимъ факторомъ каждаго нападенія.

Въ 2 ч. 45 м. офицерскій патруль, посланный Окасаки для занятія низкой цѣпи холмовъ къ востоку отъ Паньлашаньцзы (Ханлязанпи) приблизительно въ трехъ миляхъ къ сѣверу отъ насъ (см. „V“ черт. XXIV), былъ какъ разъ предупрежденъ болѣе превосходными силами русскихъ, которые, взобравшись на гребень, оказались въ пятидесяти ярдахъ разстоянія отъ отступавшихъ японцевъ. Въ пылу рвенія русскіе встали на гребнѣ и открыли сильный огонь по отступающей партіи человѣкъ въ двадцать. Эти послѣдніе пустились бѣжать назадъ и побили рекордъ быстротою, съ которой они добрались до прикрытія въ 500—600 ярдахъ разстоянія, всѣ, за исключеніемъ одного. Когда я впервые замѣтилъ этого человѣка, онъ шелъ далеко позади своихъ товарищей и ярдахъ въ 100 отъ русскихъ. Я думалъ, что бѣдняга раненъ, и продолжалъ слѣдить за нимъ въ бинокль, ожидая каждый мигъ что онъ свалится. Вдругъ онъ дѣйствительно легъ, но не какъ раненый, а какъ необыкновенно живой застрѣльщикъ, за небольшой покрытый травою пригорокъ, между двухъ полей, служившій ему нѣкоторымъ прикрытіемъ. Отсюда онъ открылъ огонь, весело задирая сотню русскихъ на разстояніи 200 ярдовъ. Минуту или двѣ спустя онъ снова всталъ и, подъ градомъ пуль, взметавшихъ столбы пыли вокругъ него, спокойно прошелъ въ маленькій засаженный растеніями участокъ еще ярдовъ на 100 дальше, гдѣ я его и потерялъ изъ виду. Никто не былъ раненъ, или, во всякомъ случаѣ, никто не палъ во время этой перестрѣлки.

Когда все это кончилось, японскія орудія открыли

огонь по кряжу, на разстояніи 1500 ярдовъ, но стрѣляли очень плохо.

Ни одинъ сколько нибудь опытный солдатъ не ждетъ отъ стрѣльбы на полѣ сраженія даже и малой доли той мѣткости, которая проявляется при учебной стрѣльбѣ въ цѣль. Въ 1879 г. 92-й полкъ были самыми лучшими стрѣлками въ Индіи, а мнѣ все-же случалось видѣть, какъ 500 человѣкъ изъ нихъ дали каждый три или четыре выстрѣла по одному мародеру-афганцу, медленно карабкавшемуся вверхъ по крутой горѣ, на разстояніи 400 ярдовъ, и благополучно скрывшемуся. Тѣмъ не менѣе, я долженъ откровенно признаться, что никогда не видѣлъ болѣе плохой стрѣльбы нежели та, которую показали русскіе, стрѣлявшіе по японскому патрулю. Когда наступили сумерки, я вернулся въ Таяо до нѣкоторой степени разочарованный тѣмъ, что не видѣлъ серьезнаго боя. Я боюсь, что грѣшу любовью къ шуму войны, хотя и не знаю еще, что скажу, когда мнѣ придется отвѣчать за это при послѣднемъ разсчетѣ.



Сраженіе при Шахэ

Видъ на долину р. Тайцзыхэ близъ Уйнюнина (Weining) съ передовыхъ окоповъ у Бенсиху.

XXIX

Изданіе склада „Офицеръ–Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Руднева С.П.Б. Новый пер. 5.

Глава XXVIII.

Блистательный приступъ Окасаки.

Таяо, 11-го октября (28 сент. стар. ст.), 1904.—Грохотъ орудій, ружейные залпы и трескотня раздаются съ первыхъ проблесковъ зари. Получилъ предписаніе, вмѣстѣ съ другими присутствовать на лекціи, которую прочтетъ намъ полковникъ Хагино въ 7 час. у., послѣ чего я долженъ проститься съ моими пріятелями и сопровождать Куроки и штабъ арміи, отправляющихся теперь на поле сраженія. Другимъ аташе предписано быть при штабѣ второй дивизіи.

8 час. у. Высота у Янтайскихъ копей.—Послѣ лекціи, мнѣ удалось уговорить маленькаго Накамура, переводчика, поѣхать со мной сюда, гдѣ я нашелъ штабъ арміи. Куроки сидѣлъ на маленькомъ желтомъ ящикѣ, принадлежащемъ телефонному отдѣленію, конечная станція котораго находится въ десяти ярдахъ отъ него. По другую сторону его находился отрядъ санитаровъ со своими носилками. Начальникъ артиллеріи и начальникъ инженеровъ, начальникъ развѣдывательнаго отдѣленія полковникъ Хагино и адъютантъ капитанъ Санго были погружены въ серьезную бесѣду съ Куроки и, кромѣ меня, въ это время на вершинѣ горы другихъ офицеровъ не было.

Великій человѣкъ поднялся, подалъ мнѣ руку, говоря: „прекрасная погода“; замѣчаніе не изъ блестящихъ, быть можетъ, но весьма интересное именно по самой своей обыденности. Многіе стремились-бы сказать что-

нибудь подходящее къ знаменательному случаю, но у Куроки не видно даже ни малѣйшаго стремленія порисоваться.

Я отвѣтилъ, да, день прекрасный и какъ жаль, что столькимъ бравымъ молодцамъ придется умереть, когда міръ смотритъ такимъ прекраснымъ.

Онъ возразилъ: „умереть въ сраженіи за свое отечество—счастье какъ для русскихъ, такъ и для японцевъ; что-же касается до хорошей погоды, то она послужила хорошей подготовкой къ жизни или смерти, потому что дала имъ возможность немного отдохнуть, лежа въ открытомъ полѣ или въ горахъ всю ночь подъ ружьемъ“.

Затѣмъ онъ произнесъ впервые нѣсколько словъ касательно тактики, обращаясь ко мнѣ. Онъ сказалъ: „наша пѣхота не будетъ еще пока наступать. Непріятель отступилъ только на небольшое разстояніе отъ нашего праваго фланга у Бенсиху, и въ настоящее время дальнѣйшее отступленіе его для меня является нежелательнымъ. Поэтому вторая дивизія и гвардія не должны возбуждать въ немъ опасенія за свои сообщенія преждевременнымъ наступленіемъ, и я далъ время нашей Четвертой арміи вполнѣ развернуться на нашемъ лѣвомъ флангѣ, прежде чѣмъ мы двинемся впередъ. Непріятель сдѣлалъ серьезную попытку обойти нашъ правый флангъ, и теперь, когда его наступленіе пріостановлено, маркизу Ойяма можетъ быть удастся въ свою очередь обойти *его правый* флангъ. Теперь, когда я такъ много высказалъ, вамъ, какъ генералу, будетъ достаточно направлять вашъ бинокль на западъ, и вы будете въ состояніи опредѣлить такъ-же хорошо, какъ и я, когда намъ нужно будетъ двинуться впередъ. Какъ часто стрѣляетъ артиллерія, мнѣ надо внимательнѣе за нею слѣдить“.

Тутъ Куроки снова усѣлся на свой желтый ящикъ, и оставался совершенно спокойнымъ, кромѣ тѣхъ минутъ, когда получались телефонныя извѣщенія или являлись ординарцы, или когда Хагино, съ картой въ рукѣ совѣщался съ нимъ; при этомъ всѣ перечисленные офицеры усаживались на корточкахъ, по индѣйски, въ кружокъ, а я смотрѣлъ въ другую сторону, чтобы не мѣшать имъ секретничать.

Теперь уже 8 час. 25 м., и сила канонады поражаетъ меня даже послѣ того, что я испыталъ при горѣ Манжу. Японскія батареи занимаютъ тѣ-же позиціи, что вчера, всѣ, за исключеніемъ одной, которая подвинулась впередъ ночью на 1000 ярдовъ и окопалась такъ глубоко, что ей не грозитъ опасность. Цѣлыя серіи залпомъ пущенныхъ снарядовъ разрываются какъ разъ надъ этими орудіями; красивое и странное зрѣлище. Такъ много дикаго шума, и ничего кромѣ внезапнаго появленія въ воздухѣ надъ японской батареей маленькаго бѣлаго шарика, въ родѣ тѣхъ мыльныхъ пузырей, наполненныхъ табачнымъ дымомъ, которые въ дѣтствѣ выдувалъ мнѣ добрый дядюшка. Затѣмъ еще семь шаровъ въ одинъ рядъ съ первымъ, и такъ это все и продолжается. Японская артиллерія сдерживается въ значительной степени, но когда она открываетъ огонь, то орудія ея направляются на г. Санченцушань (Санжошисанъ) и на холмы, расположенные непосредственно къ югу отъ него, и мѣтко стрѣляютъ по гребнямъ, которые густо усѣяны русскими. Бумъ! и затѣмъ долгое жужжаніе въ воздухѣ снаряда, летящаго къ своей цѣли, пока наконецъ, маленькое бѣленькое облачко не опустится на вершину далекой горы.

Все еще слишкомъ туманно для того, чтобы хорошенько видѣть происходящее на равнинѣ.

9 ч. 15 м. у. Туманъ разсѣялся. Я вижу около бри-

гады русской артиллеріи у подошвы длиннаго отрога, идущаго въ сѣверно-западномъ направленіи отъ г. Санченцушань, а другая батарея стрѣляетъ съ сѣверо-востока съ Лѣсистой сопки (Тераямы). Собственно говоря, орудій я не вижу, но только огонь ихъ выстрѣловъ. Но вотъ великолѣпное, душу вдохновляющее зрѣлище! Вотъ, наконецъ, идетъ пѣхота. *Ave, Caesar, morituri te salutant!* *) Два длинныхъ ряда пѣхоты, ружья на плечо, сверкая штыками, идутъ плечо къ плечу, какъ будто на ученьи въ Петербургѣ, а не черезъ долину Сяотаку (Шотатсуко); отсюда они переходятъ въ расположенные внизу поля, въ трехъ съ половиною миляхъ разстоянія отъ нашей передовой линіи, и окончательно скрываются изъ глазъ. Барабаны, конечно, бьютъ, знамена развѣваются, и каждый человѣкъ въ этомъ могучемъ строю чувствуетъ себя настоящимъ героемъ, но счастье, что ряды эти все еще немного далеко для недальнобойныхъ японскихъ орудій, и что орудія эти уже почти одолѣла русская артиллерія. Русскіе, кажется, серьезно перешли въ наступленіе, и если это такъ, то намъ предстоитъ дѣйствительно кровавый бой и 11-ое октября (28 сен. ст. ст.) навсегда сдѣлается знаменитымъ. У нападающихъ имѣется одно большое преимущество въ томъ, что артиллерійскій бой ими выигранъ. Японскіе канониры теперь, въ 10 ч. 15 м., не смѣютъ показать носа. Ахъ, если-бы кто либо изъ нашихъ правящихъ сферъ могъ видѣть то, что вижу я! Наши орудія почти совершенно одинаковы съ японскими, а теперь ясно, очевидно, прямо въ глаза бросается, что они не могутъ соперничать въ открытомъ полѣ съ русскими **).

10 час. 20 м. Мнѣ только что сообщили, что дѣла

*) Здравствуй, Цезарь, идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя!

**) Британская армія снабжена орудіями новаго образца, послѣ того какъ это было написано.

находятся все въ томъ-же критическомъ положеніи у Бенсиху, какъ на передовой линіи двѣнадцатой дивизіи, такъ и на правомъ флангѣ бригады Умезава. Теперь уже и не помышляютъ о наступленіи двѣнадцатой дивизіи, какъ это сначала предполагалось, на правый флангъ Штакельберга у Бенсиху. Другія не менѣе сильныя части русскихъ войскъ угрожаютъ проходамъ Тумыньцзылину и Далину, и двѣнадцатая дивизія далека отъ мысли о нападеніи и только надѣется, что ей при большихъ усиліяхъ удастся помѣшать непріятелю пробраться между Бенсиху и Янтайскими угольными копями (карта XXXIV и карта XXXIII).

Положеніе Штакельберга въ шесть разъ лучше положенія защитниковъ крайняго праваго фланга японцевъ. Въ теченіе дня и вечера 9-го (26 сент. стар. ст.) онъ захватилъ двѣ высокихъ горы Лаутхалазу (Мингшанъ) и Сишань (Шишанъ), съ которыхъ были видны и до нѣкоторой степени, могли обстрѣливаться японскія укрѣпленія передъ Бенсиху (черт. XXX).

Вмѣсто того, чтобы немедленно продолжать наступленіе и подъ покровомъ наступающей темноты воспользоваться захваченными высотами, какъ исходными пунктами, и сломить дальнѣйшее сопротивленіе японцевъ, Штакельбергъ почилъ на лаврахъ. Тогда случились два событія.

Въ эту ночь три баталіона и одна горная батарея двѣнадцатой дивизіи подъ командой Шимамуры, одного изъ лучшихъ военачальниковъ арміи, вступили въ Бенсиху и подняли духъ его защитниковъ. Это подкрѣпленіе на столько ободрило ихъ сердца, что было благородно рѣшено отпустить оба баталіона Умезавы обратно къ ихъ командиру къ Далину, гдѣ въ нихъ очень нуждались, а Шимамура съ 3000 человѣкъ остался, противъ 15.000 Штакельберга.

Второе событіе произошло вчера въ 11 ч. утра; до этого часа Штакельбергъ все выжидалъ, когда туманъ начнетъ разсѣиваться. Шимамура-же, наоборотъ, считалъ, что туманъ какъ разъ очень годится ему для того, чтобы скрыть приготовленіе къ отважному предпріятію, и, какъ только туманъ сталъ подниматься, онъ уже былъ готовъ и, устремивъ 500 человѣкъ храбрыхъ солдатъ на Сишань, отобралъ его отъ неподкрѣпленнаго гарнизона, прежде нежели непріятельскія войска успѣли двинуться. Этотъ блестящій подвигъ былъ совершенъ въ виду обѣихъ армій и, какъ историческій ударъ Роберта Брюса по каскѣ сэра Генри де Богуна, долженъ былъ оказать громадное вліяніе на событія этого дня. Прежде нежели арміи вступаютъ въ смертный бой, души ихъ борятся другъ съ другомъ духовно и тысячи умовъ, напряженныхъ до почти сверхчеловѣческой проницательности, ищутъ какого нибудь знаменія и рѣдко ищутъ его тщетно, потому что эти знаменія естественно осуществляются.

Когда Сишань, былъ взятъ, тогда, только тогда великанъ зашевелился и медлительныя колонны Штакельберга развернутымъ строемъ начали свою сильную атаку. Бой тамъ все еще продолжается, но въ главной квартирѣ чувствуютъ себя какъ-то увѣреннѣе съ тѣхъ поръ, какъ Шимамура отбилъ Сишань, потому что то, что захватитъ этотъ военачальникъ онъ ужъ не легко выпуститъ изъ рукъ.

Другимъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ является то, что Рененкампфъ, переправившись черезъ Тайцзыхэ у Уйнюнина, не двинулся на Тхауанъ, гдѣ онъ почти безнаказанно могъ нанести сильный ударъ Первой арміи, а повернулъ назадъ къ сѣверу чтобы атаковать или угрожать Бенсиху съ юга. Между Бенсиху и нашими угольными копями русскіе все еще стоятъ въ нерѣши-

тельности передъ Умезавой и передъ двѣнадцатой дивизіей у проходовъ Тумыньцзылинъ и Далинъ.

Силы ихъ значительно превосходнѣе, и если-бы они перешли въ наступленіе тотчасъ по занятіи позицій, то генералъ Инуйэ, командующій двѣнадцатой дивизіей, никогда-бы не осмѣлился отрядить Шимамуру для усиленія Бенсиху.

Легко продолжить это разсужденіе дальше. Если-бы русскіе, угрожающіе теперь нашимъ главнымъ силамъ, стремительно бросились въ атаку 8-го числа сего мѣсяца, (25 сент. ст, ст.) то Куроки никогда не осмѣлился-бы отправить свою двѣнадцатую дивизію на востокъ на помощь Умезавѣ, который тогда долженъ былъ неминуемо погибнуть.

Оказывается, что согласно нашему собственному приказу, отданному въ 10 ч. вчера вечеромъ, мы должны были бы быть на милю или на двѣ далѣе той линіи, вдоль которой я теперь вижу русскихъ, въ окопахъ. Дѣйствительно, въ настоящее время гвардія, находящаяся на востокъ отъ горы Ташанъ, должна была-бы уже пробиться за Шанлюхедзы (Камиріуку), а вторая дивизія, то есть, бригада Матсунага на правомъ и бригада Окасаки на лѣвомъ флангѣ, должны были бы прочно укрѣпиться на высотѣ къ сѣверу отъ Сяотаку. Но мы все еще занимаемъ почти ту-же позицію, что и вчера. Въ дѣйствительности, мы поджидаемъ Четвертую армію, находящуюся на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Въ приказѣ Ойямы по Манчжурской арміи, отданномъ вчера вечеромъ, какъ мнѣ сказали, настойчиво предписывается Четвертой арміи повернуть вправо, чтобы оттѣснить непріятеля отъ главной дороги Ляоянъ — Мукденъ въ горы. Я полагаю, однако, что имѣется и другая причина, помимо запозданія Четвертой арміи, объясняющая тотъ фактъ, что я до сихъ поръ торчу на

холмѣ угольныхъ копей, когда мнѣ слѣдовало бы быть на пять миль сѣвернѣе его, и эта причина кроется въ силѣ и дѣйствительности стрѣльбы русской артиллеріи.

Пока я узнавалъ эти подробности и заносилъ ихъ на бумагу, явился офицеръ изъ главной квартиры второй дивизіи, находящейся совсѣмъ близко на другомъ холмѣ, доложить, что Окасаки очень стремится двинуться къ Лѣсистой сопкѣ, но не можетъ получить никакихъ свѣдѣній о Четвертой арміи, расположенной слѣва отъ него, такъ что я, можетъ быть, былъ и не правъ, написавъ сейчасъ, что причина нерѣшительности японцевъ кроется въ русской артиллеріи. Окасаки находится въ низкихъ холмахъ въ двухъ съ половиною миляхъ къ сѣверо-западу отъ насъ. Ему послано предписаніе, черезъ его начальника дивизіи, гласящее, что генералъ Куроки не можетъ сообщить ему ничего новаго, но пусть онъ ясно пойметъ, что ему рѣшительно запрещается подвергать себя какому-бы то ни было риску, пока онъ не прійдетъ въ соприкосновеніе съ Четвертой арміей. Если нѣтъ какой либо очень грубой ошибки во всѣхъ японскихъ разсчетахъ, то правое крыло Четвертой арміи должно быть въ пяти миляхъ отъ насъ.

Наша позиція и условія мѣстности къ западу отъ насъ идеальны для свѣтовой сигнализаціи. Что можетъ быть лучше равнины, усѣянной тамъ и сямъ природными сигнальными станціями въ видѣ разбросанныхъ холмовъ. Солнце также свѣтитъ великолѣпно, словомъ мы должны-бы быть въ тѣсномъ сношеніи не только съ нашими собственными командирами и съ Нодзу, командующимъ Четвертой арміею, но и съ Оку, командующимъ Второй арміей, и съ маршаломъ Ойямой и главной квартирой Манчжурской арміи. Но мы не знаемъ ничего о томъ, что происходитъ за предѣлами бригады Матсу-

наги на Ташанѣ, на нашемъ правомъ флангѣ и бригады Окасаки на лѣвомъ флангѣ *).

11 ч. утра.—Самымъ худшимъ при записываніи на полѣ сраженія является вызываемая этимъ необходимость постоянно самому себѣ противорѣчить. Мнѣ только что сообщили, что изъ гвардейской дивизіи получено часъ тому назадъ, а именно въ 9 ч. 40 м., телефонное сообщеніе о томъ, что первая гвардейская бригада Изаки завладѣла ночью, безъ боя, холмомъ 242, а вторая бригада Ватанабэ на зарѣ устроила ложементъ на южной части холма 238 (карта XXXIII). Взятіе холма 238 совершилось послѣ жаркаго боя, хотя въ штыки не ходили. а былъ только ружейный огонь. Силуэты русскихъ обрисовались на гребнѣ, какъ только занялась заря, но японцы, которые подобрались близко, оставались незамѣтными въ темной долинѣ, такъ что ихъ положеніе было вдвое лучше. Занимая позиціи ночью, японцы все болѣе и болѣе склоняются къ тому, чтобы жертвуя обстрѣломъ, заставить непріятеля пройти черезъ гребнь при переходѣ въ наступленіе. Конечно съ наступленіемъ дня снова занимаются вершины кряжа. Мы пришли къ подобному-же заключенію въ западномъ Трансваалѣ къ концу южно-африканской войны **).

Генералъ-маіоръ Асада, который изъ бригаднаго командира произведенъ теперь въ командующаго гвардейской дивизіей вмѣсто Хасегавы, назначеннаго главнокомандующимъ въ Кореѣ, добавляетъ, что онъ не мо-

*) Въ Германіи есть школа, отрицательно относящаяся къ сигнализаціи, какъ умаляющей чувство довѣрія къ себѣ у командующихъ. Но въ данномъ случаѣ, безспорно, командующіе очень стремились войти въ сношеніе другъ съ другомъ.

**) Послѣ я слышалъ отъ полковника Юма, что, отдавая приказъ объ атакѣ, генералъ Ватанабэ, не имѣя времени сдѣлать отличительныя знаки, далъ слѣдующую общую инструкцію баталіоннымъ командирамъ: „Японцы маленькаго роста, иностранцы высокаго. Въ бригадѣ сегодня нѣтъ иностранныхъ аташе, поэтому со всякимъ встрѣчнымъ высокаго роста обращайтесь, какъ съ врагомъ“.

жетъ полностью выполнить предписаннаго ему, ни атаковать непріятеля на сѣверной сторонѣ долины Шанлюхедзы—Бацзяцза (Хакаши), пока его артиллерія не прійдетъ къ нему на помощь. Тогда же я слышалъ, какъ одинъ офицеръ сказалъ, но не мнѣ, что со стороны нашей артиллеріи очень скверно не проявлять всей своей силы теперь, когда наша пѣхота наступаетъ. Но бѣдныя старыя японскія батареи просто заглушены. Возлюбленныя пушки не могутъ рта открыть. Вотъ примѣръ самаго слабаго мѣста японцевъ — сравнительно плохое состояніе ихъ артиллеріи.

Вскорѣ послѣ одиннадцати часовъ было получено сенсаціонное извѣстіе (на сколько я могъ замѣтить по выраженію лицъ штабныхъ офицеровъ), смыслъ котораго я не вполнѣ ясно уловилъ. Изъ разговоровъ адъютантовъ выходитъ, будто непріятель готовится къ отступленію. Но не смотря на очень сильный огонь, особенно въ горахъ съ восточной стороны, пока нѣтъ ничего похожаго на общее наступленіе со стороны японцевъ.

12 ч. 15 м.—Только что выпилъ вторую чашку чаю изъ красной японскаго лака чашки. Движенія русскихъ по близости Сяотаку и Лѣсистой сопки за послѣднее время имѣли странно нерѣшительный видъ. Колонны, составленныя изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, то направляются на востокъ, затѣмъ возвращаются вспять и идутъ на сѣверо-западъ; двѣ бригады бродятъ къ сѣверу отъ Лѣсистой сопки, а еще бригада идетъ отъ Шанлюхедзы на югъ къ Санченцушаню. Жестокій орудійный и ружейный огонь продолжается неослабно, и русскіе продолжаютъ крѣпко держать Санченцушань на нашемъ правомъ и Лѣсистую сопку на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Ни у одной изъ сторонъ нѣтъ теперь войскъ на равнинѣ, простирающейся непосредственно къ сѣверу отъ угольныхъ копей. Японцы надѣются, что, можетъ быть,

русскіе соблазнятся занять это пустое пространство, и тогда они будутъ окружены и быстро уничтожены, но я сомнѣваюсь, что они будутъ настолько сговорчивы.

1 ч. 30 м. дня.—Я былъ свидѣтелемъ сцены, которую, пока живъ, не забуду. Въ теченіе послѣдняго часа Матсунага дѣлалъ рьяныя усилія, чтобы достигнуть Санченцушаня, и его храбрая пѣхота неслась, какъ стая гончихъ, то со всѣхъ ногъ, то сильно задерживаемая, черезъ холмы между Ташаномъ и цѣлью ея стремленій. Съ моего холма мнѣ не видно, что просходитъ на восточномъ склонѣ этихъ кряжей, но люди, двигающіеся по западнымъ склонамъ, и всѣ ихъ дѣйствія совершенно отчетливо и ясно выступаютъ на скалистомъ фонѣ (черт. XXIV).

Только два кряжа отдѣляло японцевъ отъ Санченцушаня, но дальше этого пункта они, повидимому, не имѣли никакой возможности продвинуться. Незадолго до полудня Матсунага подкрѣпилъ свое лѣвое крыло резервомъ изъ бригады, стоявшей въ селеніи Чіенли (Кенто), и тогда, наконецъ, онъ повидимому пріобрѣлъ силу оттѣснить непріятеля немного дальше. На послѣдней округлой вершинѣ на юго-западъ отъ Санченцушаня и на одномъ изъ отроговъ, простирающемся на юго-западъ отъ главной горы, находилось около двухъ баталіоновъ русскихъ, а по близости въ лѣсу былъ расположенъ еще резервъ. Огонь этихъ-то баталіоновъ и задерживалъ дальнѣйшее наступленіе Матсунаги. Но вотъ, самымъ драматичнымъ образомъ, какой только можно себѣ представить, японцы готовились сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ. Какъ разъ на самой вершинѣ круглой сопки (названной Штыковой сопкой, черт. XXIV) находился аванпостъ изъ пятидесяти или шестидесяти русскихъ, засѣвшихъ въ окопъ. Они были заняты жаркой перестрѣлкой съ войсками Мутсунаги на южномъ про-

долженіи того-же кряжа на разстояніи 200—300 ярдовъ.

Вдругъ я замѣтилъ отрядъ японцевъ, человѣкъ въ двадцать пять, стремительно бросившійся впередъ, перебѣгая отъ прикрытія къ прикрытію, на манеръ искусныхъ охотниковъ-туземцевъ въ Индіи, двигавшійся вдоль, на мой взглядъ, совсѣмъ открытыхъ южныхъ склоновъ вершины, на которой укрѣпился непріятель. Командовавшій русскими сдѣлалъ роковую ошибку, не выставивъ нѣсколькихъ людей для прикрытія праваго фланга. У подошвы вершины были неровности почвы, которыя могли составить хорошее прикрытіе, оттуда небольшой отрядъ могъ обстрѣливать мѣстность вдоль и помѣшать тому обходному движенію, которое теперь сдѣлали японцы. Эти послѣдніе, сильно рискуя, шли прямо вокругъ и кверху, пока наконецъ не появились внезапно въ пятидесяти ярдахъ отъ русскихъ, и какъ разъ съ тылу. Командовавшій русскимъ отрядомъ обнажилъ саблю. Онъ и всѣ его люди покинули укрѣпленіе и бросились въ штыки, а отрядъ японцевъ бросился имъ на встрѣчу. Тогда, точно въ схваткѣ при игрѣ въ футболъ, если-бы не сверканіе стали, маленькая толпа храбрыхъ и отчаянныхъ бойцовъ медленно двигалась къ сѣверному склону вершины, оставляя позади себя рядъ распростертыхъ, недвижимыхъ фигуръ. Русскихъ было больше числомъ, но къ японцамъ подоспѣла подмога, а къ ихъ противникамъ, ужъ не знаю почему, не явилось никакой. Главный фронтъ Матцунаги бросился въ атаку съ юга, и скоро отъ недавнихъ защитниковъ сопки осталось только горсточка несчастныхъ людей, съ трудомъ бѣжавшихъ въ своихъ длинныхъ шинеляхъ по открытому полю. Они бѣжали по направленію къ сѣверо-западу, при чемъ число ихъ все уменьшалось и уменьшалась подъ огнемъ многочисленныхъ ружей, которыя свободно уничтожали оставшихся въ живыхъ, а я смот-

рѣлъ, пораженный ужасомъ и въ то-же время завороженный трагичностью такого зрѣлища.

Быть можетъ это слишкомъ небольшое событіе для того, чтобы заносить его такъ подробно во время большой битвы. Но и маленькія вещи имѣютъ столько-же значенія, сколько и большія. Всякій безпристрастный солдатъ, видя то, что я видѣлъ, былъ-бы пораженъ натянутостью, какъ на парадѣ, и непоколебимой неподвижностью русскихъ, которыя обрекали ихъ на то, чтобы быть пассивными зрителями грозящаго имъ окруженія и уничтоженія, вслѣдствіе быстрой, какъ молнія, иниціативы каждаго отдѣльнаго японскаго солдата. Далѣе, какъ ни незначительно было это дѣло, оно могло-бы напомнить латинскую поговорку, и всякій могъ-бы задуматься надъ тѣмъ, является-ли это только случайнымъ примѣромъ, или-же это такой случай, когда можно сказать ex pede Herculem *).

2 ч. дня. Кажется, завладѣвъ „Штыковой сопкой“. люди Матсунаги сами себя заперли. Они, повидимому, находятся подъ очень жаркимъ огнемъ съ главной вершинѣ Санченцушаня и съ промежуточнаго пространства, и заняты устройствомъ для себя укрѣпленій, какъ разъ позади гребня, взятаго ими кряжа. Матсунага прислалъ сказать, что ему приходится страшно трудно, но его войска должны теперь находиться въ одной милѣ отъ русской артиллеріи, стоящей у подножья отрога, идущаго на сѣверо-западъ отъ Санченцушаня, поэтому и эта послѣдняя должна сама находиться въ затруднительномъ положеніи. Я только что сейчасъ услышалъ, что въ 1 ч. 7 м. было получено извѣстіе отъ гвардейской дивизіи, сообщающее, что непріятель слишкомъ силенъ, и что продвинуться дальше холма 238 совер-

*) „Узнаемъ Геркулеса по его ногамъ“, то есть по частности судимъ о цѣломъ.

шенно невозможно. Теперь я вижу русскій отрядъ, пытающійся пробраться къ югу вдоль западныхъ склоновъ Санченцушаня. Онъ вошелъ въ оврагъ, образующій глубокій, желтаго цвѣта шрамъ на полупути по склону горы, и тамъ, кажется, и застрялъ. Въ эту минуту я услышалъ возгласъ Куроки: „Я долженъ настоятельно требовать болѣе ясныхъ свѣдѣній о нашихъ войскахъ и о войскахъ непріятеля“.

2 ч. 40 м. дня.—За Сяотаку большія колонны русскихъ идутъ по направленію къ востоку. Онѣ кажутся въ нѣкоторомъ смятеніи, и штабные увѣряютъ, что могутъ различить отдѣльныя орудія, двигающіяся вмѣстѣ съ ними, что является очень хорошимъ признакомъ, если только это правда; я не могу ихъ разглядѣть. Лѣса и селенія горятъ. Повидимому все хорошо.

3 ч. дня.—Русскіе, вмѣсто того чтобы отступить, вышли изъ горящихъ лѣсовъ за Сяотаку двумя растянутыми линіями на разстояніи 400 ярдовъ одна отъ другой. Позади ихъ имѣется еще рядъ ротныхъ колоннъ. Серьезный бой идетъ на западѣ у Второй и Четвертой армій.

3 ч. 15 м. дня.—Принято важное рѣшеніе. Окасаки дано позволеніе атаковать Лѣсистую сопку. Когда въ продолженіе одного часа Куроки услышалъ отъ Асады, командующаго гвардейской дивизіей, и отъ Матсунаги, командующаго третьей бригадой второй дивизіи, что они дошли до послѣдняго истощенія, у него должно было сдѣлаться тяжело на душѣ при мысли о томъ, что на восточной сторонѣ битвы у Тумыньцзылина, Далина, и Бенсиху положеніе было очень мрачное, и что всѣ его надежды на облегченіе праваго фланга, принужденнаго бороться съ болѣе превосходными силами непріятеля, путемъ контръ-атаки на центръ—рушились. Оставался только крайній лѣвый флангъ, на которомъ Ока-

саки, храбрый и надежный генералъ, способный выручить въ трудную минуту, могъ-бы совершить какой нибудь подвигъ, и смутить и устрашить душу русскаго командующаго войсками. Правда, планъ Ойямы состоялъ въ томъ, чтобы манчжурская армія двинулась впередъ, сдѣлавъ поворотъ вправо, и для исполненія этого плана Четвертая армія должна была положить начало взятіемъ д. Танхайши и Двурогой сопки ранѣе, чѣмъ Окасаки двинется впередъ. Но намѣренія генералиссимуса должны иногда уступать настоятельной необходимости командующаго арміей, а такъ какъ отъ Нодзу*) не было извѣстій, а день уже клонился къ вечеру, то Куроки рѣшилъ,—съ какой мучительной тревогой въ душѣ, того никому знать не дано,—развязать руки своему великому воину.

3 ч. 40 м. дня. Русская артиллерія, стоявшая у подошвы отрога, идущаго къ сѣверо-западу отъ Санченцушаня, покидаетъ позицію, увозя по одному орудію. Стоя подъ сильнымъ перекрестнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, она, должно быть, понесла значительный уронъ, держась такъ долго **). Одна колонна русскихъ, безъ сомнѣнія, отступаетъ черезъ высокій холмъ, находящійся нѣсколько къ сѣверо-западу отъ Сяотаку ***) по той-же дорогѣ, по которой она вчера шла впередъ.

3 ч. 45 м. дня. Бригада Окасаки начала двигаться по направленію къ Лѣсистой сопкѣ. Для атаки это мѣсто почти также неудобно, какъ бурская позиція на Дурнкопѣ у Іоганнисберга. Смотря по направленію къ сѣверу отъ угольныхъ копей, я вижу передъ собой

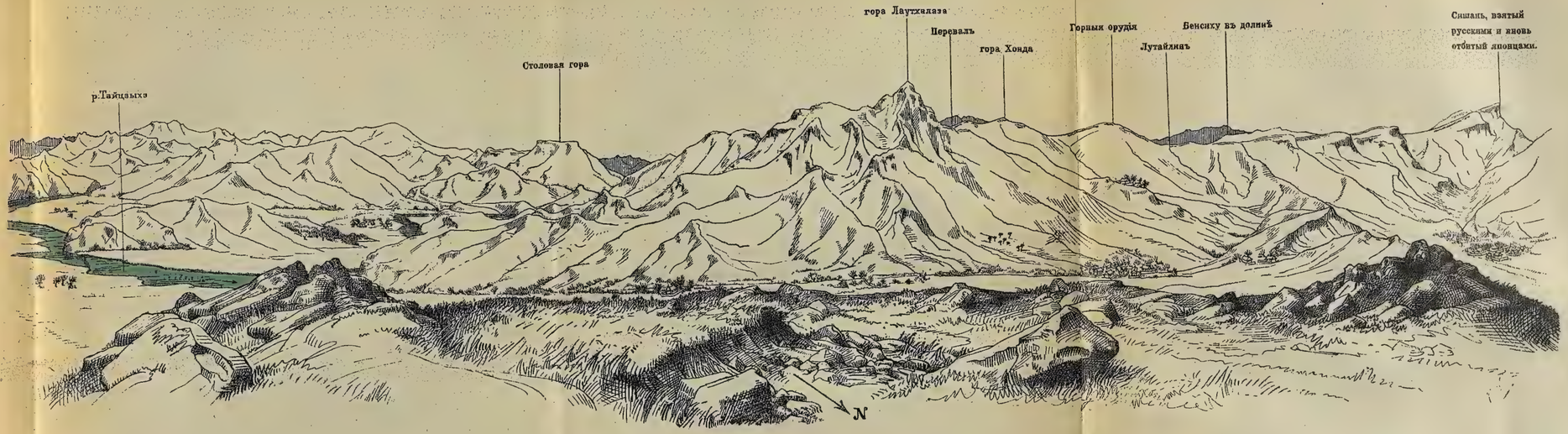
*) Командующій четвертой арміей.

**) Позже я осмотрѣлъ ея позицію и сомнѣваюсь, чтобы потери были очень серьезны, хотя у нея и было убито восемь или десять лошадей. Орудія стрѣляли какъ разъ изъ за гребня, и большинство японскихъ снарядовъ пролетало надъ ними.

***) Впослѣдствіе названное Окасакияма.

гладкую, какъ ладонь, равнину, повидимому открытое, плоское, вспаханное поле, не перерѣзанное ничѣмъ, кромѣ маленькаго каменистаго холма (гора Иши) въ 2000 ярдовъ разстоянія. Смотря дальше впередъ за этотъ каменистый холмъ, видишь все продолженіе той-же плоской равнины на протяженіи 2500 ярдовъ до самой Лѣсистой сопки, хотя, присматриваясь пристальнѣе, замѣчаешь, что приблизительно въ двухъ третяхъ пути по открытому полю стоитъ особнякомъ селеніе Утіасъ (Кокаши), огороды и дома котораго могутъ служить нѣкоторымъ прикрытіемъ для атакующихъ, идущихъ съ юга. Самый холмъ поднимается меньше, чѣмъ на 100 футовъ надъ уровнемъ равнины и длиною около 500 ярдовъ, считая по направленію отъ сѣвера на югъ. Онъ, повидимому, оканчивается узкой вершиной, приблизительно въ центрѣ которой стоитъ зданіе Кумирни. Низкая гряда, слегка возвышающаяся надъ равниной, соединяетъ Лѣсистую сопку съ горами, расположенными съ сѣверной стороны долины Санцзяцзы, и полными русскими. Какъ разъ на югъ и западъ отъ холма находится углубленная дорога, въ которой русскіе войска пропадали у меня изъ глазъ и повидимому занимали оборонительную позицію. Дѣйствительно, я и теперь ясно вижу какъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ они показываются по поясъ, не смотря на пролетающіе надъ ихъ головами по направленію Лѣсистой сопки японскіе снаряды.

Естественное прикрытіе въ такомъ родѣ, какъ эта углубленная дорога, гораздо лучше всякихъ импровизированныхъ окоповъ, уже потому, что тутъ нѣтъ свѣжо вырытой земли, могущей открыть ихъ присутствіе непріятельской артиллеріи. Но русскіе совершенно пренебрегли этимъ преимуществомъ, не только показавшись при вступленіи на эту углубленную дорогу, что,



Видъ японской позиціи близъ Бенсиху съ русской стороны

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д.5.

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

можетъ быть, было неизбѣжно, но показываясь и теперь. Въ ту самую минуту, какъ я это пишу, японцы уже начинаютъ наводить орудія на нихъ, но, кажется, что даже инстинктъ самосохраненія не способенъ заставить русскаго солдата сознать всю цѣнность умѣнья укрываться.

Главная сила позиціи на Лѣсистой сопкѣ заключается не столько въ самомъ холмѣ, длинная, узкая форма котораго, стрѣлой вытянувшаяся къ югу, не даетъ возможности развить сколько нибудь значительнаго ружейнаго огня по наступающимъ рядамъ японцевъ. Ея сила заключается скорѣе въ совершенно ровномъ гласисѣ въ 500—600 ярдовъ, непрерывно простирающемся до селенія Утіасъ и въ продольномъ огнѣ, который можно открыть по этому гласису съ русскихъ батарей у Танхайши (Двурогой сопки), такъ-же какъ и съ батареи къ сѣверу отъ Санцзяцзы и главнымъ образомъ, пожалуй, въ только что описанной мною углубленной дорогѣ, идущей на сѣверо-западъ и проходящей всего въ нѣсколькихъ ярдахъ мимо южнаго выступа Лѣсистой сопки и прикрывающей всю его западную сторону.

8 час. вечера. *Селеніе Таяо.*—Я не могъ больше писать на полѣ сраженія, такъ какъ не въ состояніи былъ оторвать ни на минуту бинокля отъ самой смѣлой и блистательной атаки, которую мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Говоря это, я вовсе не хочу дать понять, что это была атака болѣе блестящая, чѣмъ атака нашей храброй пѣхоты при Эландслаагте или атака нашими горцами, подъ командой Гордона, Дурнкопа у Іоганнисберга, потому что это было-бы невозможно, но она была болѣе быстрой, а потому производила еще большее впечатлѣніе.

Нація, могущая выставить цѣлую бригаду, то есть

два полка или шесть баталіоновъ, въ которой каждый отдѣльный солдатъ съ жаромъ бросается искать обманчивой славы подъ жерла орудій, въ которой не найдется даже ни одного отсталаго, такая нація должна быть великой и ей нельзя отказать въ превосходствѣ. Но я забѣгаю впередъ. Было около 3 ч. 45 м., когда храбрые японцы оставили прикрытіе и одной длинной линіей двинулись впередъ въ сѣверномъ направленіи. Люди шли почти плечо къ плечу въ одну шеренгу. Подкрѣпленіе слѣдовало на разстояніи 200 ярдовъ, тоже въ одну шеренгу, а позади его шелъ резервъ въ двѣ шеренги. Стрѣльбы не было. Ряды солдатъ шли держа ружья на плечо, съ примкнутыми штыками, твердымъ, мѣрнымъ шагомъ, почти торжественно впередъ. Множество снарядовъ летѣло черезъ селеніе Утіасъ съ Лѣсистой сопки и падало то тамъ, то сямъ на равнину, какъ первыя тяжелыя капли надвигающейся грозы, но Окасаки все таки продолжалъ идти сомкнутымъ строемъ. Эта была милость Божія, что русскіе канониры воздержались отъ шрапнельныхъ залповъ, или выражаясь болѣе матеріально, пожалуй усилія японской артиллеріи привели къ тому, что этотъ страшный дождь былъ предотвращенъ еще на нѣкоторое время. Вдоль всего фронта второй дивизіи канониры въ потѣ лица трудились надъ своей задачей, пока Лѣсистая сопка почти совсѣмъ не скрылась изъ глазъ, окутанная, чернымъ облакомъ дыма отъ сильныхъ разрывныхъ снарядовъ. Непріятельскія батареи къ сѣверо-западу отъ Танхайши и къ сѣверу отъ Санцзяцзы также не были забыты, и такъ жестока и внезапна была атака ихъ артиллерійскимъ огнемъ, что русскіе обратили все свое вниманіе на японскія батареи и не могли уже обратить своего огня противъ пѣхоты, или, во всякомъ случаѣ, этого не сдѣлали.

Теперь я замѣтилъ, что сила огня артиллеріи Куроки увеличилась, и узналъ, что присоединились орудія Четвертой арміи со своей позиціи на низкихъ холмахъ въ двухъ съ половиною миляхъ къ сѣверо-западу отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ. Я не могу сказать, сколько орудій дѣйствовало съ каждой стороны. но, конечно, у японцевъ число ихъ было больше. Не смотря на это превосходство японцевъ въ числѣ, русская артиллерія постепенно снова достигла перевѣса, такъ что огонь, поддерживавшій атаку, опять сдѣлался прерывистымъ и слабымъ, какъ и прежде, успѣвъ, однако, въ значительной степени, послужить своей цѣли. Пѣхота Окасаки достигла Утіаса, не сдѣлавъ сама ни одного выстрѣла и не потерпѣвъ, на сколько я могъ видѣть, никакого урона отъ пуль, поднимавшихъ клубы пыли вокругъ нея, пока она двигалась впередъ. Что касается до русскихъ батарей, то онѣ либо прозѣвали начало атаки, либо были успѣшно отвлечены отъ ихъ настоящей цѣли японской бомбардировкой.

Вскорѣ послѣ четырехъ часовъ бригада Окасаки укрылась въ Утіасѣ и въ другомъ селеніи, въ полумилѣ разстоянія къ востоку отъ него, называющемся западный Санцзяцзы. Тогда поднялся непрерывный раздирающій трещащій звукъ, не особенно громкій, но достаточной силы и густоты, чтобы заставить насъ всѣхъ трепетать отъ волненія. На слухъ штатскаго, звукъ этотъ могъ навести на пріятныя размышленія о жарящейся свининѣ, женщинѣ онъ могъ напомнить кипѣніе воды въ чайникѣ. Но мою кровь онъ возбудилъ, какъ скачка валкирій. Онъ поразилъ меня какъ внезапное рычанье дикаго звѣря, потому что я зналъ, что тысячи ружей открыли непрерывный огонь и боролись на разстояніи 500- 600 ярдовъ за господство своего огня, за то господство, которое, будучи установлено

одной стороной, сдѣлаетъ приступъ возможнымъ, а перейдя къ другой сторонѣ, обратитъ его въ пагубную неудачную попытку. Такіе звуки, какъ эти, доносимые вечернимъ вѣтеркомъ, несли вѣсти о жизни и смерти, болѣе того,—о побѣдѣ или пораженіи,—всѣмъ, кто могъ понять ихъ значеніе.

Въ теченіе долгаго, долгаго времени чувство тревожнаго ожиданія было напряжено до крайней степени. Прошло четверть часа, потомъ еще четверть часа, генеральный штабъ едва могъ выносить дольше подобное состояніе, но Куроки оставался увѣреннымъ и спокойнымъ. Прошло еще десять минутъ. Напряженіе сдѣлалось невыносимымъ. Заходящее солнце бросало свои красноватые косые лучи на Лѣсистую сопку, которая предстала дымящаяся, какъ вулканъ, но, повидимому, безжизненная. Мы могли разглядѣть кумирню и равнину даже яснѣе, чѣмъ въ полдень. „Ахъ!“, сказалъ Куроки, „онъ не можетъ двинуться дальше. Сегодня мы находимся въ очень затруднительномъ положеніи по всей линіи“. Въ его голосѣ не слышалось ни сожалѣнія, ни тѣни огорченія, самое большее что можно сказать это, что въ самыхъ словахъ былъ намекъ на нѣкоторый упадокъ духа.

Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ рѣзкое восклицаніе одного изъ адъютантовъ заставило меня направить мой бинокль еще разъ на пустую равнину, и къ моему крайнему изумленію я увидѣлъ, что она уже болѣе не пуста, а покрыта большой, разбросанной толпой людей, изъ которыхъ каждый во всю прыть бѣжалъ по направленію къ русскимъ. Бригада Окасаки перебѣгала открытое пространство, чтобы попытаться въ послѣднемъ усиліи штурмомъ взять сопку и единственное англійское выраженіе, могущее дать понятіе о быстротѣ атаки, это фраза, употребляемая охотниками въ погонѣ за звѣремъ

„Hell for leather“ *). Пули градомъ падали среди бѣжавшихъ на жизнь или смерть черезъ равнину и желтая пыль, поднимавшаяся отъ ихъ прикосновенія къ пашнѣ, окутывала какъ облакомъ почти до колѣнъ бѣжавшихъ людей. По какому волшебству пули эти почти постоянно попадали на пустыя мѣста и очень рѣдко въ людей, я объяснить не берусь, могу только сказать, что это всегда такъ бываетъ съ пулями плохо стрѣляющей части. На первый взглядъ казалось, что въ этой атакѣ бригадой, несшейся 500—600 ярдовъ открытымъ полемъ, не было ни порядка ни какой-либо системы. Но вдругъ я понялъ, что не простой случай, а искусство такъ равномѣрно распредѣлило пѣшки на шахматной доскѣ. Масса, съ виду такая неправильная и плохо связанная вмѣстѣ, состояла изъ громаднаго числа отдѣленій, полуотдѣленій и отдѣльныхъ группъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно, но очень согласно, при чемъ каждая такая часть образовала маленькую шеренгу и находилась подъ командой офицера или унтеръ-офицера. Строго опредѣленныхъ промежутковъ не было. Я бы сказалъ, что интервалы между людьми были отъ трехъ до десяти шаговъ. Разстояніе въ глубь опредѣлить труднѣе, но съ достовѣрностью можно сказать, что оно въ рѣдкихъ случаяхъ было меньше десяти и больше сорока шаговъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поразительный, внезапный натискъ бригады Окасаки былъ похожъ на бѣгъ дервишей, но съ той большой разницей, что строй не былъ плотнымъ а наоборотъ чрезвычайно гибкимъ и рѣдкимъ, не представляющимъ особенно уязвимой цѣли даже для пулеметовъ. Скорость была удивительная, и стремительный переходъ солдатъ черезъ равнину скорѣе

*) Выраженіе непереводимое, соотвѣтствуетъ нашему „ату его, ату“.

былъ похожъ на кавалерійскую атаку, чѣмъ на движеніе простой пѣхоты. Нѣкоторые говорятъ, что передовые взводы останавливались для стрѣльбы. Я этого не видалъ. На сколько я могъ замѣтить, штурмующая пѣхота пробѣжала 600 ярдовъ безъ малѣйшей остановки, и, когда ея передовыя шеренги достигли углубленной дороги, онѣ безъ всякихъ колебаній устремились туда, прямо на головы притаившейся русской пѣхоты! Въ слѣдующую секунду русскіе и осаждающіе ихъ устремились вверхъ по склонамъ сопки одной смѣшавшейся толпой, при чемъ вся эта масса судорожно работала штыкомъ, пулей и прикладомъ на бѣгу. Сопка была взята. Браво! Браво!! Браво!!!

Все это совершилось такъ мгновенно, что русская артиллерія, стоящая у Танхайши (Двурогой сопки), начала стрѣльбу только, когда послѣдніе японцы очищали равнину и устремлялись на сопку. Батареи къ сѣверу отъ Санцзяцзы стрѣляли, но подъ вліяніемъ возбужденія этого момента ихъ дистанціонныя трубки были поставлены неправильно и снаряды разрывались высоко въ воздухѣ. Онѣ находились, вѣроятно, на разстояніи 4000 ярдовъ, тогда какъ Танхайшинскія батареи не могли быть далѣе 3500 ярдовъ и находились какъ разъ на продолженіи линіи лѣваго фланга нападающихъ. Самое зданіе кумирни держалось около десяти минутъ и затѣмъ было взято атакой въ штыки. Но русскіе, находившіеся на сѣверной части горы, были смѣлые молодцы, рѣшительно отказавшіеся тронуться съ мѣста. Это всегдашняя манера русскихъ. Какъ разъ тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе кажется безнадежнымъ, они начинаютъ биться *à outrance* *). Однако, пока эти удальцы еще

*) Смертнымъ боемъ.

держались на холмѣ все еще оставалась, такъ сказать. открытая дверь, черезъ которую могли проникнуть подкрѣпленія. Два русскихъ батальона думали сдѣлать такую попытку. Они спустились съ горъ, находящихся къ сѣверу, съ грознымъ и смѣлымъ видомъ, но, войдя въ зону огня и будучи встрѣчены градомъ снарядовъ, раздумали и удалились. Но ихъ товарищи, маленькій отрядъ, оставшійся на горѣ, продолжаютъ держаться за послѣдній уголъ холма, и храбро бьются не столько, я думаю, въ надеждѣ выбить японцевъ съ позиціи, сколько въ честь и славу русской арміи и Царя.

Въ 5 ч. 20 м. происходило совѣщаніе Куроки со всѣмъ генеральнымъ штабомъ на счетъ того, какъ продовольствовать войска, стоящія у Бенсиху теперь, когда казаки переправились черезъ Тайцзыхэ и находятся между этими войсками и Тхауаномъ, откуда послѣднія до сихъ поръ получали свои припасы. Вопросъ этотъ, повидимому, считается очень важнымъ и безотлагательнымъ. Въ 5 ч. 30 м. начали приходить со всѣхъ сторонъ настоятельныя просьбы на счетъ боевыхъ припасовъ для орудій и ружей, и по этому предмету происходило серьезное совѣщаніе.

Русскія батареи открыли теперь сильный огонь по бригадѣ Окасаки, на южной сторонѣ Лѣсистой сопки, какъ съ востока, такъ и къ запада.—Я покинулъ копи въ 5 ч. 45 м. вечера.

Такъ окончился день, наполненный такой энергіей и столькими ужасами, что ихъ хватило-бы на половину жизни средней продолжительности. Хотѣлъ бы я знать, какія чувства прикрываетъ безстрастная маска лица Куроки? Какъ ни блестяща побѣда Окасаки, онъ Куроки, быть можетъ, все-же считаетъ это недостаточнымъ, когда раздумаетъ о томъ, что никакихъ другихъ успѣховъ не замѣчается, и что его правый флангъ у Бенсиху все еще находится на краю гибели.

Глава XXIX.

Бой продолжается.

Высота Янтайскихъ угольныхъ копей. 12 октября, (29 сент. стар. ст.) 1904. 8 ч. у. — Снова съ этой-же горы открывается великолѣпная панорама войны подъ звуки того-же оркестра валькирій изъ пушекъ и ручнаго оружія. Но музыка менѣе рѣзка. Бой переносится сѣвернѣе. Японцы владѣютъ Санченцушанемъ и всѣми высотами къ югу отъ долины Санцзяцзы-Маньхуапу *) (Менкахо) и утвердились на Лѣсистой сопкѣ, принадлежащей къ сѣвернымъ высотамъ, и упрочили свое положеніе тѣмъ, что хорошо окопались. Передъ моимъ выѣздомъ изъ Таяо, въ 7 час. утра, полковникъ Хагино сказалъ мнѣ: „Сегодняшній бой будетъ отчаяннымъ, потому что непріятель теперь оттѣсненъ на горныя вершины къ сѣверу отъ долины Санцзяцзы и намъ придется вести нашу атаку съ низменныхъ мѣстъ“. Спѣшу прибавить, что онъ, повидимому, скорѣе находилъ удовольствіе въ такой перепективѣ, нежели страшился ея.

Я нахожусь теперь при штабѣ арміи. Матеріала для записи такая масса, что можно прямо растеряться, а мои пальцы къ тому-же на половину окоченѣли отъ холоднаго, щиплющаго сѣвернаго вѣтра.

Прежде всего мнѣ надо связать сегодняшній день со вчерашнимъ, записавъ то, что я слышалъ о чреватой событіями минувшей ночи. Жестокій бой шелъ по

*) или Маохуопу.

всей линіи, пока я съ удобствомъ спалъ въ Таяо, и результаты въ общемъ получились утѣшительные. Ничто не разубѣдитъ меня, что вчера вечеромъ штабъ арміи не находился въ тревогѣ, почти въ страхѣ. Но, если у нихъ хватило мужества и умѣнья владѣть собою на столько, чтобы скрыть свои чувства отъ случайнаго наблюдателя (къ каковымъ я себя не причисляю), то изданный ими приказъ по арміи еще менѣе былъ разсчитанъ на то, чтобы дать хоть малѣйшій намекъ на сомнѣніе или уныніе. Я разстался съ генеральнымъ штабомъ на этомъ самомъ мѣстѣ вчера въ 5 ч. 30 м вечера. Къ 6 часамъ они уже обсудили положеніе и издали слѣдующія распоряженія, въ которыхъ, я думаю, заключалось гораздо больше увѣренности, чѣмъ сколько ее чувствовалось ими на самомъ дѣлѣ:

1) „Непріятель, повидимому, вездѣ отступаетъ. Отрядъ второй дивизіи долженъ двинуться впередъ въ восточномъ направленіи, чтобы произвести нападеніе вдоль передовой линіи лѣваго фланга двѣнадцатой дивизіи. Японскія силы по направленію Бенсиху еще держатся“.

2) „Я намѣреваюсь сегодня ночью занять позицію къ востоку отъ Туменцзы (Домонши) до высоты къ сѣверу отъ Сяотаку“.

3) „Гвардія и главныя силы второй дивизіи должны продолжать наступленіе и выполнить задачу первой арміи“.

4) „Двѣнадцатой дивизіи и бригадѣ Умезавы предписывается продолжать исполненіе прежнихъ распоряженій“.

5) „Командующій арміей будетъ сегодня ночью находиться въ Таяо“.

Исполненіе этихъ распоряженій должно быть облегчено для пятнадцатой бригады Окасаки на Лѣсистой сопкѣ тѣмъ, что Четвертая армія, слѣва отъ нея, зна-

чительно продвинулась впередъ въ теченіе ночи и захватила Танхайши и Двурогую сопку. Генералъ Нодзу *) тогда не только укрѣпился на занятомъ имъ пространствѣ, но взялъ еще одинъ пунктъ въ двухъ, приблизительно, миляхъ къ сѣверу отъ Лѣсистой сопки и, такимъ образомъ, изъ числа всѣхъ генераловъ Ойямы оказался ближе всѣхъ къ Мукдену. Одинъ изъ адъютантовъ Четвертой арміи явился сюда полчаса тому назадъ и сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ этомъ боѣ. Двурогая сопка съ Танхайши находится въ пяти миляхъ отъ насъ на сѣверо-сѣверо-западъ, и ее очень ясно видно (черт. XXV). Я также хорошо ознакомленъ съ мѣстностью черезъ капитана Жардайна, 5-го уланскаго полка, который сопровождалъ вторую кавалерійскую бригаду въ ея рекогносцировкѣ горы Трехъ большихъ скалъ (переводъ китайскаго названія), 8-го числа этого мѣсяца. Двурогая сопка по величинѣ и формѣ похожа на Лѣсистую сопку, но отличается отъ нея тѣмъ, что стоитъ совершенно отдѣльно на плоской равнинѣ и никакихъ неровностей или возвышеній почвы, о которыхъ стоило-бы упомянуть, нѣтъ на нѣсколько тысячъ ярдовъ вокругъ. Есть, правда, селенія на равнинѣ, но ни одного ближе полу-мили, кромѣ нѣсколькихъ домовъ и окруженныхъ стѣнами участковъ, пріютившихся на восточной сторонѣ самой Двурогой сопки. Гора поднимается совершенно ясно и отчетливо, какъ ледяная гора изъ океана, или, употребляя еще болѣе подходящее сравненіе,—какъ средневѣковой военный корабль, несущійся на парусахъ къ югу по гладкому морю желтоватой пашни. Середина корабля ниже, чѣмъ носъ, а на кормѣ высится высокій шпицъ. Въ центрѣ низкой середины расположены три зданія, очевидно кумирни, окруженныя довольно высокой стѣной.

*) Командующій четвертой арміей.

Я описалъ гору Трехъ большихъ скалъ *) довольно подробно, хотя подвигъ взятія ея принадлежитъ другой арміи, и хотя мнѣ не особенно много извѣстно объ условіяхъ, при которыхъ производилась атака. Я соблазнился отступить отъ своихъ принциповъ вслѣдствіе большого сходства между Лѣсистой сопкой, взятой вчера Окасаки и горой Трехъ большихъ скалъ, взятой десятой дивизіей Четвертой арміи ночной атакой. Оба командира были обязаны взять каждый соотвѣтственную высоту, но Окасаки выбралъ для этого день, а командиръ десятой дивизіи предпочелъ дождаться ночи. Спокойно и безпристрастно разсматривая мѣстность съ того пункта, гдѣ я сижу, я долженъ признаться, что поступилъ-бы такъ-же какъ командиръ десятой дивизіи, и перешелъ-бы эту плоскую равнину, если не ночью, то во всякомъ случаѣ при наступленіи сумерокъ или въ туманной мглѣ на самомъ разсвѣтѣ. Но одинъ изъ высокопоставленныхъ японскихъ офицеровъ считаетъ, что способъ, которымъ оба эти командира разрѣшили поставленную имъ одинаковую задачу, доказываетъ замѣчательную смѣлость Окасаки, которую еще болѣе оттѣнилъ недостатокъ самонадѣянности командира, взявшаго Двурогую сопку.

Все, что я, пока, узналъ насчетъ ночной атаки, это, что она производилась двадцатью-тремя баталіонами, и что шедшіе впереди баталіоны были выстроены въ одну шеренгу, плечо къ плечу, подкрѣпленіе-же шло въ очень близкомъ разстояніи въ колоннахъ по отдѣленіямъ **).

*) Двурогая сопка съ дер. Танхайши восточнѣе ея.

**) Позже выяснилось, что впереди шло шесть баталіоновъ въ одну шеренгу, плечо къ плечу. Восемь баталіоновъ, какъ поддержка, во колоннахъ, шли въ близкомъ разстояніи, но съ интервалами въ пятьдесятъ ярдовъ между баталіонами, девять баталіоновъ общей массой въ качествѣ резерва.

Разстояніе въ глубину между первой линіей и второй было въ пятьдесятъ ярдовъ, и 150 ярдовъ отдѣляло вторую отъ третьей. Армейскій резервъ подъ начальствомъ генерала Нодзу находился въ разстояніи полуторыхъ миль позади западнаго фланга линіи атаки.

Наступленіе началось въ 1 ч. ночи, а въ 3 ч. у. атакующіе были уже въ 150 ярдахъ отъ непріятеля, который тогда открылъ по нимъ ружейный огонь залпами. Японцы не отвѣчали, но продолжали тихонько карабкаться ползкомъ; пули летѣли высоко, какъ это обыкновенно бываетъ ночью, если только не сдѣлано приготовленій въ видѣ протянутой впереди окоповъ веревки, или проволоки, подъ которую должны быть ночью подсунуты стволы ружей. На разстояніи 100 ярдовъ, однако, не было уже возможности удержать японцевъ отъ стрѣльбы. Главная часть Двурогой сопки была взята въ 4 час. 30 м. утра послѣ кроваваго и отчаяннаго боя, но мѣстами русскіе продолжали держаться и защищали селеніе даже уже послѣ того, какъ оно запылало. Дѣйствительно говорятъ, что бой и теперь не кончился, и что кучки безстрашныхъ русскихъ и по сію минуту борются по угламъ среди камней и отказываются отъ всякихъ соблазнительныхъ предложеній сдаться. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія, что гора взята, такъ какъ я ясно могу различить войска Четвертой арміи, облѣпившія ее со всѣхъ сторонъ.

Четвертая армія *) потеряла 1000 человѣкъ въ этой

---

*) Слѣдующія выдержки изъ разговора съ однимъ изъ участниковъ ночной атаки дополняютъ разсказъ: „Двурогая сопка была прозвана нашими солдатами oni no uchi или „чертовъ домъ“, а такъ какъ наша пословица гласитъ, что съ чертомъ плохо ужинать, и такъ какъ домъ его былъ для насъ мѣстомъ незнакомымъ, то мы усердно угощались до 11 ч. вечера“. . . . „Полкъ, занимавшій холмъ, былъ блестящей частью съ славной репутаціей, и выказалъ громадную выдержку, воздерживаясь отъ стрѣльбы, пока мы не подошли совсѣмъ близко. . . . . Это былъ полкъ Александра III. Непріятельскіе трупы показывали, что люди эти только недавно прибыли изъ Европы, потому что кожа у нихъ была совсѣмъ нѣжная и бѣлая, не успѣвшая еще обвѣтриться и загрубѣть отъ тяжестей похода. Они были одѣты въ длинныя шинели совершенно новыя и незапачканныя, а на погонахъ ихъ была корона“. . . „Непріятель все еще держался за каменистыя части холма и за кумирню и продолжалъ все такую-же сильную стрѣльбу, особенно изъ селенія. Генералъ-маіоръ Маруи, командиръ одной изъ бригадъ былъ здѣсь раненъ, а знаменщикъ полка Химеджи—убитъ. Другой офицеръ схватилъ знамя и

атакѣ Двурогой сопки, и Окасаки потерялъ столько же при взятіи Лѣсистой сопки. Но большую часть урона Окасаки, повидимому, потерпѣлъ уже послѣ взятія сопки, и вызванъ онъ былъ огнемъ, открытымъ русской артиллеріей съ востока и запада (что я видѣлъ вчера вечеромъ) по войскамъ, которыя, идя на приступъ, взобрались на вершину и тамъ стояли толпою.

Поэтому, очень трудно, на основаніи понесенныхъ потерь и полученныхъ каждымъ изъ нихъ результатовъ, дѣлать заключеніе о томъ, какой методъ—дневная или ночная атака — оказался наиболѣе успѣшнымъ. Высокопоставленный критикъ, мнѣніе котораго я привелъ, кажется, вполнѣ убѣжденъ, что Окасаки заслуживаетъ по-

---

тоже былъ застрѣленъ. Тогда его взялъ полковникъ Ясумура, полковой командиръ, но въ свою очередь палъ, сраженный пулею, пущенною со стѣны. Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ не осталось никого для командованія, такъ какъ командиръ сосѣдняго полка былъ дальше къ востоку. Тогда тутъ произошелъ довольно интересный инцидентъ. Бригадный адъютантъ встрѣтилъ полкового адъютанта и сталъ съ нимъ обоуждать положеніе. Они согласились, что селеніе должно быть немедленно и во что бы то ни стало взято, такъ какъ продолженіе этой борьбы поведетъ къ громадному увеличенію числа жертвъ. Поэтому они громко крикнули въ темноту: „Есть-ли тутъ кто нибудь, кто рѣшится вскочить въ это селеніе и поджечь его?“ Изъ темноты послышался отвѣтъ: „я, капитанъ Сумида, готовъ взять на себя командованіе отрядомъ; рѣшившимся идти на смерть, кто со мной?“ И около 200 человѣкъ отозвались на его кличъ и отдались въ его распоряженіе. Всѣ шедшіе впереди были застрѣлены или заколоты штыками изъ за стѣны, когда они поднимались къ ней, но другимъ удалось взобраться на нее и поджечь нѣсколько домовъ. Среди этихъ домовъ они нашли раненаго русскаго подполковника, рана его была настолько тяжелая, что онъ едва могъ стоять, когда его подняли на ноги. Ему сказали, что вся дивизія окружаетъ теперь селеніе, что часть его уже взята, а другая въ огнѣ, поэтому ему предлагаютъ отправиться въ тотъ уголъ, гдѣ бой еще продолжается и приказать своимъ людямъ сдаться. Онъ, однако, отказался это сдѣлать, сказавъ: „мнѣ дано приказаніе отстаивать селеніе до конца и поэтому сдаться я не могу!“ Недалеко оттуда японцы захватили унтеръ-офицера и сказали ему тоже самое. Онъ вошелъ въ селеніе и что-то громко сказалъ своимъ людямъ. Въ то-же самое время дома загорѣлись. Вслѣдствіе-ли пожара или вслѣдствіе того, что унтеръ-офицеръ сказалъ своимъ людямъ, но только русскіе прекратили стрѣльбу изъ селенія. Въ 5 ч. у. русскихъ все еще можно было найти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Они сражались храбро, нѣкоторые изъ нихъ укрылись въ подвалахъ кумирни и въ расщелинахъ горъ и даже въ китайскихъ кувшинахъ для воды, и стрѣляли по приближавшимся къ нимъ японскимъ солдатамъ“.

хвалы за то, что онъ взялъ на себя полный рискъ смѣлой атаки среди бѣла дня. Пусть будетъ такъ. Но война игра невѣрная, и мнѣ кажется, что пара пулеметовъ на Лѣсистой сопкѣ и способный, расторопный батарейный командиръ на фланкирующей ее Двурогой сопкѣ, могли-бы измѣнить тотъ приговоръ, который вѣроятно будетъ теперь произнесенъ исторіей, и представили-бы потомству Окасаки, какъ человѣка слишкомъ понадѣявшагося на себя, а осторожность командующаго Четвертой арміи выставили-бы какъ примѣръ, достойный подражанія.

Еще одно замѣчаніе прежде, чѣмъ я разстанусь съ Лѣсистой сопкой. Въ прежнія войны мнѣ, какъ, полагаю, и другимъ командирамъ, имѣющимъ за собой нѣкоторый опытъ, часто случалось жаждать кавалеріи, чтобы пустить ее на непріятеля въ какую нибудь критическую минуту боя. Во все время манчжурской кампаніи такой мысли до сихъ поръ мнѣ еще ни разу не приходило въ голову. Ни та, ни другая пѣхота не можетъ допустить мысли позволить конницѣ тѣснить себя, и для самыхъ малоспособныхъ военныхъ было очевидно, что кавалерія не можетъ имѣть вліянія на бой ни въ какую сторону, кромѣ того какъ спѣшившись и дѣйствуя ружьемъ. Но вчера, когда я видѣлъ какъ люди Окасаки бѣжали черезъ равнину, въ упорядоченномъ безпорядкѣ, сказалъ-бы я, при чемъ энергія и силы каждаго единичнаго человѣка были сосредочены на находившемся впереди непріятелѣ, я въ первый разъ почувствовалъ, что нѣсколько русскихъ эскадроновъ, ловко подведенныхъ на полу-милю разстоянія къ лѣвому флангу атакующихъ японцевъ, могли-бы, при сочетаніи удачи съ умѣлымъ руководительствомъ, нанести бригадѣ Окасаки оглушительный ударъ въ то время, какъ она, напрягая всѣ свои нервы и мускулы, была на полу-пути къ непріятельской пѣхотѣ. Очевидно, что одной храбрости и

натиска было-бы недостаточно для начальника такого рискованнаго предпріятія. Для достиженія успѣха, онъ долженъ быть человѣкомъ, способнымъ сохранить хладнокровіе, при лихорадочно бьющемся пульсѣ отъ выжиданія удобнаго случая, пока не почувствуетъ, что роковая секунда настала, тогда, отбросивъ въ сторону всякую осторожность и разсудительность, обладая большой отвагой и желѣзной волей, увѣренный въ преданности своихъ людей, онъ долженъ броситься со всѣхъ силъ изъ своей засады, не одинъ, а въ сопровожденіи всѣхъ своихъ летящихъ эскадроновъ, какъ пчела-царица, ведущая свой рой. Люди такого типа встрѣчаются рѣдко и это—одна изъ многихъ причинъ, почему удачныя кавалерійскія атаки не были обыденнымъ явленіемъ даже въ тѣ давніе дни, когда орудія и ружья заряжались еще съ дула.

Моимъ единственнымъ оправданіемъ въ этомъ уклоненіи въ туманую область предположеній о томъ, что могло-бы быть, можетъ служить, что весь день вчера было просто больно смотрѣть на массу русскихъ кавалеристовъ въ бездѣйствіи сидѣвшихъ на своихъ сѣдлахъ простыми зрителями, въ то время какъ ихъ пѣхота и артиллерія сражались такъ упорно и такъ хорошо, что даже нѣсколькихъ сотъ спѣшенныхъ кавалеристовъ было-бы достаточно, чтобы на ихъ сторонѣ оказался перевѣсъ.

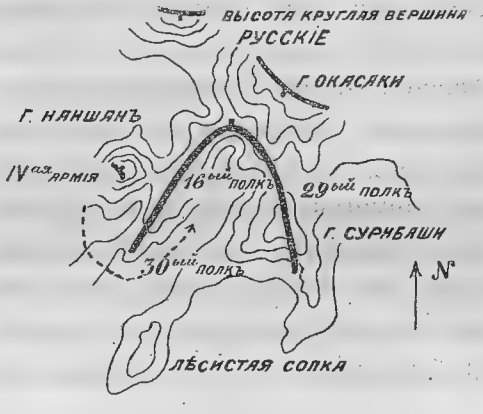
Возвращаюсь къ Окасаки. Этотъ лучшій и наиболѣе живой изъ всѣхъ бригадныхъ командировъ всю ночь былъ занятъ развитіемъ своего вчерашняго вечерняго успѣха. Взятіе Лѣсистой сопки не было вполнѣ закончено до самой полуночи, такъ какъ съ наступленіемъ темноты русскіе произвели двѣ контръ-атаки, легко отбитыя, хотя, если-бы онѣ были произведены въ то время, когда часть гарнизона еще держалась на сѣверномъ

концѣ кряжа, то онѣ могли оказаться чрезвычайно опасными. Было также нѣсколько стычекъ между русскимъ полкомъ, выступившимъ къ западу отъ Санцзяцзы съ наступленіемъ сумерокъ, съ музыкой впереди, и 29-мъ полкомъ второй дивизіи. Этотъ бой тоже окончился около полуночи, будто по обоюдному соглашенію.

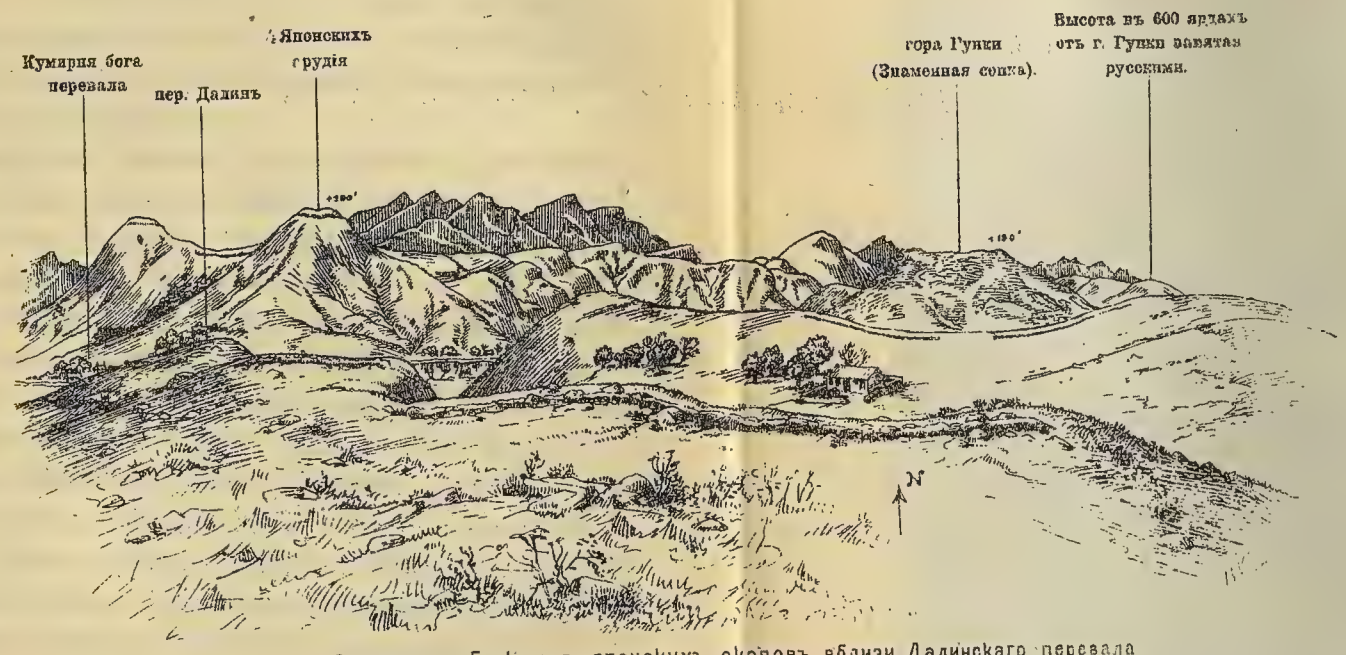
Къ 4 ч. утра бригада Окасаки сосредоточилась въ селеніи Санцзяцзы и отправилась атаковать круглую сопку, названную японцами Сурибачіяма (на картѣ г. Сурибаши) *); въ наименованіяхъ, которыя даютъ японцы различнымъ мѣстамъ, они проявляютъ не больше оригинальности, чѣмъ буры. Войска Окасаки явились какъ разъ во время, чтобы предупредить русскихъ, которые подходили въ темнотѣ съ западной долины; произошла довольно жаркая схватка, въ которой за японцами, какъ владѣвшими гребнемъ осталось преимущество. Тѣмъ временемъ 30-ый полкъ, отряженный для взятія г. Наншана (Нанзана), взялъ ее безъ труда (черт. XXVI). На разсвѣтѣ онъ передалъ свой призъ Четвертой арміи и, повернувъ, пошелъ въ юго-восточномъ направленіи занять позицію въ тылу центра своей собственной бригады **). Самая высокая гора этой группы, къ сѣверу

*) „Холмъ Рисовой Ступы“ названіе, данное также одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи русскихъ на сѣверномъ берегу Ялу.

**) Слѣдующій маленькій планъ, лучше всякаго описанія, даетъ понятіе о точномъ расположеніи войскъ, когда писались эти замѣтки, а именно, между 9 и 10 ч. утра. Русскіе расположились на холмѣ къ сѣверу отъ г. Сурибаши, названномъ впослѣдствіи г. *Окасаки*, имѣя подкрѣпленія на Круглой Сопкѣ и поддержку со стороны батарей, расположившихся къ сѣверо-востоку отъ Сяотаку и Шаушимяоцзы и Хааматанемъ (Секибіоши и Хаматангомъ). Дѣйствительно, они такъ сильно укрѣпились на своей позиціи, что Окасаки не осмѣливался задѣвать ихъ, до полученія большей помощи со стороны своей артиллеріи, и въ этой части поля сраженія японцы нисколько не подвинулись впередъ въ теченіе 12-го октября. (29 сент. с. с.).



отъ Сурбаши, все еще находится въ



Видъ горы Гунки изъ японскихъ окоповъ вблизи Далинскаго перевала

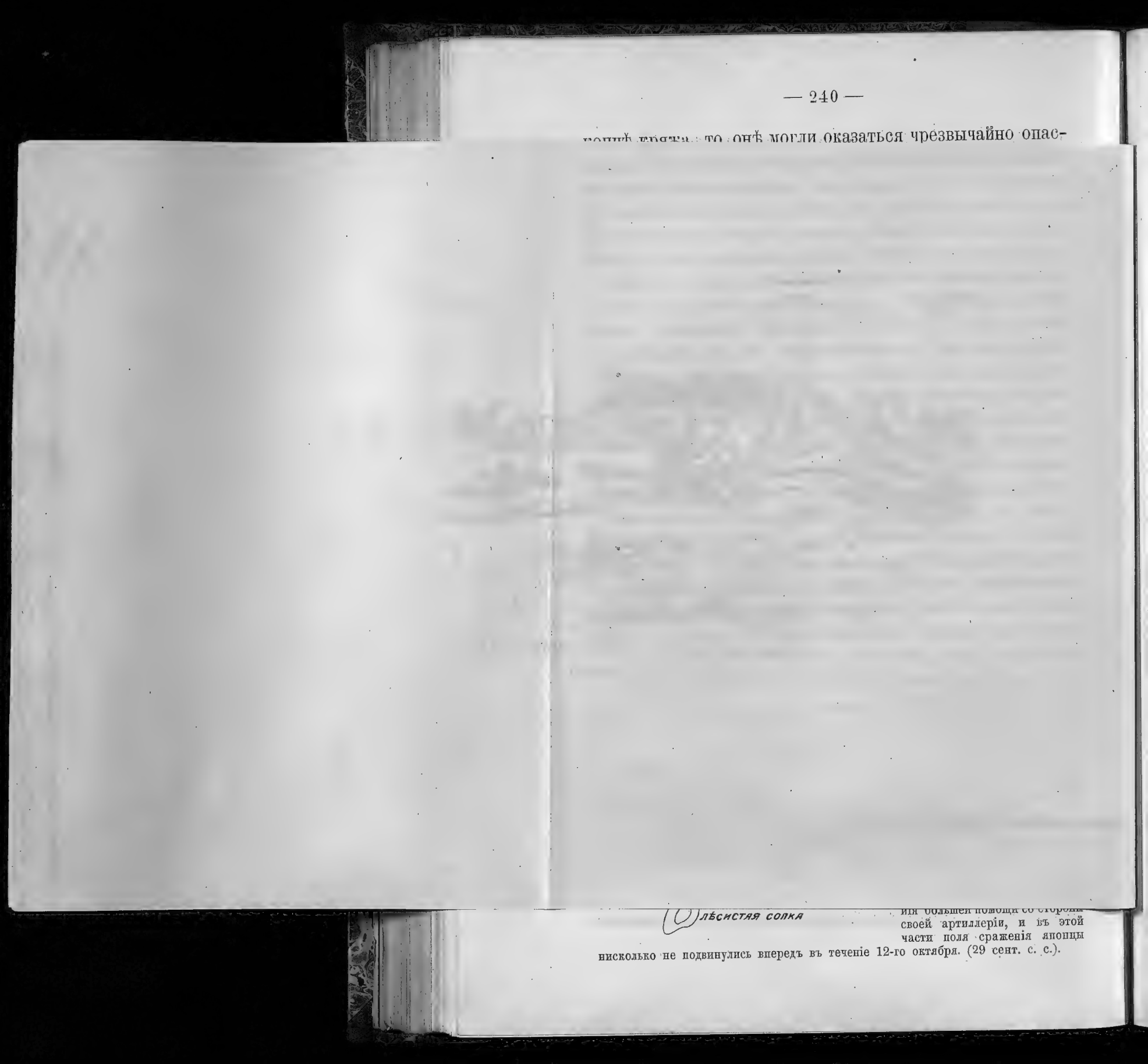
XXXI

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5

склоновъ сѣверныхъ высотъ, вполнѣ командующихъ надъ этой долиной.

концѣ кряжа, то онѣ могли оказаться чрезвычайно опас-



Лѣсистая сопка

ия большей помощи со стороны своей артиллеріи, и въ этой части поля сраженія японцы нисколько не подвинулись впередъ въ теченіе 12-го октября. (29 сент. с. с.).

отъ Сурбаши, все еще находится въ рукахъ русскихъ, но всѣ надѣются, что Окасаки вскорѣ овладѣетъ ею. Онъ уже взялъ всѣ передовыя укрѣпленія этой горы: Лѣсистую сопку на югѣ, Наншанъ на западѣ, каменистый кряжъ и хребетъ на западѣ и юго-западѣ и Сурибаши на югѣ. Остается только главная, центральная гора, и когда она будетъ взята, то, по мнѣнію здѣшнихъ офицеровъ, намъ будетъ открытъ совершенно свободный путь на сѣверъ.

При удачѣ мы можемъ тогда отрѣзать непріятеля, который подъ начальствомъ Штакельберга продолжаетъ причинять намъ сильное безпокойство относительно Бенсиху на нашемъ правомъ флангѣ.

Такимъ образомъ къ сѣверу отъ горы Янтайскихъ угольныхъ копей борьба принимаетъ весьма благопріятный оборотъ. На сѣверо-востокѣ перспектива кажется столь же прекрасной. Третья бригада второй дивизіи, подъ начальствомъ Матсунаги, которая, казалось, была доведена до полнаго бездѣйствія, когда я вчера покидалъ поле сраженія, взяла теперь большую и грозную высоту Санченцушань. Приступъ былъ произведенъ вчера въ 7 часовъ вечера, но вполнѣ занять ее пришлось не раньше, какъ послѣ цѣлаго ряда клонившихся то въ ту, то въ другую сторону кровавыхъ стычекъ, уже къ часу ночи. На разсвѣтѣ Матсунага спустился по сѣверному склону Санченцушаня и занялъ селеніе на южномъ краю долины Шанлюхедзы. Теперь онъ получилъ приказаніе перейти равнину и атаковать непріятеля, занимающаго противоположныя высоты. По правдѣ сказать, японскіе начальники *)

*) Этотъ приказъ можетъ показаться противорѣчащимъ приказу, отданному вчера въ 6 часовъ вечера, согласно которому Матсунага долженъ былъ идти на востокъ вдоль передовой линіи лѣваго крыла двѣнадцатой дивизіи. Но дѣло въ томъ, что оказалось рѣшительно невозможнымъ двигаться по долинѣ Шанлюхедзы на востокъ, пока непріятель не очиститъ какъ самой долины, такъ и нижнихъ склоновъ сѣверныхъ высотъ, вполнѣ командующихъ надъ этой долиной.

не задумываются предъявлять къ своимъ войскамъ требованія чрезмѣрной выносливости.

Бригада Матсунаги простояла подъ оружіемъ всю ночь съ 10-го на 11-ое. 11-го она цѣлый день находилась въ огнѣ и ей пришлось употребить страшныя усилія, чтобы удержаться; она продолжала сражаться всю послѣдующую ночь и штурмомъ взяла грозную высоту, упорно защищаемую непріятелемъ. Теперь-же этой, уже такъ много вынесшей, бригадѣ предстояло перейти долину еще болѣе открытую и широкую, чѣмъ та, которую вчера перешелъ Окасаки, и выбить русскихъ изъ занимаемыхъ ими позицій на противоположныхъ высотахъ, то есть рѣшить одну изъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ задачъ, которыя когда либо давались какимъ бы то ни было войскамъ.

Въ 8 ч. 35 м. доставлено было ординарцемъ донесеніе отъ генерала Асады, командующаго гвардейской дивизіей. Въ немъ онъ объявлялъ, что его лѣвая бригада, подъ командой генерала Ватанабэ, почти что взяла—„безъ сомнѣнія возьметъ“ было подлинное выраженіе—сѣверное продолженіе холма 238, такъ-же какъ и селеніе Бацзяцзы (Хакаши). Сообщеніе это было послано въ 6 ч. 30 м. утра.

Въ 9 ч. 15 м. явился адъютантъ Асады съ подтвержденіемъ этого сообщенія. Онъ оставилъ своего генерала около половины восьмого. Онъ принесъ добрыя вѣсти о томъ, какъ Ватанабэ взялъ находившуюся противъ него русскую позицію, соединеннымъ фронтовымъ и фланговомъ движеніемъ. Оказывается, что въ 2 ч. 30 м. утра Ватанабэ послалъ 4-ый гвардейскій полкъ сдѣлать обходное движеніе въ восточномъ направленіи и выйти на большую долину Шанлюхедзы, гдѣ онъ долженъ былъ занять селеніе Бацзяцзы и отсюда угрожать отступленію русскихъ, на которыхъ должны были

напасть другіе полки бригады *). Одинъ изъ этихъ полковъ (3-й гвардейскій) выступилъ въ то-же самое время, въ 2 ч. 30 м. у., чтобы прогнать русскихъ съ позиціи, которую они занимали въ теченіе всего предыдущаго дня, на продолженіи холма 238. Вершина, обозначенная 238 (карта XXXIII), является южной оконечностью длиннаго хребта, своимъ гребнемъ напоминающаго бритву, тянущагося съ сѣвера на югъ. Русскіе занимали позицію поперекъ хребта, причемъ оба фланга ихъ хорошо были загнуты назадъ и находились всего въ разстояніи 300 или 400 ярдовъ отъ Ватанабэ, когда онъ отправилъ 3-й гвардейскій полкъ атаковать ихъ.

Одинъ баталіонъ **) двинулся внизъ по долинѣ къ востоку отъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ, получивъ приказаніе повернуть на западъ вверхъ по крутому

*) Какъ я впослѣдствіи узналъ, полковникъ Іида, командиръ 4-го полка, выступилъ, какъ ему было приказано, но былъ задержанъ въ пути и поставленъ въ тупикъ плохимъ состояніемъ дороги. Прежде нежели онъ успѣлъ выпутаться, бой уже начался между 3-мъ полкомъ и русскими на кряжѣ, непосредственно къ западу отъ него, и шальныя пули ранили нѣсколькихъ изъ его людей. Не желая быть втянутымъ въ это дѣло, онъ сталъ держаться дальше къ востоку и къ 4 ч. 30 м. утра вышелъ на широкую, ровную долину Шанлюхедзы. Тутъ онъ выстроилъ свои баталіоны въ колонны, съ интервалами въ 20 ярдовъ между ротами, и съ ротой въ резервѣ позади на разстояніи 100 ярдовъ. Такимъ строемъ онъ подошелъ къ Бацзяцзы, откуда около пятидесяти русскихъ бросились со всѣхъ ногъ въ атаку съ громкими криками ура, и, въ полутьмѣ, не разглядѣвъ силы непріятеля, опомнились только уже будучи ярдахъ въ двѣнадцати отъ 4-го гвардейскаго полка. Тогда они повернули обратно и изо всѣхъ силъ пустились бѣжать къ селенію Бацзяцзы, преслѣдуемые всѣмъ полкомъ гвардейцевъ, которые, повинуясь неудержимому порыву, въ свою очередь съ громкими криками бросились за ними по пятамъ. Ко времени взятія селенія уже совсѣмъ разсвѣло, и рота русскихъ на одной изъ вершинъ надъ нимъ открыла огонь. Японцы не отвѣчали, но бросились на штурмъ этой вершины въ штыки. Полковникъ Іида замѣтилъ тутъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ отъ холма 238 черезъ долину по направленію къ западу. Поэтому онъ подошелъ вплотную къ селенію Шанлюхедзы и, выстроившись въ одну линію лицомъ къ западу, открылъ сильный огонь по бѣжавшимъ отъ холма 238 и отъ г. Хашимаки уложивъ многихъ изъ нихъ на смерть.

**) Я послѣ слышалъ, что строй, принятый этимъ баталіономъ былъ по ротно колоннами, съ одной ротой въ резервѣ на пятьдесятъ ярдовъ позади.

склону холма, какъ только онъ поравняется съ непріятельской позиціей. Надѣялись, что ему такимъ образомъ удастся обойти лѣвый флангъ русскихъ. Одновременно другой баталіонъ получилъ приказаніе идти прямо на непріятеля двумя параллельными походными колоннами, справа вздвоенными рядами (т. е. по четыре человѣка въ рядъ). Колонны двинулись къ сѣверу по обѣимъ сторонамъ очень узкаго гребня, при чемъ промежутокъ между ними былъ не болѣе сорока—пятидесяти ярдовъ. Голова каждой походной колонны прикрывалась взводомъ, шедшимъ въ одну шеренгу на нѣсколько ярдовъ впереди ея. Когда прикрывающій взводъ очутился въ 100 ярдахъ отъ непріятеля, послѣдній открылъ по нему огонь, тогда колонны развернули строй и тоже стали стрѣлять. Одинъ молодой офицеръ говорилъ, что было время, когда никто не зналъ чѣмъ кончится бой. Произошла страшная сумятица, ротные командиры потеряли всякую власть надъ своими людьми, которые, разбившись на кучки, стрѣляли по всѣмъ направленіямъ, въ то время какъ и русскіе и японцы бѣгали повсюду въ безпорядкѣ, дѣйствуя штыками. Я могу себѣ представить, что въ подобный свалкѣ японцы должны были чувствовать себя лучше чѣмъ европейцы, и что, какъ только русскіе разстроили свои ряды, участь ихъ была уже рѣшена.

Пройдутъ, вѣроятно, недѣли, прежде нежели я получу достовѣрное или по меньшей мѣрѣ дозволенное описаніе этого дѣла, но я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ цѣнности записей, сдѣланныхъ на мѣстѣ *).

*) Какъ я совершенно вѣрно и предполагалъ, я очень долго не слышалъ ничего больше объ атакѣ Ватанабэ; чтобы пополнить разсказъ я приведу теперь еще нѣсколько выдержекъ изъ моихъ болѣе позднихъ записей. Сдѣланы онѣ главнымъ образомъ со словъ полковника Юма, военнаго аташе при гвардейской дивизіи. Въ атакѣ, произведенной 3-мъ гвардейскимъ полкомъ на русскихъ, занимавшихъ кряжъ къ сѣверу отъ холма 238, баталіонъ, двинувшійся внизъ по восточ-

Въ 10 ч. 15 м. одинъ изъ штабныхъ пріятелей нашелъ свободную минуту и подошелъ немного побалтать со мною. Онъ сказалъ: „у меня никогда не хватаетъ мужества, ваше превосходительство, являться къ вамъ иначе, какъ съ добрыми вѣстями, такъ какъ вы все записываете, что я говорю, а очень тяжело видѣть наши неудачи записанными въ книгѣ пріятеля“. Я отвѣтилъ: „съ такой арміею, какъ Первая армія Куроки,

---

ной долинѣ и затѣмъ направившійся на западъ вверхъ по кряжу, съ намѣреніемъ обойти лѣвый флангъ непріятеля, вынесъ на себѣ всю главную тяжесть боя. Баталіонъ этотъ состоялъ всего изъ трехъ ротъ, такъ какъ четвертая рота составляла бригадный резервъ. Какъ только головной отрядъ началъ взбираться вверхъ по кряжу, по немъ былъ открытъ огонь всего съ какихъ нибудь 100 ярдовъ разстоянія, если не меньше. Вслѣдствіе этого отдано было приказаніе двумъ переднимъ колоннамъ развернуться въ шеренги, а резервной ротѣ оставаться въ колоннѣ. Сдѣлавъ три залпа, японцы бросились въ штыки, но были отброшены послѣ отчаянной борьбы. Они притаились подъ прикрытіемъ крутого гребня въ десяти шагахъ отъ русскихъ, собираясь съ силами для новаго натиска. Резервная рота явилась для подкрѣпленія центра, и тогда была произведена вторая атака. Эта попытка была также отбита послѣ необыкновенно продолжительной и жестокой схватки, въ которой были пущены въ ходъ штыки и ручныя гранаты. Японцы говорятъ, что со времени ихъ междоусобной войны, имъ никогда не приходилось встрѣчать подобнаго упорнаго сопротивленія. Одинъ взводъ былъ оставленъ для охраны праваго фланга, теперь его сняли и направили для подкрѣпленія центра. Это былъ послѣдній шансъ, и онъ оказался удачнымъ. Вся шеренга встала, какъ одинъ человѣкъ, и бросилась въ атаку съ громкими криками,—и непріятель уступилъ. Японцы потеряли здѣсь десять офицеровъ и 200 человѣкъ изъ общаго числа приблизительно въ 600 человѣкъ.

Баталіонъ четвертаго гвардейскаго полка, двигавшійся по обѣ стороны гребня кряжа двумя походными колоннами справа вздвоенными рядами, сильно потерпѣлъ, потому что явился послѣ того, какъ по крайней мѣрѣ одна атака была уже произведена третьимъ гвардейскимъ полкомъ.

Одной изъ своеобразныхъ чертъ этого боя была штука, которую продѣлывали японцы; взбираясь потихоньку подъ крутой гребень, они хватались за русскія выдающіяся надъ нимъ ружья и отмыкали у нихъ штыки.

Было тутъ много и такихъ случаевъ, когда русскій и японецъ одновременно пронзали другъ друга штыками. Я припоминаю, что то-же бывало въ Авганскую войну. Трупы японцевъ и русскихъ лежали по большей части двумя отдѣльными рядами, менѣе чѣмъ въ десяти ярдахъ разстоянія рядъ отъ ряда.

Русскія укрѣпленія не заслуживали этого названія, такъ какъ представляли собою легкіе окопы вдоль гребня, на которые ушло не болѣе десяти минутъ работы. Если-бы ихъ укрѣпленія были болѣе основательны, то весьма сомнительно, чтобы Ватанабэ удалось добиться успѣха.

я не думаю, чтобы вы могли опасаться, что моя записная книжка будетъ чѣмъ либо другимъ, кромѣ послѣдовательнаго отчета о вашихъ успѣхахъ". Изъ послѣдовавшаго затѣмъ разговора, я узналъ, что Куроки находится въ прекрасномъ расположеніи духа. Онъ особенно доволенъ гвардіей, и не столько вслѣдствіе побѣдоносной атаки бригады Ватанабэ на лѣвомъ флангѣ, которую я только что описывалъ, сколько вслѣдствіе безпрепятственнаго движенія впередъ правой гвардейской бригады, подъ командой генералъ-маіора Изаки, на позицію, угрожающую отступленію непріятельскихъ силъ, стоящихъ передъ второй дивизіей. Назначеніемъ этой колонны былъ холмъ, къ сѣверу отъ Маньхуапу (Менкахо), называемый Саніоши (Санжоцияма)*). Въ приказѣ, данномъ ей, было, однако, сказано, чтобы она поддерживала соприкосновеніе съ бригадой Ватанабэ. Но такъ какъ Ватанабэ былъ задержанъ упорнымъ сопротивленіемъ русскихъ, а Изаки не встрѣчалъ никакого сопротивленія, то, добравшись до Маньхуапу, ему пришлось выбирать между двумя рѣшеніями, или отступить, чтобы поддержать соприкосновенія съ Ватанабэ, или двинуться впередъ къ г. Саніоши. Изаки избралъ послѣднее и на разсвѣтѣ занялъ г. Саніоши; такимъ образомъ, конечно, онъ утратилъ всякое соприкосновеніе съ Ватанабэ, еще не занявшимъ Бацзяцзы (Хакапи). Теперь онъ продвигается впередъ на новую позицію, какъ разъ къ сѣверу отъ пер. Кауголинъ (Кокоринсана) и г. Маэршань (Бажисана,), и если находящійся противъ насъ непріятель не поторопится отступить, то имѣется много шансовъ на то, что онъ попадетъ въ ловушку.

Въ эту минуту нашъ разговоръ былъ прерванъ приказаніемъ, почти гнѣвнымъ для японца, передать

*)Не смѣшивать съ Санченцушанемъ (Санжошисаномъ, карта XXXIII).

артиллеріи на нашемъ фронтѣ, чтобы она открыла болѣе сильный огонь. Капитанъ Саиго прямо таки полетѣлъ внизъ съ этимъ приказаніемъ. Мой пріятель продолжалъ: „Непріятель рѣшительно начинаетъ отступать къ Мукдену; насъ раздражаетъ, что командиры, а особенно артиллерія слишкомъ осторожны и недостаточно пользуются своими преимуществами. Намъ ясно видно, что отступленіе начинается, но бригадные слишкомъ медленно схватываютъ положеніе, а артиллерія и того хуже. Русскія батареи, стоящія у г. Ліенхуашань (Ренквазана) и Туменцзы (Домонши), свободно обстрѣливаютъ бригаду Матсунаги, а наша артиллерія и не шевелится!“ Я спросилъ его, правъ ли я въ своемъ заключеніи, что японская артиллерія вчера вынуждена была замолчать. Отвѣтъ былъ въ томъ смыслѣ, что артиллерія вполнѣ разсчитывала на то, что Матсунага возьметъ гору Санченцушань (Санжошисань) до разсвѣта и въ этомъ предположеніи вышла изъ своихъ окоповъ и заняла новую позицію на равнинѣ. Когда она увидѣла, что г. Санченцушань все еще находится въ рукахъ русскихъ, то ей пришлось вернуться въ свои окопы, что заняло очень много времени. „Тѣмъ не менѣе“, продолжалъ мой наставникъ „это не можетъ служить достаточнымъ извиненіемъ. Вчера у насъ здѣсь было семь батарей полевыхъ орудій, и если-бы ими смѣло и разумно распоряжались, то могли-бы совершить что нибудь замѣчательное. Окасаки потерялъ вчера больше 1000 человѣкъ, Матсунага болѣе 600, и я вполнѣ увѣренъ, что болѣе проворное и смѣлое дѣйствіе артиллеріи значительно уменьшило-бы число этихъ жертвъ. Двѣнадцатая дивизія и бригада Умезавы участвовали въ еще болѣе отчаянномъ бою, чѣмъ Окасаки и Матсунага. Они потеряли 1800 человѣкъ или около того, но объ этомъ я вамъ разскажу послѣ.“

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что японцы такъ глубоко вкапываютъ орудія въ землю, что онѣ становятся почти столь же неподвижными, какъ орудія въ укрѣпленіяхъ. Слишкомъ много времени требуется для того, чтобы втаскивать и вытаскивать ихъ изъ окоповъ, и я думаю, что привычка окапываться, вызванная превосходствомъ русской артиллеріи, невольно уменьшаетъ ихъ иниціативу и смѣлость.

Въ 10 ч. 40 м. ко мнѣ подошелъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба и весьма любезно заговорилъ со мной, высказывая свой взглядъ на положеніе дѣлъ. Онъ сильно надѣется на то, что намъ удастся захватить русскія орудія къ сѣверу отъ Сяотаку (Шотатсуко.) Онъ указываетъ мнѣ на то, что Четвертая армія на Наншанѣ (Нанзанѣ) должна находиться какъ разъ къ западу отъ нихъ; что Матсунага, будетъ на разстояніи выстрѣла на юго-западъ отъ нихъ, какъ только ему удастся (а въ этомъ никто не сомнѣвается) перейти долину, и что гвардейская бригада Ватанабэ должна находиться на востокъ отъ этихъ орудій, въ то время какъ правая гвардейская бригада, подъ командой Изаки находится къ сѣверо-востоку отъ нихъ. Дѣйствительно, какъ бы то ни было, но атака Матсунаги, когда она будетъ произведена, броситъ русскихъ въ объятія гвардейской бригады Изаки, которая въ настоящее время вѣроятно уже у Маэршаня, откуда она легко можетъ перейти къ Ліенхуашаню и такимъ образомъ захватить не только артиллерію, но весьма вѣроятно и большую часть пѣхоты. Мой собесѣдникъ, повидимому, сознаетъ, что японская артиллерія не дѣлаетъ всего того, что могла-бы сдѣлать. Онъ сильно держится теоріи, что артиллерія обороняющейся стороны должна стрѣлять съ открытыхъ позицій. Онъ полагаетъ, что иначе она не будетъ въ состояніи достаточно быстро измѣнять

прицѣлъ и установку дистанціонныхъ трубокъ, чтобы бороться съ внезапнымъ и быстрымъ наступленіемъ. Съ другой стороны, онъ считаетъ, что орудія нападающей стороны, если имъ противопоставлена артиллерія, непремѣнно должны стрѣлять съ закрытыхъ позицій. Для нихъ не существуетъ затрудненій въ смыслѣ быстрой перемѣны прицѣла, такъ какъ обороняющаяся линія остается неподвижной, а если онѣ будутъ пытаться сняться съ передковъ на виду уже стрѣляющей скорострѣльной артиллеріи, то будутъ уничтожены прежде нежели успѣютъ сдѣлать одинъ выстрѣлъ. Теорія эта правдоподобна. Надо мнѣ надъ ней подумать.

11 часовъ утра. Въ теченіе послѣдняго часа, включая сюда все время разговора моихъ пріятелей со мной, артиллерійская бригада второй дивизіи, расположившаяся на востокъ отъ Паньлашаньцзы (Ханласанши) и двѣ батареи, принадлежащія гвардіи, дѣйствующей близъ Бацзяцзы, тратили массу боевыхъ запасовъ въ своемъ усиліи (недостаточно напряженномъ по мнѣнію главной квартиры) заставить замолчать русскую артиллерію. Имъ удалось одержать верхъ надъ одной батареей, къ сѣверу отъ Сяотаку (Шотатсуко), но остальныя орудія, расположенныя близъ Ліенхуашаня и Туменьцзы, не только не замолчали, но ихъ даже не удалось отвлечь отъ стрѣльбы по бригадѣ Матсунаги, укрывшейся въ селеніи Ченчіачень (Сенкіужо, карта XXXIII). Ченчіачень закрытъ отъ меня горою Санченцушань, но мнѣ говорили, что тамъ много стѣнъ, канавъ и домовъ, что можетъ служить имъ хорошимъ прикрытіемъ, пока не наступитъ тотъ моментъ, когда имъ придется соперничать съ подвигомъ Окасаки при Лѣсистой сопкѣ и броситься черезъ широкую долину Шанлюхедзы.

Какъ только наступалъ мигъ перерыва въ глухомъ шумѣ канонады, я ясно улавливалъ далекій, настойчи-

вый, трещащій звукъ, который говорилъ мнѣ о томъ, что длинные ряды стрѣлковъ борются за свое господство въ огнѣ, и что приближается еще одинъ великій моментъ, потому что стрѣльба пачками не можетъ продолжаться безконечно. И вотъ, дѣйствительно, въ половинѣ двѣнадцатаго Матсунага, наконецъ, рѣшилъ выпустить своихъ людей и выйти на открытую равнину. Въ настоящую минуту я хладнокровно пишу, слѣдя за тѣмъ, какъ бригада стремительно бѣжитъ черезъ долину. Вчера я не могъ-бы этого сдѣлать, но привычка развиваетъ хладнокровіе. Правый флангъ и центръ атаки значительно скрыты отъ меня г. Санченцушань, но лѣвый я вижу такъ-же ясно, какъ видѣлъ вчера вечеромъ приступъ Лѣсистой сопки. Строй почти тотъ-же, т. е. повидимому нѣтъ правильныхъ промежутковъ или шеренгъ, каждый бѣжитъ самъ по себѣ, изо всѣхъ силъ стараясь первымъ достичь непріятельскихъ укрѣпленій. Русская артиллерія стрѣляла съ закрытыхъ позицій на разстояніи около 5000 ярдовъ по селенію Ченчіаченъ, и опять, какъ и вчера, она слишкомъ медлитъ съ переносомъ огня на атакующихъ японцевъ и долго еще продожаетъ посылать снаряды черезъ ихъ головы (вѣроятно въ селеніе, котораго отъ меня не видно), послѣ того, какъ они уже всѣ высыпали на равнину. Даже теперь, въ 11 ч. 35 м., когда она, наконецъ, перемѣнила цѣль, русская шрапнель разрывается слишкомъ высоко и слишкомъ разбрасывается, чтобы причинять большой уронъ. На одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, однако, прицѣлъ и трубка разсчитаны довольно вѣрно, но японцы, точно по собственной иниціативѣ, вѣроятно же, по отданному ранѣе распоряженію, тщательно избѣгаютъ опаснаго мѣста, сторонясь вправо или влѣво отъ него.

Мнѣ кажется, что въ характерѣ этого приступа еще

болѣе индивидуальности, чѣмъ во вчерашней атакѣ Окасаки. Я вижу, какъ большое число лицъ припадаютъ къ землѣ, вѣроятно для того, чтобы стрѣлять или отдышаться (такъ какъ я не считаю возможнымъ, чтобы столько ихъ было ранено), но въ то-же время я не вижу ни одной группы, или взвода, которые остановились-бы и прилегли цѣликомъ. Очень трудно сказать это съ увѣренностью, потому что съ той минуты, какъ человѣкъ ложится недвижимо, я теряю его изъ виду, но полагаю, что большинство изъ тѣхъ, которые падаютъ *) такъ внезапно, должно быть очень скоро встаютъ опять и продолжаютъ бѣжать. Иначе были-бы большіе пробѣлы въ разбросанной толпѣ, между тѣмъ какъ люди, ее составляющіе, остаются въ общемъ очень равномѣрно распредѣленными. Я полагаю, что они пробѣгаютъ разстояніе въ полъ-мили, отдѣляющее ихъ отъ непріятеля въ нѣсколько пріемовъ, при чемъ каждый самъ выбираетъ себѣ моментъ для передышки.

11 ч. 45 м. Теперь я убѣдился въ томъ, что Матсунага не пытается перебѣжать долину однимъ стремительнымъ порывомъ. Если-бы это было такъ, то онъ давно уже былъ въ русскихъ окопахъ, или уже отступалъ, тогда какъ онъ еще не произвелъ натиска, а прошелъ всего двѣ трети пути. Огонь очень силенъ.

11 ч. 50 м. Передовые японцы, лежа, открыли огонь на разстояніи 250 ярдовъ отъ русскихъ окоповъ, находящихся на холмѣ какъ разъ къ сѣверу отъ селенія Цуньо (Зеншотатсуко, черт. XXIV). Другіе присоединяются къ нимъ и теперь впервые атака представляетъ нормальный видъ должнымъ образомъ сплоченной линіи стрѣлковъ, съ подкрѣпленіемъ въ видѣ несвязной части, которую я не могу назвать строемъ, въ 200 ярдахъ позади.

*) Уронъ состоялъ только изъ 235 человѣкъ, такъ что невозможно, чтобы большой процентъ людей, якобы падавшихъ 12-го октября (29 сен. ст. ст.) были раненые.

11 ч. 55 м. Вся шеренга стрѣлковъ поднялась какъ одинъ человѣкъ и бросилась въ атаку. Одновременно съ этимъ русскіе стали очищать позицію и довольно поспѣшно отступать къ главной вершинѣ.

11 ч. 57 м. Японцы теперь кишатъ, какъ муравьи, на холмѣ Цуньо и вокругъ него. Матсунагѣ удалось утвердиться на холмахъ къ сѣверу отъ долины Шанлюхедзы. Сдѣланъ еще одинъ великій шагъ впередъ! *)

*) Я записалъ это описаніе такъ, какъ дѣйствительно видѣлъ его на мѣстѣ. Много времени спустя послѣ этого я увидѣлъ Матсунагу, и онъ сообщилъ мнѣ, что его атака велась нормально, съ тою только разницею, что между ротами у него былъ интервалъ въ сорокъ ярдовъ вмѣсто шести. У него было, какъ онъ говоритъ, два баталіона въ первой линіи, люди находились на разстояніи трехъ шаговъ другъ отъ друга, интервалы между ротами, какъ выше сказано. Подбѣжавъ на 1500 ярдовъ, онъ сдѣлалъ роздыхъ на семь минутъ, а затѣмъ снова бросился впередъ такъ скоро, какъ только люди могли бѣжать и продвинулся на 700 ярдовъ. Эта перебѣжка была произведена безъ остановокъ и почти безъ стрѣльбы. На разстояніи 800 ярдовъ цѣпь легла и открыла непрерывный огонь, длившійся двѣ минуты. Съ этого мѣста онъ подвигался впередъ порывами поротно. Сначала правая, потомъ лѣвая, потомъ центръ—двѣ роты. Когда цѣпь была въ 800 ярдахъ отъ противника подошли подкрѣпленія, а за ними и резервы. Въ 250 ярдахъ отъ позиціи была маленькая передышка на полминуты, когда данъ былъ сигналъ къ атакѣ и холмъ былъ взятъ въ штыки.

Безъ сомнѣнія, Матсуната правильно передаетъ отданный имъ приказъ, но я получилъ впечатлѣніе, что было гораздо больше разбросанности, что между отдѣльными частями разстоянія были больше, а также больше и неправильности. Я видѣлъ наступленіе только съ разстоянія 800 ярдовъ и при томъ только лѣвую часть строя.

Глава XXX.

Ота и Знамя Восходящаго Солнца.

Полдень. Генералъ Куроки завтракаетъ съ его императорскимъ высочествомъ принцемъ Куни. Вся главная квартира ликуетъ, для нея даже очень шумно.

12 ч. 45 м. дня.—У меня былъ еще разговоръ съ офицеромъ, подсѣвшимъ ко мнѣ и находившимся въ прекрасномъ расположеніи духа. Онъ сказалъ, что Матсунагѣ только что посланъ приказъ, въ которомъ генералъ Куроки поздравляетъ его и приказываетъ ему, какъ можно скорѣе двинуться на востокъ и занять проходъ Чаосянлинъ (Чозенреи, карта XXXIII и XXXIV). Если это ему удастся, то онъ будетъ находиться въ восьми съ половиною миляхъ отъ линіи отступленія непріятельскихъ войскъ Штакельберга и Ренненкампфа, которые все еще продолжаютъ дѣлать рѣшительныя попытки взять укрѣпленія, защищающія Бенсиху или прорваться за японскія позиціи у проходовъ Далина и Тумыньцзылина, между Бенсиху и угольными копями. Ничто не заставитъ эти русскія войска скорѣе отступить, какъ хорошій напоръ Матсунаги на ихъ линію сообщеній (такъ быстро бываетъ вынуждена змѣя обернуться назадъ въ ту минуту, какъ какой нибудь врагъ наступитъ ей на хвостъ). Мой пріятель продолжалъ: „Самый жаркій бой происходилъ у Бенсиху, гдѣ маіоръ Хонда со своимъ небольшимъ отрядомъ сильно отличился. Вчера утромъ русскіе произвели бурную атаку подъ прикрытіемъ огня съ взятаго ими нашего фор-

поста Лаутхалаза (Мингшанъ), находящагося въ разстояніи ружейнаго выстрѣла къ юго-востоку и командующаго надъ этой частью нашей позиціи. Русскіе все старались ударить въ штыки, но все, что могъ сдѣлать баталіонъ маіора Хонда, — не допустить ихъ до этого ружейнымъ огнемъ. Если-бы не непріятель на Лаутхалазѣ, имѣвшій полную возможность во время этой стычки прямо стрѣлять въ наши окопы, то потери были-бы незначительны, теперь-же онѣ очень велики. Но сегодня утромъ главныя силы двѣнадцатой дивизіи и бригады Умезавы прибыли въ качествѣ подкрѣпленія, а, проработавъ изо всѣхъ силъ всю ночь напролетъ, мы закончили и наши укрѣпленія. Хорошо, что такъ, потому что мы только что получили депешу, сообщающую намъ нѣкоторыя подробности о самой большой атакѣ, изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ, произведенной сегодня въ четыре часа утра. Русскіе повели главную свою атаку на то-же самое мѣсто подъ прикрытіемъ огня съ Лаутхалазы, и какое счастье было для насъ, что вмѣсто одного слабаго баталіона Хонда мы имѣли теперь четыре сильныхъ свѣжихъ баталіона, готовыхъ встрѣтить ихъ, за хорошими, солидными укрѣпленіями, которыя были готовы какъ разъ во-время, потому что ни разу еще, даже при Манжу, непріятель не нападалъ съ такимъ ожесточеніемъ и храбростью. Особенно офицеры его вели себя необыкновенно благородно, они выбѣгали впередъ, размахивая саблями для воодушевленія простыхъ солдатъ. Но все это было не къ чему, потому что строй русскихъ при атакѣ былъ слишкомъ плотный для того, чтобы устоять противъ нашего развернутаго строя, ожидавшаго ихъ за хорошо построеннымъ брустверомъ. Русскіе баталіоны шли отдѣльными колоннами, и только одна восьмая часть ихъ людей могла-бы стрѣлять, если-бы они этого хотѣли, но въ сущности

они возлагали всѣ свои надежды почти исключительно на штыки".

Подобная схватка напоминаетъ шествіе старой гвардія при Ватерлоо, и становится яснымъ, что многіе изъ русскихъ военныхъ все еще смотрятъ на ружье, скорѣе какъ на удобную подставку для прикрѣпленія штыка, нежели какъ на смертоноснѣйшее изобрѣтеніе и опору цивилизаціи. Можетъ-ли кто нибудь читать „Потерянный Рай" Мильтона, не задавая себѣ вопроса, какой результатъ получился-бы отъ сраженія Серафимовъ, если-бы вмѣсто длинныхъ и круглыхъ „выдолбленныхъ орудій", заряженныхъ стариннымъ чернымъ порохомъ, Люциферъ вдругъ выставилъ 200 скорострѣльныхъ, бездымныхъ $18^1/_2$ фунтовыхъ орудій. Японцы, такъ-же какъ и русскіе, иногда любятъ прибѣгать къ холодному оружію, но не слѣдуетъ всетаки забывать, что поговорку Суворова теперь слѣдуетъ обернуть, и что теперь пуля неизмѣнно дѣлаетъ штыкъ дуракамъ, если только курокъ спускаетъ хорошо обученный стрѣлокъ *).

Продолжая говорить, мой пріятель сообщилъ мнѣ, что по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Бенсиху пылъ сраженія нѣсколько уменьшился. Отчаянный бой, однако, происходитъ у обоихъ проходовъ Далинскаго и Тумыньцзылинскаго. Сегодня въ три часа утра къ Далину подошелъ одинъ полкъ русскихъ сомкнутымъ строемъ, но былъ легко отброшенъ огнемъ двухъ орудій, когда приблизился на разстояніе 400—500 ярдовъ къ окопамъ. Въ 5 часовъ утра тоже полкъ, быть можетъ тотъ-же

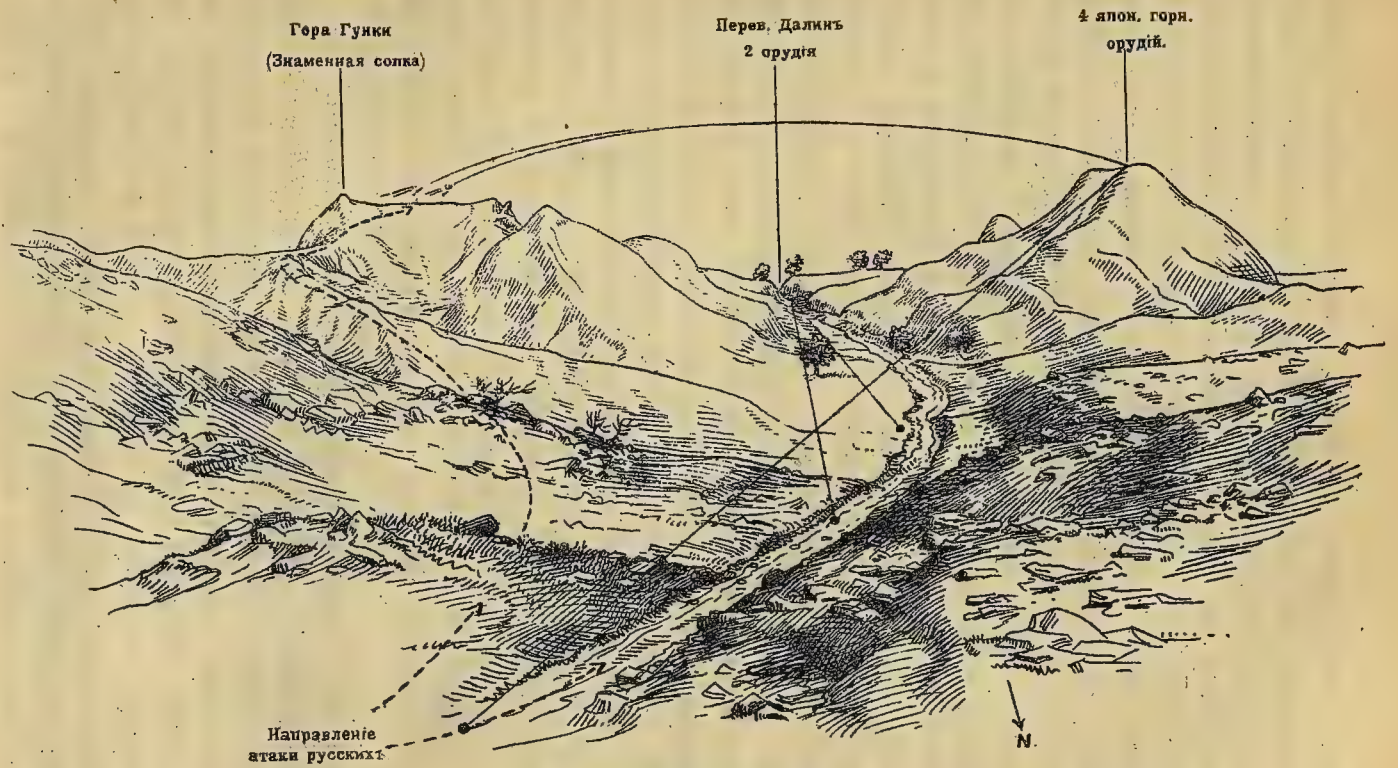
*) Фразы играютъ иногда весьма отвѣтственную роль. Часто слова содержатъ въ себѣ только на-половину справедливую истину въ тотъ моментъ, когда онѣ произносятся, а съ теченіемъ времени эта полу-истина окончательно обращается въ ложь. Мнѣ иногда кажется, что эта ребяческая глупость на счетъ того что „пуля дура" столько-же отвѣтственна за всѣ неудачи Россіи, сколько вся ея плохая дипломатія и ошибочная стратегія, взятыя вмѣстѣ.

самый, атаковалъ холмъ съ плоской вершиной *) въ 300-хъ ярдахъ впереди японской позиціи, надъ которой онъ слегка командуетъ. Вершина была занята передовымъ отрядомъ изъ одной роты, а у подошвы холма стоялъ баталіонный командиръ, подполковникъ Ота съ резервомъ еще изъ одной роты и съ полковымъ знаменемъ.

Адъютантъ подполковника Оты былъ прежде адъютантомъ Военной школы и потому былъ хорошо извѣстенъ въ арміи; услышавъ передъ самымъ разсвѣтомъ сильный ружейный огонь, онъ бросился бѣжать на вершину горы, чтобы попытаться узнать въ чемъ дѣло. Достигнувъ вершины, онъ увидѣлъ рядъ людскихъ фигуръ на фонѣ неба, принявъ ихъ за своихъ онъ подошелъ уже на разстояніе тридцати шаговъ и тогда только узналъ, что это русскіе. Поспѣшно ретировавшись, онъ доложилъ своему командиру, что ихъ рота разбита, и что позиція въ рукахъ непріятеля. Между тѣмъ взошла заря и освѣтила оставшихся въ живыхъ защитниковъ, еще отчаянно боровшихся на половинѣ пути внизъ по холму, обмѣниваясь выстрѣлами съ русскими, стоявшими на его гребнѣ.

Схвативъ знамя, подполковникъ Ота бросился на выручку остатковъ своей первой роты. Въ то-же самое время два японскихъ орудія, спрятанныхъ въ тылу для безопасности во время ночи, заняли свою дневную позицію на вершинѣ другого холма, всего въ 700 ярдахъ разстоянія къ сѣверу-западу отъ прохода. Оттуда, на разстояніи 700 ярдовъ, они стали жарить по прямой линіи шрапнелью, хорошо направленной на ограниченное пространство взятой вершины холма, на которой теперь столпился цѣлый баталіонъ русскихъ. Но Ота не думалъ ждать полнаго дѣйствія артиллеріи, а высоко

*) Впослѣдствіи названный Гунки-Яма или Знаменная сопка. Черт. XXXI, XXXII.



Сраженіе при Шахэ

Видъ на Далинскій перевалъ съ дороги, по которой русскіе атаковали на разсвѣтѣ 12 Октября (н. с.)

XXXII

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Руднева С.П.Б. Новый пер. 5.

держа полковое знамя, храбро повелъ свои двѣ роты вверхъ по холму въ контръ-атаку. Онъ тотчасъ-же былъ раненъ четырьмя пулями и имѣлъ только достаточно силы, чтобы передать знамя на попеченіе своего маіора, который тоже почти тотчасъ палъ, смертельно раненый, но успѣвъ передать священную эмблему адъютанту, который въ свою очередь палъ вслѣдъ за нимъ, сраженный русской пулей. Подъ конецъ эмблема Имперіи перешла въ руки простого солдата перваго разряда, который велъ послѣднюю стадію атаки и водрузилъ знамя своего полка на усѣянной трупами вершинѣ. Когда онъ сдѣлалъ это предъ лицомъ русскихъ, находившихся въ тридцати или сорока шагахъ разстоянія, тѣ въ свою очередь отступили. Японцы преслѣдовали ихъ до гребня и, взглянувъ внизъ, увидѣли другіе два баталіона русскихъ, поднимавшихся вверхъ по холму. Офицеры и солдаты этого подкрѣпленія протягивали руки, чтобы удержать бѣгущихъ товарищей и кричали имъ, чтобы они остановились, но напрасно. Бѣгущіе бросились на сомкнутые ряды своихъ братьевъ и повергли оба баталіона въ невообразимое смятеніе. Обѣ японскія роты открыли огонь по борющейся массѣ на разстояніи семидесяти пяти ярдовъ и еще черезъ пять минутъ на ихъ сторонѣ оказалась рѣшительная побѣда.

Бой этотъ былъ выигранъ, только благодаря быстрой рѣшимости и личному героизму Оты и его офицеровъ. Можетъ-ли война быть безусловно дурной вещью, если она способна воодушевлять обыкновенныхъ людей на такіе трогательные и высокіе подвиги? Ни одинъ истинный солдатъ не будетъ никогда въ состояніи равнодушно слушать разсказъ о знамени Оты. Его сердце непремѣнно преисполнится благодарности и радости при мысли о той страстной преданности военной идеѣ, ко-

торая воплотилась въ шелковомъ лоскутѣ, развивающемся теперь по волѣ небесныхъ вѣтровъ передъ проходомъ Далинъ. Пусть еще долго это храброе знамя носится во главѣ доблестнаго полка, поднимая благородный духъ многихъ новыхъ тысячъ японскихъ рекрутъ. Пусть еще долго послѣ того, какъ блестящія вышивки его истлѣютъ въ прахъ, идеалъ, за который оно поднималось, будетъ жить въ воспоминаніи и нашего англійскаго народа. Пусть весь онъ услышитъ повѣсть о Знамени Восходящаго Солнца подполковника Оты и узнаетъ какою цѣною оно украсило собою вершину поля сраженія, гдѣ оно свободно развѣвается, какъ символъ могущественной имперіи и какъ воплощеніе его славы. Dai Nippon—банзай!*)

Передъ проходомъ Тумыньцзылинъ происходилъ тоже жаркій бой, и чѣмъ онъ кончился, побѣдой или пораженіемъ, еще неизвѣстно. Вчера до наступленія темноты шла жаркая перестрѣлка, но ни съ той, ни съ другой стороны не было сдѣлано никакихъ рѣшительныхъ попытокъ. Сегодня въ 4 ч. утра на японскую позицію вдоль всей линіи была произведена штыковая атака. Когда получились послѣднія извѣстія, то рукопашный бой продолжался въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ, и онъ можетъ быть и по сейчасъ продолжается, на сколь-

*) Я считаю дѣло при г. Гунки весьма типичнымъ. Съ одной стороны—большой неповоротливый, косный полкъ, съ другой—двѣ живыхъ, подвижныхъ, самостоятельныхъ роты. Если-бы русскій баталіонный командиръ, взявъ вершину, сразу отрядилъ по одному отдѣленію на каждый флангъ, чтобы дѣйствовать по склонамъ холма, то эти послѣднія уничтожали-бы японцевъ по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ на приступъ по холму (часть котораго представляла мертвое пространство). Или, если-бы командиръ полка сразу двинулъ свои оба другіе баталіона вокругъ подошвы холма вмѣсто того, чтобы подниматься прямо на него, то онъ могъ-бы добиться важныхъ успѣховъ. Но идея скопленія массы людей на небольшомъ пространствѣ для того, чтобы его удержать, идея устарѣлая, заслуживающая полнаго осужденія. Ота поправился, не смотря на то, что изъ четырехъ, попавшихъ въ него, пуль, одна пронзила ему грудь. Онъ получилъ достойную награду (Kanjo) отъ Ойямы.

ко намъ извѣстно. Русскіе, будучи отброшены, отступаютъ только ярдовъ на двѣнадцать въ мертвое пространство за линію гребня, откуда бросаютъ ручныя гранаты въ окопы, на что японцы отвѣчаютъ сбрасываніемъ большихъ камней за гребень вдоль склона, на верху котораго лежатъ русскіе. Въ одномъ мѣстѣ непріятелю дѣйствительно удалось занять часть окоповъ, но, къ счастью, надъ этой позиціей на близкомъ разстояніи находилась командующая высота, такъ что русскіе были вынуждены снова ее очистить. Сообщающій мнѣ это говоритъ „къ счастью“, потому что думаетъ, что если-бы потребовалось произвести контръатаку, „то для этой цѣли буквально не нашлось-бы годныхъ людей“. Куроки по обыкновенію остается невозмутимымъ, хотя кризисъ на правомъ флангѣ безъ сомнѣнія серьезенъ. Я полагаю, что онъ разсчитываетъ на наши успѣхи здѣсь и на предстоящее фланговое движеніе Матсунаги, какъ на противодѣйствіе какимъ либо существеннымъ успѣхамъ русскихъ въ направленіи Бенсиху.

О русскихъ, перешедшихъ Тайцзыхэ у Уйнюнина 8 окт. (25 сент. ст. ст.), не имѣется никакихъ извѣстій. Но важный пунктъ и складъ Тхауанъ находится, вѣроятно, внѣ непосредственной опасности, такъ какъ вчера вечеромъ въ него вступилъ принцъ Канинъ со второй кавалерійской бригадой. Гарнизонъ также усилился съ 70-ти до 350-ти ружей, благодаря присоединенію всѣхъ остатковъ частей на двадцать миль вокругъ. Японцамъ удивительно повезло съ ихъ кавалеріей.Ославъ ее въ Тхауанъ, штабъ арміи впервые утратилъ часть своей бодрости и поколебался рискнуть своимъ послѣднимъ резервомъ на случай большого обходнаго движенія. Былъ посланъ, поэтому, новый приказъ, въ отмѣну прежняго, повелѣвающій его импера-

торскому высочеству предоставить Тхауанъ его судьбѣ и двинуться на югъ къ Саканю на Тайцзыхэ для того, чтобы прикрыть тылъ праваго крыла арміи Куроки. Приказъ этотъ не дошелъ по назначенію, и теперь принцъ Канинъ со своей кавалеріей достигъ Тхауана и, собственно говоря, спасъ его.

Баталіонъ пѣхоты, принадлежащій къ двѣнадцатой дивизіи, перешелъ отъ Бенсиху на южный берегъ Тайцзыхэ и намѣренъ попытаться войти въ соприкосновеніе съ кавалеріей принца Канина для того, чтобы совмѣстно дѣйствовать противъ крайняго лѣваго фланга русскихъ.

Гарнизонъ Бенсиху можетъ теперь надѣяться получать продовольствіе по своей линіи сообщеній. Вчера всѣ запасы пришлось посылать ему вдоль фронта Первой арміи. Такимъ образомъ, даже малѣйшій мѣстный успѣхъ русскихъ вдоль передовой линіи второй, гвардейской или двѣнадцатой дивизіи повлекъ-бы за собою полное пресѣченіе доставки въ Бенсиху боевыхъ и жизненныхъ припасовъ.

Селеніе Таяо, 7 ч. вечера.—Въ теченіе остального дня я могъ сдѣлать очень мало замѣтокъ на основаніи личныхъ наблюденій. Матсунага прислалъ въ 3 ч. дня сказать, что не можетъ выступить въ восточномъ направленіи къ пер. Чаосянлину ранѣе наступленія темноты, такъ какъ русская артиллерія командуетъ всей долиной Шанлюхедзы. Приблизительно въ то-же время, какъ получилось это сообщеніе, звуки сильнаго огня стали доноситься съ сѣверо-востока. Я думаю, что это правая колонна гвардейской дивизіи атакуетъ Маэршань (Бажисанъ). Я видѣлъ нѣсколько попытокъ со стороны людей Окасаки, въ разное время въ теченіе дня взять штурмомъ гору къ сѣверу отъ Сяотаку, но каждый разъ имъ приходилось бѣжать поскорѣе назадъ къ прикрытію, какъ

только они достигали, очевидно, крайне смертоносной зоны огня на разстояніи 150 ярдовъ отъ вершины. Эти неудачныя попытки повидимому дѣлались не какой нибудь большой частью и не по приказанію свыше, а только по приказанію командировъ взводовъ или ротъ, рѣшившихъ попытать счастья, не найдутъ ли слабаго пункта, черезъ который имъ удалось-бы пробраться.

Однако, если я и немного видѣлъ со времени взятія Матсунагой каменистаго холма къ сѣверу отъ Цуньо, за то я получилъ необыкновенно яркое и интересное описаніе большой побѣды кавалеріи близъ Бенсиху, когда я пошелъ прощаться полчаса тому назадъ. Стычка произошла сегодня утромъ и сильно успокоила штабъ на счетъ хода событій въ этой части поля сраженія, такъ какъ всѣ 1.500 казаковъ подъ начальствомъ Ренненкампфа, переправившіеся черезъ Тайцзыхэ у Уйнюнина 8-го октября (25 сен.), теперь оттѣснены назадъ, на востокъ, и сообщеніе между Бенсиху и югомъ снова возстановлено. Но Куроки и его штабъ могутъ радоваться не только тому, что избавились отъ безпокойства. Одержана настоящая блестящая побѣда. Непріятелю нанесенъ смертельный ударъ избіеніемъ болѣе десятой части, и въ довершеніе упоенія этими радостными вѣстями, родомъ оружія, прибавившимъ столько новаго блеску японскимъ войскамъ, является до сихъ поръ презиравшаяся кавалерія, предводительствуемая—что тоже является не послѣднимъ поводомъ къ радости—его императорскимъ высочествомъ смѣлымъ принцемъ Канинымъ.

Хотя Тхауанъ лежитъ всего въ семнадцати миляхъ къ югу отъ Бенсиху, и былъ въ сущности беззащитнымъ *) 9-го и 10-го (26 и 27 сент.), однако по той или

*) Гарнизонъ состоялъ изъ семидесяти человѣкъ пѣхоты.

другой причинѣ, которая, быть можетъ, со временемъ выяснится изъ русскихъ источниковъ, 1500 казаковъ съ ихъ батареей конной артиллеріи не предприняли ничего рѣшительнаго, но держались все время между Бенсиху и Тхауаномъ, какъ будто выжидая паденія перваго.

11-го октября (28 сент.) принцъ Канинъ съ своей второй кавалерійской бригадой и шестью пулеметами явился въ Тхауанъ и такимъ образомъ предупредилъ набѣгъ казаковъ, котораго здѣсь всѣ непрестанно ожидали, потому что это казалось такъ легко и желательно съ точки зрѣнія казаковъ, и такъ непріятно и обидно съ точки зрѣнія японцевъ.

Сегодня въ 3 часа ночи принцъ Канинъ выступилъ по направленію къ Бенсиху (карта XXXIV). У прохода Сенкина у него произошла стычка къ казаками, и онъ оттѣснилъ ихъ къ сѣверу. Какъ я уже говорилъ раньше, атакуя Бенсиху, русскіе старались окружить это мѣсто, и ихъ крайнее лѣвое крыло дѣйствительно обошло кругомъ, вдоль рѣки Тайцзыхэ, какъ разъ съ юга линіи обороны. Такимъ образомъ на крайнемъ правомъ флангѣ японцевъ защитники были откинуты назадъ, какъ нижняя часть литеры „S“, вдоль вершинъ горъ, склоны которыхъ спускались къ рѣкѣ, тогда какъ русскіе, обернувшись спиной къ рѣкѣ и лицомъ къ сѣверу, стояли на полу-дорогѣ склона, все еще стараясь добраться и укрѣпиться на гребнѣ. Послѣ стычки у прохода Сенкина казаки отступили къ Тайцзыхэ, гдѣ они продолжали находиться между наступающей японской кавалерійской бригадой и ихъ собственной пѣхотой, которая упорно боролась на сѣверномъ берегу съ защитниками Бенсиху. При дальнѣйшемъ наступленіи принца Канина казаки, однако, подались къ востоку, и хотя удерживали японскую кавалерію отъ всякой попытки переправиться черезъ Тайцзыхэ, но не препятствовали ей занять высоту

на южномъ берегу, на разстояніи хорошаго ружейнаго огня по русскому лагерю, расположенному по другую сторону рѣки.

Принцъ Канинъ не изъ такихъ людей, которые пропускаютъ удобный случай и, конечно, и на этотъ разъ онъ не преминулъ воспользоваться такимъ даромъ судьбы. Украдкой доставивъ и установивъ свои шесть пулеметовъ на высокой и неправильной вершинѣ, спускающейся къ берегу рѣки, онъ внезапно осыпалъ адскимъ дождемъ пуль два баталіона русскихъ, мирно расположившихся пообѣдать въ половинѣ двѣнадцатаго дня. Менѣе чѣмъ въ одну минуту сотни этихъ несчастныхъ были убиты, остальные бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ по направленію къ востоку. Въ слѣдующую минуту пулеметы были переведены на линію русскихъ стрѣлковъ, которые, повернувшись спиною къ рѣкѣ и сосредоточивъ все свое вниманіе на Бенсиху, сражались въ окопахъ приблизительно на серединѣ склона горы. Русскіе стрѣлки не успѣли еще ничего сообразить, какъ увидѣли себя осыпанными градомъ пуль сзади. Никакія войска не могли бы долго выдержать подобнаго положенія и обѣ русскія бригады, составлявшія крайній лѣвый флангъ атакующаго корпуса Штакельберга, поспѣшно начали отступать. Въ общемъ на счетъ шести пулеметовъ слѣдуетъ поставить по первой телеграммѣ 1000, а по второй— 1300 убитыхъ русскихъ.

Было-бы опрометчиво, если-бы я сталъ дѣлать авторитетные выводы на основаніи тѣхъ немногихъ и притомъ вполнѣ односторонніхъ свѣдѣній, которыя находятся въ данную минуту въ моемъ распоряженіи. Прежде всего, кажется страннымъ, почему Ренненкампфъ не предпочелъ сражаться до конца, чтобы не дать второй кавалерійской бригадѣ занять какой либо позиціи, съ которой она могла безнаказанно тревожить русскую пѣхоту, сто-

явшую на сѣверномъ берегу; или-же (если онъ считалъ себя не въ силахъ выполнить эту задачу) почему онъ по крайней мѣрѣ не послалъ предупредить пѣхоту, расположившуюся лагеремъ на сѣверномъ берегу Тайцзыхэ, такъ-же, какъ и товарищей ея, сражавшихся по склонамъ, о возможности такого нападенія. Нѣкоторые могутъ считать, что пѣхота должна была-бы сама выставить посты на высотахъ вдоль южнаго берега Тайцзыхэ, но мнѣ кажется, что нельзя осуждать пѣхоту за то, что она считала себя въ безопасности отъ внезапнаго нападенія съ этой стороны, когда была подъ прикрытіемъ 1.500 казаковъ и батареи!

Мнѣ слѣдовало-бы пойти спать, чтобы быть свѣжимъ къ завтрашнему дню, а съ другой стороны мнѣ надо еще писать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ для того, чтобы хотя слабо передать мои впечатлѣнія отъ этого знаменательнаго дня.

Японцы творятъ прямо почти чудеса, и русскіе нигдѣ не въ состояніи имъ противостоять. Тѣмъ не менѣе у меня какое то странное чувство, точно русскіе похожи на вату, сначала очень податливые, но чѣмъ больше ихъ тѣснятъ, тѣмъ плотнѣй они становятся, пока наконецъ давящая сила находитъ ихъ превратившимися въ твердую хлопчато-бумажную взрывчатую массу, неподатливую какъ желѣзо и которая въ состояніи взорваться съ ужасающей силою.

Окасаки видимо не въ состояніи взять круглую сопку къ сѣверу отъ Сяотаку такимъ же быстрымъ образомъ. какимъ онъ взялъ Лѣсистую сопку; хотя мнѣ кажется. что изъ двухъ позицій послѣдняя была болѣе сильная.

Еще одно замѣчаніе. По моему скромному мнѣнію японская артиллерія сегодня не отличалась такъ, какъ другіе рода оружія. Когда Матсунага штурмовалъ сопку надъ Цуньо, одною или двумя минутами раньше 11 ч.

дня, то холмы, лежащіе сѣвернѣй отъ нея, были покрыты отступающей русской пѣхотой. Въ это время русскія орудія, къ сѣверу отъ Цунью, молчали, а тѣ, которыя находились около Ліенхуашаня (Ренквасана) и Туменцзы (Домонши), не могли достать японскихъ батарей (карта XXXIII). Я думаю, что съ лучшими сигнальными приспособленіями и хорошими лошадьми, японскія батареи могли бы доскакать въ $^1/_4$ часа на разстояніе дѣйствительнаго огня къ медленно отступавшей по сопкамъ пѣхотѣ, и жестоко ее наказать. Между тѣмъ приказаніе было послано назадъ съ ординарцемъ, и потому артиллерія начала движеніе впередъ только въ 11 ч. 30 м., когда вся отступающая русская пѣхота, достигала уже прикрытія. Даже и тогда казалось, что орудія подвигались впередъ отчаянно медленно, хотя дороги были хорошія и поверхность земли совершенно ровная. Бригада на правомъ флангѣ въ концѣ концовъ подвинулась только на 300 или 400 ярдовъ къ мѣсту ниже Санченцушаня, гдѣ была хорошо прикрытая позиція; хотя 1000 ярдовъ дальше была чудная позиція, съ которой они дѣйствительно могли обстрѣливать непріятеля, тогда какъ здѣсь ихъ шрапнель не хватала и не причиняла большого вреда. Двѣ батареи лѣваго фланга дошли почти до Лѣсистой сопки и начали дѣйствовать въ открытомъ полѣ. Ихъ переѣздъ хотя и былъ болѣе полезнымъ для пѣхоты, чѣмъ то было на правомъ флангѣ, но все же оно не было достаточно быстрымъ, скорымъ и стремительнымъ, по моему мнѣнію, раздѣляемому, если только я не сильно заблуждаюсь, многими японскими офицерами. Однако я безусловно долженъ ложиться спать. Винцентъ съ иностранными аташе находится здѣсь, со второй дивизіей и провели день у Лѣсистой сопки. Они говорятъ, что она густо усѣяна убитыми и ранеными русскими, по большей части боро-

датыми, средняго возраста людьми. На нѣкоторыхъ изъ нихъ нашли русскіе молитвенники, подаренные имъ Англійскимъ Библейскимъ Обществомъ. Мои американскіе собратья говорятъ, что мы народъ, съ которымъ очень трудно конкурировать—одну сторону мы одѣляемъ молитвенниками, другую пушками. Полковникъ Юмъ, бывшій съ гвардіей, былъ свидѣтелемъ сраженія Ватанабэ, которое я старался описать. Кажется, что я изложилъ факты въ достаточной степени правильно. Онъ видѣлъ рядъ возбуждающихъ инцидентовъ, когда двѣ японскихъ батареи должны были проѣхать подъ огнемъ небольшую часть дороги, между Бацзяцзы и Шанлюхедзы, по которой русская батарея около Туменцзы пристрѣлялась до точности. Въ этомъ единственномъ случаѣ японскіе ѣздовые старались поднять лошадей въ галопъ. Каждое орудіе и каждый ящикъ ѣхали въ одиночку, и только они достигали опаснаго пункта, какъ вихрь русской шрапнели сметалъ все вокругъ. Послѣднею тащилась старая походная кузница, и снаряды рвались отъ нея такъ близко, что лошади, какъ онѣ ни должны были уже быть пріученными ко всякому шуму, понесли, и одинъ человѣкъ упалъ. Однако онъ самъ всталъ, и такъ побѣжалъ, какъ будто за нимъ гнался самъ дьяволъ. Одинъ изъ ѣздовыхъ оказался очень хитрымъ: онъ однимъ уголкомъ глаза слѣдилъ за непріятельскими орудіями, и въ тотъ моментъ, когда увидѣлъ дымъ ихъ выстрѣла, сразу остановилъ лошадей, въ двадцати ярдахъ отъ опаснаго пункта, и благодаря этому избѣгнулъ восемь снарядовъ, безвредно разорвавшихся на дорогѣ какъ разъ впереди его. Когда миновали опасное мѣсто оказалось, что въ одной батареѣ ранено только семь человѣкъ, а въ другой десять лошадей.

Глава XXXI.

Штурмъ Высокой Сопки.

Сопка какъ разъ на сѣверо-востокѣ отъ Паньлашаньцзы (Ханласанши), 1 ч. пополудни, 13-го октября (30 сент.) 1904 года.

Прошлою ночью, генералъ Куроки отдалъ приказаніе объ общемъ преслѣдованіи русскихъ и высказалъ надежду, что гвардейская дивизія окажется въ состояніи оттѣснить ихъ съ юга къ Фыньдяпу (Хошухо), между тѣмъ какъ вторая дивизія овладѣетъ Фаншеномъ (Васоко). Командирамъ предписывалось насколько возможно энергичнѣе преслѣдовать непріятеля, во время его отступленія. Но, насколько я вижу, покуда ничего подобнаго нѣтъ. Штабъ арміи и я прошли впередъ на скалистый холмикъ, сѣверо-восточнѣе Паньлашаньцзы, съ котораго мы великолѣпно увидимъ наступленіе, если таковое послѣдуетъ, чего пока на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Прямо противъ насъ, какъ разъ внѣ ружейнаго огня, находится Окасаки, видимо, совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и вчера. Онъ не выигралъ въ теченіе ночи ни одного ярда, только его люди теперь глубоко врылись на томъ мѣстѣ, гдѣ оказались при закатѣ солнца. Четвертая армія все еще занимаетъ Наншанъ и все еще продожаетъ атаковать Круглую сопку. Гора Сурибаши, хребетъ, соединяющій Наншанъ съ Высокой сопкой къ востоку отъ него, и даже юго-западные края самой Высокой сопки*),—всѣ находятся во

*) Впослѣдствіе названной Окасаки Яма (черт. XXVI).

власти Окасаки, но ея вершина все еще кишитъ русскими. У японцевъ есть батарея къ сѣверу отъ г. Санченцушань и одна бригада на вершинѣ къ югу отъ г. Сурибаши. Онѣ стрѣляютъ по Высокой сопкѣ. Батарея около Санченцушаня, со своей позиціи въ состояніи обстрѣливать продольно русскую линію, три остальныя батареи стрѣляютъ фронтальнымъ огнемъ, но при такой близкой дистанціи и высокому расположенію батарей,—нельзя ожидать, чтобы онѣ нанесли значительный уронъ русскимъ, находящимся внизу холма.

Странно, что русскія батареи съ позицій близъ г. Ліенхуашань (Ренквасанъ) и Хааматаня стрѣляютъ по Лѣсистой сопкѣ или по батареямъ къ югу отъ г. Сурибаши, или случайно въ нашемъ направленіи, но не обращаютъ вниманія на батарею какъ разъ на сѣверъ отъ г. Санченцушань (Санжошисанъ), которая, я увѣренъ, причиняетъ имъ много урона.

Всякій разъ какъ пѣхота Окасаки пытается сдѣлать какое нибудь наступательное движеніе, русскіе переносятъ на нее огонь, прекращая обстрѣливаніе артиллеріи и до сихъ поръ съ такимъ успѣхомъ, что японцы совсѣмъ не могутъ идти впередъ.

Хуже обстоятъ дѣла другой бригады (Матсунаги) второй дивизіи, отъ которой только что пришло длинное донесеніе съ гвардейскимъ ординарцемъ.

Въ 7 ч. пополудни, когда ночныя тѣни совершенно скрывали ихъ движеніе отъ русской артиллеріи, они двинулись къ перевалу Чаосянлинъ (Чозенрей), чтобы захватить путь отступленія Штакельберга*).

Дождь лилъ какъ изъ ведра, и ночь была зловѣща,

*) Я потомъ слышалъ, что Русскіе видимо что-то подозрѣвали и произвели внезапную контръ-атаку какъ разъ, когда Матсунага двинулся. Къ счастью она не была достаточно энергична, и Матсунага былъ въ состояніи ее отбить и продолжать свое наступленіе лишь съ получасовымъ опозданіемъ.

бурна и темна какъ преисподняя. Скользя въ ледяной грязи, съ ногъ до головы облѣпленные замерзшей глиной, доблестные молодцы терпѣли это до 5 часовъ сегодняшняго утра, когда они оказались въ 200 ярдахъ отъ русскихъ. Они произвели двѣ атаки, которыя были отбиты съ большимъ урономъ. Матсунага сообщаетъ, что онъ снова хочетъ попытаться и надѣется на большее счастье въ ближайшемъ будущемъ*).

Двѣнадцатая дивизія и бригада Умезавы занимаютъ линію въ 12 миль длины, и невозможно простымъ глазомъ отличить защищающихся отъ наступающихъ, тѣмъ болѣе, что непріятель все время дѣлая видъ, что хо-

*) У пер. Чаосяплинъ существуетъ очень крутой подъемъ въ 150 футъ по узкому горному кряжу, который загораживаетъ долины на востокъ и западъ (карты XXXIII и XXXIV). Когда отбили вторую атаку Матсунаги, полтора русскихъ баталіона показались по направленію отъ Шинквайлина и, занявъ высоты сѣверной стороны долины, по которой прошли японцы, такимъ образомъ угрожали ихъ отступленію. Несмотря на это, Матсунага подкрѣпилъ первую линію частью своего резерва, и настойчиво продолжалъ свои атаки противъ ущелья. Склоны были однако такъ круты и скользки, что его уставшія, покрытыя грязью войска были отбиты одинъ за другимъ разомъ, и наконецъ два русскихъ орудія, двинувшись впередъ по ущелью, открыли огонь, а четыре гаубицы показались на горизонтѣ близъ Шинквайлина. Сраженіе продолжалось до 9 ч. пополудни и тогда огонь замолкъ. На слѣдующее утро русскіе отступили. Этотъ ночной переходъ и въ концѣ его упорный бой были надлежащимъ заключеніемъ подвиговъ Матсунаги, которые начались утромъ 11-го числа и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжались, днемъ и ночью. Если западъ до сихъ поръ еще интересуется причиною военныхъ успѣховъ японцевъ, то здѣсь, въ выполненіи этой маленькой операціи можно себѣ кое-что уяснить. Не много найдется въ Европѣ бригадныхъ генераловъ, которые были бы такъ увѣрены въ своемъ главнокомандующемъ и въ самихъ себѣ, чтобы принять на себя подобную отвѣтственность. Послѣ изнурительнаго перехода по длинной долинѣ, Матсунага встрѣтилъ непріятеля, занявшаго ея высшую исходную точку и дважды сдѣлалъ безрезультатно приступъ. И вдругъ онъ видитъ, что свѣжія русскія силы, появляются на сѣверныхъ высотахъ долины, гдѣ онъ только-что прошелъ. Русскіе угрожаютъ спуститься и отрѣзать ему отступленіе. Что же онъ-повернулъ назадъ? Ничего подобнаго! Наоборотъ, отбросивъ страхъ, онъ возобновилъ свои усилія взять ущелье приступомъ. Я признаю, что Сэръ Фредерикъ Робертсъ велъ сраженіе при Чаразіи при точно такихъ же условіяхъ, за исключеніемъ того, что русскіе, взявши въ плѣнъ, оказали бы пощаду, а авганцы нѣтъ. Но сраженіе при Чаразіи было много лѣтъ тому назадъ.

четъ атаковать Тумыньцзылинскій и Далинскій перевалы, усиливаетъ свой артиллерійскій огонь.

Гвардія старается выполнить рискованныя распоряженія Куроки; Асада приказалъ своей правой колоннѣ, подъ начальствомъ Изаки взять Маэршань (Бажизанъ) и тогда приступить къ занятію Чіеншаня (Сенсана), большой горы, лежащей отъ него сѣверо-западнѣй на двѣ мили. Лѣвая колонна подъ начальствомъ Ватанабэ должна атаковать непріятеля на сопкахъ сейчасъ же на западъ отъ Туменцзы.

Теперь выясняется, что японскій планъ противодѣйствія Куропаткину, обходящему нашъ правый флангъ у Бенсиху, а именно обходъ его праваго фланга и угроза отѣснить его отъ желѣзной дороги и отъ Мукдена въ горы—теперь окончательно оставленъ. Мы теперь стремимся къ чему то смѣлому въ частности и безъ сомнѣнія достаточно трудному, но безконечно менѣе понятному и рѣшительному. Одновременно приводятъ въ исполненіе двѣ операціи. Первая состоитъ въ томъ, чтобы бригада Матсунаги остановила бы часть аріергарда Штакельберга, отрѣзавъ ему линію отступленія черезъ пер. Чаосянлинъ (Чозенрей). Вторая операція (съ помощью Четвертой арміи у Наншана и движенія гвардіи отъ Маэршаня) состоитъ въ томъ, чтобы обойти оба русскихъ фланга, которые теперь сражаются, какъ разъ противъ насъ. Если это удастся, то мы можемъ имъ отрѣзать отступленіе и можетъ быть получимъ большую добычу.

1 ч. 50 м. пополудни. У насъ нѣтъ до сихъ поръ извѣстій отъ гвардіи, но теперь я вижу отряды, двигающіеся вдоль вершины, мили четыре къ востоко-сѣверо-востоку, вѣроятно около Ліенхуашаня.

Они переходятъ съ сопки на сопку и подвигаются очень медленно, имѣя во главѣ японское знамя. Это

должно быть гвардія. Я также вижу немного русскихъ, вѣроятно на разстояніи 300 или 400 ярдовъ отъ японскаго знамени. Снаряды гвардейской артиллеріи даромъ падаютъ по скату холма между непріятельскими сторонами. Безъ сомнѣнія тамъ теперь совершаются великіе подвиги, но, когда люди кажутся величиною съ булавочную головку, то возбужденіе и симпатія пропорціонально уменьшаются.

2 ч. 20 м. пополудни. Куроки высказывалъ опасеніе относительно затрудненій, могущихъ задержать Окасаки при его попыткѣ овладѣть Высокой сопкой *), двумя милями сѣвернѣе насъ.

2 ч. 30 м. пополудни. Далеко впереди я вижу около двухсотъ русскихъ, дѣлающихъ контръ-атаку противъ гвардіи.

2 ч. 35 м. пополудни. Они не прошли очень далеко. Не болѣе четверти разстоянія между обѣими линіями. Тѣмъ не менѣе японцы не могутъ подвигаться.

2 ч. 40 м. пополудни. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ храбрые солдаты, неся маленькіе флаги, подвигаются къ вершинѣ Высокой сопки и около двухъ ротъ поднялись, человѣкъ за человѣкомъ, на маленькій выступъ не болѣе 150 ярдовъ отъ вершины, позади котораго они вмѣстѣ жмутся маленькой толпой, лежа насколько они могутъ плоско, между тѣмъ какъ надъ ихъ головами непрерывно свистятъ и поютъ безчисленные снаряды, какъ то было надъ защитниками Waggon Hill.

2 ч. 55 м. пополудни. Батальонъ русскихъ карабкается по вершинѣ въ контръ-атаку гвардіи. Генеральный штабъ послалъ адъютанта вскачь къ артиллеріи 2-й дивизіи южнѣе г. Сурибаши, сказать имъ повернуть свои орудія на наступающихъ русскихъ. Не

*) Гора Окасаки.

прошло двухъ минутъ съ его отъѣзда, какъ они это сдѣлали по собственной иниціативѣ, задержавъ немного русскихъ, но не остановивъ ихъ окончательно; и теперь, мнѣ кажется, что гвардія начинаетъ отступать.

3 ч. пополудни. На Высокой сопкѣ событія видимо приближаются къ развязкѣ. Всѣ японскіе окопы уже чрезмѣрно полны, а люди все еще къ нимъ подходятъ, прячась въ эти переполненныя щели на склонахъ сопки.

Я нахожусь достаточно близко, чтобы ясно отличить офицеровъ по ихъ саблямъ. Нѣкоторые изъ нихъ стоятъ. Русскіе на вершинѣ сопки такъ же стоятъ и стрѣляютъ, не обращая вниманія на рвущіеся снаряды, которые падаютъ дюжинами прямо у ихъ ногъ и временами на мгновенье совершенно ихъ скрываютъ отъ взгляда. Теперь вся японская артиллерія стрѣляетъ адскимъ огнемъ по всей вершинѣ сопки. Три батареи дѣйствуютъ у самой г. Сурибаши; горная батарея стрѣляетъ съ Наншана, особенно же энергично дѣйствуетъ батарея какъ разъ на сѣверъ отъ Санченцушаня; безъ сомнѣнія она причиняетъ больше урона, чѣмъ всѣ три вмѣстѣ взятыхъ, такъ какъ она въ состояніи поддерживать продольный огонь съ лѣваго до праваго фланга русской линіи.

Мнѣ кажется, что японцы идутъ на приступъ. Они выкарабкались изъ своихъ окоповъ и скрылись за вершиной.

3 ч. 15 м. пополудни. Одной ротѣ удалось наконецъ временно овладѣть гребнемъ длиннаго хребта, идущаго на западъ отъ вершины (черт. XXVI). Но какъ только рота достигла вершины, она была встрѣчена ужаснымъ огнемъ съ круглой вершины и продольнымъ огнемъ русскихъ, находящихся на Высокой сопкѣ.

Кажется немыслимымъ, чтобы люди могли это вынести, но они выносятъ. Вдругъ небольшая группа фла-

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д 5.

говъ вынырнула цвѣтными пятнами на небольшомъ выступѣ прямо на югъ и не болѣе какъ въ сорока, пятидесяти ярдахъ отъ настоящей вершины. На окружающихъ меня офицеровъ это произвело дѣйствіе электрической искры. Символъ героической души ихъ націи уже почти соприкасается съ рядами русскихъ. Они чувствуютъ, что дѣйствительное прикосновеніе ихъ талисмана съ врагами Микадо должно быть для враговъ фатально, но тѣмъ не менѣе дрожатъ при мысли, что можетъ быть теперь имъ наконецъ суждено судьбой потерпѣть неудачу. Мое душевное безпокойство, при видѣ двухъ сторонъ лишь въ разстояніи брошеннаго камня, тоже почти невыносимо. Я предполагаю, что японцы знаютъ, на что они идутъ, но сомнѣваюсь, чтобы русскіе, которые все продолжаютъ стрѣлять внизъ по склону, даже подозрѣвали о томъ, что ихъ враги вскарабкались и готовятся броситься въ штыки. Тѣмъ временемъ, другая рота поднялась прямо по южному склону приблизительно въ 150 ярдахъ отъ линіи защитниковъ. Она легла, чтобы стрѣлять, но поверхность земли не представляетъ тамъ благопріятнаго мѣста, для ихъ укрытія. Лопающіеся русскіе снаряды поднимаютъ пыль, и ихъ заволакиваетъ легкимъ туманомъ. Японцы не въ состояніи больше вытерпѣть, бросаются поперегъ длиннаго хребта, и бѣгутъ къ западу, оставляя за собой слѣдъ ввидѣ распростертыхъ тѣлъ. Тутъ они задерживаются на части склона, на полъ-дорогѣ между вершиною и мѣстомъ откуда первая группа все еще продолжаетъ цѣпляться и обмѣниваться яростнымъ огнемъ съ круглой сопкой (черт. XXVI).

3 ч. 30 м. пополудни. Пришло донесеніе, что Четвертая армія на нашемъ лѣвомъ флангѣ окончательно разбила непріятеля, который бѣжитъ въ безпорядкѣ.

3 ч. 40 м. пополудни. Двѣ роты, которыя я наблю-

далъ въ 2 ч. 40 м. лежащими вплотную за выступомъ въ 150 ярдахъ отъ вершины, выслали впередъ нѣсколько удальцовъ. Ихъ всего не болѣе ста человѣкъ. Они идутъ впередъ въ высшей степени смѣло, но не доходя нѣсколькихъ ярдовъ до вершины мужество имъ измѣняетъ и они отчаянно бѣгутъ внизъ по сопкѣ, не взявъ съ собой своихъ убитыхъ. Въ это же время русская шрапнель съ востока-сѣверо-востока и изъ Хааматаня, видимо вдругъ замѣтила ихъ товарищей, притаившихся за утесомъ. Въ теченіе двухъ минутъ это мѣсто было сильно обстрѣливаемо шрапнелью, и теперь, вмѣсто бывшихъ тамъ приблизительно 400 человѣкъ, тамъ осталось только 60—70, остальные сбѣжали по склону. Но люди съ флагами, непосредственно подъ вершиной все еще выдерживаютъ, хотя я не могу понять, какъ они въ состояніи это дѣлать, такъ какъ кажется, что шрапнель рвется прямо имъ въ лицо.

3 ч. 45 пополудни. Прибылъ адъютантъ отъ Четвертой арміи и сообщилъ, что десятая дивизія потерпѣла сильную неудачу, между тѣмъ какъ предполагалось, что она преслѣдуетъ совершенно разстроенныхъ русскихъ.

Штабные офицеры поражены и не знаютъ хорошенько, чему вѣрить. Одновременно прибыло другое донесеніе отъ Матсунаги изъ Чаосянлина, что всѣ его неоднократныя атаки отбиты, и что непріятель его окружаетъ. И гвардія внесла свою долю дурныхъ извѣстій, такъ какъ ихъ знаменитое кружное движеніе не только не было доведено до конца, но ихъ правая колонна была разбита, и въ 2 часа пополудни было отдано приказаніе объ ея отступленіи.

Посреди всего этого, Куроки сохраняетъ непреклонный и мужественный видъ и говоритъ, что самое важное, чтобы мы взяли Высокую сопку противъ насъ.

Офицеръ генеральнаго штаба говоритъ: „Вся Первая

армія находится въ трудномъ положеніи, но скоро Окасаки все приведетъ въ порядокъ". Тѣмъ не менѣе попросили о помощи Ойяму, и онъ отвѣтилъ какъ благородный Самурай, предоставивъ въ наше распоряженіе свой резервъ главнокомандующаго, и въ настоящее время онъ идетъ сюда форсированнымъ маршемъ.

4 ч. 45 м. пополудни. Часъ близокъ. Посредствомъ моего сильнаго бинокля, мнѣ видно, что японцы въ маленькой ложбинкѣ, безпокойно шевелятся и приготовляются. На узкое пространство, раздѣляющее ихъ отъ русскихъ, орудія обѣихъ армій изрыгаютъ снаряды сотнями. Снаряды падаютъ на землю съ грохотомъ громовыхъ ударовъ, воплощая собою ужаснаго Бога войны, который въ видѣ высокаго, похожаго на привидѣніе столба дыма, протягиваетъ свои ужасныя, туманныя крылья надъ сражающимися войсками.

Русская шрапнель летитъ быстро и часто какъ разъ надъ южной частью вершины. Дистанціонныя трубки дѣйствуютъ прекрасно, пристрѣлка тоже доведена до совершенства, и прежде чѣмъ разорваться русскіе снаряды перекрещиваются съ дождемъ японскихъ, падающихъ въ десяти ярдахъ по сѣверному склону того же хребта. Многіе изъ снарядовъ могутъ попадать не туда куда слѣдуетъ, когда цѣли находятся другъ отъ друга только на разстояніи пятидесяти ярдовъ.

Часъ насталъ. Горсть японцевъ выскочила изъ за своего прикрытія и бросилась на землю только въ десяти шагахъ отъ русскихъ. Невыносимый перерывъ! Я стою здѣсь въ безопасности, и вижу какъ японцы и русскіе вскакиваютъ и стрѣляютъ другъ другу въ упоръ, потомъ опять припадаютъ, чтобы снова зарядить, потомъ опять на мгновеніе вскакиваютъ, чтобы выстрѣлить.

Это ужъ слишкомъ.

Я все видѣлъ настолько ясно, какъ будто бы

я самъ былъ въ ихъ числѣ, и видъ этихъ маленькихъ борющихся фигуръ, вырисовывавшихся на небѣ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Теперь русскіе стали въ линію и взявши на-руку, идутъ въ штыки какъ горные быки. Во главѣ ихъ былъ храбрый офицеръ, въ бѣломъ китслѣ, и его сабля сверкнула, когда онъ ею взмахнулъ надъ головою. Снизу шли японцы; штабные отвернулись отъ этой длительной рукопашной схватки холоднымъ оружіемъ; но я не могъ отвернуться, такъ какъ былъ пораженъ изумленіемъ. Противники разошлись и стояли лицомъ къ лицу на разстояніи десяти ярдовъ. Это показалось вѣчностью, тогда какъ въ дѣйствительности продолжалось вѣрно мгновеніе. Потомъ они снова схватились, тѣло къ тѣлу, и опять разошлись и швыряли каменныя глыбы, и кололи штыками, и били прикладами ружей. Но они не стрѣляли, а если и стрѣляли то очень, очень мало. Ихъ было всего около 70 японцевъ, и можетъ быть 50 или 60 русскихъ. Кризисъ продолжался полныхъ пять минутъ, и казалось, что теперь японцы побѣждены; нѣкоторые изъ нихъ отступили; все было потеряно. Нѣтъ! бѣглецы снова повернули. Молодчины! Русскіе отступили къ своему окопу, японцы слѣдовали за ними по пятамъ, и позиція была взята. Справа и слѣва шли непрерывно подкрѣпленія по склону сопки, и въ половинѣ шестого вся вершина хребта кишѣла японцами, стрѣлявшими въ отступавшихъ русскихъ и по Круглой вершинѣ, которая снова была атакована десятой дивизіей Четвертой арміи. Весь штабъ Первой арміи выпрямился и поднялъ головы, какъ будто большая тяжесть была неожиданно снята съ ихъ плечъ.

Война приноситъ съ собой много удивительнаго, но я долженъ сказать, что никогда не ожидалъ, увидѣть въ современномъ сраженіи продолжительную схватку

среди бѣла дня холоднымъ оружіемъ между людьми вооруженными современными ружьями. Это подтверждаетъ сильную склонность людскихъ существъ къ возвращенію къ примитивнымъ обычаямъ, подъ вліяніемъ какой нибудь крайности и напряженія. То же самое могло бы быть и съ нашими солдатами при однородныхъ условіяхъ, но я отвѣчаю, что никогда бы не могло быть съ бурами. Ни русскіе, ни японцы не могутъ сравниться съ бурами въ инстинктивной, смертельной, пантеро-образной быстротѣ, съ которой охотникъ степей можетъ дѣйствовать ружьемъ на близкой дистанціи. Въ такой свалкѣ, какую я только что видѣлъ, хорошій буръ въ теченіе двадцати секундъ каждымъ изъ своихъ десяти патроновъ уложилъ бы человѣка. Такому штыкъ не страшенъ. Въ концѣ концовъ, солдатъ со штыкомъ гораздо менѣе ловокъ и страшенъ и его легче остановить, чѣмъ тигра. Между тѣмъ находятся люди, которые ради удовольствія пойдутъ пѣшкомъ выслѣживать раненаго тигра. Но они опытные стрѣлки и увѣрены въ своей мѣткости.

7 ч. вечера. Круглая вершина взята десятой дивизіей Четвертой арміи, при помощи огня второй дивизіи съ занятаго холма, теперь называемаго горой Окасаки въ честь храбраго бригаднаго генерала Окасаки. Его войскамъ не приходится отдохнуть, такъ какъ имъ приказано взять въ теченіе наступающей ночи другую сопку, лежащую двумя милями восточнѣе у Ліенхуашаня (Ренквасана).

Занятіе горы Окасаки избавляетъ Первую армію отъ большой опасности. Съ тѣхъ поръ какъ Матсунага былъ посланъ къ пер. Чаосянлинъ (гдѣ его удерживаютъ до сихъ поръ), самое слабое мѣсто въ линіи Куроки находится между правымъ флангомъ второй дивизіи и лѣвымъ гвардіи. Фактически существующій между ними промежутокъ, около трехъ миль длины, былъ сначала

заполненъ только двумя баталіонами Коби, оставленными сзади Матсунагой, подкрѣпленными потомъ еще двумя баталіонами Коби, — всѣмъ резервомъ Куроки. Гора Окасаки была въ родѣ остраго наконечника, болѣзненно нажимавшаго на слабое мѣсто. Если бы эта гора не была взята до наступленія ночи, то она могла бы пробить открытую рану въ японской боевой линіи, черезъ которую нѣсколько русскихъ дивизій *) могли бы проникнуть до ея жизненныхъ частей.

Я увѣренъ, что отсылка Матсунаги къ Бенсиху было для командующаго Первой арміи тяжелѣй, чѣмъ потеря члена. Тѣмъ не менѣе, если бы меня спросили стоили ли сомнительные результаты такого страшнаго риска, то я лично, имѣя въ моемъ распоряженіи ограниченныя свѣдѣнія, сказалъ бы, конечно нѣтъ. Обсужденіе такого вопроса больше подходитъ къ серьезному труду, чѣмъ къ моей записной книжкѣ, но въ короткихъ словахъ, вотъ лучшія оправданія посылки Матсунаги:

1) Двѣнадцатая дивизія была въ такомъ плачевномъ состояніи, что нужно было послать подкрѣпленіе какой бы то ни было цѣною.

2) Была опасность, какъ бы русскіе не прорвались черезъ японскую двѣнадцатую дивизію, и это прервало бы коммуникаціонную линію; подкрѣпленія были посланы въ Бенсиху, такъ какъ Ренненкампфъ прекратилъ сообщеніе между Тхауаномъ и Бенсиху.

3) Куроки имѣлъ право разсчитывать на готовность маршала Ойямы послать ему пятую дивизію и второй баталіонъ пѣшей артиллеріи **), которые могутъ быть здѣсь черезъ часъ времени.

*) Русскіе имѣли въ своемъ распоряженіи 4 дивизіи. Владѣя горою Окасаки, они могли произвести ночную атаку на Паньлашаньцзы, которая почти навѣрно бы удалось.

**) Этотъ баталіонъ пѣшей артиллеріи былъ снабженъ 9-ти сантиметровыми бронзовыми мортирами стараго образца, перевозимыхъ въ повозкахъ на обыкновенныхъ японскихъ пони.

Я сомнѣваюсь самъ, чтобы при ближайшемъ разслѣдованіи, всѣ эти предположенія могли бы получить положительныя рѣшенія, такъ что я думаю должно быть допущено, что отправленіе Матсунаги было однимъ изъ такихъ смѣлыхъ рѣшеній, которыя могутъ иногда искушать и самыхъ великихъ полководцевъ.

Занятіемъ горы своего имени Окасаки снова спасъ положеніе, такъ какъ до наступленія ночи Первой арміи не удалось достичь никакого другого успѣха.

Глава XXXII.

Русскіе переправляются обратно черезъ Шахэ.

14 октября, (1 окт.) 1904. 8 ч. утра. На валу къ сѣверо-востоку отъ Паньлашаньцзы (Ханлазанши).—Звукъ стрѣльбы удалился къ сѣверу, и отсюда мнѣ ничего не видно, но мнѣ сообщили нѣсколько подробностей относительно боя, даннаго вчера гвардіей, которыя подчеркиваютъ важность одержанной Окасаки побѣды. Какъ я уже отмѣтилъ, лѣвая колонна гвардейской дивизіи должна была занять высоты на востокъ отъ Туменцзы (Домонши) въ то время какъ правая колонна должна была взять г. Маэршань (Бажисанъ) и оттуда атаковать и занять большую гору Чіеншань (Сенсанъ), съ которой можно было отрѣзать отступленіе русскихъ, занимающихъ гору Окасаки и ея окрестности (карта XXXIII).

Правая колонна гвардейской дивизіи, въ составѣ шести баталіоновъ, подъ командой Изаки, атаковала, какъ было приказано, и взяла Маэршань, но, когда она пыталась пробиться вдоль длиннаго низкаго кряжа, соединяющаго Маэршань съ Чіеншанемъ, она попала подъ перекрестный огонь съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада, изъ за котораго не могла двинуться дальше впередъ. Тогда русская колонна стала наступать, пройдя селеніе Сянхэнютунь (Шимококужутонъ), и повела контръатаку на лѣвый флангъ Изаки, которому такимъ образомъ пришлось обороняться по всей линіи.

Лѣвая колонна гвардейской дивизіи вышла на разсвѣтѣ по направленію высотъ, на востокъ отъ Туменцзы,

но нашла ихъ занятыми такими силами непріятеля, что ей не только не пришлось атаковать его, а напротивъ того, она была вынуждена окопаться и защищаться. Вслѣдъ за тѣмъ большой отрядъ непріятеля смѣло ударилъ въ пространство, раздѣлявшее правую и лѣвую колонны гвардейской дивизіи и занялъ при этомъ маленькій холмъ, названный теперь г. Ида (Іида-яма), посреди между ними обѣими, вломившись такимъ образомъ въ центръ дивизіи. Нельзя было терять ни минуты, иначе могло случиться страшное несчастье. Если-бы къ русскимъ на г. Ида подошли подкрѣпленія, то они могли-бы, либо продолжить наступленіе и захватить гвардейскую артиллерію, или-же, ударивъ одновременно вправо и влѣво, обойти и разбить объ непріятельскія колонны и правую, и лѣвую.

Въ эту критическую минуту 4-му гвардейскому полку, составлявшему дивизіонный резервъ, подъ начальствомъ полковника Іиды, было приказано идти въ атаку. Іида лихо двинулся впередъ и утвердился на холмѣ, носящемъ теперь его имя. Онъ не могъ окончательно вытѣснить непріятеля, но остановилъ его движеніе впередъ и отвлекъ его отъ дальнѣйшаго наступленія.

Тѣмъ временемъ правая колонна была отброшена назадъ контръ-атакой русскихъ отъ с. Маэршань и продолжала отступленіе на нѣсколько миль, пока не достигла общей линіи, за предѣлы которой она впервые вышла въ ночь съ 11-го на 12-ое, (28—29 сен. ст. ст.) что было не совсѣмъ благоразумно, осмѣлюсь я замѣтить *).

---

*) Трудно понять, какъ японцамъ находившимся на короткомъ кряжѣ между г. Маэршанъ и г. Чіеншань было дозволено удалиться, не будучи серьезно наказанными. Ихъ обстрѣливали съ Чіеншаня, русскіе-же занимали г. Ида и наступали отъ с. Маэршань. Однако имъ все-же удалось уйти совсѣмъ счастливо.

Вчера въ полночь непріятель началъ общее отступленіе, и вся Первая армія, включая и пятую дивизію *), уступленную Куроки Ойямой, идетъ теперь къ Шахэ.

10 ч. утра.—Я только что имѣлъ честь разговаривать нѣсколько минутъ съ Е. И. В. принцемъ Куни. Ему было угодно замѣтить, что каждое утро при выходѣ онъ прежде всего смотритъ, не отошла ли дальше назадъ непріятельская артиллерія, и по этому онъ узнаетъ, какъ обстоятъ дѣла. Я отвѣчалъ ему, что достигаю тогоже результата, глядя на лица штабныхъ офицеровъ.

Затѣмъ я получилъ разрѣшеніе осмотрѣть Лѣсистую сопку и г. Осаки. На Лѣсистой сопкѣ бѣдные боги стояли подъ открытымъ небомъ; объ артиллеріи, и японская и русская, способствовали разрушенію ихъ жилища. Три гигантскія фигуры особенно привлекли мое вниманіе. Вокругъ нихъ лежало много раненыхъ, и сами боги были истыканы штыками набожныхъ русскихъ солдатъ. Въ общемъ все это имѣло очень плачевный видъ, хотя о раненыхъ людяхъ до нѣкоторой степени позаботились. Углубленная дорога къ югу и юго-западу отъ Лѣсистой сопки представляла прекрасное прикрытіе для русскихъ. Я сошелъ съ коня и нарочно вошелъ въ нее, чтобы убѣдиться, что мои наблюденія были правильны съ русской точки зрѣнія. Нельзя себѣ представить болѣе благопріятныхъ условій для стрѣльбы. Въ большинствѣ направленій русскій обстрѣлъ простирался на цѣлыхъ 1000 ярдовъ и не прерывался ни малѣйшимъ признакомъ какого либо прикрытія, а въ самомъ худшемъ направленіи онъ былъ совершенно чистъ на 600 ярдовъ. Теоретически разсуждая, казалось, что защищающимся стоило только положить ружья плоско на землю и тянуть за спускъ, чтобы остановить всякую попытку на

*) 5-я дивизія сосредоточилась у Паньлашаньцзы и Шанлюхедзы.

такое внезапное нападеніе, какое было произведено Окасаки 11-го октября (28 сен.). Однако, въ дѣйствительности, было не такъ. Трупы убитыхъ русскихъ были еще не похоронены. Большинство было убито шрапнелью, но было также значительное число штыковыхъ ранъ. Въ самой дорогѣ, гдѣ убитыхъ было больше всего, очень немногіе, повидимому, пали отъ ружейнаго огня.

Послѣ этого я поѣхалъ на г. Окасаки. По нижнимъ склонамъ все еще лежало нѣсколько японскихъ труповъ. Это все были молодые люди и смотрѣли мальчиками по сравненію съ крупными, бородатыми среднихъ лѣтъ русскими, трупы которыхъ (далеко не такъ многочисленные, какъ я думалъ) лежали главнымъ образомъ на самой вершинѣ. Глядя кругомъ, я увидѣлъ двухъ солдатъ 16-го полка, производившаго приступъ. Я вступилъ съ ними въ разговоръ черезъ Накамуру и узналъ, что одинъ изъ нихъ дѣйствительно принималъ участіе въ той отчаянной борьбѣ, которую я видѣлъ вчера въ 5 ч. пополудни. Въ отвѣтъ на одинъ изъ моихъ вопросовъ онъ сказалъ, что не стрѣлялъ и штыкомъ не работалъ, а бросалъ камни. Я спросилъ, почему онъ это дѣлалъ, когда гораздо скорѣе, конечно, было заряжать ружье и стрѣлять, но онъ возразилъ, что такъ поступали русскіе, и что въ ту минуту это было какъ то сподручнѣе. Я поблагодарилъ солдатъ и сказалъ, что вчера всѣ восхищались храбрымъ полкомъ. Они что то сказали Накамурѣ въ отвѣтъ. Онъ не перевелъ ихъ словъ, но я видѣлъ, что онъ улыбается про себя, и попросилъ его передать мнѣ ихъ замѣчаніе. Тогда онъ передалъ мнѣ, отвѣтъ солдата, что онъ заслужилъ похвалу генерала дружественной націи. Онъ былъ особенно красивый мальчикъ, съ нѣжнымъ, благороднымъ лицомъ. Товарищъ его былъ скорѣе круглолицый, деревенскаго по-

шиба малый. Я отмѣчаю этотъ случай для того, чтобы показать, что многіе изъ простыхъ японскихъ солдатъ настоящіе джентельмэны.

На мѣстѣ рукопашнаго боя, который я наблюдалъ вчера съ такимъ вниманіемъ, почти пораженный его ужасомъ, валялось много русскихъ штыковъ. Оказывается, что японскіе солдаты ухитрялись схватываться за нихъ въ общей свалкѣ и срывать ихъ. Японскій солдатъ, искавшій здѣсь чего нибудь на память *), сказалъ намъ, что русскіе штыки тупы и не могутъ проткнуть толстаго сукна. Въ доказательство своихъ словъ онъ поднялъ одинъ или два изъ нихъ и показалъ, что край его, напоминающій рѣзецъ, совершенно затупился. Русскіе всегда маневрируютъ съ примкнутыми штыками, не мудрено, что они и притупятся при постоянномъ употребленіи. Въ будущемъ слѣдуетъ имъ придумать какое нибудь приспособленіе, чтобы непріятель не могъ хвататься за лезвіе штыка и срывать его.

Съ того мѣста, гдѣ я теперь стою, легко, даже не будучи великимъ тактикомъ, видѣть въ чемъ была ошибка русскихъ во вчерашнемъ бою. Они превосходили непріятеля количествомъ, но не могли, или, лучше, не дѣлали серьезной попытки извлечь пользу изъ своей численности. Круглая вершина и г. Окасаки, вмѣстѣ взятыя, не представляли достаточно пространства, для успѣшнаго дѣйствія болѣе одного полка. Самое большее, что можно было размѣстить на этомъ пространствѣ, это по баталіону на каждой вершинѣ и по одному баталіону въ видѣ подкрѣпленія въ окопахъ нѣсколько ниже по обоимъ сѣвернымъ склонамъ. Но у русскихъ было въ распоряженіи нѣсколько дивизій. Въ прежнія времена, когда сила сопротивленія и сцѣпленія

*) Почему не просто грабившій убитыхъ?

составляла все, ихъ можно было-бы употребить длинными колоннами, какъ тараны для пробитія отверстія въ какомъ нибудь жизненномъ пунктѣ непріятельской позиціи. Въ нынѣшнее время извлечь выгоду изъ своей численности, значитъ занять или вытянуться на болѣе обширную линію, чѣмъ непріятель и такимъ образомъ окружить его. Съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что набивая на такой узкій кряжъ, какъ г. Окасаки больше войска, чѣмъ сколько можетъ свободно дѣйствовать ружьемъ, значитъ только подставлять жертвы для непріятельской шрапнели. Конечно, испытываешь нѣкоторую долю нравственной поддержки, будучи окруженъ друзьями, но, по мѣрѣ того, какъ товарищи становятся трупами, увѣренность смѣняется ужасомъ. И такъ, по моему мнѣнію, русскіе должны были шире развернуть свой фронтъ и сильными контръ-атаками на г. Сурибаши и Наншанъ они не только достигли-бы этой цѣли. если-бы эти атаки были успѣшны, но даже въ случаѣ ихъ неуспѣшности, они-бы разстроили планы японцевъ и помѣшали-бы имъ обращать все свое вниманіе, и сосредоточивать артиллерійскій огонь на г. Окасаки.

Въ часъ дня я поѣхалъ обратно къ холму къ сѣверо-востоку отъ Паньлашаньцзы. По пути я проѣзжалъ мимо нѣкоторыхъ частей пятой дивизіи. При Четвертой арміи нѣтъ военныхъ, аташе, и, когда я проѣзжалъ мимо солдатскихъ рядовъ по узкимъ улицамъ Санцзяцзы (Санкаши), меня, естественно, принимали за русскаго плѣннаго высокаго ранга.

Когда я въѣхалъ на холмъ Паньлашаньцзы, я нашелъ Куроки разговаривающимъ съ офицеромъ только что прибывшимъ изъ штаба генералиссимуса. Онъ представлялъ совершеннѣйшій типъ офицера главнаго штаба арміи. На немъ было надѣто изящное новое пальто съ

мѣховымъ воротникомъ и ясными блестящими пуговицами, глядя на которыя наши старыя одѣянія чуть не лопались отъ зависти и досады. Кромѣ того, онъ, какъ водится, былъ принятъ съ особеннымъ почетомъ. Онъ привезъ намъ копію воззванія, изданнаго Куропаткинымъ къ своей арміи, переводъ котораго мнѣ обѣщали дать. Въ общемъ смыслѣ его тотъ, что онъ очень сожалѣлъ, что не могъ разрѣшить своей арміи остаться и дать рѣшительное сраженіе при Ляоянѣ, но что теперь представляется для этого лучшій случай. Я увѣренъ, что японцы совершенно противоположнаго мнѣнія.

Я слышу, что вся русская армія теперь отступаетъ, и что на нашемъ правомъ флангѣ Матсунага соединился съ двѣнадцатой дивизіей и преслѣдуетъ непріятеля во всю. Я слышу также, что вчера ночью у Окасаки былъ еще упорный бой близъ г. Ліенхуашань. Какъ только стемнѣло онъ двинулся на сѣверо-востокъ черезъ долину къ востоку отъ г. Окасаки. Русскіе расположились на холмѣ, какъ разъ на западъ отъ Ліенхуашаня. Они рѣшительно и упорно защищали свою позицію, и снова штыкамъ и ручнымъ гранатамъ было отдано предпочтеніе передъ пулями, на этотъ разъ на болѣе законномъ основаніи, чѣмъ во время дневнаго боя на г. Окасаки. Русскіе были окончательно вытѣснены съ этой позиціи и отступили на Хаматань. Говорятъ, что маршалъ Ойяма написалъ Окасаки „Kanjo“ *).

5 часовъ дня.—Была сильная гроза и шелъ ледяной дождь, который, должно быть, причинилъ войскамъ много непріятности и былъ причиной смерти многихъ раненыхъ, которые могли-бы иначе еще оправиться.

Паньлашаньцзы. 10 час. вечера.—Мы опять собра-

*) *Kanjo* это письменная похвала, очень высоко цѣнимая награда, какъ для цѣлой части, такъ и для отдѣльнаго лица.

лись всѣ вмѣстѣ въ китайской фанзѣ. Повидимому русскіе давали сегодня только арьергардный бой и теперь всѣ уже находятся по ту сторону Шахэ. Пятая дивизія прибыла въ с. Вайтаушань (Вайтосанъ) на Шахэ въ 2 часа дня и хотѣла идти дальше. Куроки готовъ былъ согласиться, но въ главной квартирѣ Манчжурской арміи не хотѣли объ этомъ и слышать. Среди другихъ вещей, найденныхъ на вершинѣ г. Окасаки оказалась сабля того храбраго офицера, который руководилъ атакой внизъ по горѣ. Конецъ ея по крайней мѣрѣ на три дюйма былъ покрытъ запекшейся кровью, такъ что бѣдняга, очевидно, здорово ударилъ кого нибудь ею прежде нежели самъ палъ.

И такъ, великій бой оконченъ. Сколько тутъ испытано! Мой умъ отказывается вмѣстить все это, и я увѣренъ, что запасся пищей для размышленія на всю остальную жизнь.

Глава XXXIII.

Маленькій человѣчекъ въ зеленомъ.

Паньлашаньцзы, 15-го октября (2 окт.) 1904.—Если-бы намъ нужно было какое нибудь подтвержденіе полученныхъ нами свѣдѣній о томъ, что боевыя дѣйствія временно прекратились, то оно было-бы дано прибытіемъ цѣлаго отряда рабочихъ отъ главной квартиры, занявшихся переклейкой бумаги въ окнахъ и вообще генеральной чисткой всего мѣстечка, что всегда является вѣрнымъ показаніемъ довольно долгой остановки. Но впереди Второй арміи было еще много стрѣльбы, и я слышалъ, что они атакуютъ и стараются форсировать рѣку у мѣстечка Сахэпу.

По моему личному мнѣнію, планъ Куропаткина—расположить главную часть своихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ и пытаться обойти японское правое крыло у Бенсиху—не былъ хорошъ. Штакельбергъ повидимому сосредоточился у Фушуна и намѣревался, описавъ дугу въ 180° черезъ Бенсиху, обойти правый флангъ японцевъ и явиться къ Ляояну. Горы способствуютъ возможности задерживать движеніе непріятеля болѣе слабыми силами, и можно было предвидѣть, что Умезава, съ тѣмъ подкрѣпленіемъ, которое ему удастся получить отъ двѣнадцатой дивизіи, будетъ въ состояніи, занимая послѣдовательный рядъ позицій, задержать движеніе впередъ даже такихъ силъ, какъ силы Штакельберга, которыя, говорятъ, состояли изъ четырехъ дивизій пѣхоты и одной кавалерійской дивизіи. Тѣмъ

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5

временемъ, правое крыло русскихъ будетъ подвергаться опасности быть разбитымъ прямымъ наступленіемъ японцевъ по свободной и удобной большой дорогѣ и по желѣзной дорогѣ, и по дорогамъ, ведущимъ на сѣверъ отъ Янтайскихъ копей. Если-бы у Штакельберга была своя коммуникаціонная линія съ сѣверо-востокомъ или съ востокомъ, тогда планъ Куропаткина стоило-бы, пожалуй, испробовать. Но этого не было, и коммуникаціонная линія Штакельберга начиналась, въ дѣйствительности, отъ его базы къ сѣверу отъ Мукдена. Идея Ойямы была—двинуться впередъ лѣвымъ крыломъ и постараться обойти правый флангъ непріятеля. Поступая такимъ образомъ, онъ не только надѣялся оттѣснить его отъ желѣзной дороги, но вообще прогнать на востокъ въ горы, прочь отъ Мукдена и отъ коммуникаціонныхъ линій, которыхъ онъ могъ-бы тогда достичь только путемъ далекаго и кружнаго обхода въ сѣверномъ направленіи. Ойяма былъ готовъ подвергнуться порядочному риску на своемъ правомъ крылѣ у Бенсиху ради шансовъ такого большого успѣха, чувствуя полную увѣренность въ томъ, что малѣйшій успѣхъ на прямомъ пути вызоветъ отдачу приказанія остановиться начальнику, идущему обходнымъ путемъ въ 180°. Планъ Ойямы не удался вполнѣ, только потому, что русскіе сражались мужественно и что у нихъ подъ рукою было еще слишкомъ много войскъ на правомъ флангѣ и въ центрѣ, не смотря на могущественныя силы, отряженныя на лѣвый флангъ, подъ командой Штакельберга.

Если, однако, заниматься только просто одной абсолютной критикой, то каковы-бы ни были ея достоинства, она ничему не научитъ. Я постараюсь по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ изложить, какъ-бы слѣдовало поступить. Предположимъ, что я имѣлъ-бы честь состоять

въ генеральномъ штабѣ Куропаткина, какой-бы планъ атаки представилъ-бы я на его одобреніе?

Въ короткихъ словахъ, мой планъ заключался-бы въ томъ, чтобы сосредоточить главныя силы русскихъ у Паньлашаньцзы, заигрывая въ то-же время съ японскимъ правымъ флангомъ, дѣлая демонстраціи противъ него съ незначительными силами, только для того, чтобы занять его. Я открылъ-бы балъ ночнымъ маршемъ спеціальнаго отряда, съ которымъ я попытался обойти лѣвый флангъ маршала Ойямы по правому берегу Хуньхэ. Силы мои для этой цѣли состояли-бы изъ одной дивизіи пѣхоты и всей кавалеріи и конной артиллеріи. Другая моя колонна пошла-бы на югъ вдоль линіи желѣзной дороги, но главное ядро моихъ войскъ было-бы сосредоточено, какъ я уже говорилъ, на линіи Паньлашаньцзы—Туменцзы;—полная инціатива была-бы предоставлена командующимъ обоими флангами, такъ какъ ихъ коммуникаціонныя линіи въ сущности были-бы en l'air*). Тогда въ извѣстный моментъ, я ударилъ-бы со всей силой и мощью на японскій центръ, и долженъ былъ-бы его разбить. Куропаткину хорошо было извѣстно расположеніе японскихъ дивизій и ихъ силы прежде, чѣмъ онъ отправилъ Штакельберга на востокъ. Не было возможности безконечно оставлять его въ невѣдѣніи на счетъ ихъ распредѣленія. Поэтому ему было извѣстно, что силы его больше, и что вообще онъ сильнѣе противъ праваго центра японцевъ, но, вѣроятно, онъ не вполнѣ опредѣлилъ какъ слабъ, какъ страшно слабъ былъ Куроки между второй дивизіей и императорской гвардейской дивизіей. Однако, кое что онъ долженъ былъ все таки сообразить, и если-бы я состоялъ офицеромъ его штаба, даже при ошибочныхъ условіяхъ въ дѣйствительности при-

*) Въ воздухѣ.

нятаго имъ плана, я бы всячески постарался убѣдить его нанести хорошій рѣшительный ударъ прямо по правому флангу второй дивизіи или по лѣвому флангу гвардейской дивизіи.

Мнѣ, умудренному опытомъ совершившагося факта, кажется, что начальникъ штаба Куропаткина могъ-бы посовѣтовать своему главнокомандующему что нибудь въ этомъ родѣ, и что если-бы совѣтъ его былъ принятъ, то сраженіе могло-бы не такъ дурно кончиться для русскихъ, хотя наступленіе ихъ на Ляоянъ, конечно, было-бы во всякомъ случаѣ отражено. Фактъ, что наша Первая армія была слабѣе всего между второй и гвардейской дивизіей, и что до ночи 13-го числа (30 сент. ст. ст.) въ этой части нашего расположенія мы подвергались сильной опасности. Если-бы до этого числа русскіе явились сюда съ тѣми четырьмя дивизіями, которыми они располагали на линіи Паньлашаньцзы — Туменцзы и храбро повели-бы ночную атаку, то она оказалась-бы вполнѣ удачной.

Битва при Шахэ, которая со всѣхъ точекъ зрѣнія должна считаться однимъ изъ важнѣйшихъ сраженій, когда либо данныхъ на нашей планетѣ, будетъ несомнѣнно излюбленной темой разсужденій спеціалистовъ-историковъ. Числа будутъ подсчитываться и взвѣшиваться на вѣсахъ времени и благопріятнаго случая. Карты будутъ изучаться, и масса отдѣльныхъ личныхъ показаній будутъ разсматриваться и тщательно провѣряться. До тѣхъ поръ нельзя будетъ произнести никакого авторитетнаго сужденія о командирахъ и о войскахъ обѣихъ сторонъ. Однако, не слѣдуетъ также забывать, что время, потраченное на тщательное изслѣдованіе, не всегда вполнѣ окупается. Въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ мѣсяцевъ много будетъ выдумано басенъ, и многія лица поймутъ, что

для нихъ выгоднѣе запутать и затемнить источники. Поэтому я менѣе склоненъ, чѣмъ, быть можетъ, слѣдовало-бы, извиняться за то, что осмѣлился высказать здѣсь, на самомъ мѣстѣ событія, свое убѣжденіе, которое, несомнѣнно, на столько-же искренно, на сколько оно твердо.

Я написалъ все предыдущее, сидя въ ожиданіи одного важнаго офицера въ его помѣщеніи, въ маленькой комнаткѣ китайской кумирни. Воздухъ пропитанъ табачнымъ дымомъ. Одинъ изъ адъютантовъ, не спавшій всю прошлую ночь, сидитъ за столомъ, съ трудомъ тараща свои слипающіеся отъ усталости глаза. На канѣ, мелкій дежурный канцелярскій чиновникъ сидитъ, поджавши ноги, какъ Будда, и пишетъ приказы кисточкой и тушью, при чемъ каждая буква—настоящее произведеніе искусства.

Паньлашаньцзы, 16-го октября (3-го ст. ст.).—Вчера ночью былъ легкій морозъ. Пріятно чувствовать себя живымъ въ такой день; это чувство еще усиливается отъ окружающихъ насъ цѣлыхъ баталіоновъ мертвыхъ, которымъ земля дѣйствительно легка, такъ легка, что всюду кажется, будто они стремятся сбросить ее и снова выйти подышать прекраснымъ осеннимъ утромъ.

Мнѣ удалось получить достовѣрныя свѣдѣнія о числѣ русскихъ дѣйствительно похороненныхъ на полѣ сраженія до наступленія темноты вчера вечеромъ. Вотъ оно:

Лѣвый берегъ Тайцзыхэ	350
Далинъ и Тумыньцзылинъ	500
Высоты къ сѣверу и югу отъ Шанлюхедзы .	600
„ „ „ „ „ „ Сяотаку . . .	1000

Окрестности Санцзяцзы	600
„ Сейкошаня*).	300
Различныя разбросанныя мѣста	300

Это составляетъ 3.650 убитыхъ, дѣйствительно преданныхъ землѣ; но судя уже только по моимъ личнымъ наблюденіямъ въ ближайшихъ окрестностяхъ, слѣдуетъ накинуть по крайней мѣрѣ 10% на тѣла, оставшіяся еще неубранными, что въ общемъ составитъ 4.000. По обычно принятому разсчету, число убитыхъ помножается на пять и тогда получается общая цифра потерь, которая такимъ образомъ достигаетъ 20.000.

Число убитыхъ русскихъ передъ Второй и Четвертой арміей указывается въ 4.000; на основаніи того-же принципа, общія потери Куропаткина должны равняться цѣлымъ 40.000. Такъ какъ это сраженіе, въ первый разъ за всю эту кампанію, было случайнымъ, une bataille de rencontre, и у русскихъ поэтому не было преимущества полевыхъ укрѣпленій, то болѣе растянутый строй японцевъ и ихъ умѣнье пользоваться мѣстностью сильно были въ ихъ пользу.

Свои потери они считаютъ не болѣе 10.000, при чемъ они имѣютъ возможность, которой у русскихъ нѣтъ, быстро пополнить эту убыль. Японцы считаютъ, что они могутъ доставить одинаковое число людей къ Мукдену въ три раза скорѣе, нежели русскіе могутъ надѣяться это сдѣлать. По крайней мѣрѣ они такъ

*) Это былъ бой, видѣнный Винцентомъ 14-го (1-го октяб. ст. ст.), между лѣвымъ флангомъ бригады Окасаки и правымъ крыломъ Четвертой арміи, съ одной стороны, и русскимъ арьергардомъ, густо покрывавшимъ одинъ изъ кряжей, съ другой стороны. Кряжъ этотъ обстрѣливался съ юга артиллеріей второй дивизіи, а съ юго-запада артиллеріей четвертой дивизій. Всѣ потери, въ сущности, были причинены шрапнелью. Число похороненныхъ убитыхъ подтверждается въ данномъ случаѣ свѣдѣніями, полученными мною отъ одного изъ офицеровъ 40-го полка, занимавшагося какъ разъ этимъ дѣломъ.

говорятъ, хотя я думаю, что они нѣсколько увлекаются въ этомъ сравненіи.

Паньлашаньцзы, 17-го октября, (4-го ст. ст.) Въ концѣ всѣхъ радостныхъ вѣстей вчерашняго дня, вкрался одинъ маленькій прискорбный случай, запоздавшій и стыдящійся показаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой, пренебречь которымъ нельзя. Вчера пятая дивизія отступила, чтобы соединиться съ Четвертой арміей, оставивъ только одинъ баталіонъ для защиты г. Вайтаушаня *) (Ваитосана). Вчера ночью одинъ изъ русскихъ полковъ атаковалъ баталіонъ и послѣ жаркаго боя отбилъ Вайтаушань.

Но это еще не все. До насъ доходятъ слухи, черезъ прислугу и переводчиковъ, что Четвертая армія потеряла десять орудій. Обыкновенно я не обращаю внимания на лагерные слухи, которые столь же многочисленны и мало-достовѣрны въ японскихъ арміяхъ, какъ и въ нашихъ собственныхъ, но слухъ о пораженіи и несчастьи нѣчто новое и долженъ, я полагаю, имѣть нѣкоторое фактическое основаніе.

Паньлашаньцзы 18-го октября, (5-го ст. ст.) .—Въ 2 ч. дня вошелъ полковникъ Сатао и сказалъ, что ему приказано прочесть намъ сообщеніе.

Сообщеніе это было слѣдующее:

„Такъ какъ непріятель упорно сопротивлялся у Сахэпу впереди Второй арміи—пятой бригадѣ десятой дивизіи, Четвертой арміи было приказано выступить противъ лѣваго фланга непріятеля съ одной бригадой полевой и одной бригадой горной артиллеріи. Начальникъ бригады переправился черезъ рѣку и атаковалъ лѣвый

*) Русскіе называютъ „Гора съ Кумирней“. Ея не слѣдуетъ смѣшивать съ Лѣсистой сопкой, или „Горой Кумирни“, взятой бригадой Окасаки 11-го октября (28 сен. ст. ст.).

флангъ русскихъ, занимавшихъ позицію у Сахэпу, 16-го окт. (3-го стар. ст.). Однако, въ виду крайне упорной защиты со стороны непріятеля, онъ получилъ приказаніе отступить. Въ этотъ самый моментъ непріятель въ свою очередь съ большими силами и яростью атаковалъ бригаду. Произошло безпорядочное, кровопролитное сраженіе, продолжавшееся далеко за полночь. Обѣ стороны отступили одновременно, но бригада увидѣла, что во время боя ею утрачено девять полевыхъ и пять горныхъ орудій".

Я очень радъ, что японцы такъ откровенно сообщили намъ свои дурныя вѣсти. Сатао очень хорошо прочелъ намъ свое извѣщеніе. Я сказалъ только: „Такіе случаи неизбѣжны во время войны", онъ поклонился.

Насколько я припоминаю, это первая неудача японской арміи въ такомъ родѣ за много лѣтъ. Подобнаго несчастья не было въ китайскую войну и до сихъ поръ не было и въ Манчжуріи.

Паньлашаньцзы, 20-го окт. (7 ст. ст.). — У меня сегодня былъ длинный разговоръ съ однимъ изъ штабныхъ офицеровъ, главнымъ образомъ по поводу Портъ-Артура и дѣйствія 11-ти дюймовыхъ гаубицъ. Оказывается, что снаряды ихъ неоднократно попадали въ суда, стоящія въ гавани, и что, какъ только генералу Ноги удастся потопить нѣсколько, часть его арміи, вѣроятно, будетъ доставлена сюда *). Восьмая дивизія прибыла къ Янтайскимъ копямъ, и еще двѣ бригады Коби скоро прибудутъ къ боевымъ линіямъ. Непріятель впереди насъ сильно укрѣпляется. Японцы очень надѣются на то, что русскіе скоро снова двинутся впередъ и атакуютъ ихъ. Тотъ фактъ, что Куропаткинъ рѣшилъ

*) Я пропускаю всѣ извѣстія о Портъ-Артурѣ, такъ какъ это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Первой арміи.

идти къ югу и далъ послѣднее сраженіе, вмѣсто того, чтобы отступить и ждать Ойяму у Тѣлина къ сѣверу отъ Мукдена, было самымъ большимъ счастьемъ, котораго только могла ожидать Японія. Поэтому, здѣшняя главная квартира и позволяетъ себѣ надѣяться на то, что русскіе повторятъ свою ошибку и дадутъ еще сраженіе; кто его выиграетъ, конечно, нельзя сказать, но во всякомъ случаѣ это сраженіе будетъ рѣшающимъ, въ ту или въ другую сторону.

Что касается до орудій, взятыхъ у Четвертой арміи, то оказывается, что бригада потеряла всего около 500 человѣкъ. Орудія были захвачены послѣ наступленія ночи, когда они уже были въ походномъ порядкѣ. По мнѣнію японцевъ пятая бригада, во первыхъ, зашла слишкомъ далеко, а во вторыхъ ея отступленіе было, должно быть, плохо организовано и выполнено съ точки зрѣнія тактики. Если отступленіе предполагается ночью, то, очевидно, пѣхота не должна отступать пока артиллерія и ея обозъ не будутъ уже значительно впереди ея. Кромѣ того. когда главная часть пѣхоты отступаетъ, она все таки должна оставить сильный арьергардъ за собою, когда-же, какъ въ данномъ стучаѣ, сравнительно небольшой отрядъ проникаетъ на непріятельскую территорію, онъ непремѣнно долженъ оградить себя съ фланговъ. Если-бы командиръ 5-й бригады держался этихъ принциповъ въ ночь съ 16-го на 17-ое октября, (съ 3 на 4 ст. ст.) то тогда, если-бы даже пѣхота была уничтожена, артиллерія могла-бы спастись. Если-бы, однако, орудія были взяты послѣ сильной потери людьми, то тогда никто-бы ничего не сказалъ. Но потеря 500 человѣкъ является недостаточно большой, противопоставляя ей четырнадцать орудій, захваченныхъ непріятелемъ. Бригадный командиръ былъ черезъ чуръ смѣлымъ—вотъ и все. Молодые офицеры Первой арміи, услыхавъ объ

этомъ несчастіи, говорили: „Это очень полезно и спасительно для всѣхъ насъ, это научитъ насъ быть осторожными въ будущемъ“.

Днемъ я пошелъ съ Винцентомъ прогуляться, и мы пошли по направленію къ горѣ Ташанъ (Дайсанъ, черт. XXIV), на которую мы рѣшили взобраться. Когда мы были еще довольно далеко, то замѣтили на вершинѣ, ясно вырисовывавшуюся на фонѣ неба, фигуру человѣка—голову и плечи. Такъ какъ съ горы Ташанъ открывается обширный видъ, то казалось очень возможнымъ, что японцы поставили на нее часового для наблюденій, а такъ какъ за послѣднее время намъ уже не разъ угрожали револьверы и ружья по недоразумѣнію, то мы и старались теперь идти такъ, чтобы не давать повода насъ заподозрить. То есть, мы шли по голому отрогу какъ можно замѣтнѣе, вынимали платки, сморкались, громко разговаривали, чтобы показать, что мы не непріятельскіе шпіоны. Когда, однако, гора становится очень крутой, въ послѣдней стадіи подъема, то у карабкающихся уже не хватаетъ дыханія для подобныхъ демонстрацій и этимъ объясняется полнѣйшая неудача всѣхъ нашихъ предосторожностей.

Какъ только мы достигли гребня и вышли на плоскую площадку на вершинѣ, мы замѣтили маленькую японскую фигурку въ форменномъ пальто зеленоватаго оттѣнка, сидѣвшую тутъ и смотрѣвшую на сѣверъ въ полевой бинокль. Услыхавъ наши шаги, человѣкъ этотъ повернулъ голову и, увидѣвъ насъ, вскочилъ съ лицомъ, искаженнымъ отъ ужаса. У него въ рукахъ была длинная палка, которой онъ не переставая ударялъ по землѣ, яростно топоча при этомъ ногами, очевидно, окончательно внѣ себя, стараясь пробраться къ краю скалы, съ другой стороны которой, какъ мы знали, онъ могъ

призвать на помощь постъ съ сосѣдняго холма и вообще поднять переполохъ.

Винцентъ довольно бѣгло говоритъ по японски и тутъ старался вразумить нашего союзника, объясняя ему кто мы и откуда явились, но все это было ни къ чему, онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ говорить на вѣтеръ. Человѣчекъ нашъ совсѣмъ обезумѣлъ. Я никогда не забуду той картины, которую онъ представлялъ собой, ни выраженій страха и ярости, попеременно отражавшихся на его лицѣ. Въ своемъ зеленомъ одѣяніи, съ палкой въ рукѣ, топочащій ногами и бросающій на насъ взгляды ужаса, смѣшаннаго съ яростью, онъ казался какимъ-то сказочнымъ существомъ, явившимся помучить насъ. Наконецъ я шагнулъ впередъ—онъ ударилъ-бы меня, если-бы я близко подошелъ къ нему—и положилъ свою визитную карточку, съ четко написанными на ней по японски чиномъ и фамиліей, на большой камень. Я предполагаю, что тогда въ умъ его проникла мысль, что казаки не стали-бы передъ нападеніемъ предъявлять своихъ визитныхъ карточекъ намѣченной жертвѣ. Какъ-бы то ни было, все еще держа палку поднятой, готовый ударить, онъ осторожно подошелъ къ камню послѣ того, какъ я столь-же осторожно отъ него отошелъ, держа руки вытянутыми въ доказательство того, что за моей скромной карточкой не кроется предательства. Когда онъ, косясь однимъ глазомъ, прочелъ надпись, то наконецъ, на половину убѣдился, что мы не то, чѣмъ ему показались, но, наоборотъ, лишь двое благородныхъ джентельмэновъ, вышедшихъ погулять и подышать воздухомъ. Онъ поклонился намъ и мы даже немного поговорили съ нимъ.

Военный аташе никогда не долженъ пренебрегать благопріятнымъ случаемъ. Занятъ-ли онъ любовью или войной, отдыхаетъ или работаетъ—онъ непрестанно

долженъ зорко глядѣть вокругъ, чтобы не потерять малѣйшаго случая получить какія нибудь свѣдѣнія. Поэтому, какъ только мы узнали, что нашъ новый знакомый докторъ, мы тотчасъ принялись его разспрашивать о госпиталяхъ. Онъ сообщилъ намъ, что съ половины августа его госпитали были все время биткомъ набиты. Онъ велъ тщательныя записки по описанію характера пораненій, встрѣчавшихся въ его собственномъ госпиталѣ, и часто обсуждалъ этотъ вопросъ со своими коллегами врачами; онъ считаетъ, что если принять раны, полученныя отъ ружейныхъ пуль за 100, то процентъ ранъ отъ шрапнели будетъ составлять около 20, а процентъ штыковыхъ ранъ—2. Онъ состоитъ при Первой арміи уже съ февраля, но никогда не слышалъ до сихъ поръ о нашемъ существованіи. Даже и послѣ этого пріятнаго разговора нашъ пріятель не чувствовалъ себя совсѣмъ по себѣ. Поэтому онъ покинулъ наше общество какъ только счелъ возможнымъ это сдѣлать безъ невѣжливости, и мы послѣ видѣли, что онъ серьезно совѣщался съ унтеръ-офицеромъ и нѣсколькими солдатами сосѣдняго поста, которые всѣ смотрѣли на насъ съ большимъ любопытствомъ.

Я пришелъ къ твердому рѣшенію не выходить больше безъ сопровожденія японскаго солдата. Два дня тому назадъ, когда я бѣгалъ вокругъ холмика, чтобы отогрѣть ноги, на меня вдругъ наставилъ свое заряженное ружье часовой, а я всегда считалъ привычку поднимать огнестрѣльное оружіе въ уровень съ головами людей крайне опасной. Вчера жандармъ грозилъ револьверомъ Винценту, который при этомъ такъ бѣгло заговорилъ по японски, что если-бы его могъ въ эту минуту слышать экзаменаторъ въ Токіо, то онъ выдержалъ-бы, я увѣренъ, экзаменъ съ честью; сегодня-же наше приключеніе было еще хуже, потому что у меня нѣтъ и тѣни

сомнѣнія въ томъ, что будь у нашего доктора револьверъ, то раньше были бы выстрѣлы, а уже потомъ объясненія. Я люблю приключенія и въ былыя времена не мало ихъ встрѣчалось на моемъ пути, но теперь ихъ достаточно и я не хочу новыхъ. Быть пристрѣленнымъ докторомъ было-бы слишкомъ глупое окончаніе для жизни, представляющей для меня нѣкоторый интересъ. Когда нибудь я кончу жизнь съ докторской помощью, я съ этимъ согласенъ. Это общая участь, но револьверъ не является узаконеннымъ оружіемъ для этой цѣли.

Глава XXXIV.

Банкеты и празднества.

Паньланшаньцзы, 21 октября (8-го ст. ст.) 1904.—Дуетъ рѣзкій холодный вѣтеръ, хотя ничего спеціально „сибирскаго“ въ температурѣ не замѣчается—морозу, я думаю, не болѣе четырехъ, пяти градусовъ. Я опять ходилъ гулять съ Винцентомъ, но послѣ нашего вчерашняго приключенія, мы заставили сопровождать насъ одного изъ вахмистровъ, хотя ему это было не особенно понутру. Онъ считаетъ насъ просто сумасшедшими за то, что мы лазаемъ вверхъ и внизъ по горамъ безъ какой либо явной выгоды или развлеченія.

Нашъ спутникъ былъ въ необычайно разговорчивомъ настроеніи. Онъ не допускаетъ, чтобы кто либо изъ солдатъ усталъ отъ военныхъ тревогъ и жаждалъ-бы отдохнуть на лонѣ семьи, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ горожанъ. Я вижу, что онъ считаетъ вполнѣ естественнымъ, что горожанинъ въ своемъ патріотизмѣ менѣе выносливъ, чѣмъ сельскій житель.

Я склоненъ съ этимъ согласиться. Крестьянинъ, воздѣлывающій даже самый маленькій клочекъ своей собственной земли, находится въ нѣсколько иномъ духовномъ отношеніи къ своей родинѣ, чѣмъ купецъ, только извлекающій деньги изъ нея, или фабричный рабочій, получающій заработную плату. Земледѣльцу принадлежитъ кусочекъ родины. Я видѣлъ большія пространства чужеземной страны, на которыхъ хозяйство велось на широкую ногу при помощи машинъ и наемнаго труда,

и тутъ-же я сравнивалъ ихъ съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ хозяйствъ. Съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства не можетъ быть сравненія. Обработка на широкую ногу извлекаетъ больше изъ матери-земли. Но съ точки зрѣнія человѣчности тоже не можетъ быть сравненія. Крестьянинъ-собственникъ является человѣкомъ; гордымъ, сильнымъ, независимымъ человѣкомъ, которому дороги интересы родины. Вотъ такіе-то люди и нужны намъ въ качествѣ солдатъ, зажиточные крестьяне-собственники, которые отъ начала исторіи составляли и до конца ея будутъ составлять опору имперій.

Отъ солдатъ нашъ фельдфебель перешелъ къ замѣчанію, что японская нація не будетъ считать себя вполнѣ удовлетворенной войной, если потери ея не достигнутъ по крайней мѣрѣ 200.000. Онъ считаетъ, что Первая армія ведетъ себя прекрасно, такъ какъ одна треть изъ тѣхъ, которые въ февралѣ отправились въ Корею, или умерли или больными вернулись въ Японію. Мы не оцѣниваемъ нашихъ войнъ съ такой точки зрѣнія; я думаю, что и японцы этого не дѣлаютъ; но ему нравится такъ говорить, и я, дѣйствительно, часто имѣлъ случай замѣтить, что наши союзники не только не пытаются уменьшить число своихъ потерь, а, скорѣе напротивъ склонны ихъ преувеличивать. Я думаю, что нашъ пріятель разсказываетъ намъ сказки нарочно. Онъ сообщаетъ намъ, что въ Кіусіу народъ непостояннаго, горячаго и вспыльчиваго нрава. Двѣнадцатая дивизія вся набрана тамъ, и это отчаянные ребята для атаки, потому что, когда они раздражены, то ихъ ужъ ничто не удержитъ. Лучшіе моряки вербуются близъ Симоносеки въ Ямагучи и Кигошимѣ. Лучшими солдатами во всей арміи, по общему признанію, считается вторая дивизія изъ Сендая. Это люди твердаго, положительнаго характера, не чрезмѣрно вспыльчивые. Наконецъ, онъ разсказалъ намъ, что во

время ночной атаки на Бенсиху, русскіе выкрикивали заученную ими наизусть японскую фразу: „Русскіе идутъ, Русскіе идутъ!“ „Однако“ прибавилъ нашъ разсказчикъ, „они не очень-то далеко прошли“. Пожалуй, не стоило-бы обременять моей записной книжки такой хвастливой болтовней, но одинъ то разъ можно это сдѣлать и занести хотя бы и забавныя, пристрастныя и невѣжественныя мнѣнія кавалерійскаго вахмистра.

Днемъ я осматривалъ полевой госпиталь второй дивизіи въ Санцзяцзы. Въ общемъ въ госпиталѣ лежатъ 780 человѣкъ этой дивизіи, изъ которыхъ только 30 больныхъ, остальные раненые. Шестнадцать русскихъ раненыхъ было принесено сюда, но всѣ, кромѣ одного, были отосланы прочь. Докторъ, водившій насъ по госпиталю, сказалъ намъ, что половина ранъ нанесены шрапнелью, и только десять штыковыхъ. Оба эти сообщенія могли-бы привести къ невѣрнымъ выводамъ, если-бы они не были дополнены другими свѣдѣніями, полученными нами во время этого осмотра, а именно, что сравнительно гораздо болѣе значительное число раненыхъ шрапнелью объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что вся бригада Окасаки скучилась на Лѣсистой сопкѣ тотчасъ послѣ ея взятія и подверглась страшно сильной бомбардировкѣ; во вторыхъ тѣмъ, что русскій штыкъ съ его тонкимъ стержнемъ и притупившимся остріемъ не пробиваетъ толстаго сукна и почти неизмѣнно сгибается. Мы всѣ видѣли согнутые русскіе штыки, валяющимися на мѣстахъ стычекъ, такъ что это, безъ сомнѣнія, вѣрно и является весьма ободряющимъ факторомъ для нравственнаго духа японцевъ при вступленіи ихъ въ рукопашный бой съ непріятелемъ. Мужество больныхъ прямо поразительно. Всѣ они рвутся обратно къ своимъ полкамъ настолько, что доктора говорятъ, что это волненіе замедляетъ ихъ выздоровленіе.

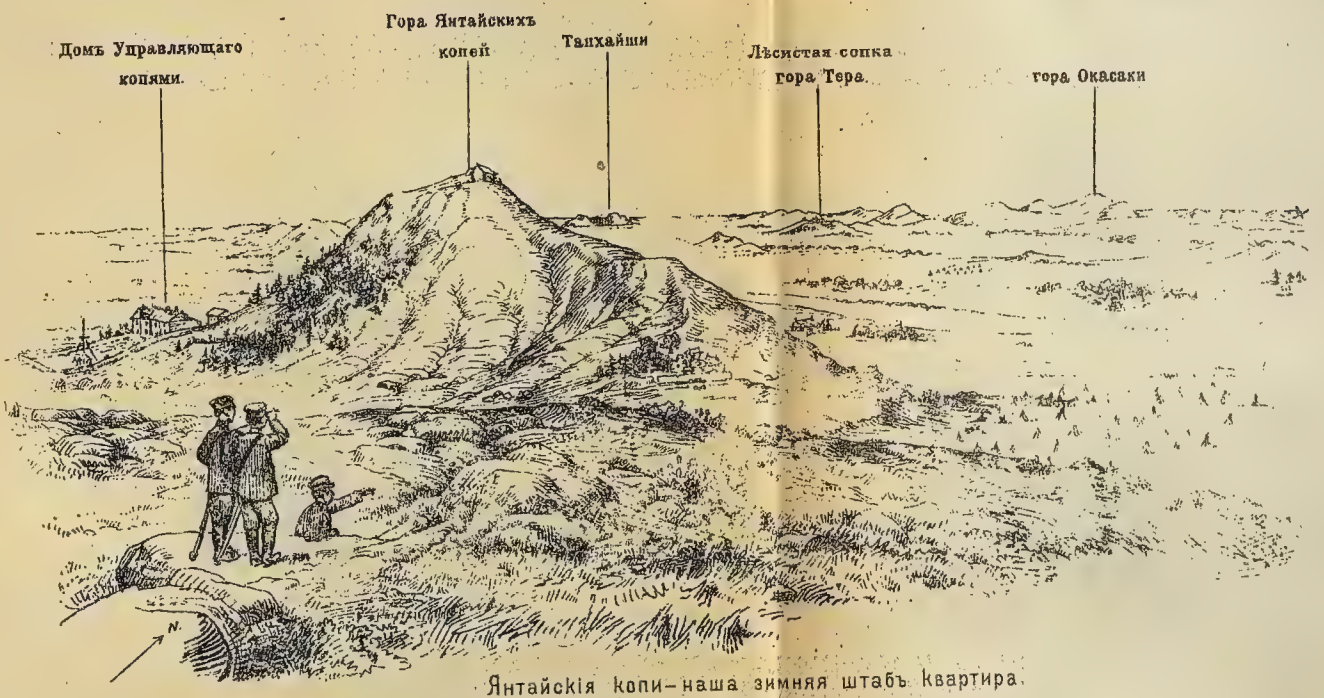
Вѣжливость этихъ храбрыхъ молодцовъ почти сверхъчеловѣческая. Больные, даже при смерти больные, старались приподняться на рукахъ и на колѣняхъ, чтобы поклониться иностраннымъ офицерамъ.

Вечеромъ я встрѣтилъ одного изъ своихъ штабныхъ друзей, только что вернувшагося со свиданья съ маршаломъ Ойямой. Въ разговорѣ великій маркизъ сказалъ: „Если Первая армія не захватитъ нѣсколькихъ орудій, она не можетъ надѣяться на Kanjo (похвальный листъ)“, на что мой пріятель, играя этимъ словомъ, возразилъ: „Вашему Превосходительству не зачѣмъ безпокоиться, мы возьмемъ свое Kanjo (онъ долженъ заплатить за выстрѣлъ) съ непріятеля *).

Паньланшаньзы 25-го октября (12-го ст. ст.). Жардайнъ, вернулся съ цѣлымъ ворохомъ свѣдѣній послѣ десятидневнаго пребыванія въ кавалерійскомъ полку. Первое его появленіе страшно поразило японцевъ, онъ слышалъ возгласъ кавалерійскаго полковника, равносильный по японски нашему „чортъ его побери“, когда ему доложили, что явился иностранецъ, прикомандированный къ его части. Я думаю, всякій пойметъ его чувства. Тѣмъ не менѣе ничто не могло быть любезнѣе его отношенія къ Жардайну. Послѣдній помѣстился съ пятью другими офицерами въ маленькой китайской комнаткѣ въ 12 квадратныхъ футовъ и имѣлъ возможность, благодаря предоставленнымъ ему удобствамъ, ознакомиться почти со всѣмъ происходившимъ, начиная съ дежурной комнаты и ученья, до рекогносцировокъ и маневрированія.

Чтобы соединить моціонъ съ новостями, я отправился съ нимъ на Штыковую сопку, маленькій холмъ, на которомъ на моихъ глазахъ русскій отрядъ былъ обойденъ маленькимъ отрядомъ людей Матсунаги съ Ташана (черт. XXIV).

*) непереводимая игра словъ.



Янтайскія копи—наша зимняя штабъ квартира.

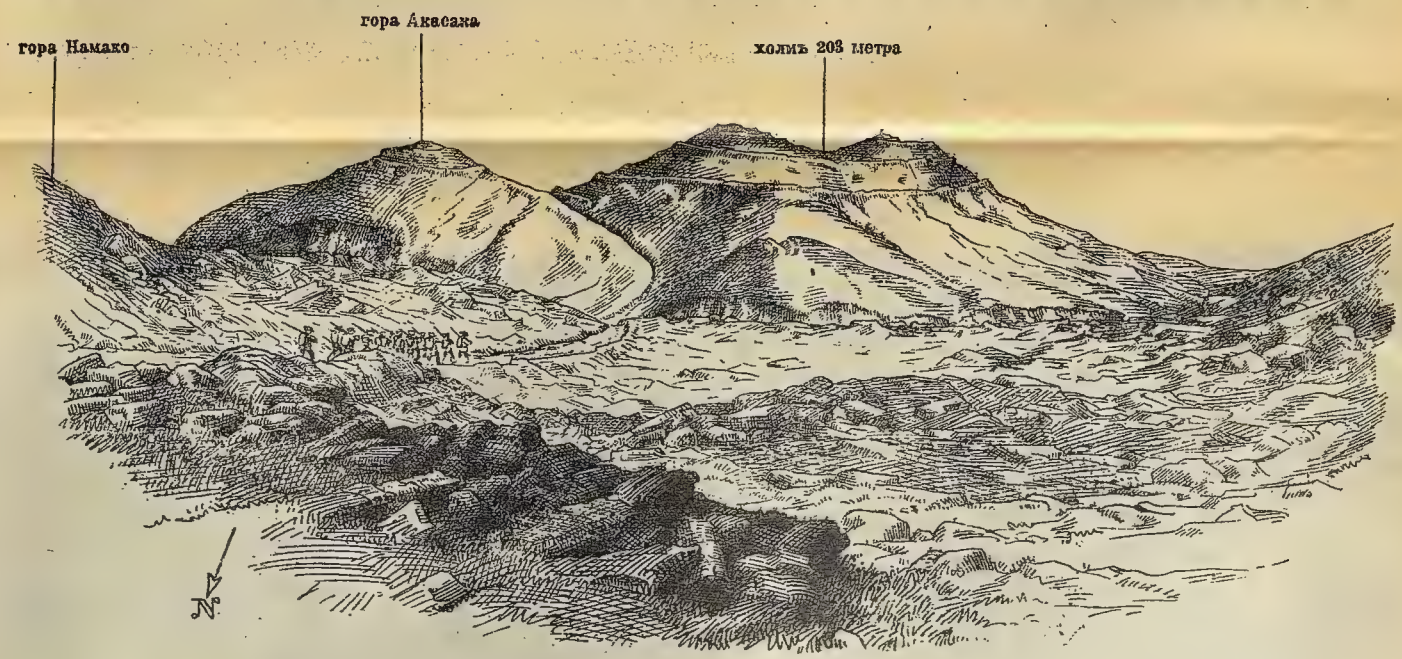
Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картогр. зав. Д Руднева С.П.Б. Нов. пер. д. 5

Вѣжливость этихъ храбрыхъ молодцовъ почти сверхъ-человѣческая. Больные, даже при смерти больные, ста-

Ташана (черт. XXIV).

*) непереводимая игра словъ.



Холмъ „203“ метра близъ П. Артура

XXXVI

Изданіе склада „Офицеръ–Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5.

Оглядывая мѣстность, я возобновилъ въ своей памяти этотъ драматичный эпизодъ и еще яснѣе, чѣмъ 11-го, понялъ, какимъ яркимъ примѣромъ превосходства японскаго солдата онъ являлся. Страсть этого солдата къ борьбѣ и его индивидуальность дѣлаютъ его почти независящимъ отъ вождей и строя, разъ онъ уже бросился въ атаку. Функціи японскихъ офицеровъ сводятся къ администраціи и обученію. Они прекрасные вожди, нельзя быть храбрѣе, но предводительство ихъ не такъ необходимо въ сраженіяхъ, какъ у другихъ націй. Вопросъ о построеніяхъ является насущнымъ въ Европѣ, потому что строй является однимъ изъ средствъ, дающимъ командирамъ возможность, какъ довести свои войска до желаннаго пункта съ наименьшимъ уроном, такъ и имѣть въ своемъ распоряженіи въ нужный моментъ необходимыя силы потребнаго рода оружія для того, чтобы сломить непріятельскую оборону. Но если каждый простой солдатъ рѣшилъ вступить въ рукопашный бой съ непріятелемъ и достаточно понятливъ, чтобы использовать при этомъ всѣ преимущества мѣстности, то тогда по крайней мѣрѣ половина, и притомъ самая трудная половина, тѣхъ данныхъ, которыхъ стараются добиться ученіемъ, построеніями и предводительствомъ, уже является національными качествами. Несомнѣнно это и хотѣлъ сказать одинъ офицеръ, находившійся въ веселомъ настроеніи, въ далекіе дни Фынхуанчэна, когда онъ настаивалъ на томъ, что японцы могутъ скорѣе обратить крестьянина въ хорошаго солдата, нежели нѣмцы.

10 ч. вечера. — Полковникъ Сатао принесъ намъ телеграмму, въ которой говорится, что Балтійскій флотъ потопилъ одно британское судно и повредилъ два другихъ близъ Дувра. Никто не понимаетъ, что это значитъ, и многіе этому не вѣрятъ.

Паньланшаньцзы, 27-го октября, (14-го ст. ст.).— Юмъ вернулся послѣ того, какъ онъ видѣлъ, какъ японцы вновь отбили г. Вайтаушань у русскихъ. Такъ какъ она далеко выступаетъ въ долину Шахэ, японцы будутъ теперь имѣть возможность слѣдить за движеніями русскихъ. Юмъ живо описалъ намъ, какъ одинъ русскій офицеръ снова собралъ своихъ людей, окончательно было уже покинувшихъ свои окопы. Онъ побѣжалъ за ними, остановилъ ихъ, умолялъ, наконецъ таки вернулъ и смѣлымъ натискомъ вновь отбилъ окопы, въ которые за это время успѣло пробраться пока всего около дюжины японцевъ. Храбрый малый! Будемъ надѣяться, что онъ получитъ Георгіевскій крестъ. Сегодня происходило празднованіе побѣды на г. Окасаки. Самъ Окасаки ѣхалъ на великолѣпномъ русскомъ конѣ, взятомъ у непріятеля.

Паньланшаньцзы, 28-го октября (15-го ст. ст.). — Одинъ изъ офицеровъ штаба главной квартиры Манчжурской арміи пріѣхалъ повидаться съ нами и поговорить о русскомъ Балтійскомъ флотѣ и его странномъ поведеніи. Я не думаю, чтобы этотъ инцидентъ кончился войною, но многіе здѣсь другого мнѣнія.

Мнѣ говорили, что взятыми японскими орудіями уже пользовались для стрѣльбы по нашимъ позиціямъ вдоль Шахэ. Говорили также, что два изъ нихъ торжественно провозились по улицамъ Мукдена. Я спросилъ, какъ къ этому отнесся китайскій губернаторъ, а мнѣ на это отвѣтили японской поговоркой. „Онъ ждетъ пока не увидитъ цвѣта знамени“.

Паньланшаньцзы, 29-го октября (16-го ст. ст.).— Сегодня ничего новаго нѣтъ, кромѣ волненія на счетъ русскаго флота и нашихъ рыбачьихъ лодокъ. Японцы очень возбуждены.

Паньланшаньцзы, 30-го октября (17-го ст. ст.).— Съ балтійскими сегодня тихо.

Паньланшаньцзы, 3-го ноября (21 окт. ст. ст.) Сегодня торжественный день, въ который Императоръ празднуетъ свое рожденье. Тотчасъ послѣ завтрака я надѣлъ свою саблю и отправился поздравить генерала Куроки и его императорское высочество принца Куни. Я нашелъ ихъ обоихъ сидящими въ палаткѣ, раскинутой во дворѣ ихъ дома. Принцъ, къ несчастью, страдалъ приступомъ инфлуэнціи. Мы вели самый обыкновенный разговоръ, когда все вдругъ освѣтилось появленіемъ на сценѣ храбраго генерала Окасаки во всѣхъ своихъ регаліяхъ и съ маленькимъ японскимъ флагомъ въ рукѣ. Онъ, дѣйствительно, былъ веселъ и изященъ, какъ женихъ въ день свадьбы. Онъ передалъ свой флажокъ, изящно взмахнувъ имъ, принцу Куни; схватилъ за обѣ руки Винцента, сказавшаго что-то въ шутку, и сталъ качать его изъ стороны въ сторону, дѣлая видъ, что разсердился. Вообще онъ деражалъ себя такъ весело и непринужденно, что былъ болѣе похожъ на живого ирландца въ веселую минуту, чѣмъ на сдержаннаго и крайне корректнаго японца.

Я сказалъ ему, что онъ долженъ двигаться немного тише въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, иначе онъ убьетъ несчастныхъ иностранныхъ аташе, которые, работая усердно перомъ и чернилами, чтобы идти вровень съ его подвигами, все-же безнадежно отстаютъ отъ него. Онъ отвѣчалъ, указывая на Куроки: „Инструкціи я получаю отъ его превосходительства, я ихъ передаю моимъ полковымъ командирамъ, а они со своими людьми приводятъ ихъ къ успѣшному концу!“

Я спросилъ его, не въ его-ли собственномъ саду выросъ тотъ чай, который онъ мнѣ какъ-то давно прислалъ въ подарокъ! Въ отвѣтъ на это онъ расхохотался

и сказалъ: „Это былъ русскій чай, и садъ, въ которомъ онъ выросъ,—моя сабля“.

Когда мы вернулись, у насъ былъ большой обѣдъ, а потомъ мы отправились въ театръ, устроенный въ одномъ изъ бывшихъ русскихъ бараковъ. Нашъ приходъ помѣшалъ „дѣйствію“, которое шло на сценѣ; представленіе было еще болѣе прервано появленіемъ солдатъ, принесшихъ каждому изъ насъ по небольшой чашѣ краснаго вина, поданнаго съ плитками сушеной рыбы и съ сладкимъ печеніемъ. Англійская публика, вѣроятно, была-бы этимъ раздосадована, но японцы нисколько. Тутъ, къ моему крайнему удивленію, всталъ маркизъ С. и ударивъ по столу, призывая къ тишинѣ, обратился къ публикѣ съ рѣчью. Я уловилъ мое собственное имя, и всѣ въ театрѣ встали, тогда у меня внезапно мелькнула мысль, это меня представляютъ толпѣ. Я вскочилъ на ноги и почтительно раскланялся на всѣ стороны. Это оказалось вполнѣ корректнымъ и въ порядкѣ вещей, и толпа только что собиралась сѣсть, какъ рѣчь началъ комендантъ, говоря что иностранные офицеры и генералъ-лейтенантъ сдѣлали ему большую честь, явившись на его убогое увеселеніе, что онъ очень извиняется за его грубость, убогость и общее несоотвѣтствіе подобному случаю, на что я отвѣтилъ на сколько съумѣлъ подходящимъ образомъ.

Занавѣсъ изображало красное одѣяло, которое держали два солдата, ложившіеся по данному сигналу. Такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы подниматься занавѣсъ опускался передъ началомъ представленія. Сначала была пьеса, не настоящая пьеса, а то, что японцы называютъ „танецъ меча“. Актеръ долженъ былъ отмстить за брата и пантомимой изобразилъ, какъ онъ обожаетъ свой мечъ и какъ имъ убиваетъ человѣка. Все это заняло очень много времени, и заслужило большое одоб-

реніе публики. Я полюбовался той молніи подобной быстротой, съ которой онъ выхватилъ изъ ноженъ свой мечъ и нанесъ смертельный ударъ, полоснувъ снизу.

Затѣмъ появился мѣстный китаецъ, исполнившій романсъ на чемъ-то въ родѣ цитры. Онъ игралъ хорошо, положивъ свой инструментъ на полъ и ударяя по немъ двумя маленькими молоточками. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, интеллигентнаго вида, съ весьма спокойнымъ и благороднымъ выраженіемъ лица. Нѣкоторые полагаютъ, что японцы и китайцы похожи другъ на друга. Я-же могу сказать, что невозможно себѣ представить какихъ либо представителей человѣческой расы, которые болѣе-бы отличались другъ отъ друга, чѣмъ японскій воинъ съ его угрожающими, жестами, сверкающей саблей, голыми руками и бѣлой повязкой, туго стянутой вокругъ висковъ, и, съ другой стороны, этотъ тихій и меланхоличный исполнитель романса на цитрѣ.

По окончаніи романса, Накамура произвелъ громадный эфектъ выйдя передъ занавѣсомъ и объявивъ: „Теперь будетъ пѣть очень, очень красивая дѣвушка“,

Все возможно, и это объявленіе произвело цѣлую сенсацію. Занавѣсъ упалъ и нашимъ глазамъ предсталъ дюжій солдатъ одѣтый гейшей, его встрѣтили взрывомъ смѣха, хотя и съ разочарованіемъ. Но онъ оказался легкимъ, какъ пухъ, танцоромъ и пѣлъ также про любовь и вишневый цвѣтъ, какъ заправская гейша.

Послѣ всего на сцену вышелъ китайскій хоръ музыкантовъ, и заигралъ, что называется во всю. Я никогда еще не слыхалъ подобнаго шума. Одинъ серьезнаго вида старикъ такъ добросовѣстно билъ въ барабанъ, что перещеголялъ даже тѣхъ господъ въ пенснэ, которые участвуютъ въ нѣкоторыхъ популярныхъ концер-

тахъ въ Лондонѣ; при этомъ онъ билъ не съ перерывами, а безъ передышки, какъ барабанъ въ концѣ симфоніи Чайковскаго „1812-ый годъ.“ Были тутъ и цимбалы, большіе и громкіе, были и маленькіе цимбалы, съ пронзительнымъ звукомъ. Былъ большой гонгъ, въ родѣ тѣхъ, которыми сзываютъ къ обѣду. Былъ и маленькій гонгъ, вставленный въ рамку, по которому черезъ каждыя полсекунды ударялъ мальчикъ палочкой, напоминавшей тѣ, которыми играютъ въ поло, но въ миніатюрѣ. Было два свирѣльщика, которые въ своемъ стараніи состязаться съ цимбалами, до такой степени раздували щеки, что я даже и представить себѣ не могъ, что это возможно. Либо у китайцевъ легкія сильнѣе, чѣмъ у европейцевъ, либо щеки у нихъ гораздо эластичнѣе. Послѣднимъ въ моемъ перечнѣ, но не послѣднимъ въ смыслѣ исполненія является игравшій на инструментѣ, представляющемъ, вѣроятно, прототипъ нашихъ церковныхъ органовъ. Сильный музыкантъ, пунцевый и потный отъ своихъ стараній, вдувалъ цѣлый ураганъ въ предметъ, имѣвшій видъ чайника средняго размѣра, черезъ трубку, похожую на носокъ чайника. Вокругъ этого чайника были расположены трубы, изъ которыхъ самая длинная была около фута длины, а самая короткая, можетъ быть, четыре или пять дюймовъ. У этихъ трубъ были отверстія, прорѣзанныя, такъ, на полъ дюйма разстоянія отъ ихъ основанія, совершенно, какъ отверстія, въ органныхъ трубахъ. Въ общемъ этотъ удивительный оркестръ далъ мнѣ, я думаю, понять тѣ чувства, которыя испытываетъ профанъ, пришедшій слушать Вагнера, потому что это въ модѣ.

Все окончилось приходомъ отряда дюжихъ линейныхъ солдатъ, которые маршировали ровнымъ шагомъ, по два въ рядъ, останавливались, становились во фронтъ

и пѣли національный гимнъ *), которому мы всѣ подпѣвали тоже стоя, вытянувшись на нашихъ мѣстахъ.

Угольныя копи, 4-го ноября, (22 окт. ст. ст.). — Общая реакція послѣ вчерашняго дня. Сумино говоритъ мнѣ, что, когда войскамъ въ такіе торжественные случаи, какъ вчера, даютъ „сакэ“, то всегда дѣлается распоряженіе на счетъ замѣны его чѣмъ либо для трезвенниковъ, для того, чтобы нельзя было сказать, что государство поощряетъ порокъ пьянства. Такимъ образомъ, вчера три-пятыхъ арміи отказались отъ саке и получили взамѣнъ по пакетику сладостей.—Въ лагерѣ ходитъ слухъ, что Куропаткинъ разрушилъ всѣ мосты въ тылу своей арміи, такъ что въ слѣдующемъ сраженіи русскимъ надо будетъ или побѣдить, или умереть. Это предполагаемое отчаянное рѣшеніе, однако, значительно умаляется тѣмъ фактомъ, что недѣли черезъ двѣ всѣ рѣки окончательно замерзнутъ.

Угольныя копи, 9-го ноября. (27 октября ст. ст.).— Когда я всталъ сегодня утромъ въ 7 часовъ, то нашелъ весь домъ въ безпорядкѣ, нѣсколько рабочихъ командъ было занято убранствомъ дома флагами. Это день рожденья нашего Короля, и мало по малу начали являться офицеры съ поздравленіями, а иногда даже и съ весьма пріятными подношеніями. Въ 8 часовъ явился капитанъ Танака, привезшій съ собой огромный ящикъ лучшаго шампанскаго, подарокъ отъ маршала

*) Японскій національный гимнъ очень трудно перевести. Дословный переводъ будетъ такой: „Династія императора 1000 лѣтъ и 8000 лѣтъ, пока камешки поросшіе мохомъ не сдѣлались большимъ камнемъ“. Я увѣренъ, что этого нельзя удовлетворительно переложить въ гладкіе стихи. Тѣмъ не менѣе я беру на себя большую смѣлость и рѣшаюсь предложить свою попытку передать идею и до нѣкоторой степени размѣръ:

Камни мохомъ вѣка порастаютъ,
Обращаясь въ скалу наконецъ.
Царскій родъ нашъ-вѣка процвѣтаетъ,
Императоръ нашъ-рода вѣнецъ!

Ойямы. Чтобы первымъ меня поздравить, онъ выѣхалъ, когда еще было темно и въ страшный холодъ, въ 6 ч. утра, изъ главной квартиры Манчжурской арміи. Затѣмъ явился другой офицеръ, принося поздравленія отъ имени генераловъ Кодамы и Фукушимы. Послѣ него явился подполковникъ Курита, отъ генерала Куроки, въ сопровожденіи адъютанта его императорскаго высочества принца Куни, и вскорѣ оказалось, что я пью шампанскимъ здоровье Короля, и у меня происходитъ неофиціальный, но въ нѣкоторомъ родѣ торжественный пріемъ отъ 8-ми до 11-ти. Танака ушелъ послѣднимъ и въ ознаменованіе этого торжественнаго дня посвятилъ мнѣ три стихотворенія о Куропаткинѣ, подписавъ ихъ „Томми Аткинсъ“.

Я дамъ сначала вольную передачу ихъ, а затѣмъ дословный переводъ. Первый стихъ представляетъ игру словъ, каламбуръ на имена главныхъ генераловъ. Такъ Куропато *)—черный голубь, Ойяма—высокая гора, Куроки—черное дерево и т. д.

Непріятельскій вождь.

№ 1,

На высокой горѣ, гдѣ не таютъ снѣга,
Темный лѣсъ такъ уныло шумитъ,
Надъ кровавымъ пятномъ, гдѣ рукою врага
Черный голубь былъ раненъ на смерть.

№ 2.

На Рамы храмъ въ послѣдній разъ онъ поднялъ очи:
Веселье, радость тамъ. Весь храмъ залитъ луною...

*) Куропаткинъ, по-японски черный голубь.

И бѣлаго *) коня пришпоривши ногою,
Какъ снѣжный вихрь летя, исчезъ онъ въ мракѣ ночи.

№ 3.

Содрогаяся стонутъ всѣ горы кругомъ:
Это эхо разноситъ такъ пушечный громъ.
Черный голубь летитъ, онъ укрыться спѣшитъ
Тамъ въ дали голубой, пока солнце горитъ.

№ 1.

Kuropato no bakuyei
Oyama no Oku no Kodama ni osoreken
Kuroki hato yoyo
Nozumai wo shite.

Далеко въ вышинѣ, на высокой горѣ средь черныхъ деревъ, онъ свалилъ чернаго голубя маленькой пулей.

№ 2.

Обернувшись назадъ вождь врага смотритъ и видитъ какъ ночь за ночью глядѣла луна на погоду Рамы.

№ 3.

Черный голубь напуганный эхомъ горъ, летитъ уснуть на полѣ во время ночи.

Вечеромъ былъ данъ большой банкетъ въ честь нашего Короля. Стѣны столовой были украшены японскими флагами, а также словомъ „Hurrah“! написанномъ громадными готическими буквами Накамурой. Буквы были исполнены при помощи наклеенныхъ желтыхъ сѣмянъ гаоляна на бѣломъ фонѣ, благодаря этому получался

*) По словамъ японцевъ Куропаткинъ всегда ѣздитъ на бѣломъ конѣ.

эффектъ, точно оно изъ матоваго золота. Столъ былъ украшенъ цвѣтами и карликовыми цвѣтущими кустами, которые солдаты съ необычайнымъ трудомъ соорудили изъ валежника, на который, придавъ ему предварительно прямо художественные изгибы, они насадили пучки ваты и маленькіе цвѣточки, вырѣзанные изъ моркови. Было также много бѣлыхъ и желтыхъ розъ, искусно сдѣланныхъ изъ папиросной бумаги.

Послѣ обѣда и рѣчей, мы перешли въ сосѣднюю комнату, и Накамура далъ намъ представленіе, изображая то кого нибудь, то что нибудь. Я хорошенько не помню всего, но знаю, что онъ изображалъ животныхъ и заставлялъ насъ, бывшихъ и безъ того въ веселомъ настроеніи, хохотать до слезъ. Въ продолженіе всего этого времени оркестръ императорской гвардіи, присланный ради такого торжественнаго случая, игралъ очень усердно, и подъ звуки польки явился въ переднюю фельдфебель Ватанабэ. Онъ все придумывалъ послѣдніе дни, какъ-бы меня получше почтить, и рѣшилъ, такъ какъ я являюсь представителемъ индійской арміи, одѣться туземцемъ Индостана. Для этого онъ вымазалъ лицо чернымъ, какъ сажа, и надѣлъ большую шубу, мѣхомъ вверхъ. Видъ его былъ поразительный и заставилъ насъ хохотать во все горло, вообще онъ имѣлъ большой успѣхъ, такъ какъ обыкновенно онъ человѣкъ суровый, съ высокими понятіями о дисциплинѣ и о приличіяхъ. Войдя, онъ подалъ мнѣ карточку, на которой было написано: „Достопочтенная Индія“.

Вслѣдъ за нимъ явился фельдфебель Сумино, одѣтый китайской модницей, въ корсажѣ и юбкѣ изъ великолѣпнаго затканнаго цвѣтками шелка. Затѣмъ явился еще солдатъ изъ артиллерійскаго обоза, костюмированный гейшей въ парикѣ и кимоно, послѣднее было просто красное одѣяло, но такъ великолѣпно подколотое булав-

ками и подхваченное завязками, что наиболѣе сантиментальные даже вздыхали.

Подъ конецъ явились на сцену четыре молодыхъ солдата изъ музыкантскаго хора, одѣтые въ костюмы европейскихъ женщинъ, и танцовали лансье съ четырьмя музыкантами. Ничто не можетъ сравниться съ той старательной пунктуальностью, съ которой они выполняли всѣ фигуры. Было удивительно забавно смотрѣть на этихъ необыкновенныхъ женщинъ, съ такимъ торжественнымъ и серьезнымъ видомъ трудившихся надъ своей легкомысленной задачей.

Послѣ того я счелъ вполнѣ своевременнымъ для генералъ-лейтенанта отправиться спать. Дѣтямъ приходится уходить, когда шутки и забавы начинаютъ становиться особенно шумными и веселыми, и людямъ старше сорока пяти лѣтняго возраста слѣдовало бы держаться того-же. Вернулся я домой въ твердомъ убѣжденіи, что нигдѣ, во всѣхъ обширныхъ владѣніяхъ нашего Короля, празднованіе дня его рожденія не начиналось такъ рано и не кончалось такъ поздно, какъ на Янтайскихъ копяхъ.

23-го ноября, (*10-го ст. ст.*). — Только что вернулся съ завтрака съ маркизомъ Ойямой и генераломъ Кодамой.

Я долженъ сказать, что послѣдній просто чудо что такое. Какъ хозяинъ, онъ распинался за десятерыхъ. Разсказывалъ разныя исторіи. Хохоталъ во все горло. Восклицалъ. Пилъ здоровое каждаго по очереди. Я наблюдалъ за нимъ и слѣдилъ за его, несомнѣнно напускнымъ, но тѣмъ не менѣе великолѣпно разыгрываемымъ, весельемъ. Я наблюдалъ за нимъ и видѣлъ какъ, когда маркизъ Ойяма начиналъ что нибудь разсказывать, или, когда по какой нибудь другой причинѣ, онъ могъ не принимать участія въ разговорѣ, лицо его внезапно ста-

новилось серьезнымъ и задумчивымъ. Однажды я подмѣтилъ, какъ онъ своимъ проницательнымъ взоромъ оглядывалъ всѣхъ насъ поочереди, произведя намъ, я увѣренъ, должную оцѣнку. Почему-то онъ мнѣ напомнилъ строку поэта.

„Честолюбія блѣдныя щеки и усталый прозорливый взглядъ".

Глава XXXV.

Встрѣча Накамуры со Св. Николаемъ.

Угольныя копи, 29-го ноября, (16-го ст. ст.) 1904.— Вчера я услыхалъ, что Окасаки боленъ и отправляется сегодня утромъ назадъ въ Японію. Поэтому я пошелъ сегодня послѣ перваго завтрака на Янтайскую станцію желѣзной дороги, чтобы его проводить. Когда я пришелъ туда, мнѣ сказали, что поѣздъ Окасаки отправится еще черезъ нѣкоторое время, но что генералъ находится въ домѣ коменданта поста и будетъ очень радъ меня видѣть, если я соблаговолю пожаловать. Я тотчасъ-же туда отправился, и былъ проведенъ въ пустую комнату. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ доблестный генералъ, и его видъ страшно поразилъ меня. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ день рожденья императора, и онъ тогда былъ воплощеніемъ безпечной, шаловливой веселости. Онъ прошелъ черезъ всѣ свои кровавыя сраженія, изъ которыхъ неизмѣнно выходилъ побѣдителемъ, не получивъ даже и царапины. Онъ, пожалуй, былъ наиболѣе знаменитымъ человѣкомъ въ арміи. Я никогда не забуду, какъ въ тотъ день онъ явился въ палатку, размахивая своимъ маленькимъ флажкомъ, такимъ веселымъ и жизнерадостнымъ. А теперь, что сталось? Сѣрая угрюмая фигура, въ длинномъ, широкомъ халатѣ съ маленькими красными крестами, нашитыми на рукавахъ, при чемъ вся голова, за исключеніемъ одного лица, и шея были обмотаны бѣлыми повязками. Онъ имѣлъ видъ живого трупа. Онъ попросилъ насъ сѣсть у огня сво-

имъ обычнымъ знакомымъ жестомъ, но мы были такъ поражены, что не могли. Я только проговорилъ: „Я пришелъ, генералъ, пожелать вамъ bon vogage и au revoir *)“. Онъ отвѣчалъ: „у меня этотъ несносный нарывъ, и друзья увѣряютъ меня, что его лучше будетъ оперировать въ Хирошимѣ, чѣмъ здѣсь; поэтому я сдался на ихъ настойчивыя просьбы и тороплюсь ѣхать, чтобы поскорѣе вернуться назадъ.“ Это было очень жалостно. Я чувствовалъ приливъ глубокой грусти. Я сказалъ: „генералъ, мы всѣ ждемъ вашего скорѣйшаго возвращенія, а пока вы не вернетесь, у насъ, все таки, остается знаменитая гора Окасаки, мѣсто дѣйствія вашего блистательнѣйшаго подвига, которая будетъ непрестанно и любовно напоминать намъ о васъ“. Другіе говорили мнѣ послѣ, что мое замѣчаніе, повидимому, было ему пріятно, но я самъ былъ слишкомъ разстроенъ при видѣ похудѣвшаго тѣла и осунувшагося лица того, кто былъ такимъ preux chevalier **), такимъ славнымъ въ бояхъ, для того чтобы замѣтить что либо еще. Потому что намъ больше не придется его видѣть. Sic itur ad astra ***). Суета суетъ и всяческая суета, какъ говоритъ проповѣдникъ ****).

1-го декабря (18-го ноября стар. ст.). — Провелъ цѣлый день въ осмотрѣ 30-го полка подъ командой, говорящаго по французски, полковника Кавасаки. Люди живутъ скорѣе въ ямахъ, нежели въ домахъ, т. е. крыши находятся только около двухъ футовъ надъ землей, тогда какъ полы опускаются на восемь футовъ ниже поверхности земли. Послѣ завтрака полковникъ, указывая на

*) Добраго пути и до свиданья.

**) Безстрашнымъ рыцаремъ.

***) Таковъ путь къ безсмертію.

****) Къ радости и удивленію всѣхъ, включая и докторовъ, Окасаки поправился и вернулся обратно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

красный листокъ съ китайскими надписями, приклеенный надъ дверью, сказалъ: „Въ каждомъ китайскомъ домѣ имѣется подобная надпись. Эти буквы обозначаютъ счастье и удачу, и считается хорошимъ предзнаменованіемъ, если хозяинъ, проснувшись утромъ, прежде всего увидитъ слова, составляющія счастливое предсказаніе“. Кавасаки продолжалъ разсказывать намъ, какъ въ одномъ селеніи одинъ богатый китаецъ, имѣющій прекрасный домъ, просилъ избавить его отъ постоя подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ комнаты заняты женщинами и дѣтьми. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, ему было дано это позволеніе, и было написано объявленіе обыкновеннымъ образомъ, кисточкой и тушью на бѣлой бумагѣ, гласящее, что этотъ домъ освобожденъ отъ постоя, и японскимъ солдатамъ воспрещается входъ въ него. Китаецъ смотрѣлъ на изготовленіе этого объявленія, повидимому, съ большимъ интересомъ, и, когда оно было готово, спросилъ, что съ нимъ будутъ дѣлать. „О!“, сказалъ полковникъ Кавасаки, „оно будетъ приклеено на наружной сторонѣ двери вашего дома“. Китаецъ казался очень встревоженнымъ и послѣ нѣкотораго колебанія попросилъ, чтобы эту бумагу уничтожили, такъ какъ онъ раздумалъ и готовъ предоставить свой домъ въ распоряженіе войскъ. Изъ разспросовъ полковникъ узналъ, что черныя буквы на бѣлой бумагѣ чуть ли не самое несчастное сочетаніе, которое только можетъ встрѣтиться китайцу. По всему вѣроятію, если этотъ поселянинъ когда нибудь будетъ въ Лондонѣ, то его чтеніе должно ограничиться газетами Pink'un и Westminster gazette *).

Угольныя копи, 5 дек. (22 ноября). — Вчера ночью термометръ впервые показывалъ нуль. Впереди нашей

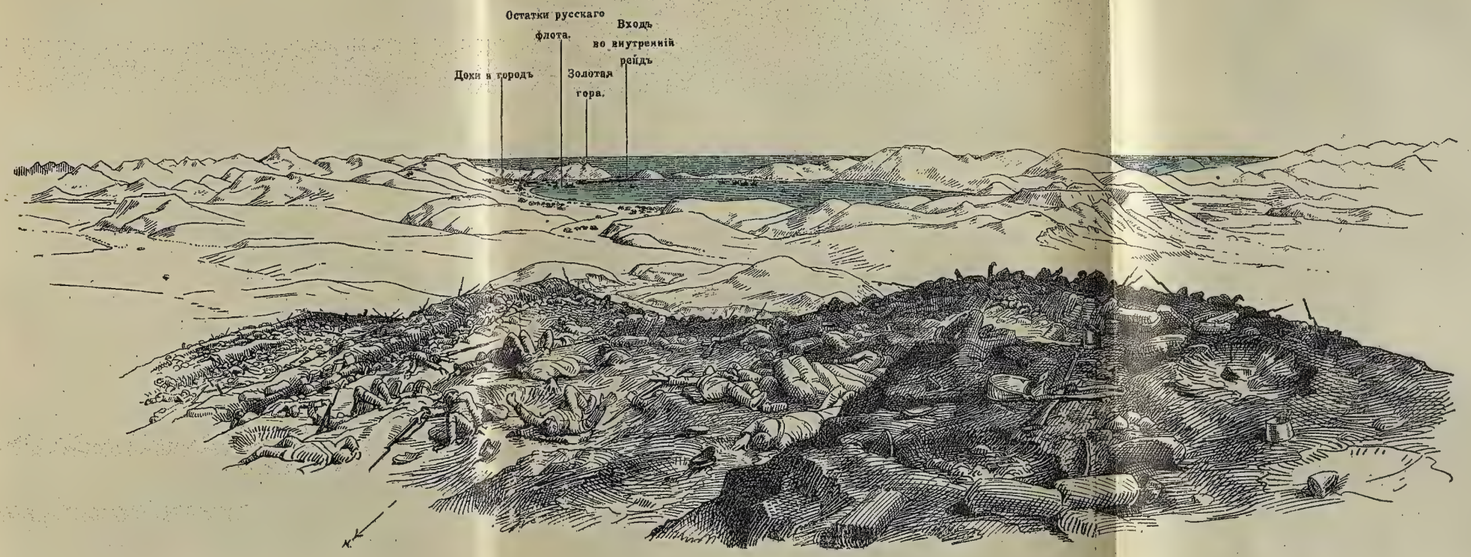
*) Розовая и Вестминстерская, печатаются на цвѣтной бумагѣ.

арміи имѣется пещера, которую ночью занимаютъ русскіе, а днемъ японцы. Недавно русскіе оставили пещеру въ очень грязномъ видѣ, поэтому японцы написали записку съ просьбой держать почище ихъ общее мѣсто пребыванія. Эта записка была положена на землю, когда они вечеромъ уходили изъ пещеры, а рядомъ съ нею была положена бутылка коньяку. На слѣдующее утро пещера оказалась чистой, а на землѣ лежалъ рубль въ уплату за коньякъ. Тутъ-же лежала записка, въ которой было сказано, что отнынѣ пещера будетъ содержаться въ чистотѣ, но что японцы всетаки черти, потому что убиваютъ всѣхъ раненыхъ. Хагино теперь готовитъ посланіе, съ приложеніями, показывающими число русскихъ раненыхъ находящихся въ настоящее время въ японскихъ госпиталяхъ. Оно будетъ также оставлено въ почтовомъ отдѣленіи пещеры.

Угольныя копи, 8-го декабря (25-го ноября ст. ст.). — Страшный холодъ. Я слышалъ, что войска на передовыхъ позиціяхъ поставлены въ серьезное затрудненіе тѣмъ фактомъ, что рисъ на пути къ передовымъ укрѣпленіямъ превращается въ тяжелыя глыбы мрамора, трудно поддающіяся даже ударамъ штыковъ. Представьте себѣ, какъ пріятно получить на обѣдъ кусокъ мрамора, когда термометръ стоитъ на нулѣ!

Угольныя копи, 9-го декабря, (26 ноября ст. ст.) Двѣсти утокъ и куръ, нашъ зимній запасъ, были поставлены поваромъ на крышу вчера вечеромъ, а сегодня утромъ оказалось, что онѣ всѣ замерзли до смерти!

Угольныя копи, 19-го декабря (6 декабря ст. ст.) Былъ очень занятъ писаніемъ отчета, и давно уже не имѣлъ ничего особенно интереснаго для доклада, кромѣ интервью и совѣщаній относительно вопросовъ передвиженія и медицинскихъ. Сегодня у насъ было сборище для испытанія захваченныхъ русскихъ ружей.



Видъ на гавань П. Артура въ высоты холма въ 203 мет.

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картогр. зав. Д. Руднева С.П.Б. Новый пер. 5.

Мишени были обыкновеннаго образца, круглыя, а разстоянія около 600 ярдовъ. Цѣль была установлена на г. Иши. Не думалъ я 12 октября, что когда нибудь буду самъ стрѣлять по г. Иши! Русскія винтовки устроены для прицѣла съ примкнутымъ штыкомъ, а намъ приходилось стрѣлять изъ нихъ безъ штыка, что крайне затрудняло стрѣльбу. Къ счастью намъ дали два прицѣльныхъ выстрѣла, и послѣ втораго опыта я нашелъ, что надо мѣтить приблизительно на три ярда ниже мишени и приблизительно на пять ярдовъ влѣво отъ нея. Въ результатѣ получился блестящій тріумфъ британской арміи. Полковникъ Юмъ взялъ первый призъ наравнѣ съ японцемъ—адъютантомъ, а я взялъ второй призъ, чисто. Какъ былъ-бы доволенъ Лордъ Робертсъ нашими успѣхами, такъ какъ мы оба были членами его старой команды, которая въ свое время одержала нѣсколько значительныхъ побѣдъ въ Индіи. Я получилъ дѣйствительно очень пріятный призъ—боченокъ маринованной капусты.

Теперь у меня имѣется маленькій китаецъ—мальчуганъ, лѣтъ двѣнадцати, который топитъ печи и заправляетъ мою лампу. Я спросилъ его сегодня, любитъ-ли онъ русскихъ, и онъ съ негодованіемъ отвѣтилъ: „Нѣтъ“. На мой новый вопросъ: „Почему?“ онъ отвѣтилъ: „У нихъ большіе носы и глаза“. Я думаю, что если-бы дурныхъ мальчиковъ въ Англіи спросили, почему они кидаютъ камнями въ китайцевъ, то они весьма вѣроятно отвѣтили-бы: „Потому что у нихъ маленькіе глаза и нѣтъ носовъ“.

Угольныя копи, 22-го декабря (9 декабря ст. ст.)— Мы съ Винцентомъ очень пріятно проводили время. Мы отправились на маленькій завтракъ къ генералу Кодамѣ, начальнику штаба, на которомъ, кромѣ насъ двоихъ и его, никого не было. Если-бы казацкій патруль

проѣхалъ тутъ, то ничто не указало-бы ему на то, что селеніе Янтай является мѣстопребываніемъ главной квартиры Манчжурской арміи, за исключеніемъ, пожалуй, многочисленныхъ телеграфныхъ и телефонныхъ линій, сосредоточивающихся въ головѣ военнаго организма. Ни часовыхъ, ни патрулей не видно, почти не видно и войскъ, точно обыкновенная китайская деревня. Насъ сразу ввели въ помѣщеніе, занимаемое начальникомъ штаба, совсѣмъ маленькое зданіе. Комната генерала была въ двѣнадцать футовъ ширины. Русскій барабанъ, наполненный золой древеснаго угля, представлялъ „хибаши“ (очагъ), а меблировка состояла изъ стола, двухъ ломаныхъ стульевъ и нѣсколькихъ ящиковъ съ картами.

Я началъ съ того, что не имѣю намѣренія задавать какихъ либо вопросовъ относительно настоящаго положенія дѣлъ, но прибавилъ, что если генералу Кодамѣ будетъ угодно выяснить мнѣ нѣкоторые неясные для меня пункты, касающіеся прежнихъ событій, то его мнѣнія будутъ для меня безконечно цѣнны.

Его превосходительство цѣлыхъ полтора часа говорилъ со мной о томъ, что мнѣ хотѣлось знать, и, повидимому, былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и полонъ живости.

Онъ показалъ мнѣ свою лѣвую руку, кость которой была повреждена во время Сатцумскаго возмущенія, на что и я имѣлъ возможность отвѣтить тѣмъ-же, и показалъ ему свою лѣвую руку, кость которой была повреждена подъ Маюбой.

Я сказалъ ему, что получилъ сегодня отъ маленькаго мальчика изъ г. Осака просьбу прислать ему мой автографъ, а онъ показалъ мнѣ цѣлую кипу подобныхъ просьбъ отъ школьниковъ, которыя онъ, по мѣрѣ возможности, удовлетворяетъ. Онъ вытащилъ также открытое письмо, написанное его трехлѣтнимъ внукомъ, съ

пожеланіемъ счастливаго и скораго возвращенія. Затѣмъ мы стали разспрашивать генерала о его прежней жизни въ бытность его губернаторомъ Формозы. Онъ съ большимъ интересомъ и удовольстіемъ разсказывалъ намъ объ этомъ періодѣ своей жизни, и показалъ мнѣ фотографію того дома, который онъ тамъ занималъ, — прекраснаго и роскошнаго зданія.

Тутъ подали завтракъ, очень вкусный, состоявшій изъ супа, утки, апельсиновъ съ Формозы, печенья изъ Кіото и краснаго вина. Въ 1 ч. 10 м. пополудни получилась изъ Портъ-Артура телеграмма, которую генералъ Кодама тотчасъ прочелъ вслухъ. Въ ней говорилось, что къ западу отъ Сеихохана, гдѣ выдается въ Голубиную Бухту полуостровъ, взято одно орудіе. Русскіе пробовали произвести контръ-атаку, но были отбиты.

Я сказалъ генералу Кодамѣ, что принесъ ему счастье, и онъ съ этимъ согласился, сказавъ, что не ожидалъ этихъ прекрасныхъ вѣстей такъ скоро. Взятый теперь пунктъ занимаетъ командующее положеніе надъ той дорогой, по которой до сихъ поръ ночью ввозились въ городъ припасы съ джонокъ въ Голубиной Бухтѣ.

Послѣ завтрака, мы распрощались, весьма благодарные за всю оказанную намъ любезность, а въ особенности за то множество полезныхъ замѣтокъ, которыя мы пріобрѣли для нашихъ отчетовъ.

Угольныя копи, день Рождества (12 дек. ст. ст.), Я ѣздилъ сегодня утромъ съ селямомъ *) въ главную квартиру Второй арміи. Я увѣренъ, что въ Англіи, а въ особенности въ Лондонѣ, жители не пользуются и на половину такой хорошей погодой, какая стоитъ у

*) Привѣтствіе — по восточному.

насъ сегодня. Дуетъ легкій вѣтерокъ съ юга и солнце ярко свѣтитъ, и подъ такими двумя благотворными вліяніями термометръ поднялся и становится почти жарко въ нашихъ мѣховыхъ полярныхъ одеждахъ. Мѣстность была запорошена ослѣпительнымъ снѣгомъ, и наша поѣздка верхомъ черезъ кровавыя поля Лѣсистой сопки и Танхайши была мирной и восхитительной съ виду, хотя противъ мягкаго южнаго вѣтра непрестанно доносилась глухо рокочущая кононада изъ за сѣвернаго кряжа горъ.

Вечеромъ у насъ было большое торжество. Омелы было въ избыткѣ, что при данныхъ обстоятельствахъ было просто насмѣшкой *). Мнѣ вспомнился прошлый годъ, какъ мы всѣ, осушивъ свои стаканы до дна, бросили ихъ смѣло (они были не наши) о землю. Далекія, холодныя звѣзды блистали надъ нами и въ возбужденіи этой сладкой минуты отсутствіе омелы не было никѣмъ замѣчено.

Каждый изъ нашей компаніи иностранныхъ офицеровъ, вѣроятно, испытывалъ такое-же чувство печальнаго контраста, потому что веселье было напускное, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось таковымъ. Но былъ одинъ маленькій человѣкъ, рѣшившійся быть веселымъ, веселымъ по настоящему, а не напускной веселостью. Это былъ Накамура, нашъ толмачъ, который съ трудомъ взобрался на столъ у стѣны, моргая глазами, какъ молодой филинъ, за своими очками, и оттуда съ поразительной храбростью держалъ слѣдующую рѣчь:

„Милостивые государи!—Вчера мнѣ надо было много читать, и я сидѣлъ ночью очень поздно. Отъ этого я

*) Въ Англіи существуетъ обычай на Рождествѣ вѣшать въ различныхъ мѣстахъ пучки омелы. Когда подъ такимъ пучкомъ очутится пара—мужчина и женщина, то первый получаетъ право поцѣловать вторую, чѣмъ и пользуются влюбленные.

не могъ встать сегодня утромъ, когда странный старикъ очутился въ моей комнатѣ. Я сразу понялъ, что это Св. Николай. Я вскочилъ съ постели и почтительно, но весело пожелалъ ему „Веселаго Рождества!“ Онъ былъ доволенъ и передалъ мнѣ письмо, а также и мѣшокъ для передачи вамъ. Но когда я увидѣлъ адресъ на конвертѣ, на немъ было написано: „Милымъ дѣтямъ, Янтайскія угольныя копи, Манчжурія“. Я былъ очень пораженъ, потому что, какъ вамъ извѣстно, дѣтей въ этомъ домѣ нѣтъ, и я ему это сказалъ. Онъ казался очень удивленнымъ и уставился на меня нѣсколько времени, смотря мнѣ прямо въ лицо. Потомъ онъ разсмѣялся и хохоталъ отъ души. Онъ сказалъ: „Дитя мое, не считаешь-ли ты себя взрослымъ человѣкомъ?“ Я отвѣтилъ: „Да“.—„О, нѣтъ“, сказалъ онъ, „ты еще младенецъ“. И продолжалъ: „Не считаешь-ли ты генерала Гамильтона пожилымъ человѣкомъ?“ „Конечно, и онъ старшій изъ всѣхъ“.—„Нѣтъ, нѣтъ“, возразилъ онъ, „онъ также мой мальчикъ“. Я былъ совсѣмъ пораженъ, а онъ продолжалъ спрашивать: „Не считаешь ли ты капитана Гофмана большимъ человѣкомъ“?—„Да, разумѣется“, сказалъ я, „онъ такой высокій и сильный какъ Горіасъ *)“.—„О, нѣтъ, дитя мое“, сказалъ онъ, „всѣ они мои дѣти, и подъ милыми дѣтьми я разумѣю всѣхъ семнадцать человѣкъ въ этомъ домѣ“. Когда я подумалъ, что начинаю его понимать, онъ вскочилъ въ сани и умчался въ сѣверномъ направленіи“. (Гиканье, смѣхъ и громкіе крики „Шпіонъ! Шпіонъ!! Это должно быть былъ Шпіонъ“**).

„Теперь, милостивые государи, вотъ письмо; позвольте мнѣ его прочесть:

---

*) Очевидно онъ хотѣлъ сказать Голіаѳъ.

**) Въ нашихъ отчетахъ основной фразой было, что русскіе удалились въ „сѣверномъ направленіи“.

„Милыя дѣти,—я очень доволенъ, потому что вы вели себя прекрасно весь этотъ годъ. Я не доволенъ, что вижу теперь, какъ два мальчика ссорятся. Они очень дурно себя ведутъ. Я надѣюсь, что они опять дружески протянутъ другъ другу руки, прежде нежели я приду въ слѣдующій разъ". (Одобрительные возгласы).

„Я оставилъ мѣшокъ вашему генералу (смѣхъ и свистъ) Накамурѣ, чтобы вскрыть его передъ вами сегодня вечеромъ. Теперь прощайте, дѣти мои, желаю вамъ веселаго Рождества!

Вашъ старый другъ
Св. Николай."

Рѣчь эта была принята бурными аплодисментами, потому что всѣ мы любимъ Накамуру, самаго не эгоистичнаго и любезнаго изъ толмачей. Какъ онъ ни простъ и прозаиченъ съ виду, тѣмъ не менѣе, какъ и у большинства японцевъ, въ немъ кроется гораздо больше, чѣмъ можно ожидать по наружности, и хотя онъ служилъ намъ постоянно въ продолженіе послѣднихъ восьми мѣсяцевъ, однако никто изъ насъ не подозрѣвалъ въ немъ столько мужества и остроумія. Мы были столь-же удивлены и почти также обрадованы, какъ должно быть была удивлена и обрадована мать Демосѳена, когда услышала его говорящимъ впервые послѣ его упражненія съ камешками на берегу моря.

Угольныя копи, 26 декабря (13 дек. стар. ст.). — Всѣ сегодня запоздали вслѣдствіе многочисленныхъ вчерашнихъ тостовъ послѣ утренняго завтрака. Въ мою комнату вошелъ Накамура съ большой карточкой и попросилъ меня написать на ней стихъ, въ которомъ было-бы его собственное имя. Онъ ободрялъ меня увѣряя, что если я это сдѣлаю, то карточка эта будетъ передаваться какъ семейная драгоцѣнность изъ рода въ

родъ въ семьѣ Накамуры. Я не могу себѣ представить семейства маленькихъ Накамура, да и имя это меня сильно смущаетъ, но въ благодарность за его великолѣпную вчерашнюю рѣчь, я ухитряюсь написать для него слѣдующій стихъ:

Англійскому переводчику при Первой арміи.

Кровавый штурмуете валъ крѣпостной,
Другія чините надъ русскимъ побѣды,
Но намъ непонятенъ языкъ вашъ родной,
Какъ англійскій чуждъ пруссаку или шведу,
И мы представляли-бъ нѣмыя фигуры,
Когда-бъ не любезный толмачъ Накамура.

Угольныя копи, День Новаго года, (19 дек. 1904 г. ст. ст.) 1905.—Вчера мы очень скромно пообѣдали. Когда часы пробили двѣнадцать Америка и Великобританія собрались вмѣстѣ и выпили бутылку шампанскаго Ойямы, обмѣнявшись любезными добрыми пожеланіями взаимнаго преуспѣнія нашихъ націй въ предстоящемъ году. Мнѣ кажется, что въ Англіи не знаютъ про ту особую внимательную любезность, которую всѣ американцы оказываютъ британскимъ офицерамъ въ чуждыхъ странахъ. Они смотрятъ на насъ, какъ на нѣкую „блудную мать“ и поэтому готовы всегда закласть упитаннаго тельца для насъ.

Утромъ я отправился засвидѣтельствовать свое почтеніе Куроки, и услышалъ, что одинъ казачій офицеръ выходилъ подъ бѣлымъ флагомъ и получилъ позволеніе бесѣдовать въ теченіе получаса съ японскимъ офицеромъ. Было обусловлено, чтобы военныхъ вопросовъ не касаться. Бесѣда продолжалась три часа, и казакъ сказалъ, что въ слѣдующій разъ приведетъ съ собой дюжину товарищей. Разговоръ велся по французски.

11 часовъ вечера.—Всего нѣсколько минутъ назадъ я писалъ среди полной ночной тишины, въ которой, казалось, я одинъ бодрствую. Я люблю такія минуты, когда послѣдніе надоѣдливые звуки болтовни замираютъ и дѣлается возможнымъ, хоть на короткое время, предаться спокойному размышленію. Внезапно раздалось странное, дикое пѣніе и понеслось по ночному простору. Ритмомъ и тономъ оно напомнило мнѣ пѣніе дервишей, которое заставляло насъ готовиться къ битвѣ въ тѣ памятныя ночи, когда мы стояли биваками на берегахъ Нила. Это должно быть побѣдный гимнъ по случаю паденія Портъ Артура... не успѣлъ я сообразить, что случилось, какъ услышалъ торопливые шаги и звяканье сабли вдоль корридора. Отворилась дверь и на порогѣ показался полковникъ Х. съ смертельно блѣднымъ лицомъ и съ горящими отъ возбужденія глазами. Одну секунду онъ стоялъ недвижимо, только лицо его судорожно подергивалось, затѣмъ, всплеснувъ руками высоко надъ головой, онъ воскликнулъ „Port Arthur ist gefallen!“ *) и исчезъ, неся дальше свою великую новость. Послѣ ко мнѣ приходилъ Накамура поблагодарить меня, какъ онъ выразился, за „мое неизмѣнное сочувствіе“. Я сочувствую, но сегодня, однако, я не могу не испытывать чувства грусти относительно побѣжденныхъ.

Угольныя копи, 2-го января (20 дек. ст. ст.). — Я послалъ просьбу Маркизу Ойямѣ о разрѣшеніи посѣтить Портъ-Артуръ. Я спросилъ штабного офицера, черезъ котораго передавалъ эту просьбу, не желалъ-ли бы онъ поѣхать, на что онъ отвѣчалъ японской пословицей:

„Хозяйка дома не можетъ покинуть своего дома!“

*) Портъ Артуръ палъ.

Иностранные офицеры опять ходили на представленіе. Оно давалось въ томъ-же казачьемъ баракѣ, и публика состояла по крайней мѣрѣ изъ тысячи солдатъ. Среди комнаты, какъ разъ между партеромъ и мѣстами за креслами, стоялъ столъ съ бутылками пива, съ блюдами жареной рыбы, ломтиковъ варенаго бамбука, маринованныхъ бобовъ и горячихъ каштановъ. Насъ подвели къ этому столу и гостепріимно просили угощаться. Я присѣлъ къ нему и пилъ пиво и ѣлъ каштаны, напомнившіе мнѣ мою родину. Громадное удовольствіе доставило зрителямъ появленіе двухъ солдатъ, одѣтыхъ гейшами, которые стали угощать насъ сакэ и пивомъ; но мнѣ было жаль исполнителей на сценѣ, потому что ими совсѣмъ пренебрегали, такъ какъ всѣ взоры были обращены на иностраннаго офицера, желая видѣть, что онъ будетъ дѣлать. Я выпилъ свою чашку сакэ и затѣмъ поклонился и заставилъ мою поддѣльную Гебу тоже выпить чашу, какъ подобало настоящей гейшѣ, чѣмъ вызвалъ громкіе аплодисменты и смѣхъ со всѣхъ сторонъ зала. По правдѣ сказать, иностранные офицеры представляли болѣе интересное зрѣлище, чѣмъ само представленіе.

Я не буду описывать вторично представленіе. По обыкновенію, было очень мало любви, вина, какой нибудь интриги или плана, на за то было много мечей, дуэлей, битвъ и кликовъ. Японцы обожаютъ опасность. Храбрость—качество, предъ которымъ они преклоняются. Кажется, что мнѣ всетаки слѣдуетъ набросать въ легкихъ чертахъ одну изъ разыгранныхъ пьесъ, такъ какъ въ ней ясно выдвигается эта черта.

Герой—бѣдный молодой человѣкъ, у него больная жена и ребенокъ. Къ нему являются съ приставаніями кредиторы, точно такъ же какъ они пристаютъ къ молодымъ людямъ въ Англіи. Послѣ долгихъ перегово-

ровъ они наконецъ теряютъ терпѣніе и стаскиваютъ послѣднее одѣяло съ кровати несчастной больной жены. Во время этой тягостной сцены является почтальонъ, вручающій роковую повѣстку о призывѣ запаснаго присоединиться къ его полку. Объявлена война съ Россіей, и бѣдный молодой человѣкъ долженъ идти сражаться за свою родину съ непріятелемъ. Онъ пораженъ, какъ громомъ. Это послѣдній ударъ.

Когда, однако, кредиторы понимаютъ, что случилось, они начинаютъ сожалѣть его.

Они разрываютъ свои счета и расписки и, недовольные этой снисходительностью, начиняютъ еще соперничать другъ съ другомъ, предлагая своему должнику все что имѣютъ. Первый снимаетъ съ себя поясъ, говоря: „вотъ; это стоило мнѣ 7 іенъ 50 сенъ—возьми это себѣ!“ и всѣ продолжаютъ въ томъ-же духѣ, пока не остаются совершенно голыми. У нихъ не остается другаго выбора, какъ отправиться въ припляску домой, черезъ улицы полныя народа, почти въ природномъ видѣ, и, разумѣется, тутъ происходитъ много забавнаго.

Молодой человѣкъ, предоставленный себѣ, разбираетъ ту душевную муку, которую онъ только что пережилъ, и убѣждается въ томъ, что его привязанность къ семьѣ такъ сильна, что она можетъ помѣшать ему отъ всей души исполнять долгъ солдата. Онъ боится того, что мысли его будутъ уноситься къ любимой семьѣ вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться на томъ, какъ-бы ему лучше послужить своей родинѣ. Поэтому онъ убиваетъ жену и ребенка. Публика съ дикимъ восторгомъ аплодируетъ этому поступку, смотря на него, какъ на нѣчто возвышенное и почти сверхъ-человѣческое.

Случайно является полицейскій и открываетъ смерть жены благодаря крови, просачивающейся черезъ одѣ-

яло. Но когда онъ однако, уясняетъ себя вполнѣ что случилось и по какому поводу, то онъ проникается такимъ восторгомъ, что съ радостью отказывается отъ случая составить себѣ имя путемъ ареста молодого человѣка и вмѣсто того горячо поздравляетъ его.

Угольныя копи, 15-го января (2-го стар. ст.). — Такъ какъ сегодня японскій Новый Годъ, то я отправился на пиршество съ генераломъ Куроки. Рѣчей не было, но всѣ были веселы и любезны. Музыканты, одѣтые европейскими женщинами, явились опять и танцовали лансье съ другими, одѣтыми китайцами, офицерами и т. п. Костюмы были очень странные. У одной дѣвочки висѣли вдоль спины волосы изъ пакли, лицо ея было набѣлено, на головѣ была красная шляпа, на ногахъ черные чулки. На другой была бѣлая соломенная шляпа съ торчащимъ бѣлымъ перомъ. Меня тронула любезность одного изъ лакеевъ, немного говорящаго по англійски. Онъ видѣлъ какъ нѣкоторые офицеры подстрекали этихъ псевдо-женщинъ подойти и налить мнѣ вина. Боясь, чтобы я не сыгралъ дурака, онъ подошелъ подъ видомъ того, что сметаетъ нѣсколько зеренъ рису и шепнулъ мнѣ: „не обманитесь—это только музыканты, одѣтые женщинами.“

Сегодня къ Куроки являлась депутація изъ китайцевъ; они заявили, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ ни разу не было такой мягкой зимы, какъ нынѣшняя. Сопоставляя это съ необычайно легкими дождями этого лѣта, являвшимися такой благодатью для Первой арміи, они рѣшили, что тутъ есть какое-то волшебство и желали-бы узнать эту тайну“.

Разсказъ этотъ вызвалъ общій разговоръ о китайцахъ, крайне интересный для меня. Изъ всего, что я могъ уловить, и послѣ тщательнаго и близкаго изученія на мѣстѣ, я прихожу къ убѣжденію, что изъ сѣвернаго

китайца—крестьянина можетъ выйти прекрасный солдатъ. Онъ выносливъ, послушенъ, храбръ и понятливъ. Есть также достаточно матеріала для необходимаго числа унтеръ-офицеровъ. Но что касается офицерскаго состава, то положеніе значительно мрачнѣе. Я могу съ увѣренностью сказать, что пока имѣется весьма мало надежды на то, чтобы Китай былъ въ состояніи создать корпусъ офицеровъ. Я видѣлъ китайскихъ офицеровъ и воспитанниковъ китайскихъ военныхъ школъ, и вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что изъ числа трехъ или четырехъ будущихъ поколѣній Срединной Имперіи будетъ невозможно выставить инструкторовъ и администраторовъ достаточно патріотичныхъ для того, чтобы устоять противъ искушеній власти и посвятить свою жизнь болѣе высокимъ идеаламъ, чѣмъ наживаніе капиталовъ. Въ настоящее время они на столько лишены всякаго истинно военнаго чувства, что имъ необходимо совершенно переродиться, прежде нежели сдѣлаться годными къ занятію офицерскихъ постовъ.

Таково мое мнѣніе, но вопросъ этотъ полонъ таинственности и, конечно, возможно, что отношеніе всей націи къ военной профессіи, можетъ внезапно перемѣниться, что пробудитъ дремлющій болѣе 1000 лѣтъ энтузіазмъ и выразится расцвѣтомъ возродившагося корпуса офицеровъ *).

Японцы, естественно, крайне заинтересованы этой задачей. Имъ очень бы хотѣлось поставить Китай на ноги, но не дать ему сѣсть на коня. Они слушаютъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ весьма распространенное на западѣ мнѣніе о нѣкоторомъ сродствѣ китайца съ японцемъ. За исключеніемъ слабой духовной связи, существующей благодаря Конфуцію, и болѣе осязательной въ

*) Одна изъ современныхъ китайскихъ поговорокъ гласитъ: „если хочешь быть хорошимъ человѣкомъ, то не будь военнымъ“.

видѣ одинаковыхъ письменныхъ знаковъ, японцы считаютъ китайцевъ гораздо болѣе похожими на жителей запада, чѣмъ на обителей „Dai Nipponʼa“. Китаецъ такой-же истый индивидуалистъ, какъ теперешній американецъ, и какимъ такъ недавно еще былъ англичанинъ. Японецъ-же скорѣе всего альтруистъ.

Угольныя копи, 16-го января, (3-го стар. ст.). — Утромъ я поѣхалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе генералу Умезавѣ, японскому воину стараго закала, проницательному и рѣшительному на видъ, имѣющему нѣкоторое сходство съ генераломъ Кодамой. Онъ разсказалъ мнѣ много интереснаго о сраженіи при Ялу и о Ляоянѣ. Онъ сообщилъ мнѣ также нѣсколько свѣдѣній о маленькомъ „Русскомъ“. Онъ говоритъ, что хорошо извѣстно, будто песикъ этотъ принадлежалъ русскому генералу, графу Келлеру, такъ какъ офицеры штаба видѣли черезъ телескопъ съ горы Модулинъ, какъ онъ слѣдовалъ за нимъ. Послѣ боя 31-го іюля его нашли лежащимъ въ корзинкѣ въ томъ домѣ, который занималъ графъ. Японскіе солдаты восхищались храбростью графа Келлера и, хотя тѣло его было отправлено въ С.-Петербургъ, но они намѣревались устроить погребальную церемонію въ его честь. Въ эту программу входило и принесеніе въ жертву и погребеніе „Русскаго“ по старинному японскому обычаю. Однако, когда пришли выводить его на жертвоприношеніе, оказалось, что онъ перегрызъ веревку и убѣжалъ. Я не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что генералъ совершенно въ серьезъ разсказывалъ мнѣ эту странную исторію. Конечно, разсказывалъ онъ мнѣ ее съ серьезнымъ видомъ, несомнѣнно также и то, что когда я нашелъ „Русскаго“ 30-го августа, (17-го ст. ст.) то у него на шеѣ была веревка.

Глава XXXVI.

Пашня дьявола.

Ляоянъ, 17-го января (4-го ст. ст.). — Мы остановились здѣсь на пути въ Портъ-Артуръ *), куда главная квартира отправила насъ въ экскурсію въ спеціальномъ поѣздѣ. Я и вообще очень благодаренъ ей за многое, но это послѣднее вниманіе и снисходительность таковы, что я не нахожу словъ для выраженія своей признательности.

Близъ Портъ-Артура, 18-го января (5-го ст. ст.) Прибыли въ главную квартиру генерала Ноги послѣ холоднаго и утомительнаго путешествія въ поѣздѣ. Всѣ состоящіе при Второй арміи иностранные офицеры находятся съ нами, такъ что мы составляемъ внушительную кампанію. Всѣ помѣщаются въ длинной комнатѣ—баракѣ, построенномъ изъ дерева и цыновокъ, я же помѣщаюсь отдѣльно въ крошечной комнаткѣ. Я едва могу въ ней повернуться, но съ моей точки зрѣнія она равняется дворцу, такъ какъ обезпечиваетъ мнѣ уединеніе и даетъ мнѣ возможность думать и писать на свободѣ.

Близъ Портъ-Артура, 19-го января (6-го ст. ст.) Я былъ представленъ генералу Ноги. Онъ вы-

*) Если-бы я вздумалъ полностью описывать всѣ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ Портъ-Артура, то это заняло-бы цѣлый томъ. Поэтому я коснусь только нѣкоторыхъ второстепенныхъ предметовъ, скорѣе для того, чтобы дать общее понятіе о моихъ приключеніяхъ, нежели съ цѣлью серьезно обсуждать вопросъ объ осадѣ этой крѣпости.

сокаго роста, стройный и сѣдой и имѣетъ видъ живого, умнаго и рѣшительнаго человѣка. Онъ горячо пожалъ руку всѣмъ намъ поочереди и, повидимому искренно, а не только изъ вѣжливости, былъ радъ насъ видѣть. Онъ сказалъ, что большинство офицеровъ его штаба заняты посадкой войскъ въ поѣзда, для отправленія ихъ въ Ляоянъ, но что онъ всетаки дастъ намъ одного офицера, который покажетъ намъ мѣста боевыхъ столкновеній. Затѣмъ не было ничего, кромѣ обмѣна любезностями, и мы скоро сѣли на своихъ лошадей. На пути къ фортамъ я свелъ дружбу съ веселымъ, жизнерадостнымъ франтомъ, живымъ, подвижнымъ и разговорчивымъ молодымъ офицеромъ, учившимся въ Парижѣ и вызваннымъ оттуда при объявленіи войны. Дѣйствительно замѣчательно, какъ японцы легко усваиваютъ характерныя черты тѣхъ народовъ, съ которыми они живутъ. Но я боюсь, что веселая кипучесть, являющаяся слѣдствіемъ Парижскаго воспитанія, скоро утратитъ свою пикантность и остроту подъ вліяніемъ давленія сверху и снизу, которому обыкновенно долженъ подвергаться офицеръ.

Во время моей поѣздки я уловилъ нѣсколько обрывковъ мнѣній и чувствъ. Японцы считаютъ русскихъ матросовъ лучше, сильнѣе, интеллигентнѣе и выше, въ смыслѣ обученія, русскихъ солдатъ. Японцы признаютъ, что русскіе довольно храбро сражались въ Портъ-Артурѣ, но тѣмъ не менѣе въ Третьей арміи нѣтъ ни одного человѣка, который-бы не считалъ, что гарнизонъ поступилъ дурно сдавшись. Въ видѣ иллюстраціи японской точки зрѣнія мнѣ говорятъ, что, когда его Величество Императоръ жалуетъ какому нибудь полку знамя, то долгъ каждаго солдата умереть, прежде нежели дать его взять. Иное отношеніе къ военному долгу не допускается и даже не извиняется. Если-бы простой солдатъ замѣтилъ, что офицеръ на столько колеблется въ

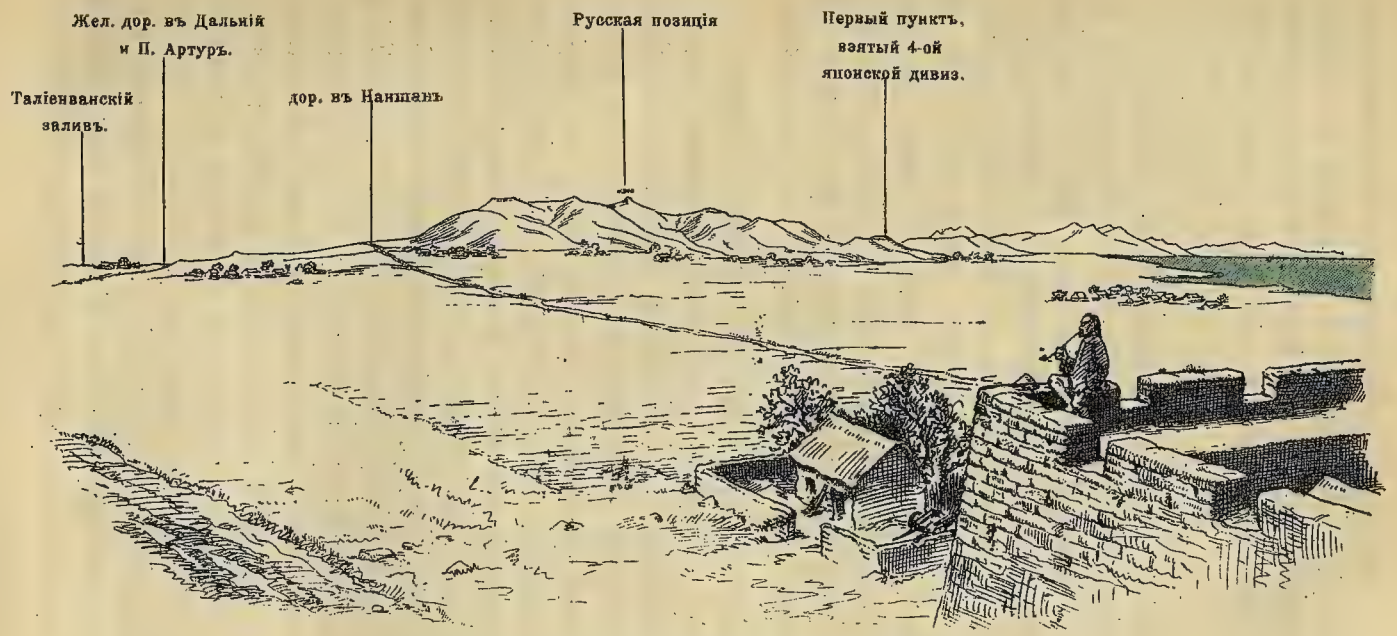
своей вѣрности долгу, что подумываетъ о сдачѣ, то онъ былъ бы сто разъ правъ, въ глазахъ своихъ соплеменниковъ, если-бы сталъ во главѣ мятежниковъ для устраненія такого измѣнника.

Довольно интересно слышать выраженіе подобныхъ мыслей какъ разъ въ ту минуту, какъ телеграфъ извѣщаетъ насъ, что вся Европа привѣтствуетъ геройство Портъ-Артурскаго гарнизона.

Я вообще не желаю касаться этого вопроса, а только говорю, что подобныя разнорѣчивыя мнѣнія доказываютъ существованіе громадной пропасти между военной этикой Востока и Запада.

Гора 203-хъ метровъ. 20-го января (7-го ст. ст.) Мы выѣхали изъ лагеря въ 1 ч. ночи. Какъ молодая дѣвица съ Риги, мы всѣ сидѣли верхомъ на тиграхъ. Серьезно, я никогда не видалъ подобныхъ дьяволовъ. Мы должны были держаться какъ можно дальше другъ отъ друга, чтобы не убить одинъ другого. Не смотря на всѣ предосторожности, лошадь одного изъ иностранныхъ офицеровъ встала на дыбы и, схвативъ аташе дружественной державы передними ногами, сбросила его съ сѣдла. Во время происшедшаго замѣшательства дикое животное, на которомъ сидѣлъ Винцентъ, лягнуло маркиза Саиго въ ногу. Однако, наконецъ мы тронулись въ путь и мало-по-малу звѣринецъ началъ укрощаться.

Я заносилъ эти глупыя мелочи для того, чтобы отдалить по возможности моментъ, когда мнѣ придется обратиться къ тому ужасному хранилищу мертвыхъ костей, куда меня наконецъ привели мои стопы. До сихъ поръ я избѣгалъ подобныхъ предметовъ, потому что я ихъ ненавижу, а отчасти и потому, что что многіе писатели содѣйствовали составленію въ свѣтѣ ложнаго представленія о войнѣ, тѣмъ, что нагромождали всякіе



Видъ русской позиціи у Наншана со стѣнъ Кинчжоу

XXXVIII

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель."

Картогр. зав. Д. Руднева С.П.Б. Новый пер. 5.

ужасы безъ всякой мѣры. Но, сидя здѣсь, я бы вдался въ другую крайность и сдѣлался бы трусливымъ замалчивателемъ истины, если-бы пытался избѣгнуть описанія той горы смерти, на которой я нахожусь (чертежи XXXVI и XXXVII).

Съ перваго-же взгляда бросается въ глаза, что это не обыкновенная гора. Она сильно измѣнила свою естественную форму подъ вліяніемъ ужасныхъ силъ, и на ея взорванной и сожженой выстрѣлами поверхности не осталось ни одной высохшей травинки, ничего, чтобы могло нарушить суровый видъ этой дьявольской пашни, кромѣ изрѣдка попадающихся полинявшихъ женскихъ платьевъ или юбокъ, пошедшихъ на мѣшки съ пескомъ, да желтыхъ, какъ у прокаженныхъ, пятенъ, оставшихся отъ взрывовъ огромныхъ снарядовъ.

Способъ, которымъ готовилась эта пашня дьявола, таковъ: сначала гора была изрѣзана безчисленными глубокими шрамами, а затѣмъ эти траншеи и раздѣлявшія ихъ стѣны были разнесены, раздавлены и обращены въ безформенную каменную массу; обломки скалъ и осколки снарядовъ щедро перемѣшивались съ человѣческимъ мясомъ и человѣческою кровью. Торчащая изъ земли голова, нога, рука, или кусокъ человѣческаго тѣла, встрѣчающіеся на пути, это такое зрѣлище, на которое въ силу привычки я смотрю не блѣднѣя. Но здѣсь трупы не столько выступаютъ и пробиваются на поверхность земли, сколько составляютъ самую эту землю. Повсюду тѣла или части тѣлъ распластаны и вбиты въ поверхность земли, какъ бы составляя часть ея, и нѣсколько разъ во время моего восхожденія на гору, я готовъ былъ ступить на то, что казалось мнѣ землей, и въ чемъ я узналъ по неяснымъ очертаніямъ человѣческую фигуру, вытянутую, искажен-

ную и жестоко растерзанную силой какого нибудь ужаснаго взрыва.

Даже самыя стѣны, уцѣлѣвшія на своихъ мѣстахъ, состоятъ изъ перемѣнныхъ пластовъ окоченѣвшихъ труповъ и мѣшковъ песку. Я написалъ довольно; можетъ быть слишкомъ много. Осада—это ужасная вещь. Хорошій бой на открытомъ полѣ—это другое дѣло.

Когда мы возвращались назадъ, мой говорящій по-французски пріятель сообщилъ мнѣ, что его отецъ былъ убитъ въ чинѣ подполковника во время междоусобной войны. Онъ надѣется, что скоро будетъ одержана рѣшающая побѣда.

Очень легко понять, что не смотря на упорное мужество японцевъ, у всѣхъ мыслящихъ офицеровъ должно являться большое безпокойство относительно вліянія этой войны на финансовое положеніе страны. Территоріи японцы пріобрѣли достаточно, даже болѣе чѣмъ достаточно. Но если эта истощающая борьба слишкомъ долго будетъ продолжаться, то они сдѣлаются, если не совсѣмъ нищими, то во всякомъ случаѣ не имѣющими избытка денегъ въ карманѣ. Какъ же въ такомъ случаѣ они выполнятъ свое назначеніе и разовьютъ Корею, ужъ не говоря о Манчжуріи? Даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ иностранные капиталисты первыми воспользуются результатами ихъ побѣдъ, но если война затянется еще на долго, то и та скромная доля, которая остается имъ, исчезнетъ, и они не будутъ въ состояніи извлечь изъ своихъ новыхъ владѣній ничего, что-бы вознаградило ихъ за труды. Отсюда ясно, что японцы стремятся заставить русскихъ заключить миръ возможно скорѣе.

Главная квартира Третьей арміи, 21-го января (8-го ст. ст.). — Провелъ день въ осмотрѣ взятыхъ фортовъ и траншей, параллелей и апрошей осаждавшихъ.

Мое впечатлѣніе, что укрѣпленія все также цѣнны для жизненныхъ пунктовъ. Русскіе сдѣлали ошибку въ томъ, что начали съ постройки внутренней линіи укрѣпленій вмѣсто того, чтобы закончить наружное кольцо, включивъ такія мѣста какъ гора 203-хъ метровъ. Японцы признаютъ, что никогда не взяли-бы ея, если-бы она была увѣнчена прочнымъ укрѣпленіемъ. Съ горы 203-хъ метровъ сегодня можно было убѣдиться въ томъ, что гавань или докъ становятся просто смертельными западнями для судовъ при условіи: 1) что осадныя орудія могутъ быть установлены на разстояніи выстрѣла для обстрѣливанія гавани перекиднымъ огнемъ; 2) что осаждающему удастся захватить какой нибудь пунктъ, съ котораго хотя-бы одинъ наблюдатель могъ слѣдить за стрѣльбой и корректировать ее.

Противъ растянутой линіи орудій, скрытыхъ за горой въ шести или семи миляхъ разстоянія, вооруженіе крѣпости оказывается совершенно безсильнымъ. Скученныя орудія форта не имѣютъ и одного шанса противъ ста, чтобы заставить замолчать спрятанныя и разбросанныя орудія атакующихъ, между тѣмъ какъ при наличности наблюдательнаго поста, орудія атакующихъ могутъ попасть въ судно или въ домъ каждымъ своимъ выстрѣломъ, и даже безъ наблюдательнаго поста они могутъ, при помощи карты или плана, направлять свои снаряды въ самые жизненные пункты гавани или города. Дѣйствительно, значеніе Гибралтара зависитъ отъ нейтралитета Испаніи.

Главная квартира Третьей арміи, 22-го января (9-го ст. ст.), 11 ч. вечера. Я переверну день вверхъ ногами и начну съ конца. Я только что вернулся съ большого обѣда, даннаго генераломъ Ноги всѣмъ иностраннымъ офицерамъ. Я сидѣлъ по его правую руку и навелъ разговоръ на тотъ вопросъ, о которомъ я

писалъ въ концѣ своихъ вчерашнихъ замѣтокъ. Генералъ сказалъ: „Опытъ, пріобрѣтенный во время осады, показываетъ, что гавань или городъ не можетъ быть защищенъ кольцомъ укрѣпленій, сосредоточенныхъ въ непосредственной близости отъ него. Онъ можетъ быть спасенъ отъ разрушенія только внѣшними укрѣпленіями, находящимися на разстояніи двѣнадцати километровъ (8 миль) отъ жизненныхъ пунктовъ, прикрытіемъ которыхъ они должны служить. Имѣть форты на разстояніи восьми километровъ (пяти миль) въ настоящее время безполезно. Что касается до укрѣпленной гавани или города безъ всякихъ внѣшнихъ укрѣпленій, то ихъ можно назвать только дорогой ловушкой снарядовъ".

Одной изъ крупныхъ ошибокъ русскихъ было неимѣніе достаточнаго числа гаубицъ. Другой ихъ ошибкой было обыкновеніе выставлять свои пушки крайне замѣтнымъ образомъ на вершины горъ, гдѣ гаубицы могли перекиднымъ огнемъ уничтожать ихъ, не подвергая себя опасности. Генералъ Ноги много распрашивалъ меня о Лэдисмитѣ и былъ, повидимому, очень пораженъ, когда я сказалъ ему, что единственными изъ нашихъ орудій, которыми мы когда либо могли заставить отойти одного изъ Длинныхъ Томовъ буровъ, были двѣ старыя, стрѣлявшія обыкновеннымъ чернымъ порохомъ 6,3 гаубицы, служившія еще въ Авганскую войну.

Въ Третьей арміи, какъ и во всѣхъ другихъ, было крайне интересно наблюдать характерныя черты дивизій. Мы видимъ тоже сильное различіе между нашими собственными войсками, въ общемъ главнымъ образомъ зависящее отъ индивидуальныхъ качествъ ихъ командировъ. Въ арміи генерала Ноги было крайне интересно, какъ индивидуальныя свойства дивизій сказывались въ характерѣ ихъ осадныхъ работъ. Одна дивизія была удивительно быстра въ своей работѣ, но многое предо-

ставляла случаю. Ея укрѣпленія, дѣйствительно, были ужасно неблагонадежны. Когда какой нибудь посѣтитель являлся въ траншеи, то его всегда торопили проходить скорѣе, потому что сквозь тонкія стѣнки ихъ то и дѣло пробивались снаряды, такъ что пребываніе въ нихъ мало чѣмъ отличалось въ смыслѣ опасности отъ пребыванія на открытомъ мѣстѣ. Съ другой стороны, эта дивизія всегда оканчивала свою работу въ поразительно короткое время.

Работа другой его дивизіи была довольно надежна, но далеко не такъ быстра.

Третья дивизія строила свои траншеи такъ, что всякій входящій въ нихъ былъ въ такой-же безопасности, какъ если-бы онъ находился въ чайномъ домикѣ въ Токіо, но Портъ Артуръ простоялъ бы еще годъ, если-бы всѣ придерживались той-же скорости, съ которой подвигались впередъ работы этой дивизіи.

Предупрежденіе какого либо мятежа или волненія въ Портъ-Артурѣ послѣ капитуляціи было предметомъ большого безпокойства. Большія старанія были приложены къ тому, чтобы замѣнить русскую охрану своевременно японскими часовыми. Это было сдѣлано такъ, что прежде нежели публика могла сообразить, что случилось, японскіе часовые уже стояли на всѣхъ строго обдуманныхъ тактическихъ пунктахъ, опредѣленныхъ въ русскомъ планѣ для поддержанія внутренняго порядка.

Въ заключеніе Ноги сказалъ мнѣ, что хуже всего за все время осады онъ провелъ ночь 2-го января, когда онъ не могъ сомкнуть глазъ вслѣдствіе прекращенія стрѣльбы.

Я поскорѣе набросалъ все предыдущее для того, чтобы какъ можно меньше позабыть. Теперь-же я вернусь назадъ къ утру.

Мы тронулись на нашихъ тигро-подобныхъ коняхъ въ 9 час. утра и направились къ Портъ-Артуру. По пути мой новый пріятель разсказалъ мнѣ о своей предыдущей поѣздкѣ съ русскимъ парламентеромъ 3-го января (21 дек. 1904 г. ст. ст.), когда онъ ѣздилъ къ генералу Стесселю. Онъ былъ первымъ японцемъ, явившимся въ городъ со времени объявленія войны. Естественно, что онъ не былъ вполнѣ спокоенъ и боялся встрѣтить какія нибудь непріятныя демонстраціи. Каково-же было, однако, его удивленіе, когда казаки и группы солдатъ стали снимать шапки, махать ими и кричать „браво!“ Очутившись уже среди улицъ, онъ нѣсколько затруднялся найти домъ Стесселя. Наконецъ ему показали дорогу, и когда онъ спросилъ часового дома-ли генералъ, тотъ отвѣтилъ ему „Да“! Тогда онъ позвонилъ. Дверь открылъ ему старикъ, котораго онъ принялъ за адъютанта Стесселя, а оказалось, что это самъ генералъ, который и провелъ его въ комнату, гдѣ сидѣла госпожа Стессель. Тутъ онъ передалъ отъ имени его Величества Императора, что въ виду того, что Стессель храбро сражался, ему разрѣшается сохранить оружіе. Стессель отвѣчалъ въ соотвѣтственныхъ выраженіяхъ и спросилъ, можно-ли ему отправиться и посѣтить генерала Ноги. Такимъ образомъ мой пріятель на слѣдующій день пріѣхалъ опять, привезя въ подарокъ куръ и шампанскаго, и условился на счетъ свиданья на 5-ое января. Въ этотъ день генералы встрѣтились и пожали другъ другу руку.

Генералъ Ноги сказалъ: „Мы сражались за наши родины и должны были дѣлать это со всевозможной храбростью. Но теперь здѣсь наступилъ миръ, поэтому намъ нѣтъ причины пока не встрѣчаться, какъ добрымъ друзьямъ и товарищамъ по оружію“. Генералъ Стессель отвѣчалъ: „Да, съ прекращеніемъ враждебныхъ дѣй-

ствій умираетъ и чувство гнѣва и душа подготовлена къ тому, чтобы испытывать болѣе дружескія чувства".

Послѣ этого генералы бесѣдовали о случаяхъ недавней борьбы, при чемъ каждый съ похвалой отзывался о солдатахъ другого.

Генералъ Стессель замѣтилъ, что самую большую непріятность во время осады причиняли 11-ти дюймовыя гаубицы. Такіе, тяжелые и властно требующіе своего, гонцы еще не посылались никогда ни въ одну крѣпость.

Поговоривъ еще немного о раненыхъ, генералъ Стессель сказалъ: „У меня есть двѣ лошади, одна австралійской, другая арабской породы. Обѣ онѣ красавицы, я-бы хотѣлъ, чтобы вы приняли ихъ отъ меня въ подарокъ".

Генералъ Ноги отвѣчалъ: „Нѣтъ; я крайне сожалѣю, но по приказанію императора все имѣющееся въ крѣпости безъ всякаго исключенія должно быть передано коммисарамъ по дѣламъ о захваченномъ имуществѣ; я, однако, обѣщаю, что постараюсь получить этихъ лошадей обратно отъ коммисаровъ и, если это мнѣ удастся, я всегда буду сохранять ихъ на память о храбромъ противникѣ".

Генералъ Стессель высказалъ свое глубокое сожалѣніе по поводу понесенной японскимъ командующимъ арміей тяжелой утраты въ лицѣ двухъ его сыновей, погибшихъ во время осадныхъ дѣйствій.

Генералъ Ноги поблагодарилъ его за сочувствіе, но заявилъ, что для японскаго солдата является поводомъ къ радости, а не къ печали, если его семьѣ суждено умереть за такое дѣло и такимъ образомъ. Жизнь солдата, его семья, все принадлежитъ родинѣ, и если и всѣ умрутъ, то смерть ихъ будетъ славной.

Подъ конецъ русскій генералъ сѣлъ на своего араб-

скаго коня и сталъ проѣзжать его взадъ и впередъ, чтобы показать его прекрасный алюръ.

Затѣмъ подали завтракъ, послѣ котораго Стессель распрощался.

За милю или двѣ до нашего въѣзда въ Портъ-Артуръ мы встрѣтили нѣсколько повозокъ съ женщинами. Я принялъ ихъ за русскихъ, бѣгущихъ оттуда. Мое удовольствіе, при видѣ радующихъ наши взоры первыхъ бѣлыхъ женщинъ, со времени далекихъ дней Фынхуанчэна, умѣрялось грустной мыслью о ихъ разоренныхъ очагахъ, объ ихъ мужьяхъ и дѣтяхъ, погибшихъ во время ужасовъ осады. Мнѣ было грустно за нихъ, и это должно быть отразилось на моемъ лицѣ, потому что я вдругъ вздрогнулъ какъ отъ электрическаго тока, когда одна изъ нихъ произнесла съ настоящимъ пѣвучимъ американскимъ акцентомъ: „Ну какъ же вамъ живется, друзья, вообще?“ Очевидно я ошибся.

Проѣхавъ немного дальше, мы встрѣтили множество настоящихъ русскихъ бѣглецовъ со всѣмъ ихъ скарбомъ, съ женами и дѣтьми, въ китайскихъ повозкахъ. Всѣ мужчины кланялись французскому аташе, нѣкоторые изъ нихъ кланялись и англійскому.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ этими странниками мы въѣхали въ самый городъ и привязали нашихъ лошадей на набережной.

Мое впечатлѣніе, когда я шелъ вдоль опустѣвшаго бульвара, было грустное, всѣ магазины были закрыты и почти на каждые тридцать домовъ приходился одинъ разрушенный снарядами. На набережной я встрѣтилъ двухъ Сиковъ, которые были очень удивлены, когдя я обратился къ нимъ на индостанскомъ нарѣчіи. Они сказали мнѣ, что крѣпость была передана спокойно, и что японское управленіе хорошо. Если-бы, сказали они,

японцы не смѣнили такъ ловко и скоро русскихъ часовыхъ японскими, то несомнѣнно былъ-бы грабежъ. Имъ это слѣдовало знать, такъ какъ они были караульными одной нѣмецкой фирмы. Природная хорошая манера обращенія у этихъ людей испортилась. Они говорили съ непріятной смѣсью подобострастія и нахальства. Я нашелъ, что это люди выродившіеся и сильно измѣнившіеся къ худшему со времени ихъ отъѣзда изъ Пенджаба.

Если городъ имѣлъ печальный видъ, то по сравненію съ гаванью, онъ могъ считаться веселымъ; потому что на улицахъ оставались хоть какіе нибудь признаки жизни. Магазины были закрыты, но по городу всетаки ѣздили верхомъ въ сопровожденіи вѣстовыхъ казаковъ, чины русскаго Краснаго Креста, и разъѣзжали на русскихъ дрожкахъ*) японскіе офицеры. Но въ гавани не было ничего кромѣ сѣрой воды и затонувшихъ военныхъ судовъ, жалкихъ погибшихъ судовъ, лежащихъ на боку и затонувшихъ такъ, что мелкія волны одна за другой катятся по ихъ палубамъ. Никакой другой неодушевленный предметъ не производитъ такого впечатлѣнія жизненности, какъ большое судно, когда оно въ полномъ порядкѣ. Ничто не имѣетъ такого несчастнаго, безпомощнаго и жалкаго вида, какъ выброшенное на берегъ, разбитое и потерпѣвшее крушеніе судно.

На набережной была куча Кардифскаго каменнаго угля. Я постоялъ на ней минутку, чтобы получить нѣкоторое ощущеніе близости „родныхъ полей Валлиса“. Затѣмъ мы взобрались на Золотую гору, куда до этого взбирались почти только одни русскіе и куда отнынѣ будутъ взбираться почти только одни японцы. По этой

*) У автора сказано „doikas“, предполагаю, что это дрожки, быть можетъ парныя—двойки.

причинѣ мнѣ, пожалуй, лучше и не писать о ней. Входъ въ гавань поразилъ меня своей чрезвычайной узкостью. Ширина прохода такова, что я сильно сомнѣваюсь, чтобы и въ мирное время два судна могли свободно пройти одно мимо другого. Тѣмъ болѣе достойно удивленія мужество японскихъ моряковъ, приведшихъ сюда свои пароходы и затопившихъ ихъ какъ разъ подъ самымъ жерломъ русскаго право-фланговаго 10-ти дюймоваго орудія.

Покинувъ фортъ Золотой Горы, мы отправились въ главный госпиталь и сдѣлали визитъ генералу Балашеву, уполномоченному Краснаго Креста. Это былъ представительный старикъ весьма бѣгло и многорѣчиво изъяснявшійся по французски. Онъ очень напомнилъ мнѣ отца Наташи, фамилію его забылъ, въ Войнѣ и Мирѣ. Жара въ госпиталѣ была ужасная, 70°! Я предполагаю, что русскіе это любятъ, но сидѣлки и пацієнты имѣли трогательно болѣзненный видъ и были блѣдны, особенно по сравненіи съ нашей загорѣлой и и дюжей толпой.

Вернувшись въ лагерь въ 4 ч. 30 м. пополудни, я получилъ приглашеніе придти проститься съ Ноги, такъ какъ, хотя онъ и будетъ сидѣть рядомъ со мной за обѣдомъ, онъ предполагалъ, что мнѣ-бы хотѣлось до отъѣзда еще поговорить съ нимъ наединѣ.

Чѣмъ болѣе я вижу командира Третьей арміи, тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе онъ на меня производитъ. Онъ, я чувствую это, человѣкъ высокоблагороднаго характера, одаренный философскимъ героизмомъ, просвѣчивающимъ въ покойномъ достоинствѣ его обращенія и наружности. Онъ кажется совершенно простымъ и неиспорченнымъ своимъ успѣхомъ. Хотя по времени рожденія онъ можетъ быть отнесенъ къ воинамъ старой школы, однако онъ никогда не жалѣлъ ни времени, ни

трудовъ въ своемъ стараніи идти наравнѣ съ вѣкомъ. Онъ прочелъ большую часть современныхъ основныхъ военныхъ трудовъ. Если-бы я былъ японцемъ, то чтилъ генерала Ноги. Счастлива армія, имѣющая такого генерала, счастлива и нація. Дѣйствительно, я готовъ идти дальше и сказать, что хорошо должна быть организована та армія и хорошо должна управляться та нація, которая, обладая такимъ человѣкомъ, ставитъ его какъ разъ на надлежащее мѣсто. Что это за Власть, и гдѣ она находится, въ силу которой, повидимому безъ всякаго пристрастія и лести, такъ хорошо пользуются имѣющимся въ распоряженіи японскимъ матеріаломъ? Кто составляетъ Выборный Совѣтъ, назначающій каждое японское должностное лицо какъ разъ на такое мѣсто, гдѣ отъ него не требуется больше того, что онъ можетъ дать, но гдѣ онъ можетъ полностью приложить свои силы?

Я не знаю, но мнѣ кажется, что мы, Британцы, смотримъ на назначенія (я говорю не спеціально объ арміи) слишкомъ легко, потому что въ глубинѣ души у насъ всегда остается чувство, что въ общемъ одинъ англичанинъ стоитъ другого.

Это ужасное заблужденіе. Можно избрать человѣка на важный постъ въ январѣ, въ февралѣ онъ можетъ заболѣть, а въ мартѣ, хотя никому, даже и самому ему это незамѣтно, онъ можетъ быть уже не тѣмъ человѣкомъ. Такимъ образомъ даже и въ отдѣльномъ лицѣ могутъ происходить большія колебанія въ смыслѣ способностей. Наполеонъ въ добромъ здоровьѣ—это побѣдитель. Наполеонъ съ сильнымъ насморкомъ—уже обыкновенный командиръ. Но подобныя измѣненія въ отдѣльномъ лицѣ, какъ-бы важны они ни были, не могутъ сравниться съ тѣми различіями, которыя могутъ быть между двумя разными лицами. Это прямо поразительная

вещь, что изъ всѣхъ милліоновъ людей, имѣющихся на свѣтѣ, совершенно невозможно выбрать двухъ, про которыхъ можно было-бы сказать, что они поступятъ совершенно одинаково подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же критическихъ обстоятельствъ. Каждому изъ обитателей Великобританіи гдѣ нибудь уготована именно ему подходящая сфера дѣятельности. А мы считаемъ почти чудомъ, когда они совпадаютъ. Біографіи большинства великихъ людей показываютъ, что они достигаютъ своего истиннаго призванія только путемъ отчаянной борьбы и послѣ того, какъ дѣлались постоянныя попытки втиснуть ихъ въ совершенно неподходящія имъ рамки. Но глазъ японскаго правительства, повидимому, чудесно намѣтался въ выборѣ подходящихъ исполнителей.

Въ теченіе моего короткаго свиданья съ командующимъ Третьей арміи, я спросилъ его, не пріѣдетъ-ли онъ ко мнѣ въ Англію, если я получу командованіе какимъ нибудь армейскимъ корпусомъ. Онъ отвѣчалъ, что путешествія дѣло молодыхъ людей, которымъ хочется поучиться для того, чтобы примѣнять послѣ пріобрѣтенныя знанія на пользу родины. Онъ-же самъ теперь слишкомъ старъ для того, чтобы пріобрѣтать новыя понятія свѣжихъ и гибкихъ умовъ. Поэтому, если ему суждено остаться въ живыхъ послѣ войны, онъ намѣренъ уйти на покой и тихо доживать свои послѣдніе дни на своей родинѣ.

Глава XXXVII.

Наншань и Вафангоу.

Кинчжоу, 24-го января (11-го стар. ст.) 1905.— 11 час. вечера. — Сильный сѣверный вѣтеръ съ пургой дуетъ цѣлые сутки. Вчера вечеромъ, вернувшись изъ главной квартиры Третьей арміи послѣ прощальнаго визита, я только успѣлъ улечься въ постель одѣтымъ, какъ онъ задулъ со страшной свирѣпостью, свистя черезъ цыновочныя стѣны моего дома, какъ черезъ рѣшето. Въ первый разъ въ жизни я надѣлъ на голову ночной колпакъ, но отъ этого мои ноги все таки не согрѣлись, и я не могъ спать.

Я всталъ въ 6 ч. у., такъ какъ, согласно отданнымъ распоряженіямъ, мы должны были тронуться въ 9 ч., но на самомъ дѣлѣ мы выѣхали не раньше часу пополудни. Крыло курицы, которымъ я завтракалъ, замерзло какъ камень. Я отстругивалъ кусочки своимъ складнымъ ножомъ и держалъ ихъ во рту, пока они не оттаивали.

Проѣхавъ нѣсколько миль по желѣзной дорогѣ, мы остановились на часъ, забирая русскихъ плѣнниковъ для Дальняго. Это были бравые молодцы, многіе выше шести футовъ ростомъ. Нашъ вагонъ третьяго класа до нѣкоторой степени умѣрялъ ярость пурги, но на открытыхъ платформахъ, должно быть, было трудно дышать. Одинъ несчастный вползъ къ намъ, когда Винцентъ отворилъ дверь, онъ имѣлъ видъ умирающаго. Онъ говорилъ немного по нѣмецки. Мы дали ему коньяку, что его нѣсколько оживило.

Наконецъ мы добрались до мѣста нашего назначенія, станціи Кинчжоу, въ 6 ч. 30 м. вечера. Тутъ съ нами произошло странное приключеніе, которое очень позабавитъ японскую армію, когда она о немъ услышитъ. Не успѣлъ я сойти съ поѣзда, какъ послышался трескъ, свистъ и около 500 римскихъ свѣчей взвилось кверху бѣшено выбрасывая свое огненное содержимое на ледяныя крылья пурги. Я выдерживалъ это неожиданное нападеніе храбро, пока огненныя колеса и огненные фонтаны не начали мести платформу, какъ шрапнель. Тогда я, съ двумя или тремя на половину взорвавшимися шутихами, прилипшими къ моему пальто, бѣжалъ въ маленькое станціонное зало, успѣвъ, однако, замѣтить громадную толпу китайскихъ именитыхъ жителей, близко стоявшую съ подвѣтренной стороны фейерверка.

Какъ только ярость салюта утихла, я хотѣлъ выйти и поблагодарить любезныхъ китайцевъ за оказанный намъ теплый пріемъ, но отъ этого меня отговорили состоявшіе при насъ японскіе офицеры. Однако, нѣсколько минутъ спустя они ввели главныхъ мандариновъ въ станціонное зало и представили ихъ мнѣ тутъ. Было такъ темно, что я почти ничего не видѣлъ, и предложилъ, чтобы либо намъ дали лампу, либо я выйду къ китайцамъ на платформу, гдѣ все таки было свѣтлѣе. Но ни того ни другого не было сдѣлано, и такъ какъ мнѣ было неудобно поднимать шумъ, то представленія и обмѣнъ привѣтствій произошли въ сущности въ темнотѣ.

Когда всѣ китайцы ушли, тогда, только тогда, мнѣ было разрѣшено отправиться въ предназначенный для меня домъ, куда я и отправился, и при чемъ все время теръ свой носъ изъ боязни, что онъ отмерзнетъ изъ за ужаснаго вѣтра. Только когда я уже былъ на мѣстѣ, одинъ изъ моихъ спутниковъ, дружески расположен-

ныхъ ко мнѣ, измѣнилъ своей японской сдержанности подъ вліяніемъ крайней забавности происшедшаго. Онъ началъ съ вопроса знаемъ-ли мы, что было написано на флагахъ, принесенныхъ китайцами на станцію. Конечно мы этого не знали, и тогда онъ, многозначительно подмигивая, сообщилъ намъ, что на нихъ стояла странная надпись: „Привѣтствуемъ тебя, могучій завоеватель, съ твоей великой побѣдой!“ Сказавши это, онъ уже не могъ остановиться, и мало по малу мы выпытали отъ него всю исторію.

Мы должны были пріѣхать сюда въ 2 часа дня, а генералъ Ноги, который долженъ былъ выѣхать со своимъ штабомъ въ Ляоянъ въ 1 ч. дня, ожидался здѣсь въ 6 ч. вечера. Нашъ поѣздъ тронулся на пять часовъ позднѣе, что задержало на такое-же время отъѣздъ командующаго Третьей арміей, поэтому теперь онъ проѣдетъ Кинчжоу не раньше полуночи. Но никто не предупредилъ мѣстныхъ китайскихъ мандариновъ о перемѣнѣ программы и они всѣ собрались, чтобы устроить Ноги грандіозный пріемъ. Прежде чѣмъ кто либо успѣлъ остановить ихъ, они уже открыли огонь своими римскими свѣчами, и положеніе стало крайне неловкимъ для отвѣтственныхъ лицъ, какъ офицеровъ, такъ и чиновниковъ.

Но ловкіе японцы умѣютъ выпутаться изъ всякихъ обстоятельствъ и, когда они увидѣли, что я бѣгу въ темное станціонное зало, у нихъ явилась блестящая идея осчастливить китайцевъ, оставивъ ихъ въ пріятномъ убѣжденіи, что они видѣли генерала Ноги, и еще болѣе осчастливить меня убѣжденіемъ, что мнѣ были оказаны царскія почести. Для этого они и заставили меня совершенно безсознательно изобразить Ноги въ темной комнатѣ, и однимъ ударомъ убили двухъ зайцевъ!

Эта комната такая холодная, точно она высѣчена внутри ледника.

Я слышу, какъ кто-то совсѣмъ рядомъ ворчитъ: „Wir sind hier eingegraben; es ist schweinlich kalt“ *).

Я опять лягу въ постель одѣтымъ, да еще въ ночномъ калпакѣ.

Я пишу карандашемъ, потому что мое чернило совсѣмъ замерзло.

Кинчжоу, 25-го января (12-го стар. ст.).—Вѣтеръ все еще дуетъ съ сѣвера, но уже не такой пронизывающій и сильный; слава Богу!

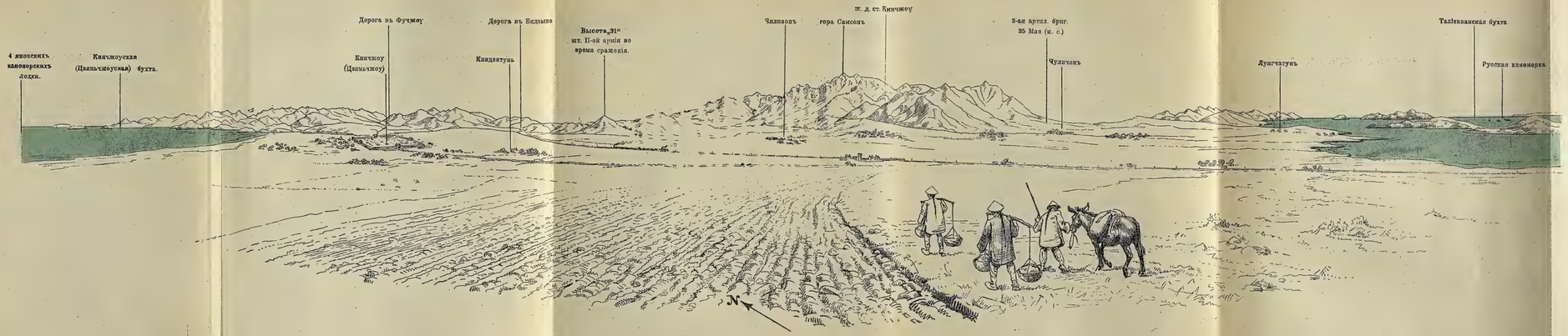
Послѣ полудня намъ показывалъ поле битвы при Наншанѣ одинъ офицеръ Коби, который былъ опасно раненъ въ этомъ бою. Наншаньская позиція состоитъ изъ группы голыхъ холмовъ, около 300 футовъ вышиною, загромождающихъ самое узкое мѣсто Ляодунскаго перешейка, который суживается здѣсь до трехъ миль между восточнымъ и западнымъ морскими заливами (черт. XXXVIII и XXXIX).

Поле битвы таксе-же ограниченное, какъ при Ватерлоо; оно разстилается передъ глазами зрителя, смотрящаго съ командующей русской позиціи, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Нѣкоторые радуются случаю разойтись съ общимъ мнѣніемъ,—лично я предпочитаю плыть по теченію. Но бываютъ случаи, когда это невозможно и является безусловная необходимость побороть опасное заблужденіе.

Наншань называли сильной позиціей; на сколько мнѣ помнится, даже нѣкоторыми писателями она признавалась сильнѣйшей въ свѣтѣ.

Во времена Цезаря или даже Веллингтона это могло

*) „Мы тутъ точно въ могилѣ; собачій холодъ“.



Видъ на сѣверъ съ русской позиціи у Наншана

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель“

Картогр. зав. Д. Рудзева, С.П.Б. Нов. пер. 15

быть такъ, при условіи, однако, что защитникъ ея является господствующимъ на морѣ.

Но я увѣренъ въ томъ, что ни одинъ изъ римскихъ генераловъ во время первой Пунической войны, когда Карѳагенянамъ принадлежало превосходство на морѣ, не выбралъ-бы для сраженія такого мѣста, гдѣ бы оба его крыла опирались на эту коварную стихію, давая такимъ образомъ непріятелю двойной шансъ къ использованію своего особаго преимущества. И такъ, я говорю, что Наншань ни въ коемъ случаѣ не могъ бы считаться сильной позиціей, если-бы защитникамъ не принадлежало господство на морѣ съ обѣихъ сторонъ; въ послѣднемъ случаѣ, при современной артиллеріи, не потребовалось-бы никакой защиты на сушѣ съ фронта.

Но это еще не все. Если даже изъять изъ этой задачи элементъ морского могущества, я не думаю, чтобы писатели, распространявшіеся на счетъ силы и значенія такой позиціи, какъ Наншаньская, вполнѣ уяснили себѣ ту эволюцію, которая произошла въ тактикѣ благодаря дальнобойнымъ ружьямъ и орудіямъ.

Наншаньскія горы, какъ уже было сказано, занимаютъ самое узкое мѣсто перешейка. Непосредственно къ сѣверу и югу отъ занятой русскими позиціи море отходитъ въ глубь, предоставляя сушѣ выдаваться крутыми изгибами къ востоку и западу (черт. XXXIX). Такимъ образомъ непріятель, приближающійся къ позиціи съ сѣвера, можетъ подойти къ ней на разстояніе въ 1000 ярдовъ, имѣя фронтъ вдвое длиннѣе фронта защитниковъ. Во дни Ватерлоо это не имѣло бы такого большого значенія, кромѣ развѣ того, что артиллерія атакующей стороны могла-бы направить сосредоточенный огонь на гору. Но прежде нежели пѣхота могла воспользоваться ружейнымъ огнемъ, ей-бы пришлось войти въ узкое пространство и сузить свой фронтъ

почти до размѣровъ позиціи своего противника. Въ благословенный 1904 годъ, однако, ружейный бой становится жаркимъ на разстояніи 1000 ярдовъ, а съ этого разстоянія, благодаря конфигураціи суши и моря, японцы имѣли возможность развить значительно превосходный ружейный огонь, на половину сосредоточенный, по горамъ узкой части перешейка, занятымъ русскими.

И такъ, по моему мнѣнію, защитники неправильно поняли исключительныя географическія преимущества, которыя представлялъ Наншаньскій перешеекъ. Не располагаясь такъ, чтобы подвергаться сосредоточенному огню, они должны были воспользоваться мѣстностью такимъ образомъ, чтобы самимъ имѣть возможность направить сосредоточенный огонь на японцевъ. Мѣстность къ югу отъ перешейка великолѣпно способствуетъ такому плану. Русское правое крыло могло-бы прикрыть Дальній и воспрепятствовать дебушированію японцевъ съ Наншаня, встрѣтивъ ихъ сосредоточеннымъ огнемъ, когда они покажутся, и не подвергая себя морской атакѣ съ западной, опасной стороны моря. Ихъ лѣвое крыло, будучи отброшено назадъ уступами на болѣе высокіе холмы въ тылу, помѣшало-бы всякой попыткѣ непріятеля обойти ихъ лѣвый флангъ, придерживаясь западной береговой линіи.

Словомъ, Наншань представлялъ великолѣпную позицію для сооруженія долговременнаго укрѣпленія, которое противостояло-бы какъ огню съ фланговъ и съ тылу, такъ и всякой попыткѣ взять его открытой силой.

Нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, затраченныхъ на постройку такого форта, дали-бы возможность двумъ или тремъ баталіонамъ пѣхоты и одной или двумъ ротамъ крѣпостной артиллеріи удержать японскую армію по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней, пожалуй даже недѣль. Но Наншань не былъ подходящимъ мѣ-

стомъ для полевого оборонительнаго боя, такъ какъ тутъ пѣхотные и орудійные окопы простого полевого типа могли всѣ легко подвергаться продольному огню и даже быть уничтоженными съ тылу броненосцами съ моря, съ обѣихъ сторонъ. Въ одной или двухъ миляхъ разстоянія къ югу, самой природой ясно указывалась настоящая позиція для такого оборонительнаго боя; по крайней мѣрѣ такъ кажется мнѣ, хотя русскіе, очевидно, не были одинаковаго со мною мнѣнія.

Я не буду входить въ описаніе боя, скажу только, что я былъ крайне удивленъ, увидавъ, что русскіе ставили свои 15-ти сантиметровыя гаубицы на вершину холмовъ, тогда какъ всего въ 300 ярдахъ разстоянія къ югу находился глубокій оврагъ съ крутыми боками, откуда они могли стрѣлять съ одинаковымъ успѣхомъ и въ то-же время въ полной безопасности. Гаубицы предназначаются для дальняго огня, и подставлять эти орудія, съ большимъ угломъ возвышенія, подъ непріятельскія пушки—значило безцѣльно жертвовать однимъ изъ ихъ главныхъ достоинствъ. Какъ шахматный игрокъ напрасно стѣснялъ-бы себя, отказываясь перескакивать конемъ черезъ другія фигуры, такъ точно и командующій артиллеріей напрасно повредилъ себѣ, рѣшивъ, вмѣсто того, чтобы выпускать свои снаряды черезъ холмъ изъ безопаснаго прикрытія, поставить свои гаубицы на полномъ виду непріятельской артиллеріи, какъ съ моря, такъ и съ суши. Гаубица орудіе съ особыми свойствами, и нигдѣ качества ея не могли-бы сказаться лучше, какъ при Наншанѣ, гдѣ японцы могли выставить 198 полевыхъ орудій плюсъ артиллерію четырехъ канонерокъ противъ пятидесяти орудій русскихъ.

Я замѣтилъ значительный успѣхъ, по сравненію съ укрѣпленіями русскихъ на Ялу. Первая линія окоповъ, слѣдовавшая изгибу холмовъ на разстояніи двадцати пяти

футовъ отъ ихъ подножья, была дополнена бойницами изъ мѣшковъ съ пескомъ. Были тутъ также и проволочныя загражденія, которыя особенно успѣшно дѣйствуютъ противъ стремительно бросающихся японцевъ. Благодаря этимъ проволочнымъ загражденіямъ 10.000 русскихъ противостояли 42.000 Третьей арміи и первой артиллерійской бригадѣ до заката солнца, хотя ихъ собственная артиллерія была вынуждена окончательно замолчать (вслѣдствіе ошибки въ расположеніи гаубицъ) уже съ 9 час. утра *).

Придерживаясь своихъ принциповъ, я долженъ теперь оторваться отъ слишкомъ серьезнаго разсмотрѣнія увлекательнаго примѣра совмѣстныхъ дѣйствій сухопутныхъ и морскихъ силъ въ одномъ бою. Хотя Наншаньскій бой долженъ былъ имѣть дурное нравственное вліяніе на войска, вынужденныя отступить, однако, весьма вѣроятно, что впослѣдствіи побѣда эта дорого обошлась японцамъ. Эта позиція досталась имъ дешево, они потеряли всего 4.504 человѣка убитыми и ранеными, то есть всего около 10%. Они не вполнѣ сообразили существенной слабости сосредоточенныхъ на Наншаньскихъ высотахъ войскъ при атакѣ ихъ современнымъ оружіемъ. Возгородившіеся взятіемъ штурмомъ позиціи, имѣвшей нѣкоторое внѣшнее сходство съ постоянными укрѣпленіями, они стали воображать, что нѣтъ недостижимаго для ихъ храбрости, и подъ вліяніемъ такого настроенія, нѣсколько недѣль спустя, они бросали массы храбрыхъ воиновъ противъ неодолимыхъ для штурма линій постоянныхъ укрѣпленій, гдѣ они заслужили суровую славу, умирая тысячами—не ради побѣды, потому что это было немыслимо, а во славу и честь арміи, родины и императора.

*) На самомъ дѣлѣ съ нашей стороны участвовали: 5-й Вост. Сиб. стрѣлк. полкъ (безъ первой роты, бывшей въ Пекинѣ) и двѣ роты 13-го Вост. Сибир. стрѣл. полка, всего около 3.000 человѣкъ.

Вафангоу, 26-го января (13-го стар. ст.). — День ужасовъ. Тронулись мы въ 7 ч. у., въ ледяную пургу, но по какой-то неизвѣстной причинѣ поѣздъ, который долженъ былъ везти насъ въ 9 ч. у. на сѣверъ, оставилъ насъ застрянувшими на станціи, гдѣ мы и оставались въ теченіе шести или семи часовъ, поколачивая ногу объ ногу для того, чтобы согрѣть ихъ. Термометръ все время стоялъ ниже нуля.

Въ 5 час. дня явился паровозъ, построенный въ Глазго, и доставилъ насъ въ мѣстечко Гебато, гдѣ мы въ 9 ч. веч. были заняты приготовленіемъ горячаго кофе, какъ вдругъ произошелъ страшный трескъ; окна разлетѣлись въ дребезги, все погрузилось во мракъ, посыпалось только нѣсколько искръ, либо отъ лампъ. либо, можетъ быть, и изъ моихъ глазъ подъ вліяніемъ толчка. Я получилъ сильный ударъ въ бокъ и по рукѣ, минуту мнѣ казалось, даже, что она сломана. Это моя первая желѣзнодорожная катастрофа. Въ нашъ скромный добродушный Глазговскій локомотивъ врѣзался дерзкій, суетливый Американскій паровозъ съ запасного пути. Вся прислуга была страшно перепугана. Они думали, что въ поѣздъ попалъ русскій снарядъ. Одинъ спрашивалъ: „Мы умерли?“ Поваръ воскликнулъ: „Я потерялъ глазъ!“ Сусаки вопилъ: „Намъ надо бѣжать!“ Матсуда убѣждалъ: „Сидите смирно; русская мина разорвала локомотивъ на части, и можетъ быть подъ нами есть еще другая!“

Никто, однако, не пострадалъ серьезно, хотя каждый можетъ показать одну или двѣ царапины, какъ слѣдствіе нашего приключенія. Конечно, наше путешествіе еще замедлилось, и мы явились сюда, въ Вафангоу, только въ 2 ч. 30 мин. ночи. Теперь я нахожусь въ русскомъ домикѣ около станціи, и его теплая печка и чашка японскаго супу и рису, которую я только что съ жад-

ностью поглотилъ, кажутся мнѣ, а слѣдовательно и являются на самомъ дѣлѣ, верхомъ роскоши.

Соціалисты и многіе другіе, не соціалисты, а просто добрые и хорошіе люди, воображаютъ, что міръ сдѣлался бы счастливѣе, если бы каждый былъ ежедневно обезпеченъ хорошимъ обѣдомъ въ теченіе всей своей жизни. Нѣтъ большей ошибки, какъ эта. Три вещи на свѣтѣ придаютъ цѣну жизни: пища, любовь и небо.

Лишите людей естественной неувѣренности въ томъ, гдѣ имъ предстоитъ ѣсть слѣдующій разъ, и они сразу утратятъ одну треть интереса въ жизни. Англія представляетъ до такой степени благополучное и роскошное подобіе искуственнаго рая, столькіе изъ ея обитателей проходятъ всю свою жизнь, отъ колыбели до могилы, ни разу не оставаясь даже и сутокъ безъ пищи и питья, что нѣкоторые могутъ счесть высказанную мною истину за парадоксъ. Пусть въ такомъ случаѣ они поразмыслятъ дальше.

Любовь,—съ этимъ они должны согласиться—факторъ, принимающій наибольшіе размѣры въ сытой жизни. Допустимъ теперь, что любовь—истинная или притворная—текла-бы всегда спокойно и плавно, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ препятствій, что тогда сталось бы съ любовью, какъ мы ее понимаемъ? Она-бы исчезла, а съ нею и вторая треть интереса въ жизни.

Только одна единственная нить, привязывала-бы человѣчество къ земному шару, а именно неувѣренность въ томъ, что его ждетъ на небѣ. Изъ опасенія, что этотъ міръ, можетъ быть, является концомъ всего, человѣкъ могъ-бы еще продолжать влачить свое существованіе, чтобы досмотрѣть все до конца, хотя-бы у него и не оставалось ни заботы о пропитаніи, ни любви, для которыхъ стоило-бы работать и жить. Но если-бы

у него только явилась положительная увѣренность въ томъ, что онъ безрадостно томится на порогѣ Рая, то что могло-бы удержать его тогда отъ лишенія себя жизни, для того, чтобы поспѣшить навстрѣчу этому счастью?

Мнѣ часто приходилось слышать, какъ мягкосердечные люди говорили, со слезами въ голосѣ, про бродягу или цыгана: „Мнѣ кажется, что этотъ несчастный дѣйствительно голоденъ!“ Я всегда думалъ при этомъ: „Бѣдный или бѣдная, вы прожили добрую половину вашей жизни, ни разу не испытавъ, что значитъ хотя бы на половину или на три четверти проголодаться до смерти. Значитъ, вамъ незнакомо одно изъ самыхъ большихъ удовольствій въ жизни, а именно удовлетвореніе не просто аппетита, но настоящаго голода“.

Я предполагаю, что эти мысли явились у меня вслѣдствіе желѣзнодорожнаго крушенія. Мнѣ теперь слѣдуетъ успокоить вредное для здоровья нервное возбужденіе спокойнымъ сномъ у восхитительной русской печки.

Вафангоу, 27-го января (14-го стар. ст.). — Спалъ сномъ праведныхъ до 9 ч. 30 м. утра. Позавтракалъ и отправился смотрѣть поле сраженія. Накамура рекомендовалъ мнѣ великолѣпнаго на видъ мула. Хозяинъ его увѣрялъ, что это чуть ли не совершенство. Онъ казался весьма послушнымъ и смирнымъ, такимъ славнымъ и надежнымъ животнымъ.

Мы тронулись. Когда мы проѣхали съ четверть мили, „Русскій“ подбѣжалъ довольно близко и испугалъ мула. „Русскій“ ужасно любитъ пугать кого-бы то ни было и очень быстро замѣчаетъ, когда производитъ подобное впечатлѣніе, особенно на такое большое животное, какъ мулъ. Чѣмъ больше мулъ отдалялся отъ „Русскаго“, тѣмъ ближе „Русскій“ старался подобраться къ мулу. Я страшно ругалъ „Русскаго“, но онъ въ этомъ отноше-

ніи похожъ на бура: когда непріятель начинастъ сдаваться, онъ спѣшитъ использовать свое преимущество надъ нимъ. Я началъ быстро терять власть надъ муломъ и, наконецъ, потерялъ ее окончательно, и мы понеслись къ желѣзнодорожной насыпи. Инстинктивно, по привычкѣ охотника, я отдалъ поводья, и мулъ перелетѣлъ черезъ насыпь какъ птица. Но неумолимый „Русскій“ не переставалъ насъ преслѣдовать, почти обезумѣвъ теперь отъ радости.

Мы пересѣкли замерзшій прудъ, одинъ Богъ ужъ знаетъ какъ, но я долженъ сказать про муловъ, что если они заведутъ васъ въ плохое мѣсто, то всегда сумѣютъ и выбраться оттуда. Дважды мы обскакали вокругъ этого пруда и затѣмъ опять помчались во весь галопъ къ проклятой насыпи.

На этотъ разъ мы неслись каррьеромъ прямо противъ пурги, и я хорошенько не могу сказать, что случилось. Послѣднее, что я помню (прежде нежели очутился по горло въ снѣжной кучѣ) это впечатлѣніе, что я смотрю съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ-бы съ большой высоты на мое собственное пустое сѣдло, которое въ эту минуту казалось съѣхавшимъ на самую голову дьявольскаго мула. Остальная компанія была на столько занята борьбою съ ледянымъ вѣтромъ, что мои приключенія не были замѣчены никѣмъ. Такимъ образомъ мое достоинство не пострадало, хотя на затылкѣ у меня шишка, достаточно убѣждающая меня въ томъ, что все это было не во снѣ.

Прежде нежели начать описывать русскую позицію и высказывать мое мнѣніе о ней я долженъ, хотя вкратцѣ, изложить условія, предшествовавшія бою.

Послѣ высадки Четвертой арміи, состоявшей тогда изъ одной десятой дивизіи, расположившейся у Дагушаня, она была усилена одной гвардейской бригадой

нашей Первой арміи, съ помощью которой и взяла Сіуэнъ. Четвертая армія образовала теперь связующее звено между Первой арміей, у Фынхуанчэна, и Второй арміей, у Кинчжоу, которыя до этого были раздѣлены гористой мѣстностью на протяженіи 160 миль. Общее наступленіе въ сѣверномъ направленіи сдѣлалось стратегически возможнымъ.

Прежде нежели, однако, дѣйствительно начать это стягиваніе силъ къ Ляояну, предстояло разрѣшить множество затрудненій относительно обоза и доставки припасовъ. Велика, поэтому, была радость японцевъ, когда кавалерійскій бой*), данный 30-го мая (17-го стар. ст.), около четырехъ миль къ югу отъ Вафангоу (Телиссу, карта XL), показалъ, что задача ихъ значительно упрощается самими русскими, которые направляются на югъ къ Портъ-Артуру. Штакельбергъ съ сѣвера, а Оку съ юга, оба спѣшно наступали вдоль желѣзной дороги, первый—въ надеждѣ отвлечь нѣкоторую часть японцевъ отъ осады, а второй—рѣшивъ добиться больше того, на что шли русскіе. Силы Оку состояли изъ третьей и пятой дивизій и одной самостоятельной бригады артиллеріи, а также изъ части четвертой дивизіи, двигавшейся съ западной стороны по Фучжоуской дорогѣ; въ общемъ, считая кавалерію, у него было 30.000 штыковъ, 1.800 сабель и 162 орудія. Ожидалось, что и шестая дивизія успѣетъ высадиться во время для того, чтобы принять участіе въ бою, но на самомъ дѣлѣ, только одинъ баталіонъ явился на поле сраженія до окончанія битвы.

*) Это дѣло было очень спорнымъ и замѣчательно тѣмъ, что являло собою единственный примѣръ кавалерійской атаки, имѣвшей мѣсто въ Манчжуріи. Двѣ сотни казаковъ внезапно встрѣтились съ японскимъ эскадрономъ, и такъ какъ за короткостью разстоянія они не могли имѣть достаточно разбѣга, чтобы дѣйствовать пиками, то они употребили это оружіе какъ дубины и колотили имъ японцевъ по головамъ и по рукамъ, держащимъ поводья. Японскій эскадронъ потерпѣлъ пораженіе, но въ общемъ результаты боя были неопредѣленные.

Противъ этихъ силъ у Штакельберга было около 28.000 человѣкъ и 90 орудій, принадлежавшихъ главнымъ образомъ къ его 1-му Сибирскому корпусу, который такъ доблестно сражался во всѣхъ послѣдующихъ бояхъ.

Около полудня 14 іюня (1-го) третья японская дивизія, двигаясь къ востоку отъ желѣзной дороги, столкнулась съ двумя русскими авангардами, высланными отъ праваго и лѣваго фланга арміи Штакельберга. Правый авангардъ былъ встрѣченъ въ долинѣ къ югу отъ Тафаншина и состоялъ изъ одиннадцати эскадроновъ, восьми орудій и команды конныхъ охотниковъ. Лѣвый былъ встрѣченъ у самаго Вафанвопэна (Габуохо) и состоялъ изъ одного эскадрона, шести баталіоновъ пѣхоты и восьми орудій. Третья дивизія оттѣснила оба эти авангарда назадъ, но лѣвый авангардъ упорно сопротивлялся и отошелъ очень не далеко. Съ обѣихъ сторонъ завязался тогда сильный артиллерійскій бой.

Теперь настало время описать позицію (карта XL). Отъ Вафангоу (Телиссу) мы слѣдовали вдоль желѣзной дороги на югъ; какъ самая желѣзная дорога, такъ и главная дорога, шедшая около нея, проходили по плоской долинѣ, сначала очень узкой, но расширявшейся постепенно, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ. Мѣстность по обѣимъ сторонамъ была чрезвычайно неприступная и гористая. Она напоминала вполнѣ раіонъ Модулинскаго перевала (Мотіенлинга), хотя высота главныхъ горъ не была такъ велика.

Когда мы достигли пункта, миляхъ въ двухъ къ югу отъ Вафангоу, то дорога и желѣзнодорожный путь пошли вдоль окраины болѣе низкихъ склоновъ длиннаго, округлаго, покрытаго травою, отрога, выдавшагося на западъ изъ кряжа, находившагося на восточной сторонѣ нашей долины. Онъ достигалъ вышины приблизительно въ 200 футовъ и на немъ находилась главная

позиція русской артиллеріи, составлявшая въ то-же время и центръ ихъ расположенія. Мы взобрались на вершину отрога и нашли двадцать великолѣпныхъ орудійныхъ окопа, врытыхъ глубоко въ линію гребня, съ прочными окопами для пѣхоты пониже ихъ.

Окопы эти были расположены на разстояніи отъ десяти до двадцати ярдовъ внизъ по южному склону отрога и они, какъ и орудійные окопы, несомнѣнно, были лучшими и наиболѣе разумно расположенными изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. Въ западномъ, юго-западномъ и юго-юго-западномъ направленіи открывался великолѣпный обстрѣлъ.

Глядя на западъ, мы видѣли желѣзную дорогу и главную дорогу, проходившія у самой подошвы отрога, затѣмъ на протяженіи полумили шла плоская открытая равнина, затѣмъ рѣка Фучжоухэ (Фушухо) съ раздвоеннымъ русломъ, занимавшимъ около четверти мили въ поперечномъ сѣченіи, далѣе еще полмили до крутыхъ холмовъ, ограничивавшихъ долину съ запада, на которыхъ было расположено правое крыло русскихъ. На юго-западъ и юго-юго-западъ разстилалась также совершенно плоская равнина, не представлявшая удобной артиллерійской позиціи для японцевъ, развѣ, что они рѣшились-бы двинуться впередъ ночью и окопаться до наступленія утра.

На разстояніи одного или двухъ градусовъ къ востоку отъ юга находилась высокая гора въ 600 футовъ вышины и около двухъ миль длины у основанія, считая отъ востока къ западу. По моему разсчету она находилась на разстояніи 2500 ярдовъ отъ орудійныхъ окоповъ и, почти касаясь желѣзной дороги своимъ западнымъ краемъ, она съ восточной стороны сильно, почти до плоскости, понижалась, поворачивала на сѣверъ и примыкала къ русской оборонительной позиціи длинной

узкой косой. Русскіе не дѣлали попытки занять эту гору въ качествѣ передового укрѣпленія, и японцы также не заняли ее. Я думаю (такъ какъ имѣлъ время ее осмотрѣть), что она была слишкомъ крута для того, чтобы артиллерія могла ею воспользоваться.

Въ восточномъ направленіи обстрѣлъ ограничивался на разстояніи около полумили высокимъ главнымъ хребтомъ, простиравшимся на сѣверъ и югъ, отъ котораго и шелъ отрогъ Орудійныхъ окоповъ*), какъ я буду называть главную артиллерійскую позицію русскихъ. Я рѣшилъ по этому перейти этотъ главный хребетъ, чтобы тщательно изучить расположеніе мѣстности на лѣвомъ флангѣ русскихъ и около него.

Полазивъ вверхъ и внизъ вдоль линіи расположенія русскихъ войскъ, я достигнулъ самой высшей точки хребта, тянущагося къ сѣверу и къ югу, и съ высоты въ 500 футовъ для меня открылся болѣе широкій видъ съ птичьяго полета, нежели съ отрога Орудійныхъ окоповъ, и, глядя на югъ, я теперь различилъ три ясно опредѣлившіяся долины, сходящіяся въ одну точку на позиціи, которую занимало русское лѣвое крыло. Первая была долина желѣзной дороги. Вторая—долина рѣки Фучжоухэ. Третья—долина Вафанвопэна. Русскія орудія на главной артиллерійской позиціи господствовали вполнѣ надъ долинами желѣзной дороги и рѣки, но на долинѣ Вафанвопэна образовались ущелья отъ промежуточныхъ кряжей, а потому надо было принять особыя мѣры, чтобы не дать непріятелю подойти съ этой стороны. Эта долина Вафанвопэна была шириною отъ 300 до 800 ярдовъ и четыре орудійныхъ окопа, расположенныхъ на возвышеніи, на разстояніи около 800 ярдовъ позади окоповъ пѣхоты, совершенно господство-

*) Китайское названіе этой мѣстности—Лунванмяо.

вали надъ нею. Окопы пѣхоты были основательно вырыты и хороши, хотя, имъ не доставало головнаго прикрытія. Они были расположены въ три яруса, и не было никакой надежды на успѣхъ, атакуя ихъ съ юга, такъ какъ не только вся долина была совершенно открыта, за исключеніемъ разбросанныхъ по ней хижинъ селенія Вафанвопэна, но и склоны холмовъ, по которымъ японцамъ предстояло спускаться въ долину, были совершенно голы и не представляли никакого прикрытія.

Теперь я вполнѣ уяснилъ себѣ позицію центра и лѣваго крыла Штакельберга, и мнѣ особенно важно занести это на бумагу, такъ какъ у насъ нѣтъ картъ, которыя могли-бы служить подспорьемъ. Поэтому я повторяю все вкратцѣ. Отъ центральной артиллерійской позиціи, близъ желѣзной дороги, до крайняго лѣваго фланга, линія обороны Штакельберга тянется приблизительно на три мили. Взятая сама по себѣ она очень сильна. Наступленіе вдоль желѣзной дороги или попытка обойти лѣвое крыло по долинѣ Вафанвопэна (черт. XLI) были бы крайне затруднительны. Атака со стороны долины рѣки Фучжоухэ представляла также мало заманчиваго, но если-бы, случайно, она оказалась удачной, то безъ сомнѣнія обѣщала побѣдителямъ совершенно особую награду. Успѣшная атака со стороны желѣзной дороги или долины Вафанвопэна вызвали бы только отступленіе лѣваго крыла и артиллеріи Штакельберга къ Вафангоу. Но, въ случаѣ успѣшной атаки со стороны долины рѣки Фучжоухэ, всѣ двадцать орудій съ главной артиллерійской позиціи не имѣли-бы возможности отступить по главной долинѣ къ Вафангоу, какъ они пришли оттуда. Нѣтъ, имъ пришлось-бы спускаться внизъ къ югу прямо впереди своихъ собственныхъ окоповъ пѣхоты и колесить кругомъ черезъ долину Вафанвопэна, чтобы достичь тыла. Такимъ образомъ

расположеніе мѣстности требовало отъ русскихъ, чтобы центръ и лѣвое крыло ихъ, къ востоку отъ желѣзной дороги, зорко наблюдали за тѣмъ, что происходитъ на ихъ правомъ флангѣ и вообще къ западу отъ желѣзной дороги.

Сегодня я былъ поставленъ въ особенно затруднительныя условія, такъ какъ со мной не было ни одного офицера изъ участниковъ боя 15-го іюня (2-го) Но. у меня былъ необыкновенный проводникъ, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказался весьма пригоднымъ чичероне по полю сраженія. Это былъ унтеръ-офицеръ, на котораго было спеціально возложено погребеніе убитыхъ русскихъ. Ему потребовалась цѣлая недѣля для выполненія этой обязанности, и его хорошая память бросала ужасный, но крайне яркій свѣтъ на злоключенія этой битвы. Я долженъ закончить описаніе русской позиціи, прежде нежели давать какой либо отчетъ о ходѣ сраженія. Но я не могу этого сдѣлать до завтра, когда я осмотрю позицію. занимавшуюся правымъ крыломъ русскихъ къ западу отъ желѣзной дороги.

28-го января (15-го ст. ст.) 1905.—Въ поѣздѣ на пути къ сѣверу. Сегодня утромъ я снова отправился въ сопровожденіи мрачнаго спутника, какъ Данте, гуляющій по саду съ Виргиліемъ, и, пройдя по западной сторонѣ долины Вафангоу, взобрался на крутые холмы въ разстояніи около полуторыхъ миль къ сѣверо-западу отъ главной русской артиллерійской позиціи, съ которой я началъ вчера. Здѣсь я нашелъ орудійные окопы для двухъ батарей на холмѣ въ 200 футовъ вышиною, надъ селеніемъ Лунванмяо (Санши). Орудійные окопы были врѣзаны въ хребетъ, какъ на главной позиціи на восточной сторонѣ долины. Въ юго-западномъ направленіи открывался великолѣпный обстрѣлъ, но въ восточномъ направленіи онъ ограничивался всего нѣсколь-

кими сотнями ярдовъ, такъ какъ далѣе видъ закрывался болѣе высокимъ кряжемъ холмовъ. На тысячу ярдовъ впереди орудійныхъ окоповъ находились окопы русской пѣхоты. Они были глубоки и хороши, но не имѣли головного прикрытія.

Затѣмъ я поѣхалъ на западъ, на крайній правый флангъ русской позиціи и взобрался на самую высокую вершину, на которой и до сихъ поръ стоитъ еще старый китайскій фортъ. Я нашелъ, что японская горная батарея занимала это мѣсто въ теченіе нѣкотораго времени боя. Отсюда окопы пѣхоты не шли уже на востокъ и западъ, а были направлены назадъ на сѣверъ, чтобы откинуть русскій правый флангъ. Я замѣтилъ, что стою на западномъ краю клина гористой мѣстности. Вершина клина находилась приблизительно въ одной милѣ къ югу отъ меня, а ширина его отъ востока до запада, гдѣ я стоялъ и гдѣ русскіе окопы тянулись черезъ него, была около мили съ четвертью. Клинъ этотъ ограничивался на востокѣ долиной Вафангоу, а на западѣ развѣтвленіемъ этой долины, которое отдѣлялось отъ нея, въ разстояніи одной мили къ югу отъ окоповъ пѣхоты, и, заворачивая подъ южной вершиной выступающихъ горъ, направлялось назадъ въ сѣверо-западномъ направленіи. У подошвы южной вершины лежало селеніе Тафаншинъ, занятое при началѣ боя однимъ баталіономъ пѣхоты, одной командой конныхъ охотниковъ и восемью орудіями. Но въ виду того, что селеніе находилось въ цѣлой милѣ разстоянія къ югу отъ окоповъ пѣхоты, главныя силы русскаго праваго фланга, очевидно могли оказывать защитникамъ селенія только нравственную поддержку и помощь артиллерійскимъ огнемъ. Безъ сомнѣнія, однако, артиллерія, находившаяся на главной восточной позиціи могла открыть сильный продольный огонь по всякимъ войскамъ, которые-бы стали атаковать Тафаншинъ съ юга.

Глядя на сѣверо-западъ съ оконечности праваго фланга русской позиціи, я разглядѣлъ въ трехъ миляхъ разстоянія, у подножья высокой горы, хорошо обозначившуюся дорогу, проходящую черезъ небольшую деревню Бончіо. Вотъ по этому-то пути и подошла 19-я бригада четвертой дивизіи, не встрѣтивъ въ сущности препятствія, и врѣзалась въ линію отступавшихъ русскихъ при Вафангоу. Но я забѣгаю впередъ.

Открытый промежутокъ въ полторы мили между правымъ и лѣвымъ крыломъ русскихъ не былъ доступенъ непріятелю, которому въ случаѣ его появленія угрожалъ перекрестный огонь. Вполнѣ правильно, поэтому, русскіе выдѣлили небольшія силы для его защиты.

Теперь я вполнѣ хорошо уяснилъ себѣ всю оборонительную позицію русскихъ. Для отраженія атаки съ юга она была великолѣпна. Со всѣхъ сторонъ былъ превосходный обстрѣлъ на цѣлую милю. Передъ русскимъ правымъ флангомъ и центромъ простиралась совершенно открытая равнина, надъ которой русская позиція вполнѣ господствовала; хотя на крайнемъ русскомъ лѣвомъ флангѣ, восточнѣе Вафанвопэна, холмы сходились, такъ что впереди русскихъ оказывалось только 400 ярдовъ плоскаго пространства, тѣмъ не менѣе склоны этихъ холмовъ были отлогіе и открытые, и не представляли прикрытія для непріятеля, если-бы таковой сталъ по нимъ спускаться для атаки.

Съ узкой тактической точки зрѣнія позиція, избранная русскимъ генераломъ, была почти безукоризнена. Дѣйствительно, онъ выказалъ большое искусство, выискавъ такую хорошую оборонительную позицію въ запутанной горной мѣстности, гдѣ такъ часто ищущему удобнаго поля сраженія трудно бываетъ остановиться, и онъ все переходитъ отъ одного кряжа къ другому, такъ какъ надъ каждымъ изъ нихъ командуетъ другой.

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Видъ съ лѣваго фланга русской позиціи въ сраженіе при Вафангоу

XLI

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д.5

Но съ широкой точки зрѣнія, этого нельзя сказать. Позиція была слишкомъ стѣснена для имѣвшагося въ распоряженіи числа войскъ и орудій. Успѣшную контръ-атаку было трудно произвести. Правильный планъ, казалось, непремѣнно долженъ былъ заключаться въ томъ, чтобы защищать узкое ущелье у Вафангоу сравнительно слабыми силами, употребивъ главныя для удара въ лѣвое крыло японцевъ вдоль Фучжоуской дороги. Оку, безъ сомнѣнія, и ожидалъ и страшился подобной попытки.

Описавъ позицію, я могу теперь, благодаря японской любезности, сказать, какъ Штакельбергъ собирался ее удержать утромъ 14-го іюня 1904 г. (1-го ст. ст.). Слѣдующія выдержки сдѣланы изъ приказа, найденнаго на тѣлѣ одного убитаго русскаго штабного офицера. Я уже приводилъ составъ обоихъ авангардовъ на основаніи этого документа. Лѣвый боевой участокъ долженъ былъ занимать мѣстность къ востоку отъ желѣзной дороги. Онъ долженъ былъ находиться подъ командой генералъ-маіора Гернгросса. Силы его состояли изъ 12 баталіоновъ пѣхоты, 36 орудій (въ числѣ которыхъ было четыре горныхъ) и 4 эскадроновъ. Шесть баталіоновъ и 28 орудій должны были составлять первую линію, и 6 баталіоновъ и 8 орудій—вторую линію.

Центръ долженъ былъ занимать открытую долину между отрогомъ Орудійныхъ окоповъ и д. Лунванмяо на западъ отъ желѣзной дороги. Онъ долженъ былъ находиться подъ командой генералъ-маіора Лучковскаго. Силы его состояли изъ трехъ ротъ пѣхоты и двадцати-четырехъ орудій.

Правый боевой участокъ долженъ былъ занимать возвышенную мѣстность отъ долины желѣзной дороги къ западу. Онъ долженъ былъ находиться подъ командой генералъ-маіора Краузе. Силы его состояли изъ

3¼ баталіоновъ пѣхоты, 8 орудій и полу-баталіона саперъ. Передовой отрядъ, подъ командой полковника Пашинскаго долженъ былъ занимать д. Тафаншенъ. Силы его состояли изъ одного баталіона пѣхоты, 8 орудій и одной конной охотничьей команды. Резервъ долженъ былъ находиться въ Лицзятунѣ (Ліютунѣ) какъ разъ къ юго-западу отъ Вафангоу, подъ командой генералъ-маіора Глазко. Силы его состояли изъ 8 баталіоновъ и 16 орудій.

14-го іюня (1-го ст. ст.) днемъ резервъ, подъ командой Глазко, былъ двинутъ къ лѣвому флангу, чтобы поддержать Гернгросса въ атакѣ противъ праваго крыла японцевъ, произведенной утромъ 15-го іюня (2-го ст. ст.). Въ теченіе ночи 14-го (1-го ст. ст.) по желѣзной дорогѣ прибыло еще пять баталіоновъ пѣхоты, которые и оставались въ резервѣ близъ Вафангоу, замѣнивъ такимъ образомъ Глазко.

Теперь я перехожу къ 15-му іюня (2-му ст. ст.), когда Оку съ 32.000 войска и 162 орудіями рѣшилъ атаковать Штакельберга съ 28.000 русскихъ и 90 орудій, пока къ нему не подойдутъ подкрѣпленія съ сѣвера. Штакельбергъ съ своей стороны тоже рѣшилъ атаковать правый флангъ японцевъ.

Планъ японскаго командующаго войсками состоялъ въ томъ, чтобы атаковать лѣвый флангъ и центръ Штакельберга третьей дивизіей, въ то время какъ его пятая дивизія и смѣшанная бригада четвертой дивизіи будутъ пытаться обойти правое крыло непріятеля. Кавалерійская бригада, въ составѣ двухъ полковъ при шести пулеметахъ, съ помощью одной горной батареи пятой дивизіи, должна была произвести отдѣльное далекое обходное движеніе вокругъ русскаго лѣваго крыла и постараться отрѣзать ему линію отступленія.

Разсвѣтъ начался при густомъ туманѣ, давшемъ

возможность третьей дивизіи продвинуться черезъ промежутокъ у желѣзной дороги на довольно близкое разстояніе, прежде нежели въ 5 ч. 30 м. туманъ разсѣялся и русская артиллерія на отрогѣ Орудійныхъ окоповъ открыла по нимъ огонь и заставила ее уйти назадъ въ ущелье. Другая часть той-же самой дивизіи двинулась по Вафанвопэнской долинѣ и, не будучи поддержана артиллеріей, должна была отступить подъ огнемъ, открытымъ изъ четырехъ русскихъ полевыхъ орудій и съ трехъ ярусовъ окоповъ пѣхоты. Генералъ Гернгроссъ, видя, что онъ въ состояніи удерживать непріятеля, дѣлалъ неоднократныя попытки контръ-атакъ, которыя имѣли нѣкоторый успѣхъ, заставивъ Оку дважды усиливать свой правый флангъ изъ общаго резерва.

Мой проводникъ могъ сообщить чрезвычайно важныя подробности на счетъ хода боя въ этой части поля сраженія. Вдоль всей главной позиціи русской артиллеріи въ центрѣ, до окоповъ на западной сторонѣ долины Вафанвопэнъ, онъ не нашелъ и полдюжины русскихъ труповъ. Но въ самомъ селеніи Вафанвопэнъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ онъ лично наблюдалъ за погребеніемъ нѣсколькихъ сотенъ ихъ. Болѣе трехъ сотенъ навѣрно.

Я настойчиво разспрашивалъ его о томъ, не приходилось ли ему погребать русскихъ на восточной или японской холмистой сторонѣ долины, онъ отвѣчалъ, что да, что тамъ встрѣчались разбросанные трупы на склонѣ на разстояніи 200 ярдовъ вверхъ отъ долины, но что, за этимъ разстояніемъ въ 200 ярдовъ, русскихъ труповъ больше не было. Съ полной увѣренностью онъ можетъ сказать, что не находилъ ни одного русскаго трупа на гребнѣ холмовъ, образующихъ восточную границу Вафанвопэна. Оказывается поэтому, что въ свѣтѣ составилось ложное представленіе благодаря отчетамъ до сихъ

поръ появлявшимся въ печати о дѣйствіяхъ русскаго лѣваго крыла. Читая эти отчеты, я представилъ себѣ, что Гернгросъ прошелъ довольно значительное растояніе и атаковалъ, почти врасплохъ, японскій правый флангъ. Теперь же становится яснымъ, что хотя онъ и производилъ рѣшительныя контръ-атаки, ему ни разу не удавалось проникнуть далеко. Его атакующія линіи, повидимому, выходили изъ своихъ окоповъ, переходили долину,—разстояніе въ 500 ярдовъ—и поднимались на 100 и до 200 ярдовъ вверхъ по лежавшимъ на противоположной сторонѣ холмамъ, и тутъ были останавливаемы. Странно себѣ представить, что самые способные штабные офицеры обѣихъ сторонъ, и даже самые генералы, командовавшіе тутъ, не могли дать мнѣ столь достовѣрныхъ свѣдѣній, какъ полученныя мною черезъ посредство этого славнаго могильщика. *)

Въ то время какъ третья дивизія такимъ образомъ не имѣла никакого успѣха противъ центра и лѣваго фланга русскихъ, пятая дивизія съ 54-мя орудіями самостоятельной артиллерійской бригады, кромѣ своей собственной артиллеріи, двинулась къ сѣверо-западу и къ сѣверу. Ей было приказано войти въ связь со смѣшанной бригадой отъ четвертой дивизіи (которая на разсвѣтѣ находилась еще въ разстояніи около 10 миль къ западу отъ поля сраженія) и атаковать селеніе Тафаншинъ, находящееся какъ разъ къ югу отъ вершины того выступающаго гористаго клина, поперекъ котораго окопался русскій правый флангъ. Это селеніе было взято въ 9 ч. 20 м. утра, послѣ небольшого сопротивленія. Тутъ почти не было погребено русскихъ труповъ,

*) Говорятъ, однако, что послѣ битвы при Сенъ-Прива нѣкоторыя партіи нѣмцевъ, убиравшія трупы, носили своихъ убитыхъ наверхъ холма такъ, чтобы ихъ могилы находились ближе къ непріятельскимъ позиціямъ, чѣмъ могилы другихъ, соперничавшихъ съ ними полковъ.

что какъ будто указываетъ на то, что защитники возлагали главную надежду на свою шрапнель для воспрепятствованія занятію этого пункта.

Въ своемъ описаніи русской позиціи я объяснилъ — весьма возможно, съ тѣмъ пониманіемъ дѣла, которое является, когда уже знаешь, что случилось, — что успѣхъ японцевъ здѣсь могъ быть для русскихъ роковымъ. Тафаншинъ и возвышенная мѣстность, непосредственно къ сѣверу отъ него, несомнѣнно составляли Ахиллесову пяту позиціи, столь сильной во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Обойди японцы любой флангъ и они не могли-бы сдѣлать ничего кромѣ того, какъ оттѣснить русскихъ обратно въ долину Вафангоу, по которой они могли отступить въ четыре раза скорѣе, нежели могли ихъ преслѣдовать войска Оку, которымъ-бы приходилось то спускаться, то подниматься по горамъ. Но взятіе Тафаншина закрывало русскимъ долину Вафангоу какъ дорогу для отступленія на столько, на сколько могла долетать японская шрапнель, то есть на растояніи около трехъ миль.

Какъ и можно было ожидать, лишь только Тафаншинъ былъ взятъ, какъ полковникъ Шиба, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ японской арміи, поспѣшно подошелъ съ 15-мъ артиллерійскимъ полкомъ и открылъ перекрестный огонь по главной позиціи русской артиллеріи на отрогѣ Орудійныхъ окоповъ, тѣмъ самымъ облегчивъ положеніе третьей дивизіи. Тогда стало ясно, что русскимъ орудіямъ будетъ очень трудно отступить. Теперь имъ уже нельзя было брать орудія въ передки подъ огнемъ полковника Шибы и медленно спускаться по крутому отрогу на открытую долину. Они могли отходить, только пройдя вдоль фронта собственной пѣхоты, и достигнуть долины Вафанвопэна, гдѣ имъ можетъ быть удалось-бы спастись, — что впрочемъ весьма

мало вѣроятно,—пройдя подъ ружейнымъ огнемъ третьей дивизіи. Почему-же русскій резервъ, находившійся въ полумилѣ къ югу отъ Вафангоу не подошелъ и не повелъ хоть одной хорошей атаки на селеніе Тафаншинъ? Я не могу сказать. Никакой контръ-атаки не было сдѣлано, и японцы продолжали развивать свой успѣхъ, захвативъ южную вершину гористаго клина, занятаго русскимъ правымъ флангомъ.

На подмогу къ 15-му артиллерійскому полку явилась теперь на эти холмы горная батарея, и, подъ вліяніемъ соединеннаго огня этихъ двухъ японскихъ частей, русскія орудія, какъ на главной артиллерійской позиціи, такъ и на правомъ крылѣ, вынуждены были замолчать уже около 11 часовъ утра. Около того же времени смѣшанная бригада четвертой дивизіи, пройдя черезъ проходъ Бончіо, вошла въ соприкосновеніе съ пятой дивизіей и грозила окружить правое крыло русскихъ и отрѣзать его, занявъ одинъ изъ пунктовъ долины Вафангоу, въ четырехъ миляхъ къ сѣверу отъ поля сраженія. Меня увѣряли, что, когда смѣшанная бригада проходила черезъ проходъ Бончіо, вся русская армія находилась еще въ своихъ окопахъ. Если это было такъ, то можно считать чудомъ, что вмѣсто простого пораженія Штакельбергъ не испыталъ полнаго погрома. Оказывается, что русская кавалерія столкнулась съ японцами у прохода Бончіо, но наступленіе японцевъ не было задержано до тѣхъ поръ, пока они не очутились въ одной милѣ разстоянія отъ долины Вафангоу. На этомъ мѣстѣ мой спутникъ похоронилъ также много труповъ, но къ сожалѣнію я не имѣлъ времени лично осмотрѣть эту мѣстность.

Вскорѣ послѣ того, какъ русская артиллерія была вынуждена замолчать, общій резервъ (не выпустившій ни одного выстрѣла) началъ отступать. Въ данную ми-

нуту я не могу припомнить ни одного другого подобнаго примѣра, чтобы иниціатива отступленія принадлежалу резерву. На сѣверо-западной границѣ Индіи искусство отступленія доведено прямо до степени точной науки. Это можетъ показаться ироніей, но сказано совсѣмъ не въ такомъ смыслѣ. Горныя племена рѣдко сражаются, пока наши войска наступаютъ, но какъ только рекогносцировочный отрядъ, или карательная экспедиція, или другія какія либо войска, поворачиваютъ обратно къ лагерю, такъ тотчасъ же ихъ начинаетъ атаковать и преслѣдовать дотолѣ невидимый непріятель.

Въ Южной Африкѣ также, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда головная часть колонны преслѣдовала непріятеля, одержавъ побѣду, хвостъ ея почти неизмѣнно долженъ былъ вступать въ аріергардный бой. Я привожу эти случаи только въ качествѣ подтвержденія моего мнѣнія, что при тѣхъ условіяхъ, которыя существовали въ сраженіи у Вафангоу, нормальныя функціи резерва состояли въ томъ, чтобы 1) взять обратно Тафаншинъ и 2) если-бы было рѣшено отступать, то занять позицію на разстояніи ружейнаго выстрѣла къ сѣверу отъ боевой линіи русскихъ такъ, чтобы пропустить всѣ свои войска и затѣмъ выполнить обязанности аріергарда.

Около полудня правое крыло, все еще продолжая защищаться, начало окончательно, хотя и медленно отступать. Странно сказать, но ни одного русскаго трупа не было найдено ни въ этихъ окопахъ, ни по близости ихъ. Работа могильщику нашлась только уже въ полумилѣ къ сѣверу отъ окоповъ. Быть можетъ русскіе имѣли возможность подбирать своихъ убитыхъ, пока отступленіе не сдѣлалось болѣе поспѣшнымъ. Можетъ быть также, что бой здѣсь не былъ такимъ упорнымъ, какъ его представили. Но какъ-бы то ни было, еще болѣе страннымъ является, что по какой-то, до сихъ поръ

необъяснимой, причинѣ Гернгроссу съ его лѣвымъ крыломъ, храбро удерживавшему свою позицію и даже болѣе того, было предоставлено стойко защищаться не смотря на то, что отступленіе правого крыла совершенно открыло его западный флангъ. Часъ или два спустя японская кавалерія стала давать себя чувствовать на восточномъ флангѣ лѣваго участка и тогда, наконецъ, Генгроссомъ былъ отданъ запоздалый приказъ объ отступленіи. Пѣхота выбралась съ большими затрудненіями, а большинство орудій пришлось бросить. Мой гробокопатель сообщилъ мнѣ, что похоронилъ много русскихъ вдоль линіи отступленія отъ Вафанвопэна до Ликіятуна.

Послѣ этого японцы подняли свои орудія на отрогъ Орудійныхъ окоповъ, установили ихъ среди захваченныхъ русскихъ пушекъ и открыли огонь по ущелью Вафангоу. Смѣшанную бригаду четвертой дивизіи русскимъ съ большимъ трудомъ удалось удержать отъ занятія западныхъ высотъ въ одной милѣ разстоянія къ сѣверу отъ Вафангоу. Дѣло начинало принимать весьма скверный для Штакельберга оборотъ, когда хлынулъ страшнѣйшій ливень, скрывшій все изъ виду, такъ что бой пришлось прекратить.

Съ точки зрѣнія японцевъ битва при Вафангоу кажется образчикомъ прекрасной тактики. Но слабость праваго крыла Штакельберга и нѣсколько слабое сопротивленіе имъ оказанное сравнительно облегчили ихъ задачу. Если-бы я позволилъ себѣ критиковать дѣйствія генерала Оку, то сказалъ бы, что въ смыслѣ стратегіи онъ слишкомъ спѣшилъ, а въ смыслѣ тактики слишкомъ много хотѣлъ сдѣлать.

Мнѣ не приходится доказывать того, что если-бы онъ могъ въ теченіе 15-го Іюня заигрывать со Штакельбергомъ, пока смѣшанная бригада четвертой дивизіи

не подойдетъ къ Вафангоу на такое разстояніе, чтобы имѣть возможность принять участіе въ атакѣ, то врядъ ли кому изъ русскихъ удалось-бы спастись. Опять таки, если взять настоящую атаку такъ, какъ она была выполнена, мы видимъ, что командующій японскими войсками пытался обойти оба фланга Штакельберга и взять всѣ позиціи вдоль всего фронта, хотя превосходство его силъ было невелико въ пѣхотѣ и меньше чѣмъ вдвое въ артиллеріи.

По моему скромному мнѣнію только съ вдвое превосходными силами командующій можетъ позволить себѣ пренебречь всѣми тонкостями военнаго искусства, которое клонится къ тому, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе и заставить его удержать войска, въ ожиданіи рѣшительнаго удара, тогда какъ это только демонстрація со стороны непріятеля. Кромѣ того, методъ Оку ведетъ къ большимъ потерямъ. Я прекрасно знаю, что британскіе генералы держаться того убѣжденія, что обычай слишкомъ щадить людей является въ концѣ концовъ еще болѣе жестокимъ. Но вѣдь должна же быть и золотая середина. Генералы должны помнить, что жизнь каждаго солдата, находящагося въ ихъ рукахъ, представляетъ маленькую частицу ихъ родины и ея могущества. Тогда по всему вѣроятію небесныя силы дадутъ имъ возможность правильно поступить въ нужную минуту. Японскія потери при Вафангоу, собственно, вовсе не были велики, всего 1000 человѣкъ или десятая часть потерь ихъ противника. Но по этому-то я и выбралъ этотъ случай для своего замѣчанія.

Если смотрѣть на это дѣло съ русской точки зрѣнія, то русскимъ слѣдовало-бы сильно укрѣпить *Тафаншинъ*, какъ весьма важный для нихъ пунктъ, устроить проволочныя загражденія, засѣки и амбразуры. Вся линія пѣ-

хоты праваго крыла должна была-бы быть выдвинута впередъ на полмили на ближайшій кряжъ на югъ отъ него, чтобы поддержка была ближе. А главное, резервъ долженъ былъ быть подъ рукой на случай попытки японцевъ взять этотъ важный пунктъ внезапнымъ нападеніемъ. Я не имѣлъ удовольствія присутствовать при этомъ сраженіи, но мнѣ кажется, что перекрестный огонь шрапнели передъ селеніемъ, даже при данныхъ условіяхъ, исключалъ всякую возможность взятія его дневнымъ приступомъ. Тѣмъ не менѣе оно было взято. Ну, такъ надо было взять его обратно, иначе сраженіе должно было быть проиграннымъ. Что дѣлалъ резервъ?

Я ужъ не знаю, что и сказать о смѣшанной бригадѣ четвертой дивизіи на главной Фучжоуской дорогѣ и ея, очевидно, неожиданномъ появленіи въ тылу праваго фланга русскихъ. Весьма возможно, что поспѣшное отступленіе резерва и послѣдовавшій отъ этого проигрышъ сраженія могли быть приписаны до нѣкоторой степени тревогѣ, вызванной этой угрозой коммуникаціонной линіи Штакельберга. Въ обыкновенной военной практикѣ движеніе пѣхоты, направляющейся по большой дорогѣ для принятія участія въ бою съ арміей, имѣющей хорошую кавалерію, было-бы замѣчено, лишь только она подошла на разстояніе двадцати миль отъ своей цѣли, потому что мѣстность, хотя и гористая, вовсе не была ни лѣсистой, ни недоступной. Напротивъ того, я никогда не видѣлъ мѣстности болѣе подходящей для дѣйствія кавалеріи, какъ въ конномъ строю, въ видѣ наблюдающаго отряда, такъ и спѣшившись, для замедленія движенія непріятеля. Тутъ было множество вершинъ, съ которыхъ открывался широкій видъ на окрестности, которыя большею частью были открытыя и безлѣсныя. Тутъ было много кряжей, съ

которыхъ спѣшенная кавалерія могла заставить непріятельскую пѣхоту развернуться для атаки и вступить въ бой, введя даже артиллерію. Конечно, если кавалерія исключительно придерживается дѣйствій въ конномъ строю, то армія, обладающая подобной кавалеріей—нерѣдко за это платится.

Я могу только сказать, что если-бы Штакельбергъ былъ освѣдомленъ (какъ это должно было быть) своей кавалеріей на счетъ того мѣста, гдѣ смѣшанная бригада ночевала съ 14-го на 15-ое, (съ 1 на 2 іюня ст. ст.) то, при данномъ характерѣ мѣстности, онъ долженъ былъ-бы убѣдиться въ томъ, что она не можетъ пройти до наступленія слѣдующей ночи тѣхъ десяти миль, которыя отдѣляли ее отъ поля сраженія. Нѣкоторые офицеры держатся того мнѣнія, что, въ виду отсутствія у русскихъ дивизіонной кавалеріи, чувство взаимной поддержки между конными и пѣхотными частями русской арміи слабѣе, нежели въ другихъ арміяхъ, но, признаюсь, мнѣ эта мысль кажется нѣсколько странной.

Надѣюсь, что я не былъ слишкомъ строгъ въ своей критикѣ. Величайшій авторитетъ говоритъ намъ, что лучшій генералъ тотъ, который дѣлаетъ наименьшее число ошибокъ. Успѣхъ всѣхъ военныхъ дѣйствій на столько зависитъ отъ счастья, что весьма несправедливо обвинять кого либо, если только не будетъ ясно, что основные принципы военнаго искусства не были попраны. Если только Куропаткинъ не докажетъ, что онъ не имѣлъ возможности удѣлить еще дивизію и что онъ имѣлъ достаточное основаніе выслать сравнительно слабыя силы такъ далеко на югъ, то онъ является главнымъ нарушителемъ общепризнанныхъ принциповъ. Штакельбергу предстоитъ оправдаться, передъ судомъ исторіи, въ своемъ очевидномъ невѣдѣніи относительно наступленія японской дивизіи по Фучжоуской дорогѣ, и

объ отдѣленіи отъ нея бригады для обхода его праваго фланга. Онъ долженъ доказать, почему его кавалерія, замѣтивъ наконецъ эту бригаду, не успѣла задержать ее ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ среди цѣлаго ряда узкихъ и неровныхъ проходовъ, по которымъ ей приходилось проходить. Онъ долженъ объяснить, почему его правый флангъ отступилъ самостоятельно, покинувъ Гернгросса съ его лѣвымъ флангомъ въ затруднительномъ положеніи. Весьма вѣроятно, что онъ сможетъ въ этомъ блестяще оправдаться. Я только констатирую факты на основаніи полученныхъ мною, конечно, не полныхъ данныхъ.

Что касается генерала Оку, то про него можно сказать что онъ хотѣлъ, пожалуй, слишкомъ много взять на себя. Если это и недостатокъ, то во всякомъ случаѣ весьма близкій къ величайшей изъ нашихъ доблестей.

Я писалъ это въ поѣздѣ, проходившемъ черезъ сѣрыя скалистыя горы, покрытыя снѣгомъ повсюду, гдѣ поверхность ихъ не слишкомъ обрывиста. Красное зимнее солнце садится за высокой цѣпью горъ, находящейся у насъ по лѣвую руку, а въ долинѣ замерзшая рѣка вьется, какъ исполинская змѣя, сверкая своей ледяной чешуей подъ лучами заходящаго солнца. Вдали я вижу линію японскаго обоза, переходящаго рѣку. Мѣстность вокругъ дикая и печальная, но она пробуждаетъ во мнѣ чувство чего-то знакомаго и привычнаго, которое присуще старымъ воспоминаніямъ. Причина этого, я думаю, кроется въ томъ, что она напоминаетъ мнѣ картину, изображавшую приключенія въ полярныхъ странахъ, которая возбуждала мое воображеніе, когда я былъ маленькимъ ребенкомъ.

Глава XXXVIII.

Фужи скрываетъ свое лицо.

Угольныя копи, 29-го января (16-го ст. ст.) 1905.— Мы явились сюда на нашу старую квартиру въ полдень, и возвращеніе наше привѣтствовалось салютомъ нѣсколькихъ сотъ орудій, глухой непрестанный гулъ и рокотъ которыхъ доносится къ намъ съ запада, какъ только болѣе громкая и близкая, но не столь непрерывная кононада на сѣверѣ прекращается на минуту и даетъ намъ возможность слышать грозные раскаты далекаго сраженія. Среди всего этого грохота одинъ изъ адъютантовъ при главной квартирѣ передалъ мнѣ телеграмму изъ Англіи и приглашеніе отъ генерала Куроки пріѣхать къ нему завтра утромъ позавтракать совсѣмъ запросто. Онъ сказалъ, что ѣхать смотрѣть бой уже поздно, такъ какъ въ сущности онъ уже рѣшенъ въ пользу японцевъ. При другихъ условіяхъ я-бы, конечно, сталъ протестовать противъ такого рѣшенія, но у меня такъ страшно разболѣлась голова отъ печки, топившейся древеснымъ углемъ, въ нашемъ вагонѣ, которой мы поддерживали въ себѣ жизнь ночью, что я даже былъ радъ такому удобному предлогу ничего не предпринимать.

Телеграмма призывала меня покинуть какъ можно скорѣе ужасы войны и вернуться въ Англію.

Пусть будетъ такъ. Я пропущу большое сраженіе, потому что Третья армія Ноги спѣшитъ къ сѣверу по желѣзной дорогѣ и по дорогамъ вообще, и японцы

должны попытаться выиграть victoire dicisive *) (рѣшительную побѣду), о которой они постоянно говорятъ, прежде нежели скованныя зимнимъ холодомъ рѣки вскроются и дороги оттаютъ. Но къ тому времени, какъ я вернусь въ Лондонъ, пройдетъ уже пятнадцать мѣсяцевъ моей отлучки, изъ которыхъ почти двѣ-трети я провелъ на самомъ полѣ сраженія. Я видѣлъ бои всѣхъ родовъ, кромѣ кавалерійскаго, и изучалъ и описывалъ мѣстность на столько подробно, что, пожалуй, буду знать Мандчжурію не хуже Южной Африки. Словомъ, мнѣ за глаза довольно; если это и не такъ, то лучше стараться убѣдить себя, что это такъ, потому что тѣ, кто носятъ королевскій мундиръ, обязаны мириться съ своей судьбой, куда-бы она ихъ не привела.

Угольныя копи, 30-го января (17-го ст. ст.) 1905.— Я сейчасъ наслаждался самымъ пріятнымъ изъ многихъ пріятныхъ визитовъ, которые я дѣлалъ въ главную квартиру Первой арміи. Кромѣ генерала Куроки, одного изъ офицеровъ штаба и меня не было никого. Разговоръ былъ искренній и непринужденный. Я свободно передавалъ всѣ мои Портъ-Артурскія впечатлѣнія, и Куроки былъ живо заинтересованъ, особенно, я думаю, услышавъ, что до сихъ поръ ни одно изъ дошедшихъ до насъ донесеній не сумѣло дать надлежащаго понятія о томъ изумительномъ памятникѣ храбрости, который воздвигли себѣ какъ побѣдители, такъ и побѣжденные на Высокой горѣ (высота 203 метра). Я изложилъ ему свои теоріи на счетъ Наншана и Вафангоу приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ я записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ, и изъ вѣжливости, или съ убѣжденіемъ, мои хозяева, казалось, склонялись къ тому, чтобы

*). Употребляю французское выраженіе потому, что его всегда употребляли японцы, даже говорившіе по-нѣмецки.

раздѣлить мою точку зрѣнія. Что-то, что именно, не помню, навело разговоръ на лихорадочную дѣятельность, проявляемую въ началѣ двадцатаго столѣтія столькими великими націями. Я замѣтилъ, что англичане своимъ молчаливымъ упорнымъ консерватизмомъ, который они непрестанно противопоставляютъ рьяному пылу шотландцевъ и кельтическому блеску ирландцевъ, удерживаютъ государственный корабль въ равновѣсіи, и являются истинной причиной величія и стойкости Британской Имперіи. Въ скачкѣ націй, по моему мнѣнію, всегда благоразумнѣе держать пари за черепаху, а не за зайца.

Куроки, повидимому, соглашался съ этимъ и сказалъ: „Конечно, опасно мѣнять старые обычаи слишкомъ поспѣшно. Теперь, когда мы побѣдили Россію, я надѣюсь, что мои соотечественники убѣдятся, что не такъ ужъ у насъ все худо, и замедлятъ свое стремленіе впередъ. Мое поколѣніе уже почти кончило свой бѣгъ. Ничто не можетъ измѣнить насъ. Но будущее поколѣніе? Я былъ бы болѣе покоенъ на счетъ будущаго своей родины, если бы у меня была увѣренность въ томъ, что въ нашемъ народѣ много людей, которые, подобно англичанамъ, имѣютъ положительное отвращеніе къ перемѣнамъ, хотя - бы онѣ и дѣлались подъ благовиднымъ предлогомъ улучшенія“.

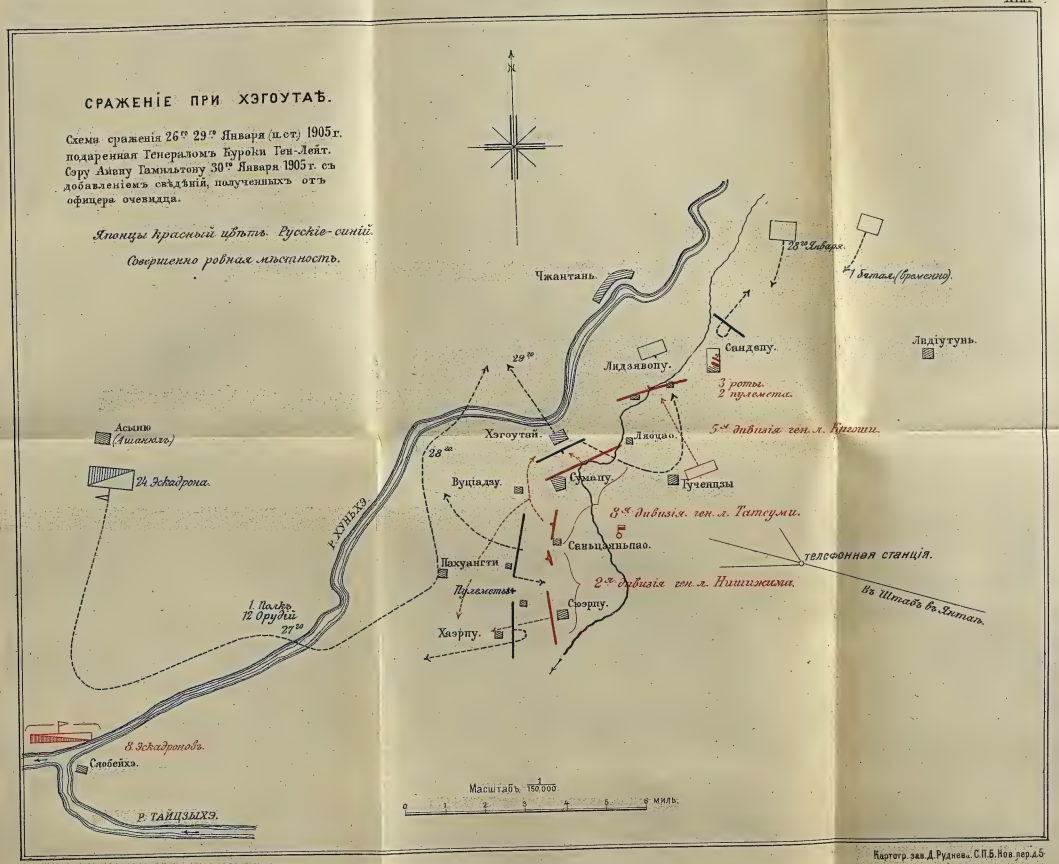
Мы говорили о нѣкоторыхъ офицерахъ и о сравнительной степени ихъ ума и силы характера. Штабной офицеръ замѣтилъ, между прочимъ, что желая испытать взгляды, воображеніе и вкусы своихъ подчиненныхъ, онъ всѣхъ ихъ въ отдѣльности спрашивалъ, что имъ больше нравится: цвѣтъ вишни или цвѣтъ сливы. Представьте себѣ директора военно - учебнаго заведенія, задающаго такія загадки!. Но отчего-бы ему и не задавать ихъ? Я увѣренъ въ томъ, что отъ его имени по-

стоянно задаются гораздо менѣе дѣльные вопросы несчастнымъ воспитанникамъ. Я, однако, много смѣялся, услыхавъ отвѣтъ, данный осторожнымъ маіоромъ Ф—.

Онъ сказалъ, что ему одинаково нравятся и цвѣтъ сливы и цвѣтъ вишни. Его отвѣтъ въ высшей степени подходитъ къ нему.

Было условлено, что я покину армію 6-го февраля (24 янв. ст. ст.), а что 4-го Куроки даетъ парадный банкетъ въ мою честь. Пока-же мнѣ въ сосѣдней комнатѣ продиктуютъ отчетъ объ окончившемся вчера сраженіи при Хэгоутаѣ, насколько то позволятъ имѣющіяся свѣдѣнія.

Прощаясь, я выразилъ надежду, что и Первая армія скоро вернется домой. Героямъ войны будетъ оказанъ великолѣпный пріемъ, но не слѣдуетъ забывать, что весь привѣтъ, все то вниманіе, которое будетъ оказано офицерамъ, продлится недолго—самое большее полгода. Куроки разсмѣялся, и увѣрялъ меня, что мнѣ нечего бояться того, что ему вскружатъ голову. Онъ вполнѣ согласенъ со мной, но считаетъ, что я преувеличилъ вѣроятный срокъ общественнаго энтузіазма. Онъ прекрасно знакомъ съ этимъ мыльнымъ пузыремъ по собственному опыту послѣ китайской войны. Солдатъ во всѣхъ странахъ либо слишкомъ балуютъ, либо забываютъ. Мѣры тутъ не знаютъ. Во всякомъ случаѣ ему это безразлично, потому что онъ становится старъ и желаетъ только одного, чтобы его оставили въ покоѣ жить, какъ ему вздумается, и дѣлать свое дѣло.



Картогр. зав. Д. Руднева. С.П.Б. Нов. пер. д. 5

Изданіе склада „Офицеръ-Воспитатель"

Исторія сраженія 26—29 января. (13—16-го ст. ст.), составленная по продиктованному мнѣ, послѣ завтрака 30-го января, (17 ст. ст.) отчету.

Въ полдень 24-го января (11-го ст. ст.) шпіоны донесли, что 23-го января (10-го с. с.) было замѣчено въ Мукденѣ движеніе на югъ. И дѣйствительно, 25 (12 ст. ст.) непріятель началъ переправляться черезъ рѣку Хуньхэ противъ крайняго лѣваго фланга манчжурской арміи.

Теперь намъ извѣстно, что силы русскихъ въ сраженіи при Хэгоутаѣ состояли болѣе чѣмъ изъ четырехъ дивизій, а именно изъ Восьмого армейскаго корпуса, изъ части пятаго Сибирскаго армейскаго корпуса и изъ двухъ бригадъ стрѣлковъ. Но сначала Маркизъ Ойяма не имѣлъ понятія о томъ, что ему грозитъ нападеніе такихъ страшныхъ силъ.

26-го января (13-го с. с.) были получены извѣстія о томъ, что русскіе приближаются къ Хэгоутаю на лѣвомъ берегу Хуньхэ въ сорока миляхъ къ юго-западу отъ Мукдена. Еще двѣ непріятельскія колонны двигались одна—черезъ Чжантань (Шонанъ) въ пяти миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Хэгоутая, а другая—въ нѣсколькихъ миляхъ къ юго-западу отъ послѣдняго. Эти три колонны, повидимому, собирались обойти наше лѣвое крыло, и, кромѣ того, нѣсколько русскихъ отрядовъ шли на югъ по направленію слабо защищеннаго промежутка между оконечностью нашего лѣваго фланга и его центромъ; будучи такимъ образомъ освѣдомлены, мы, правда, поняли что въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то серьезнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не могли рѣшить, придется-ли намъ считаться только съ попыткой добиться какого нибудь мѣстнаго успѣха, или-же мы стоимъ лицомъ къ

лицу съ готовящимся общимъ наступленіемъ русскихъ. Одно казалось неоспоримымъ. Если-бы Куропаткинъ готовился къ общему рѣшительному наступленію, онъ не могъ-бы ограничиться нападеніемъ только на одинъ пунктъ. Поэтому, такъ какъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ ничего не замѣчалось, мы предположили, что дѣйствіе противъ нашего лѣваго крыла не могло само по себѣ развиться въ серьезное нападеніе и поспѣшили приготовиться къ отраженію приступа, и къ жестокому бою вдоль всей нашей линіи. Однако, странно сказать, даже двѣнадцать часовъ спустя послѣ переправы русскихъ черезъ рѣку Хуньхэ, мы не могли замѣтить рѣшительно никакихъ признаковъ дѣятельности со стороны непріятеля вдоль фронта нашихъ главныхъ позицій.

Но теоріи должны уступать фактамъ, и, съ теченіемъ времени, стало несомнѣннымъ, что русскіе намѣреваются произвести серьезное нападеніе на нашъ лѣвый флангъ. Тогда мы стали спрашивать себя, какая можетъ быть цѣль подобнаго нападенія. Съ непріятельской точки зрѣнія ничто, казалось, не могло быть болѣе несвоевременнымъ. Прошло нѣсколько недѣль со времени паденія Портъ-Артура и русской главной квартирѣ должно было быть извѣстно, что по крайней мѣрѣ часть Третьей арміи Ноги уже присоединилась къ нашимъ силамъ. Если набѣгъ Мищенки не принесъ никакой пользы, то по крайней мѣрѣ далъ возможность донести своему главнокомандующему объ усиленіи японцевъ. Поставленные въ тупикъ, мы стали объяснять себѣ это тѣмъ, что подкладкой всего непонятнаго для насъ съ военной точки зрѣнія, снова является политика, и тогда начали считать возможнымъ, что намъ въ концѣ концовъ предстоитъ пустое, незначительное, частичное дѣло на нашемъ лѣвомъ флангѣ, вмѣсто большого генеральнаго сраженія.

Согласно этому, главный резервъ, восьмая дивизія,

былъ отряженъ въ Хэгоутай и выступилъ туда съ одной бригадой Коби въ ночь съ 25-го на 26-ое января (съ 12 на 13 с. с.). Она набрана въ сѣверной части Японіи по сосѣдству съ родиной знаменитой второй дивизіи, и мы разсчитываемъ при полученіи подробностей боя услышать, что она сражалась такъ-же хорошо, если не лучше своихъ товарищей. Начало, безъ сомнѣнія, они положили хорошее, пройдя девятнадцать миль въ эту ужасную погоду*).

Вслѣдъ за тѣмъ двинулась пятая дивизія Четвертой арміи, выступившая 26-го (13-го с. с.) утромъ и явившаяся на поле сраженія вечеромъ 27-го (14-го с. с.). Наша вторая дивизія слѣдовала за ними по пятамъ, а послѣдней направилась на западъ вторая бригада Коби, такъ что въ общемъ составилось четыре японскихъ пѣхотныхъ дивизіи, кавалерійская бригада и одна самостоятельная артиллерійская бригада. Генералъ-маіоръ Тацума командовалъ восьмой дивизіей, пятой дивизіей командовалъ нашъ старый пріятель Кигоши, бывшій еще недавно знаменитымъ бригаднымъ командиромъ двѣнадцатой дивизіи. Нашей второй дивизіей, конечно, командовалъ Нишижима**).

До сихъ поръ мы имѣемъ еще очень мало подробностей боя. Намъ извѣстно, что въ то время, какъ восьмая дивизія стала наступать въ западномъ напра-

*) Я слышалъ изъ другого источника, что восьмая дивизія, не смотря на то, что сражалась храбро, выказала нѣкоторыя свойства молодой части, по сравненію съ ветеранами Первой арміи. Они дѣйствовали какъ на маневрахъ и шли впередъ плотнымъ правильнымъ строемъ. Старые солдаты добродушно подсмѣивались надъ вновь прибывшими. Раненые восьмой дивизіи очень гордились своими ранами и считали себя великими героями, пока ихъ не стали высмѣивать ветераны второй дивизіи. Восьмая дивизія допускала рисъ и воду крѣпко замерзать, тогда какъ хитрецы второй дивизіи заботливо укутывали свои раціоны въ мѣховые жилеты и сохраняли ихъ теплыми и удобо-съѣдобными подъ своими шинелями.

**) Генералъ-маіоръ баронъ Ниши былъ назначенъ губернаторомъ Ляодунскаго полуострова.

вленіи, находясь въ четырехъ миляхъ сѣвернѣе Сюэрпу (Шужихо), на нее двинулся отрядъ русскихъ. Лѣвому флангу дивизіи пришлось тогда обратиться лицомъ къ югу, тогда какъ правое крыло и центръ ея продолжали сражаться лицомъ къ западу.

Это было очень трудное положеніе для неиспытанной еще дивизіи, но, по счастью, прежде чѣмъ былъ нанесенъ большой вредъ, явилась вторая дивизія и напала на непріятеля съ юга, заставивъ его ослабить свой натискъ на восьмую дивизію.

Намъ извѣстно также, что русскіе отряды, спустившись съ сѣвера къ плохо защищенному промежутку между оконечностью нашего лѣваго фланга и его центромъ, атаковали японскіе посты у Сандепу (Чинганпу) и Лидіутуня (Литасіантуна). Противъ укрѣпленія Сандепу, занятаго тремя ротами при двухъ пулеметахъ, непріятель произвелъ по крайней мѣрѣ пять рѣшительныхъ атакъ. По счастью приступы эти они производили частями, по одному баталіонному за разъ. Построеніе ихъ было плотное, и пулеметы производили страшное опустошеніе въ ихъ рядахъ. Говорятъ, что передъ Сандепу лежитъ 1000 убитыхъ русскихъ. Если-бы они дѣйствовали развернутымъ строемъ, то имъ было-бы легко окружитъ такой маленькій изолированный постъ, но они, очевидно, предпочли идти на проломъ. Наша вторая кавалерійская бригада стояла въ это время близъ Сяобейхэ (Шохокко), гдѣ сливаются рѣки Хуньхэ и Тайцзыхе*). Ей приходилось туго, такъ какъ противъ

*) Одинъ изъ полковыхъ офицеровъ говорилъ мнѣ: „Могу васъ увѣрить, что не одна вторая дивизія отличалась искусствомъ. Кавалерійская бригада также проявила довольно большую ловкость. Когда противъ ея восьми эскадроновъ оказалось двадцать эскадроновъ русскихъ, то они выстроились маленькими колоннами и двигались впередъ, дѣлая видъ, что они составляютъ конныя батареи. Каждая маленькая колонна устроила маленькій орудійный окопъ, и такимъ образомъ глупые русскіе потратили четыре часа на стрѣльбу по тому, что они приняли за великолѣпную конную артиллерію“.

нея были значительно болѣе превосходныя силы непріятеля, но какимъ-то образомъ она ухитрилась удержаться. 26-го января (13-го с. с.) полтора эскадрона производили рекогносцировку у Хэгоутая, но имъ не удалось точно опредѣлить силъ непріятеля.

Утромъ 27-го (14-го с. с.), однако русскіе повели рѣшительную атаку вдоль линіи Ляоцао—Сумапу (Ляокіо—Сомахо). Мищенко съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ и двумя орудіями тоже двинулся на югъ, отъ Асыню (Ашигу) къ Сяобейхэ, а затѣмъ повернулъ на востокъ, перейдя Хуньхэ противъ Хаэрпу (Кожихо), которое онъ и атаковалъ. Тутъ Мищенко встрѣтилъ восьмую дивизію и часть второй дивизіи, и въ 6 ч. 30 м. вечера 27-го (14-го с. с.) русская кавалерія вынуждена была отступить, и одинъ отрядъ направился на сѣверъ къ Хэгоутаю. У Сумапу въ этотъ день былъ штыковой бой. Въ ночь съ 27-го на 28-ое (съ 14 на 15 с. с.) восьмая дивизія атаковала и заняла линію Ляоцао—Сумапу. Тѣмъ временемъ русскіе были вытѣснены изъ Лидзявопу (Ліуіоко) пятой дивизіей. Второй дивизіи послѣ жаркаго боя удалось прогнать непріятеля отъ Вуціадзу (Гокаши), расположеннаго въ двухъ съ половиной миляхъ къ юго-западу отъ Хэгоутая.

Но у Хэгоутая русскіе сражались геройски. Восьмая дивизія произвела нѣсколько блестящихъ атакъ на нихъ 28-го (15-го с. с.), но каждый разъ была отбита, главнымъ образомъ благодаря стрѣльбѣ русскихъ пулеметовъ. Если-бы наша дивизія оказалась менѣе надежной, чѣмъ восьмая, которая, какъ вамъ извѣстно, набрана въ сѣверной части Японіи, то быть можетъ, дѣло не кончилось-бы такъ благополучно для насъ*). Любо-

*) Одно изъ прежнихъ примѣчаній проливаетъ косвенный свѣтъ на это заявленіе. Я считаю, что восьмая дивизія, безъ сомнѣнія, рисковала больше, чѣмъ слѣдовало. 31-ый полкъ былъ въ буквальномъ смыслѣ слова уничтоженъ, какъ мнѣ говорили, осталось только нѣсколько рядовыхъ.

пытно, что бригада Коби, прикомандированная къ восьмой дивизіи, также состоитъ изъ сѣверныхъ уроженцевъ, такъ что русскимъ при Хэгоутаѣ не повезло. Тацуми отдалъ приказъ произвести окончательную атаку съ наступленіемъ утра 29-го (16-го с. с.), но ночью бригада Оками двинулась отъ Сумапу на Хэгоутай по собственной иниціативѣ, но была отброшена съ большимъ урономъ. Другая бригада начала атаку, какъ было приказано, въ 5 ч. 30 м. утра, но нашла русскихъ отступающими *). Вы понимаете, что этотъ отчетъ неизбѣжно является нѣсколько неяснымъ, такъ какъ полныхъ донесеній мы еще не получили.

Еще разъ повторяю, мы не можемъ себѣ представить почему Куропаткинъ не началъ своей атаки до прибытія третьей арміи изъ Портъ-Артура. Намъ непонятно также почему, начавъ, онъ не постарался поддержать ее по крайней мѣрѣ демонстраціей вдоль нашего фронта. Если-бы онъ это сдѣлалъ, то мы не могли-бы отдѣлить столько войскъ для поддержки нашего лѣваго фланга и нападеніе на него могло-бы имѣть гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ. Совершенно вѣрно, что генералъ Куроки обѣщалъ маршалу Ойямѣ

*) Изъ другого неоффиціальнаго источника я слышалъ, что кавалерія сильно страдала отъ недостатка инструкцій, и она убѣждена, что могла-бы нанести сильный ударъ непріятелю, если-бы имѣла ясное представленіе объ общемъ положеніи. Такимъ образомъ ей пришлось перенести глубокое разочарованіе. Я полагаю, что одной изъ причинъ отсутствія приказаній было то, что всякое распоряженіе для каждой бригады и дивизіи передавалось черезъ одну телефонную танцію, на которой работалъ одинъ единственный полу-замерзшій несчастный рядовой.

Морозъ былъ страшный. Всадники носились по полю на лошадяхъ, на которыхъ взмылившаяся пѣна и струившійся съ нихъ потъ превращались въ снѣжную кору и висячія ледяныя сосульки. Пятой дивизіи въ предпослѣднюю ночь все время приходилось выбирать—замерзнуть или попасть подъ выстрѣлы. Она находилась въ семидесяти ярдахъ отъ русскихъ въ Лидзявопу. Когда японцы топали ногами, чтобы ихъ согрѣть, русскіе стрѣляли по нимъ. Когда они лежали спокойно, то отмараживали пальцы на ногахъ. На слѣдующее утро четыреста человѣкъ изъ нихъ имѣли отмороженные члены.

удѣлить ему вторую дивизію въ томъ случаѣ, если Первая армія будетъ держаться на своихъ позиціяхъ, а не будетъ пущена въ ходъ противъ русскихъ позицій, расположенныхъ передъ нею. Тѣмъ не менѣе, если-бы Куропаткинъ дѣйствовалъ живо и ловко вдоль нашей позиціи, то Куроки задержалъ-бы, пожалуй, отправку второй дивизіи, и если-бы даже и отправилъ ее, то урѣзавъ одинъ или два баталіона, вмѣсто того, чтобы послать ее полностью, какъ теперь.

На этомъ кончается краткій очеркъ битвы при Хэгоутаѣ, сообщенный мнѣ главной квартирой въ видѣ прощальнаго подарка.

Угольныя Копи, 1-го февраля (19 января с. с.) Генералъ Матсунага посѣтилъ меня сегодня на пути къ своему новому посту начальника штаба генерала Ноги въ Третьей арміи. Онъ страшный съ виду мужчина, сложеніемъ напоминающій капитана голландскаго рыболовнаго судна, дюжій, широкоплечій, грубый, съ соотвѣтствующей рѣзкой, суровой, но сердечной манерой обращенія.

Матсунага сказалъ мнѣ, что, въ качествѣ начальника штаба Третьей арміи, онъ скоро будетъ имѣть честь оказать мнѣ радушный пріемъ въ Мукденѣ. Я возразилъ ему, что онъ очень скоро измѣнилъ esprit-de corps (духу товарищества) Первой арміи, если не оставивъ еще нашихъ рядовъ, говоритъ уже о томъ пріемѣ, который Третья армія окажетъ Первой въ Мукденѣ; „наоборотъ“, продолжалъ я, „съ доброй помощью вашей прежней бригады, я буду имѣть честь оказать радушный пріемъ вамъ и генералу Ноги въ Мукденѣ!“

На этомъ мы разстались, но, увы, я зналъ, что мнѣ не видать Мукдена.

Угольныя копи, 5-го февраля (23 января ст. ст.) Дни моего пребыванія въ японской арміи быстро

приближаются къ концу. Сегодня Куроки устроилъ въ мою честь банкетъ, на которомъ присутствовало значительное число офицеровъ.

Куроки произнесъ рѣчь, длившуюся шесть минутъ. Онъ сказалъ, что я находился при арміи съ корейскихъ дней, и что онъ и его офицеры надѣялись, что я останусь съ ними до самаго конца. Однако, теперь мнѣ предложено высокое назначеніе, и ихъ печаль при разлукѣ со мной умѣряется удовольствіемъ сознанія, что я заслужилъ одобренія Короля Англіи. Первая армія надѣется, что я буду помнить ее и всѣ тягости и сраженія минувшаго года, а отъ лица Первой арміи онъ можетъ увѣрить меня въ томъ, что британскаго генерала не легко и не скоро позабудутъ.

Я былъ крайне растроганъ, когда поднялся для отвѣтной рѣчи. Я сказалъ, что Король Англіи, давая мнѣ настоящее назначеніе, по всему вѣроятію имѣлъ въ виду тѣ исключительно благопріятныя условія, которыми я пользовался для изученія своей профессіи при Первой арміи. Потому что она является Первой не только по счету. Она первая вступила въ бой, первой вступила въ Манчжурію и первой перешла Тайцзыхэ. Она первая перешла-бы Шахэ, если-бы ей это было разрѣшено, и я готовъ держать пари за то, что она первая войдетъ въ Мукденъ. Поэтому, хотя по своей скромности его превосходительство и штабъ его этого не знаютъ, но они теперь являются самой популярной военной частью во всемъ свѣтѣ. Если-бы кто либо изъ нихъ появился въ Лондонѣ или Нью-Іоркѣ, то былъ-бы пораженъ горячностью пріема. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ отнынѣ будутъ относиться къ нимъ недружелюбно, будетъ Salisbury Plain*), потому что тамошнія войска будутъ

*) Мѣсто стоянки корпуса, командиромъ котораго былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Гамильтонъ.

Прим. переводч.

часто слышать о доблестяхъ Первой арміи, будутъ не рады, что генералъ Куроки явился на свѣтъ. Я кончилъ, на сколько припоминаю, тѣмъ что пригласилъ всѣ 42.000 человѣкъ посѣтить меня въ Англіи и оставаться у меня сколько они пожелаютъ.

Весьма характерной чертой японскаго такта и вѣжливости явилось, что при переводѣ моихъ словъ переводчикъ добавилъ отъ себя, кромѣ Лондона и Нью-Іорка, о которыхъ я дѣйствительно упомянулъ, еще и города Парижъ, Берлинъ, Вѣну, Римъ и Стокгольмъ, которые я самъ забылъ включить.

Послѣ завтрака одинъ изъ моихъ штабныхъ пріятелей сообщилъ мнѣ, что въ Россіи осуждаютъ Гриппенберга за то, что онъ потерялъ 10.000 человѣкъ въ бою при Хэгоутаѣ. Онъ замѣтилъ, что наказывать генерала за то, что онъ потерпѣлъ неудачу или потерялъ много людей — ошибочный пріемъ. Подобное отношеніе останавливаетъ иниціативу, которая является самымъ цѣннымъ качествомъ изъ всѣхъ военныхъ доблестей. Генералы тогда станутъ думать, что политичнѣе сохранять свою армію въ цѣлости и поменьше рисковать. Я съ этимъ согласился. Я припомнилъ, какъ необыкновенно искусный и умный молодой генералъ Сметсъ говорилъ мнѣ въ Преторіи, что Карѳагеняне потерпѣли пораженіе во время Пуническихъ войнъ потому, что распинали своихъ генераловъ, потерпѣвшихъ неудачу.

Распрощавшись съ большой грустью съ главной квартирой, я вернулся сюда, гдѣ въ мою честь устраивается сегодня вечеромъ прощальный банкетъ. Поваръ уже двое сутокъ занятъ приготовленіемъ обѣда, такъ что это должно быть будетъ нѣчто ужасное.

Въ поѣздѣ, 6-го февраля (24 января ст. ст.) 1905.— Мое прощанье кончилось. Мнѣ было тяжело оторваться отъ столькихъ друзей наканунѣ большого сраженія; но

Центр. Морской Библиотека ВМФ СССР

теперь это кончилось, и, какъ всегда, я опять гляжу впередъ и будущее кажется мнѣ заманчивымъ.

Обѣдъ вчера вечеромъ былъ великолѣпный и мой американскій собратъ сказалъ весьма прочувствованную рѣчь, на которую я отвѣтилъ, какъ только могъ лучше. Сегодня утромъ въ 9 ч. 30 м. при сильной пургѣ и при морозѣ въ пять градусовъ по Фаренгейту, (12 градусовъ мороза по Реомюру), я только что собирался тронуться въ путь, какъ изъ Паньланшаньцзы, находящагося въ трехъ миляхъ разстоянія, пріѣхалъ верхомъ Куроки со всѣмъ своимъ штабомъ, чтобы выпить со мной прощальный кубокъ вина передъ моимъ отъѣздомъ. Въ кружки налили шампанское, и я долженъ признаться, что послѣ вчерашняго большого обѣда я не прочь былъ уклониться отъ этой чести. Тутъ, къ стыду моему, я увидѣлъ, что Куроки, который почти на десять лѣтъ старше меня, осушилъ свою кружку до дна. Тогда и я снова взялся за свою и такимъ образомъ плохо началъ день, хотя и въ такомъ настроеніи, которое японцы любятъ называть веселымъ. Глубоко тронутый, оказанной въ моемъ лицѣ любезностью моему отечеству доблестной и славной Первой японской арміей, я пришпорилъ лошадь и проскакалъ въ пургу двѣнадцать миль до главной квартиры маршала маркиза Ойямы.

Я завтракалъ съ маршаломъ и съ генераломъ Кодамой, при чемъ опять пилъ шампанское и красное вино, Мутонъ Ротшильдъ, спеціальный подарокъ Его Величества Императора. Ойяма и Кодама были въ прекрасномъ расположеніи духа, шутили и смѣялись. Его Превосходительство разсказалъ, какъ американскія газеты, „которыя должны создать сами сенсаціонное извѣстіе, если не могутъ получить его инымъ путемъ“, напечатали подобное извѣстіе о Кодамѣ и о немъ самомъ. Въ этомъ извѣстіи говорилось, что они жестоко

поссорились, причемъ начальникъ штаба долженъ былъ уступить и былъ переведенъ съ поля сраженія обратно въ Японію. Оба отъ души смѣялись и казалось, очень этимъ забавлялись. Я надѣялся услышать еще что нибудь о Хэгоутаѣ, но хотя трапеза, стоявшая передъ генералами и была роскошна, ни одной крохи изъ ихъ устъ не упало въ мою голодную записную книжку.

Послѣ завтрака я былъ крайне озабоченъ, узнавъ, что старый Главнокомандующій собирается сѣсть на лошадь и провожать меня верхомъ до станціи, находящейся въ двухъ миляхъ разстоянія. Онъ рѣдко выѣзжаетъ верхомъ въ такую погоду, а пурга сегодня была необыковенно сильная. Однако, онъ непремѣнно желалъ ѣхать, и генералъ Кодама со всѣмъ штабомъ главной квартиры манчжурской арміи сопровождали его. Его Превосходительство былъ на красивой, легкой маленькой лошадкѣ, самой красивой боевой лошади изъ выведенныхъ въ Японіи, какую мнѣ доводилось видѣть. Онъ сообщилъ мнѣ, что та лошадь, на которой онъ ѣздилъ въ теченіе всей китайской войны десять лѣтъ назадъ, жива и здорова и находится въ Японіи. Онъ далъ ей обѣщаніе, что если она вынесетъ его изъ кампаніи, то онъ обезпечитъ ея существованіе на свободѣ до конца дней ея. Онъ сказалъ, что въ высшей степени нечестно и неблагородно обѣщать что нибудь животному и не сдержать своего слова, гораздо хуже, чѣмъ подобный-же нечестный поступокъ по отношенію къ человѣку, потому что человѣкъ можетъ говорить и требовать исполненія обѣщанія, а животное не можетъ этого сдѣлать.

Я разсказалъ маршалу, что у меня есть маленькая австралійская лошадка, которую зовутъ „Черный понедѣльникъ“ *) и на которой я совершилъ кампанію

*) Понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, названный такъ въ память сильнаго мороза, бывшаго въ этотъ день въ 1360 г., отъ котораго погибло много солдатъ арміи Эдуарда III, стоявшей тогда подъ Парижемъ. Прим. переводч.

1896—97 г. г.; она же служила мнѣ во время осады Лэдисмита и въ продолженіе всей южно-африканской войны. Я разсказалъ ему также о знаменитомъ бѣломъ арабскомъ боевомъ конѣ лорда Робертса „Волонель", которому королева Викторія пожаловала медаль за войну, привѣшанную на его нагрудный ремень. Главнокомандующій очень этимъ заинтересовался и, мнѣ кажется, онъ былъ бы не прочь, чтобы и его коню повѣсили на шею знакъ отличія.

По пріѣздѣ на станцію, намъ пришлось ждать двадцать минутъ на такомъ холоду, о которомъ, къ счастью для англичанъ, мало кто изъ нихъ имѣетъ малѣйшее понятіе.

Наконецъ, я уѣхалъ и надѣюсь, что никогда не забуду чести, оказанной въ данномъ случаѣ Британской арміи маршаломъ Ойямой.

Желтое море 9-го февраля. — Я нахожусь на прекрасномъ пароходѣ, около 6.000 тоннъ вмѣстимостью, принадлежащемъ компаніи Гарлэндъ и Вольфъ; у насъ на суднѣ имѣется 1.000 плѣнныхъ подъ надзоромъ японскаго капрала и двѣнадцати солдатъ. Офицеровъ среди русскихъ нѣтъ, и солдаты хорошо не знаютъ, какъ имъ относиться къ моему мундиру. Японцы обращаются съ ними весьма внимательно и любезно. Ни важничанья, ни чванства нѣтъ. Русскіе, съ своей стороны, послушны; дѣйствительно они кажутся поразительно покорными и сговорчивыми, по сравненіи съ англо-саксами. Въ толпѣ плѣнныхъ—300 матросовъ, которые на мой взглядъ гораздо выше солдатъ, какъ въ физическомъ отношеніи, такъ и по манерѣ держаться, расторопности и умственному развитію. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ играютъ на концертинѣ *). Другіе пляшутъ. Всѣ они хорошо и

*) Вѣроятно на гармоникѣ.

Прим. перевод.

тепло одѣты и совсѣмъ не исхудали. Ихъ состояніе представляетъ громадную разницу съ нашими несчастными солдатами послѣ Лэдисмита.

Заливъ Іокогама, 13-го февраля 1905.—Мы ошвартовались на разсвѣтѣ совершенно такъ же, какъ одинадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Опять позади насъ встало солнце, казавшееся краснымъ сквозь туманную дымку далекаго горизонта, но гора Фужи, увы! на этотъ разъ не показалась въ глубинѣ западной части неба. И какъ эта великая гора сокрыла свои прелести за покрываломъ холоднаго непроницаемаго облака, такъ и сердце мое оставалось мертвымъ и нечувствительнымъ къ прелести утра и окружающей мѣстности.

Въ прошломъ году я бѣжалъ отъ военнаго министерства и другихъ обыденныхъ обязанностей въ таинственное царство приключеній и поэзіи. Сегодня путь мой завершился; приключенія мои окончились и инстинктивно я настраиваюсь на болѣе прозаическій ладъ, готовясь перемѣнить свое хаки и свою саблю на костюмъ и тросточку обыкновеннаго обывателя.

Такъ сѣрый хамелеонъ, попавшій въ неволю въ какой нибудь грязный городъ, не желаетъ больше носить своего лѣсного наряда, въ которомъ онъ прежде гулялъ въ зелени лѣса, какъ живой изумрудъ.

На катеръ явился офицеръ привѣтствовать меня и доставить меня на берегъ. Моментъ насталъ. Но прежде нежели старая жизнь окончательно отлетитъ отъ меня, я хочу бросить одинъ быстрый взглядъ назадъ и припомнить минувшіе дни и ночи. Я вижу:

Мой садъ съ піонами въ Фынхуанчэнѣ, залитый мягкимъ луннымъ свѣтомъ; высокій горный проходъ всѣми своими углубленіями и гребнями отражающій непрерывный гулъ ружейнаго огня; туманную завѣсу и то, что на ней было написано; фортъ Ласточкино гнѣз-

до и кровавый холмъ Рисоваго пирога; геройскій шыткковой бой на склонахъ холма Окасаки-яма; быстрый маршъ; маневръ; яростную атаку; упорную защиту: кровавое сраженіе и массу блѣдныхъ труповъ. Я снова вижу наступленіе непобѣдимой Первой арміи, плотные ряды, стремящіеся впередъ, все впередъ, навстрѣчу визжащимъ шрапнелямъ и злобному шипѣнію ружейныхъ пуль. Барабаны и трубы не подбодряютъ призрачной арміи моего воображенія, но грохотъ и гулъ орудій непрестанно наполняютъ сердце каждаго солдата воодушевленіемъ, по мѣрѣ того какъ колонны все ближе и ближе подвигаются къ мрачной долинѣ смерти.

КОНЕЦЪ.

II ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Продолжается подписка на 1907 годъ, на еженедѣльный

ВОЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Издаваемый въ Варшавѣ. (Хмѣльная ул., 14).

Программа изданія: 1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся офицерскихъ и гражданскихъ чиновъ и учрежденій военнаго вѣдомства.—2) Статьи научнаго характера по вопросамъ военной техники, воспитанія и боевой подготовки войскъ.—3) Статьи общаго и руководящаго характера по вопросамъ офицерскаго быта и служебно-правовыхъ отношеній офицеровъ и чиновниковъ.—4) Бытъ и нравы иностранныхъ армій.—5) Военная белетристика: повѣсти, разсказы, очерки и стихотворенія, какъ оригинальные, такъ и переводные.—6) Военная исторія: воспоминанія, очерки, разсказы очевидцевъ и проч.—7) Путевые очерки, описаніе мѣстностей и городовъ и проч.—8) Обзоръ дѣятельности кооперативныхъ обществъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Извѣстія о дѣятельности Варш. офиц. экон. общества.—9) Статьи общаго и руководящаго характера по вопросамъ экономическимъ, потребительнаго дѣла и прикладныхъ знаній.—10) Военная хроника.—11) Библіографія: рецензіи о книгахъ и обзоръ русской и иностранной печати.—12) Военный спортъ.—13) Театръ и искусство.—14) Полезные совѣты и практическія указанія, преимущественно изъ области обыденной жизни.—15) Почтовый ящикъ.—16) Справочный указатель.—17) Пояснительные къ тексту и относящіеся къ программѣ рисунки, чертежи, планы, фотографіи и карты.—18) Объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 1) **въ Варшавѣ на годъ** (50 №) **2 руб.**; на полгода 1 р. 50 к. 2) **Иногороднимъ на годъ 3 руб.**; на полгода 2 р. 3) **За границу на годъ 4 руб.**; на полгода 3 руб. Отдѣльный №—**10 коп.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: **въ Варшавѣ:** въ конторѣ журнала (Хмѣльная 14), въ правленіи варшавскаго офицерскаго экон. общества и его отдѣленіяхъ (Новый Свѣтъ 69, Маршалковская 79, Прага—Виленская 13), въ конторѣ Метцль (Краковск. Пред. 43), въ конторѣ Унгера (Іерусалимская 78) и въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Нов. Свѣтъ 69). **въ С.-Петербургѣ:** въ книжномъ складѣ Березовскаго (Колокольная 14) и въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени (Невскій пр. 42), М. О. Вольфа (Гостин. дворъ) и въ книжномъ магазинѣ Главнаго Штаба. **Въ Москвѣ:** въ книжн. маг. Нов. Вр. А. С. Суворина. **Въ Харьковѣ:** въ книжн. маг. Нов. Вр. А. С. Суворина. **Въ Одессѣ:** въ военно-книжномъ маг. Лукьянова, Ришельевская 33. **Въ Саратовѣ:** въ книжн. маг. Нов. Вр. А. С. Суворина. **Въ Ростовѣ н/Д.:** въ книжн. маг. Нов. Вр. А. С. Суворина. **Въ Тифлисѣ:** въ правл. офиц. эк. общества. **Въ Томскѣ:** въ книжн. маг. Макушина. **Въ Иркутскѣ:** въ книжн. маг. Макушина.

ИЗДАТЕЛЬ
Правл. Варш. Офиц. Эк. Общ.

РЕДАКТОРЪ
Полковн. *А. М. Быковъ.*

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Изместьевъ, П. Изъ области военной психологіи. 1906 г. **Распродано** Хенриксонъ, Н. Сигнализація. 1906 г. Цѣна 20 коп. Гасфельдъ, Н. На походѣ и въ бою. Отрывки изъ воспоминаній. 1906 г. Цѣна 40 к. Изместьевъ, П. Значеніе военнаго секрета и скрытности (изъ замѣтокъ офицера генеральнаго штаба) Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. 1907 г. Цѣна 30 к. Покровскій, П. Основы организаціи санитарной части арміи. 1906 г. Цѣна 25 коп. Изместьевъ, П. Атака укрѣпленныхъ позицій по офиціальнымъ японскимъ

инструкціямъ. 1906 г. Цѣна 5 коп. Лякони, Н. Наша военная беллетристика. 1906 г. Цѣна 10 коп. Лукирскій, С. Нѣкоторыя черты тактики по опыту русско-японской войны. 1906 г. Цѣна 1 р. Н. С. Кое-что о связи. 1906 г. Цѣна 20 коп. С. О замѣнѣ колесныхъ транспортовъ автомобильными. 1905 г. Цѣна 20 коп. Пащенко, П. и Третьяковъ, Н. Наставленіе для стрѣльбы по угломѣру. Цѣна 30 коп. Изместьевъ, П. Изъ области военной психологіи. 1907 г. Изд. 2-ое. Цѣна 50 коп. Pèdoya. Кавалерія въ русско-японскую войну и въ ея будущемъ. Перев. съ франц. подполк. ген. штаба П. Изместьева. Ц. 80 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Липкинъ, М. (Ежъ) Очерки и разсказы изъ военнаго быта. Іюэ, Морисъ. Соломенныя ружья и деревянныя сабли. Романъ. Перев. съ франц. В. Л. и Е. С.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ въ редакціи журнала „Офицерская Жизнь“, Варшава, Хмѣльная 14. **Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.**

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ВОЕННОЕ ДѢЛО“.

С.-Петербургъ. Невскій, 104.

Высылаетъ всѣ изданія о Русско-Японской войнѣ,—а также всѣ другія военныя книги.

Вышли и поступили въ продажу:

САНДЕПУ.

Стратегическій очеркъ наступленія 2-ой манчжурской арміи въ январѣ 1905 г.

В. Ѳ. Новицкій.

Изданіе 2.

Книга посвящена изложенію событій, сопровождавшихъ нашу неудачу въ окрестностяхъ Сандепу и выясненію причинъ этой неудачи. Изложеніе событій составлено по официальнымъ документамъ и снабжено схемами, показывающими расположеніе войскъ и укрѣпленій. Въ настоящее время эта книга переводится въ Парижѣ на французскій языкъ.

Продается въ складѣ „**Военное Дѣло**“ (Невскій, 104), а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА

Д. И. Аничковъ.

Пять недѣль въ отрядѣ генерала Мищенко.

Цѣна 50 коп.

...Объ отрядѣ Генерала Мещенко, справедливо стяжавшемъ себѣ громкую извѣстность въ минувшую войну, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не вышло никакихъ книгъ. Съ тѣмъ большимъ интересомъ можетъ быть встрѣчена эта книга, въ которой легко и интересно описаны впечатлѣнія офицера, бывшаго пять недѣль въ славномъ передовомъ конномъ отрядѣ.

ПОСЛѢ ВОЙНЫ

Сборникъ военно-общественныхъ статей.

КНИЖКА 2.

Содержаніе: Генералъ Куропаткинъ о причинахъ нашихъ неудачъ въ Манчжуріи. Эвакуація Манчжуріи. Военно-педагогическіе наброски. Столѣтній юбилей пораженія у Прейсишъ-Эйлау. Наша жизнь и др.

Очень интересный и разнообразный сборникъ статей по различнымъ вопросамъ современной военно-общественной жизни.

Продается въ складѣ **„ВОЙСКОВОЙ СПРАВОЧНИКЪ“.**

(Лиговка, 9),

а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Февральскіе дни подъ Мукденомъ.

В. Ѳ. Новицкій.

Письма-корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій о Мукденской битвѣ. Заключаютъ въ себѣ общую стратегическую оцѣнку мукденской операціи и многочисленныя личныя наблюденія и впечатлѣнія автора, съ картинными описаніями боевыхъ явленій и сценъ изъ отступленія нашихъ армій.

Эти корреспонденціи обратили на себя вниманіе въ заграничной печати и недавно переведены на французскій языкъ въ Парижѣ.

Продается въ складѣ **„ВОЙСКОВОЙ СПРАВОЧНИКЪ“.**

(Лиговка, 9),

а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Ротмистръ П. Д. Гирсъ.

Конно-охотничьи команды въ русско-японскую войну.

Съ 10-ю чертежами и планами.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

...Авторъ командовалъ своднымъ конно-охотничьимъ полкомъ во время минувшей кампаніи, и потому является компетентнымъ въ трактуемомъ имъ вопросѣ. Книга написана по тщательно обработаннымъ матеріаламъ, собраннымъ въ теченіи кампаніи.

Фонъ-Шваръ, А. В.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ИНЖЕНЕРА,

нѣкоторыя фортификаціонныя данныя борьбы за Портъ-Артуръ (съ чертежами).

Цѣна 50 коп.

ЕГО-ЖЕ

ИЗЪ ДНЕВНИКА ИНЖЕНЕРА,

замѣтки по полевой фортификаціи (съ чертежами).

Цѣна 75 коп.

О. А. фонъ-Баумгартенъ.

АРТУРЪ ПАЛЪ!..

Цѣна 1 руб. 20 коп.

А. А. Рябининъ.

Сторожевая служба пѣхоты въ Русско-Японскую войну.

(Съ чертежами).

Цѣна 50 коп.

Октавъ Мирбо.

САДЪ ИСТЯЗАНІЙ.

Переводъ съ французскаго

В. К. СПАСОВИЧА.

Изданіе К. В. Шнеура.

Цѣна 1 руб.

Полковникъ Генеральнаго Штаба

Э. П. Парскій.

ПРИЧИНЫ НАШИХЪ НЕУДАЧЪ ВЪ ВОЙНѢ СЪ ЯПОНІЕЙ.

Необходимыя реформы въ арміи.

Цѣна 60 коп.

Авторъ, участникъ минувшей кампаніи, всесторонне и критически разобралъ въ этой книгѣ, почему мы проиграли войну и какъ избѣжать пораженій въ будущемъ.

Полковникъ Генеральнаго Штаба

Э. П. Парскій.

Воспоминанія и мысли о минувшей войнѣ.

Стоянка на Шахэ. Мукденскій погромъ. Сипингайскія позиціи.

Цѣна 75 коп.

Участвуя въ сраженіи при Мукденѣ, авторъ ярко нарисовалъ картину погрома, которой явился очевидцемъ.

ВѢСТНИКЪ

ВОЕННОЙ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи:

В. К. Шнеура,

при сотрудничествѣ: **Д. И. Аничкова, П. Н. Веселкина, Н. И. Гасфельда (Н. Лякони), П. Д. Гирса, Н. Е. Духанина, П. И. Изместьева, В. Н. Клембовскаго, Н. И. Кравченко, Н. А. Лео, А. В. Мартынова, А. В. Маковскаго, В. Ѳ. Новицкаго, Н. А. Немировича-Данченко (Нандъ) Н. А. Орлова, И. В. Пирогова, Ю. Д. Романовскаго, И. С. Самокиша, В. К. Спасовича, Н. Л. Свѣшникова, В. В. Тавастшерна, В. Г. Тихова, Н. В. Хенриксона, А. В. фонъ-Шварца,**

а также офицеровъ всѣхъ иностранныхъ армій.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою:

Въ Россіи: на 1 годъ—**10** руб.; на 1/2 года—**7** руб.; на 3 мѣсяца—**4** руб.; Въ восточную Сибирь и Манчжурію: на 1 годъ—**12** руб.; на 1/2 года—**8** руб.; на 3 мѣсяца—**5** руб.

ЗА ГРАНИЦУ: на 1 годъ—**20** руб.; на 1/2 года—**12** руб.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка черезъ казначеевъ: при подпискѣ—**4** рубля и по **2** рубля ежемѣсячно въ слѣдующіе мѣсяцы до полной уплаты.

За перемѣну адреса 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Редакціи журнала „**Вѣстникъ Военной Иностранной Литературы**“, **С.-Петербургъ, Кирочная 3,** рядомъ съ Собраніемъ Арміи и Флота.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Штаба Московскаго Военнаго Округа, Всеволожскій пр., д. 3.

Въ Варшавѣ: въ конторѣ журнала «Офицерская Жизнь» и въ книжномъ магазинѣ Сытина.

Въ Одессѣ: у Лукьянова, Ришельевская, 33.

Въ Иркутскѣ: у Н. Л. Попова, Окружное Интендантское Управленіе.

Въ Харбинѣ: въ книжномъ магазинѣ Артемьева.

Во Владивостокѣ: у П. Н. Веселкина.

Рукописи съ обозначеніемъ на нихъ условій просятъ адресовать въ Редакцію: **С.-Петербургъ, Кирочная, 3.**

Отв. Редакторъ-Издатель **С. С. Богоявленскій.**

Открыта подписка на 1907 годъ

на еженедѣльный Справочный и военно-библіографическій листокъ (журналъ)

„ВОЙСКОВОЙ СПРАВОЧНИКЪ“

Редакція и Контора—С.-Петербургъ, Лиговка, 9.

Настоящее изданіе совершенно не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей и поставило себѣ задачею облегчить всѣмъ военнослужащимъ, лицамъ и учрежденіямъ, интересующимся военною литературою и журналистикою, возможность оріентироваться въ массѣ цѣннаго матеріала, нынѣ выпускаемаго на военно-книжный рынокъ, облегчить возможность разбираться въ ранѣе изданныхъ матеріалахъ и подыскивать ихъ соотвѣтственно данной темы.

Достиженію намѣченной цѣли будетъ также способствовать и Складъ военныхъ книгъ, пособій и изданій, подъ фирмою **«Войсковой Справочникъ»** (С.-Петербургъ, Лиговка 9), который принимаетъ на себя высылку, по объявленнымъ издателями цѣнамъ, всѣхъ изданій, пособій и книгъ, интересующихъ военнослужащихъ.

Форматъ—8—12 страницъ обыкновенныхъ еженедѣльныхъ изданій.

Подписка принимается: Въ Конторѣ Редакціи и Склада **„Войсковой Справочникъ“** (С.-Петербургъ, Лиговка 9), исключительно на слѣдующіе сроки:

Годовая:—съ 1 Января . . . . . 4 руб. — съ пер.
Полугодовая—съ 1 Января и Іюля . 2 „ 50 к. „
Третная съ 1 Янв., Мая и Сентября 2 „ — „ „

Военнослужащіе, части войскъ, учрежденія и лица, выписавшіе изъ склада **„Войсковой Справочникъ“** книгъ, пособій и изданій на 25 руб., единовременно, имѣютъ право, по заявленію о семъ, на безплатное полученіе Справочнаго листка **„Войсковой Справочникъ“**, въ теченіе одного полугодія, того-же года, а выписавшіе на 50 руб. единовременно—право на полученіе того-же Листка полностью за тотъ-же годъ.

Для объявленій установлены минимальныя цѣны: за строчку петита, или занимаемое мѣсто, на послѣдней страницѣ: разовыя—20 коп., четыре раза—по 15 коп., шесть разъ—по 12 коп., восемь разъ—по 10 коп., 12 разъ—по 8 коп., за наличный разсчетъ при заказѣ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВСѢ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

Редакторъ-Издатель **Вл. Тавастшерна.**

102

ИВБ
3.Г18-32